

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

«СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Под общей редакцией доктора философских наук,
профессора Я.С.Яскевич

Основан в 2004г.

Выпуск X

Брест-2013

ББК 66+60,5

УДК 301+327

Сборник научных трудов содержит результаты исследований ученых по проблеме трансформационных и инновационных процессов, проявляющихся в Беларуси и других европейских странах. Анализируются различные аспекты трансформации и глобализации: экономический, политический, культурно-образовательный, инфомрационный, ценностный, экологический и др.

Сборник трудов кафедр социально-гуманитарных наук

Редакционный совет:

Винокурова С.П., доктор философских наук (Беларусь)
Варич В.Н., кандидат философских наук (Беларусь)
Кучмаева О.П., доктор экономических наук (Россия)
Томчонок Софья, доктор (Польша)

Рецензенты:

Б.М.Лепешко, доктор исторических наук, профессор
А.А.Горбацкий, доктор исторических наук, профессор

УО «Брестский государственный технический университет», 2013

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В.И. АВЕРЧЕНКОВ, К.С. САМАРЦЕВ

Брянский государственный технический университет, г.Брянск, Россия

Европейский союз стал автором масштабного проекта STELLAR – виртуальной сети инновационного развития обучения с расширенным применением информационно–компьютерных технологий (ИКТ). Сообщество сети представлено известными учеными, теоретиками и практиками, в различных направлениях научной деятельности: педагогики, методологии, управлении, компьютерных технологий, психологии, социологии, – а также педагогами и разработчиками, занимающимися вопросами использования инноваций в учебном процессе. Основной целью STELLAR является поддержание перспективного плана развития инноваций в области обучения с помощью ИКТ, а также создание новых способов обучения, радикально изменяющих понимание сущности предмета и объекта обучения.

STELLAR выделяет три основные темы для междисциплинарных исследований: объединение обучающихся, организация обучения и обучение в контексте. В свою очередь представленные темы сегментируются на 13 ключевых областей исследований, среди которых: коллективное обучение с привлечением компьютерных технологий; связь между неформальным и информальным обучением; образовательные контексты; эмоциональные и мотивационные аспекты обучения с расширенным применением компьютерных технологий; совершенствование формального обучения; неформальное обучение; функциональная совместимость; индивидуализация обучения; сокращение цифрового неравенства; мобильные технологии в обучении; обучение на рабочем месте; контроль знаний с помощью компьютерных технологий; обучение с помощью игр.

В рамках проекта STELLAR разработана идея «областей противоречий» с целью определения краевых идей развития ИКТ. Например, если исследования в области совершенствования формального обучения принимают во внимание противоречия между испытанной практикой и непрерывными инновациями в методологиях обучения, то это может помочь снять потенциальный барьер к экспериментам и инновациям, который выражается в утверждении, что инновационные технологии должны находить применение в практике только после того, как польза от них была подтверждена.

Представим основные направления исследований проекта.

1. Объединение обучающихся. STELLAR рассматривает обучение с точки зрения социального характера неразрывной связи взаимодействия между людьми и непрерывным конструированием знаний. Появляется все больше электронных инструментов объединения обучающихся как друг с другом, так и с преподавателями, экспертами. Такое программное обеспечение позволяет организовать общение в эффективном ключе не только для обмена знаниями, но и для их индивидуального построения. Появилось великое множество информационных и коммуникационных технологий для объединения людей по интересам, среди которых важнейшее место занимают интернет–приложения: открытые и закрытые форумы, персональные или открытые блоги, чаты, средства оперативной пересылки сообщениями,

видеоконференции, системы назначения тэгов (меток), системы совместного редактирования текста. Современный Веб2.0–мир представляет все возможности для создания виртуальных сообществ людей, умеющих самостоятельно управлять своим обучением, самостоятельно ставить цели, определять задачи и достигать их.

Основные тенденции в применении ИКТ для объединения людей представлены мобильными устройствами, обработкой данных с помощью технологий «облаков», семантическими технологиями, объединенными данными, средствами аналитики данных социальных сетей, потоковым видео и интеллектуальными устройствами. Наблюдается общее направление к переходу от монолитных закрытых систем управления образованием к персональным окружениям познания. Такие окружения сочетают различные сервисы Веб2.0, интегрируют формальное и неформальное обучение в единый образовательный опыт, используют различные социальные сети, которые выходят за институциональные рамки механизмов регулирования в сфере образования, применяют сетевые протоколы для объединения широкого ряда ресурсов и систем пространства, управляемого непосредственно обучающимся.

2. Организация обучения. Под организацией здесь понимается создание и управление сценариями обучения в реальном времени, принимая во внимание требования и компетенции обучающихся, роль педагогов, роль форм контроля знаний, а также перспективы использования цифровых устройств. При внедрении таких устройств традиционный процесс обучения часто приходится пересматривать. Например, ИКТ отводит обучающимся множество возможностей доступа к знаниям, которые при традиционном подходе предоставляются исключительно преподавателем.

Организация обучения подчеркивает важность управления в реальном времени сложной экосистемой на занятиях. Такое управление требует активного преподавателя, готового в любой момент включиться в процесс, изменить вид деятельности, уточнить распределение деятельности во времени, перекомпоновать группы с целью мотивации обучающихся, работающих непродуктивно, к достижению ожидаемого результата.

Применяемые здесь технологии – это инструменты, которые помогают преподавателям управлять комплексными общедоступными мероприятиями во время обучения. Как правило, это инструменты визуализации деятельности всех обучающихся, а не инструменты визуализации индивидуальной деятельности. Технологии организации обучения, наоборот, обеспечивают педагогов возможностью в любой момент изменить выбранные обучающие мероприятия, делая акцент на динамическое планирование.

3. Обучение в контексте. Обучение происходит в физическом, историческом и социальном контексте, т.е. «в окружающих нас средах, переплетающихся друг с другом». Цифровые и мобильные технологии предоставляют обучающимся совершенно новый опыт познания с помощью открытого доступа к образовательным ресурсам, возможности внесения собственного вклада в развитие контекста обучения, с помощью работы в более широких рамках этого контекста, чем это было ранее. Обучающиеся способны уточнять контекст для своих индивидуальных целей, имея под рукой ассортимент инструментов, включая социальные сети и тэги. Понимание потенциала индивидуализации комплексных технологических систем под конкретного обучающегося опирается на организацию взаимодействия между различными системами, с учетом теории и практики представления знаний.

Некоторые тенденции развития технологий предсказывают, что движение

современного общества происходит в эру, обладающую более открытой возможностью определения контекста обучения, адаптируясь к процессу обучения и взаимодействуя в контексте с образовательными системами. Сенсоры, виртуальная–реальность, технологии наложения сгенерированного компьютером образа на представление пользователем реальности, смартфоны, – все это служит примером технологий, обеспечивающих обучающемуся доступ к информации и услугам в любом месте и в любое время. В виду таких достижений становится все более важным осознание того, каким образом настоящие технологии соотносятся с существующими характеристиками ситуации, в которой пользователь находится в некоторый момент реальности, без потери из вида того факта, что обучение происходит не только в контексте, но и создает контекст через непрерывающееся взаимодействие между людьми и объектами.

Для определения направлений научных изысканий проектом выявлены 32 ключевые нерешенные образовательные проблемы. Наибольшее внимание участников сети привлекли вопросы мотивации обучающихся и вовлечение в обучение не вовлеченных, совершенствование механизмов формального образования, оценки успеваемости, взаимосвязи формального и неформального обучения, повышения квалификации педагогов и их профессионального развития, использование компьютерных технологий при обучении детей младшего возраста и обучение на протяжении всей жизни и др.

Представленные ключевые проблемы создавались с целью привлечения финансирования запланированных научных исследований. В то же время, STELLAR предполагает организацию открытых соревнований по вычленению других таких проблем и предложению их решений, что, несомненно, должно стимулировать развитие ИКТ.

Существует два элемента, необходимые для стимуляции существенных инноваций в современном сложном мире. На первый взгляд они кажутся взаимоисключающими: открытость к риску от принятия новых идей и готовность вкладывать существенные финансы в риск. Проверенный и надежный механизм объединения этих двух элементов: соревнования, гранты, награды. Интернет сегодня служит средством организации таких мероприятий. Существует большое разнообразие платформ для проведения соревнований, открытых инноваций, совместных разработок, которые признают своим существованием, что часто «посторонние люди могут решить проблему, недоступную эксперту». Например, за решение ключевых задач, отмеченных в этом обзоре, такие организации как XPrize Foundation (www.xprize.org), Innocentive (innocentive.com), One Billion Minds (www.onemillionminds.com), Big Idea Group (www.bigideagroup.net) предоставляют вознаграждение в размерах от 1 до 30 млн. долларов США.

STELLAR направил усилия на сокращение дисциплинарного дробления в области исследований ИКТ, недвусмысленно показав, что инновационные подходы и решения к поставленным проблемам возникают вследствие конфликтных видений на разные дисциплинарные перспективы. Это являет другую, положительную, сторону фрагментации, которая принимает важность различий и в то же время признает, что лидерство играет ключевую роль в продвижении междисциплинарных исследований.

Рассмотрим персонализацию обучения как одну из 32 ключевых проблем, решение которых является приоритетным в проекте STELLAR.

Окружения, использующие инновационные технологии для поддержки обучения, предоставляют различные возможности для адаптации и персонализации не только индивидуального образовательного опыта, но и данных, необходимых для повышения качества образования. В STELLAR в этой области рассматриваются две ключевые проблемы. Одна из них связана с концептуальными размышлениями; вторая – с поддержкой обучающегося, организацией взаимодействия, с особым акцентом на интеллектуальные обучающие системы, на то, как создавать интеллектуальных агентов, которые моделируют поведение действенного преподавателя, а также как адаптивные обучающие объекты могут быть извлечены из хранилищ обучающих ресурсов.

Построение ИКТ для персонализации обучения требует решения многих концептуальных задач. Например, часто встречается не полное понимание различий между конструктивными элементами уровня (способность, интеллект, уровень знаний; вопрос здесь – сколько?) и элементами стиля (когнитивный стиль, стиль изучения; вопрос – каким образом?). Такая путаница приводит к разработке бесполезных технологических решений.

Среди концептуальных вопросов, решаемых в рамках проекта, изучаются следующие.

- Действительно ли индивидуальная траектория приводит к более качественному обучению, чем универсальная?

- Кто должен быть ответственным за персонализацию? Система, или, может быть, существует возможность организовать обучающемуся самоуправление? Как достигнуть последнее предложение, не уменьшая эффективности образовательного процесса?

- Справедливо ли утверждение, что саморегулируемое индивидуальное образовательное пространство ведет к повышению мотивации и уменьшению разочарованности?

- Какие средства дидактики/педагогики наилучшим образом поддерживают персонализированное обучение?

- Как учитывается предварительное образование в процессе индивидуализированного обучения?

- Каким образом возможно адаптировать педагогическую деятельность к предварительным знаниям обучающихся и к возможным ошибкам в компьютерных окружениях обучения?

- Как достичь predeterminedный и подлежащий аккредитации уровень обучения?

- Каким образом возможно интегрировать различные теории обучения и модели для разработки единой модели обучения?

- Как продвигать и поддерживать интерес и энтузиазм у преподавателей к использованию индивидуальных образовательных пространств?

- Как построить безопасные персональные хранилища данных, мобильно управляемые обучающимися?

Постоянно возрастающее количество приложений для iPhone или Android скрыло неудобную правду о том, что развитие инноваций замедлилось, стало более тяжелым и дорогостоящим. Уже во многих областях не были достигнуты надежды

предшественников. Тим Харфорд (<http://www.guardian.co.uk/books/2011/jun/03/adapt-success-failure-tim-harford>) объясняет причины этого. Он обсуждает проекты Кремниевой долины – истоки многих современных инноваций. Факторы, определяющие такой источник инноваций – это многочисленность, независимость и низкая стоимость, особенно при сравнении с государственными или университетскими исследовательскими лабораториями, работающими по установленному плану. Последние обязаны предоставлять качество и результаты, в то время как первые находятся в свободном следовании за любопытством; для них успех зависит от умения получать пользу от неожиданных исходов.

Таким образом, ИКТ предоставляет отличную возможность для адаптации и персонализации обучения. Обучающиеся имеют различный уровень предварительных знаний и опыт использования передовых технологий. Их интересы в обучении и уровень подготовки на предыдущих этапах можно определить с помощью персонального виртуального окружения. Однако в настоящий момент требования к персонализированному обучению и ограничения персонализации определены не в полной мере. Смежной областью здесь является саморегулируемое обучение, для которого задачи успешного построения и внедрения персонализированного обучения ещё не решены. Необходимо развитие средств оценки эффективности критериев персонализации в обучающем пространстве и вопросов распределения контроля между обучающимся, преподавателем и системой.

Задачей проекта STELLAR является стратегическое управление разработками в ИКТ с помощью обозначения ключевых проблем, решение которых принесет много пользы на длительный период для населения планеты через улучшение обучения и развитие образовательных систем.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Акинчиц И.И., Предко Т.И.

*Брестский государственный технический университет
Брестский государственный университет им. А.С.Пушкина*

Президентские выборы 19 декабря 2010 года во многом обусловили характер дальнейших взаимоотношений Беларуси с Евросоюзом и Россией. После распада СССР и получения Беларусью независимости имелись самые различные возможности геополитического выбора – от интеграции с ЕС или Россией до укрепления своего суверенитета и создания независимого государства, служащего своеобразным мостом между Востоком и Западом. При этом ЕС и Россия были предрасположены к установлению тесных контактов, к сотрудничеству с нашей республикой. Тогда Евросоюз не желал изоляции Беларуси и придерживался мнения, что «Конституция 1994 года является легитимным высшим юридическим документом Республики Беларусь, а парламент, избранный в соответствии с этой Конституцией, остается легитимным законодательным органом» [2, с. 2]. В то же время Беларусь и Россия 2 апреля 1996 года подписали «Договор о создании Сообщества Беларуси и России»,

ровно через один год преобразовали его в «Союз Беларуси и России», наконец, 8 декабря 1999 года создали Союзное государство.

Однако европейские ориентации в дальнейшем не получили должного развития. А затянувшиеся на неопределенный период времени нефтегазовые конфликты с Россией, непризнание Беларусью Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств и многие другие факторы не способствовали установлению более тесных контактов с Россией. Всё это вместе взятое свидетельствовало о трудном поиске геополитического самоопределения. Беларусь до настоящего времени так и не сделала свой окончательный выбор. Однако сделать его необходимо.

Республика Беларусь – это *единственная* европейская страна, которая до сих пор не имеет договорных отношений с Евросоюзом. В принятой еще 10 марта 2005 года «Резолюции Европарламента по ситуации с политическими заключенными в Беларуси» подчеркивалось, что отсутствие таких отношений обусловлено массовыми нарушениями прав человека в Беларуси и звучал призыв к Совету Европы «осудить нынешний режим Беларуси как диктатуру, а президента А.Лукашенко – как диктатора» [3, с. 401-402]. В дальнейшем ЕС разработал новую стратегию взаимоотношений с Беларусью.

Выражая свою готовность включить Беларусь в сферу данной политики, ЕС видит свою задачу в улучшении благосостояния белорусского народа, расширении его прав и свобод. В экономической сфере Евросоюз предусматривает оказание помощи в развитии малого и среднего бизнеса, адаптации белорусских предприятий к возможностям европейского рынка, создании благоприятных условий для иностранных инвесторов, увеличении размера финансовой помощи, расширении трансграничного сотрудничества, направленного на охрану окружающей среды и приграничный менеджмент. Евросоюз выражает также готовность оказывать помощь в модернизации транспортной и энергетической системы, ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, расширении рынка сбыта белорусских продовольственных товаров.

В социальной сфере Евросоюз выразил намерение помочь увеличить количество рабочих мест, улучшить систему охраны здоровья и образования, установить тесные контакты белорусских городов и административных служб с городами и муниципалитетами ЕС в целях более эффективного оказания услуг населению. Предусматривается также упростить процедуру посещения белорусскими гражданами стран Евросоюза, предоставить белорусским студентам значительно большее количество стипендий для обучения в университетах ЕС. Кроме того, Евросоюз выразил согласие на совместную работу специалистов, ученых и официальных лиц, обмен экспертными данными и ноу-хау в сфере науки, культуры, информации, здравоохранения и образования, туризма, окружающей среды и т.д. Наконец, Евросоюз выразил готовность оказывать помощь в совершенствовании государственного и местного управления в целях более эффективной работы с населением.

В политической сфере Евросоюз видит свою задачу в оказании помощи по реформированию правовой и судебной системы в целях обеспечения равных прав для всех граждан Беларуси. Благодаря этому можно будет установить более тесное сотрудничество с демократически избранными лидерами, государственными служащими и экспертами по важным для ЕС и Беларуси проблемам. В данном случае создавались бы благоприятные условия для повышения авторитета нашей республики

на международной арене. Необходимо только, чтобы белорусские власти согласились на демократизацию.

Особо следует подчеркнуть, что принятие Беларусью предложений Евросоюза не означало бы ущемления ее традиционных отношений с Россией. В таком виде представлена общая позиция европейского сообщества в отношении Беларуси. Однако для того, чтобы данные предложения были реализованы, с точки зрения Евросоюза необходимо и Беларуси сделать ряд шагов навстречу. Причем ЕС учитывает, что наша республика, являясь членом Организации Объединенных Наций и Совета по Безопасности и Сотрудничеству, официально уже признала ценности гражданского общества, но в своей практической деятельности, по мнению Запада, наша правящая элита ими в должной мере не руководствуется. В связи с этим Евросоюз выдвинул ряд условий. Во-первых, в качестве основного выдвигается требование уважать право народа избирать своих лидеров демократическим путем. Важно также уважать право на независимую информацию, права негосударственных организаций, права и свободы национальных меньшинств.

Во-вторых, необходимо предоставить широкие возможности для деятельности свободных профсоюзов по защите прав населения, а также создать все необходимые условия для предпринимательской деятельности. Наконец, к числу важных относится требование обеспечить право белорусских граждан на независимую и непредвзятую судебную систему.

Таким образом, Евросоюз важным условием европейского вектора интеграции Беларуси считает проведение в республике демократических реформ, ее продвижение по пути формирования гражданского общества. А полная интеграция с ЕС в соответствии с «Копенгагенскими критериями» (1993г.) возможна лишь при условии выполнения следующих обязательств:

- наличия демократических институтов, соблюдения демократических норм и определенных избирательных стандартов, стабильности демократических процессов в стране;
- свободы средств массовой информации;
- соблюдения прав человека;
- отсутствия конфликтов с соседями;
- наличия рыночных институтов и устойчивого функционирования рыночной экономики;
- выполнения других обязательств, обусловленных членством в ЕС [См.: 3. с. 194].

Президентские выборы 19 декабря 2010 года и последующая четко обозначенная линия поведения официальных властей свидетельствует о том, что Беларусь отвергает перспективу подобного сближения с Евросоюзом. Предложения ЕС официальные власти Беларуси рассматривают как «давление извне на белорусский народ и его государство» [3, с. 409]. Еще в конце 1996 года президент Беларуси А.Лукашенко заявил: «Я свою страну за цивилизованным миром не поведу». А после избрания на очередной срок в декабре 2010 года он официально подтвердил неизменность своей политики в отношении большой Европы. За этим незамедлительно последовали действия. Так, по требованию официальных властей в Беларуси прекратила свою деятельность миссия ОБСЕ. В официальных СМИ Евросоюз изображается в качестве

одного из внешних врагов Беларуси. Поэтому интеграция с большой Европой в ближайшее время не имеет хорошей перспективы.

После получения государственной независимости руководство Беларуси провозгласило многовекторный внешнеполитический курс. Оно стремилось развивать экономические отношения со всеми республиками бывшей великой державы, странами Евросоюза, США и т.д. Осуществлению такой политики способствовало закрепленное в Конституции 1994 года стремление сделать Беларусь нейтральным государством, а его территорию - безъядерной зоной. Однако белорусская экономика в то время оставалась зависимой от бывшего единого народнохозяйственного комплекса. Причем промышленность работала на сырье, энергоресурсах и комплектующих изделиях, поставляемых из других республик бывшего СССР. Следовательно, постсоветская Беларусь находилась в определенной зависимости от внешних факторов и главным образом от состояния экономики России, а также от цен на сырье и энергоносители. Поэтому экономическое развитие нашей республики было обусловлено необходимостью укрепления связей с Россией. В связи с этим главы обоих государств Б.Ельцин и С.Шушкевич уже в 1992 году подписали «Соглашение о тесном экономическом сотрудничестве, развитии рыночных отношений и широких экономических связей». Затем в 1995 году было подписано «Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь».

Вместе с тем национальные интересы требовали проведения социально-экономических реформ, структурной перестройки всей промышленности, устойчивого развития сектора услуг, малого и среднего бизнеса, т.е. формирования экономики, направленной на реализацию внутренних потребностей. Такая политика обуславливала не только экономическую, но и политическую интеграцию с Россией. Поэтому была выдвинута идея образования Союзного государства. В качестве главного вектора внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности Республики Беларусь было определено восточное направление. Однако новые российские власти запретили А.Лукашенко напрямую ездить по регионам Российской Федерации, предложили объединить денежные системы и создать единый эмиссионный центр, перейти на общую валюту – российский рубль. Россия, не мудрствуя лукаво, предложила по сути дела инкорпорировать Беларусь в свой состав, сделать субъектами единого государства шесть белорусских областей. В то же время она настаивает на продаже за бесценок российским бизнесменам белорусской собственности. Речь идет о Мозырском нефтеперерабатывающем заводе, «Нафтане», Солигорском калийном комбинате и других флагманах экономики.

Беларусь выступает против передачи на таких условиях государственной собственности российскому капиталу. Более того, сегодня уже не превалирует идея объединения двух стран в одно государство. Правда, политика интеграции еще имеет довольно прочную опору, однако наметилась тенденция замены этой концепции идеей общепринятых в мировом сообществе отношений между двумя независимыми государствами. И хотя в массовом сознании восточному вектору интеграции до сих пор отдается предпочтение по сравнению с западной ориентацией, его активных сторонников в Беларуси становится все меньше и меньше. Многими гражданами Беларуси Россия расценивается как держава с имперскими амбициями, готовая «проглотить» суверенную Беларусь.

Белорусский народ более четырех последних столетий не имел своей государственности. Начиная с Люблинской унии 1569 года, он входил в государственные объединения с другими нациями, либо вообще ее не имел, как это было в Российской империи. Пройдя сложный исторический путь, белорусы сформировали особую этническую психологию, в основе которой находятся интеграционные ценностные ориентации в области государственного строительства. Эта ориентация была особенно заметна в первые постсоветские годы. Тогда белорусы были озабочены не столько решением проблемы национального возрождения, сколько стремлением выжить в тяжелое время. Резкое снижение уровня жизни населения, обусловленное разрывом ранее сложившихся хозяйственных связей, усиливало восточный вектор ориентации. Затем вхождение прибалтийских республик и Польши в ЕС, даже относительное улучшение материального благосостояния их населения заставляло многих белорусов обратить свои взоры на Запад. Однако эти ориентации раскалывают белорусское общество. Ведь до сих пор одна часть населения поддерживает ориентацию на Евросоюз, другая – на Россию.

Можно ли преодолеть этот внутренний раскол белорусского общества? Можно, положив в основу его консолидации Конституцию Республики Беларусь, в которой отмечено: «Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общественных принципов и норм международного права. Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство – нейтральным» [1, ст. 18]. На наш взгляд, в соответствии с этой статьей можно создать оптимальную модель геополитического самоопределения нашей республики. В данном случае будут учтены не только национальные интересы, но и интересы «ближнего и дальнего зарубежья». Это не означает проведение изоляционистской политики, отгораживания от внешнего мира. Напротив, здесь сделан акцент на концентрацию усилий общества для того, чтобы решать внутренние проблемы и одновременно развивать международное сотрудничество в национальных интересах.

Несомненно, повышение авторитета Беларуси на международной арене во многом зависит от того, насколько предсказуемой и стабильной будет наша внешнеполитическая деятельность. При этом следует учитывать географическое положение Беларуси. Выполняя транзитные функции, проводя реальную многовекторность в межгосударственных отношениях, Республика Беларусь должна быть *de jure* и *de facto* нейтральным суверенным государством.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994г.- Мн., Беларусь, 1997.

2. Белорусская газета, 24.03.1997.

3. Беларусь и «большая Европа»: в поисках геополитического самоопределения.- Новосибирск, 2007.

ОТНОШЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ К ИММИГРАНТАМ ИЗ ИСЛАМСКИХ СТРАН

О. А. АЛАМПИЕВ

С 1994 г. Республика Беларусь сталкивается с негативными явлениями в динамике численности населения, что связано с сокращением рождаемости [1]. Сохранение подобной тенденции влечет за собой старение населения и, как следствие, увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население, что, в свою очередь, грозит замедлением темпов социально-экономического развития белорусского государства.

В этой связи Национальная программа демографической безопасности 2011 г. предусматривает увеличение притока иммигрантов в Республику Беларусь с целью поддержания необходимой доли граждан трудоспособного возраста в структуре населения [2]. В связи с этим возникает вопрос об интеграции иммигрантов в принимающее общество. Особенно это становится актуальным принимая во внимание, что наибольшими темпами в последнее время в Республике Беларусь росло число иммигрантов из регионов с существенными культурными отличиями от коренного белорусского населения, таких как страны Средней Азии, Ближнего Востока и Китая [3, с.8].

Устойчивость социально-политического и экономического развития Республики Беларусь является фактором иммиграционной привлекательности для жителей регионов с существенно худшими характеристиками в вопросах экономического развития и личной безопасности. Весьма существенную долю в числе беженцев, временных и нелегальных иммигрантов в Беларуси составляют именно выходцы из исламских стран [5, с.283; 6].

Все это с неизбежностью ставит вопрос о регулировании миграционных потоков и выработке национальной интеграционной политики в отношении вновь пребывающих иммигрантов с учетом их национально-культурных особенностей с целью скорейшего и как можно менее болезненного включения новых жителей в белорусское общество. Учитывая тот факт, что все более заметной частью иммигрантов являются выходцы из стран исламского Востока, а также противоречивый опыт европейских государств в вопросе интеграции выходцев из традиционно исламских регионов, исследование вопроса интеграции данной категории иммигрантов в белорусском обществе обретает практическую значимость.

Одним из необходимых аспектов в изучении проблемы интеграции является выявление отношения коренного населения к самим иммигрантам или их группам в зависимости от этнокультурных факторов, а также отношение к перспективе увеличения притока иммигрантов в целом, без чего осуществление последовательной и успешной интеграционной политики не представляется возможным.

Данное исследование ставит целью выявление особенностей восприятия выходцев из исламских стран коренным белорусским населением. Сведения, представленные в работе, получены в результате пилотажного исследования общественного мнения методом анкетирования среди населения Минской и Витебской областей. Всего опрошено 159 человек, квотная выборка осуществлялась по критериям

пола, возраста и уровня образования. Помимо того, в написании работы использованы сведения, полученные методом экспертного опроса (всего 15 экспертных оценок).

Существенным фактором в определении перспектив интеграционных процессов, в выработке конкретных мероприятий в иммиграционной и интеграционной политике является отношение коренного населения к возможному увеличению численности иммигрантов. На вопрос «Как бы Вы отнеслись к перспективе увеличения числа иммигрантов в Республике Беларусь?» были получены следующие ответы: «Положительно» - 5,7%, «Скорее положительно» — 19,5%, «Скорее отрицательно» - 32,1%, «Отрицательно» - 28,3%, «Затрудняюсь ответить» - 14,5%. Таким образом, негативно к увеличению притока иммигрантов в страну относятся более 60,0% опрошенных респондентов. При этом отношение к перспективе увеличения численности иммигрантов из исламских стран отличается. Ответы респондентов распределились следующим образом: «Положительно» - 0,6%, «Скорее положительно» — 8,8%, «Скорее отрицательно» - 43,4%, «Отрицательно» - 30,8%, «Затрудняюсь ответить» - 16,4%. Таким образом, отрицательно к возможности увеличения количества иммигрантов из исламских стран относятся почти 75,0% опрошенных. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для белорусского населения существуют различия в восприятии потенциальных иммигрантов в зависимости от цивилизационных особенностей. При этом отношение к увеличению притока иммигрантов в страну в целом можно охарактеризовать как негативное.

Тем не менее на вопрос о том, как белорусы относятся к выходцам из исламских стран 38,4% указали, что положительно, 27,7% - отрицательно и 34,0% не смогли ответить на этот вопрос. При этом, свое личное отношение как положительное отметили 43,4%, как отрицательное — 29,6%, при 27,0% затрудняющихся с ответом. Таким образом, исходя из указанного, нельзя утверждать что белорусы относятся к представителям данной социальной группы негативно. В качестве причины положительного отношения (причем и своего личного и белорусского населения в целом) респонденты чаще всего указывали толерантность. Исследование также не показало негативного отношения белорусского населения к исламу как конфессии. Лишь 17,0% опрошенных высказались, что относятся к исламу отрицательно, в то время как 26,4% оценили свое отношение как положительное, 44,7% указали, что относятся безразлично и 11,9% указали, что ничего не знают об этой конфессии. Для сравнения, к Свидетелям Иеговы отрицательно относятся 47,8% населения.

Тем не менее, выяснение социальной дистанции методикой шкалы Богардуса выявило серьезные расхождения с декларируемым отношением и реальным. Среднее значение при выборе из семи возможных вариантов в ответе на вопрос «Насколько близкие отношения с выходцами из исламских стран вы считаете для себя возможными», где 1 — крайне низкий уровень социальной дистанции («Брачные отношения») а 7 — крайне высокий уровень социальной дистанции («Не возражаю против их выезда из страны») оказалось равным 5,32 (5 - «Быть жителями одного города, поселка, села») при стандартном отклонении 1,596, медианное значение 6,0 (6 - «Быть согражданами страны»), самый часто встречающийся ответ (мода) — 7 («Не возражаю против их выезда из страны»). Это свидетельствует о высоком уровне социальной дистанции в отношении белорусов к выходцам из исламских стран.

Проведенное исследование показало негативное отношение белорусского населения к вопросу оказания какой-либо финансовой помощи иммигрантам из стран исламского Востока; против высказались 78,0% опрошенных, лишь 12,6% согласны с подобной мерой оказания содействия приезжающим и 9,4% не смогли ответить на этот вопрос. Лишь 6,9% опрошенных согласны с утверждением, что в Республике Беларусь следует упростить правила въезда в страну для выходцев из исламских стран, 80,5% считают, что этого делать не стоит, 12,6% затруднились ответить. Лишь 7,5% согласны с тем, что в Республике Беларусь следует упростить процедуру получения гражданства для иностранных граждан, при 76,7% высказавшихся против, 15,7% затруднились ответить. Это также свидетельствует об определенных социальных опасениях связанных с возможным увеличением притока иммигрантов.

В этой связи важным является то, что среди респондентов в течение последних 5 лет имели регулярные контакты с выходцами из исламских стран лишь 5,7%, эпизодические контакты имели 44,0%, 50,3% не имели контактов вовсе. Это свидетельствует о том, что негативное отношение к иммиграции из исламских стран высказывает больше граждан, чем число тех, кто вступал с ними в контакт, что, в свою очередь, говорит, о существующих у некоторой части белорусского населения предубеждениях в отношении к представителям данной социальной группы. При этом корреляция между отношением к иммигрантам из исламских стран и наличием либо отсутствием опыта взаимодействия с ними не прослеживается.

Исходя из вышесказанного, на сегодняшний день, несмотря на необходимость решения демографических проблем, нельзя говорить о том, что население Республики Беларусь готово к увеличению притока иммигрантов, в особенности из стран с существенными культурными отличиями. В представлении населения существует настороженное отношение к выходцам из стран исламского Востока, что, согласно мнению ряда экспертов, следует объяснять влиянием средств массовой информации, оказывающих стигматизирующее для выходцев из исламских стран воздействие на общественное мнение, а также элементами патриархального мышления, все еще довольно значимыми в сознании значительной части белорусского населения, что проявляется в сохранении и воспроизводстве деления социального пространства на «своих» и «чужих» в зависимости от этнокультурных и цивилизационных отличий.

Указанные особенности должны быть учтены при проведении иммиграционной и интеграционной политики в Республике Беларусь с целью оптимизации интеграционных процессов и избежания возможных негативных последствий в случае увеличения притока иммигрантов, особенно иммигрантов из регионов, существенно отличающихся в культурно-цивилизационном аспекте. В дальнейшем, при проведении политики, направленной на привлечение иммигрантов в Республику Беларусь, является необходимым выработать меры, способствующие не только экономической и правовой интеграции иммигрантов, но и созданию условий для интеграции культурной и социальной.

Литература:

1. Шахотько Л.П. Динамика численности и структуры населения Беларуси / Л.П.Шахотько // Электронный журнал «Демоскоп Weekly» Института демографии национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. - 6-19

июня 2011. - Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0469/analit01.php> - Дата доступа: 13.03.2013.

2. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. - 11 августа 2011. - Режим доступа: http://pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=P31100357 — Дата доступа: 13.03.2013.
3. Перепись населения, 2009 = Population Census, 2009: [статистический сборник] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; [редколлегия: В. И. Зиновский (председатель) и др.]. — Т. 3: Национальный состав населения Республики Беларусь = Ethnic Composition of the Population of the Republic of Belarus. - Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. - 433с.
4. Шахотько Л. П. Модель демографического развития Республики Беларусь / Л. П. Шахотько; Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики. - Минск: Беларуская навука, 2009. - 439 с.
5. Сведения о численности иностранцев, которым предоставлен статус беженца в Республике Беларусь // Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс].- 2013. - Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=9941> - Дата доступа: 13.03.2013.

ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ В БРЕСТСКОМ РЕГИОНЕ

О.П.Белоглазова

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Трансграничное сотрудничество Брестского региона тесно связано с формированием на его территории системы современных коммуникаций для перемещения товаров и услуг.

Республика Беларусь находится на перекрестке основных транспортных маршрутов из Западной Европы в Россию и от Черноморского побережья в страны Балтии. Брестский регион в свою очередь пересекает транспортный коридор, определенный по международной классификации под № II (Запад-Восток) [1, с.28]. Выгодное географическое положение является основой для предоставления современных логистических услуг и получения от этого вида деятельности финансовых результатов в виде прибыли, что особенно актуально в виду отсутствия в регионе других направлений динамического экономического развития.

Следует напомнить, что логистика представляет собой направление хозяйственной деятельности, которая заключается в управлении материальными потоками в сфере производства и обращения. До недавнего времени этому виду деятельности не уделялось должного внимания, как со стороны государства, так и со стороны предпринимателей. Однако развитие рынков и высокая конкуренция изменили ситуацию, все сложнее получать прибыль только за счет развития производства и маркетинга.

В целях развития и модернизации современной логистической инфраструктуры в 2008 г. разработана и принята Программа развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2015 г. [2], в которой определены цели, задачи, пути развития логистической системы, разработаны основные подходы к созданию логистических

центров, предложен механизм создания льготных режимов для инвесторов. Указанная программа предусматривает создание 26 транспортно-логистических и 10 торгово-логистических центров.

Следующим шагом в развитии логистики в Республике Беларусь стало введение с 1 января 2011 г. новых государственных стандартов СТБ 2047-2010 "Логистическая деятельность. Термины и определения" и СТБ 2046-2010 "Транспортно-логистический центр. Требования к техническому оснащению и транспортно-экспедиционному обслуживанию". Новые стандарты позволили обеспечить взаимопонимание между участниками логистической деятельности, ввести терминологию элементов процесса рассматриваемого вида деятельности, а также выполнить классификацию логистических центров, которые в соответствии со стандартом подразделяются на информационно-логистические, оптово-логистические, таможенно-логистические, транспортно-логистические и др.

Институтом БелНИИТ «Транстехника» с участием министерств торговли, транспорта и коммуникации и представителей логистических операторов разработан госстандарт СТБ «Услуги логистические. Общие требования к процедурам сертификации». Проведение добровольной сертификации в соответствии с данным стандартом позволит повышать ответственность и формировать имидж отечественных логистических операторов.

Усилия государства в данной сфере можно расценивать как положительные, однако имеющими временное отставание по сравнению с соседними государствами, которые уже на протяжении последних 15 лет формировали правовое поле для развития и совершенствования логистики.

В настоящее время в республике Беларусь действует 7 транспортно- и 11 торгово-логистических центров. В соответствии Программой развития логистической системы на период до 2015 года с учетом действующих логистических центров, в которых продолжается работа по развитию и усовершенствованию складской инфраструктуры, в Республике Беларусь реализуется 48 инвестиционных проектов, в рамках которых привлечено более 380 млн.долларов инвестиций. Всего же планируемый объем инвестиций до 2015 года в эту отрасль составит более 1 млрд долларов.

Брестский регион характеризуется развитием транспортно-логистических центров (далее ТЛЦ), таких как «Брест-таможсервис», «Брествнештранс», «Брест-Белтаможсервис», «Белинтертранс», «Брестгрузтранслогистик». В Барановичах строится логистический центр ООО «Евроторг», планируется создание в Пинске логистического центра совместно с польскими инвесторами.

К основным видам услуг этих центров могут быть отнесены складские услуги, экспедирование грузов, таможенное оформление, консолидации, деконсолидация грузов, упаковка, переупаковка, сортировка, маркировка контрольными идентификационными знаками, контрэтикеткой с переводом и инструкцией по применению, переупаковка, комплектация товаров, информационные и др. услуги.

Наиболее выгодные условия для строительства транспортно-логистических центров создаются в свободной экономической зоне «Брест». При реализации проекта не менее 1 млн.евро резиденты СЭЗ освобождаются от уплаты таможенных пошлин, имеют льготы по арендной плате за земельные участки, освобождаются от уплаты налога на недвижимость и на прибыль в течение пяти лет с даты ее объявления.

Привлекательность выделенных участков под строительство логистических центров по Программе развития логистической системы на период до 2015 г. в Брестском регионе может быть повышена за счет обеспечения их современной инженерной инфраструктурой, увеличением качества и пропускной способности автомобильных дорог по основным направлениям строительства.

Для эффективной работы существующих и вновь создаваемых логистических центров требуются квалифицированные работники, которые должны иметь три уровня знаний: владеть иностранным языком, знанием компьютера и экономическими знаниями. Подготовкой специалистов в этой сфере деятельности будет с 2013 года заниматься Брестский государственный технический университет, что позволит обеспечить ТЛЦ специалистами высокого класса.

Необходимо отметить, что доля логистики в ВВП стран, которые также находятся в выгодном географическом положении, как и Беларусь, около 20%, в нашей республике эта цифра находится на уровне 7 %. В данном контексте задачи по развитию логистической деятельности, привлечению инвесторов, оптимизации и сокращению издержек на уровне каждого предприятия и по стране в целом являются актуальными и требуют нахождения решений в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курочкин, Д.В. Транспортно-логистические центры как объекты логистической инфраструктуры в Республике Беларусь / Д.В.Курочкин // Экономика и управление. – 2011. – №4. –С. 28-33.

2. О программе развития логистической системы Республики Беларусь: Постановление Совета Министров Респ.Беларусь, 29 августа 2008 г., № 1249: в ред. Постановления Совета Министров Респ.Беларусь от 9 января 2011 г., № 59 // Эталон – Беларусь. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

«ЗАСТОЙ» ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИ СМЕНЕ ИДЕОЛОГИИ.

М. С. Бодак

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Проблемы терминологии при определении роли и качества правления того или иного лидера, характеристик эпохи проявляются со всей очевидностью в периоды смены власти. Смена элит у власти влечёт за собой соответственно и переход к иной идеологической доктрине. Часто это ведёт к пересмотру истории, роли тех или иных событий, личностей и попыткам новой объективной оценки прошлого.

В последние десятилетия вышло множество работ о советской эпохе и её лидерах. Среди них труды об Иосифе Виссарионовиче Сталине таких авторов как В. Дорофеев, А. Мартиросян, Ю. Мухин, В. Карпов, Г. Сидоров и других. В частности, Герой Советского Союза, писатель Владимир Карпов успел даже пересмотреть свои взгляды на политическую деятельность Сталина. В работе «Расстрелянные маршалы» писатель обличал Сталина как организатора массовых репрессий, в результате которых были истреблены основные командные кадры РККА и сделал вывод, что к началу Великой Отечественной войны СССР остался без опытных военачальников. Однако в книге

«Генералиссимус» Карпов стал доказывать необходимость репрессий для разгрома «пятой колонны» в СССР. С именем Сталина связывают понятие тоталитаризма, но, по мнению многих исследователей, он сам был убит. Очевидно, что соперники СССР на международной арене были заинтересованы в преждевременной смерти Сталина и девальвации результатов его деятельности, так как при нём СССР был близок к тому, чтобы стать мировым лидером. Чтобы понять, почему его называют тираном на Западе, почему он был убит, достаточно вспомнить основные достижения СССР при его правлении, угрожавшие мировому господству Западной цивилизации и всевластию партийной номенклатуры внутри страны.

При Сталине были созданы такие вооружённые силы, которые сумели разгромить нацистскую Германию с её союзниками Италией, Финляндией, Венгрией, Румынией, Словакией и милитаристскую Японию. При Сталине были заложены основы мощи Советской армии, которые до сих пор позволяют жить в мире большинству жителей Православно - славянской цивилизации.

При Сталине была ликвидирована неграмотность среди населения, обеспечена возможность получения высокого образования для всех людей без исключения. При Сталине произошли существенные улучшения в культурном развитии советского населения и положено начало формированию новой созидательной человеческой культуры. Одновременно происходил быстрый рост интеллектуального, научного потенциала советского народа, массово распространялась физическая культура и спорт, что делало советских людей самой интеллектуально развитой и здоровой нацией на планете. В СССР была создана такая атмосфера военного и научного романтизма, что в 1939-1940 гг. конкурс в авиационные и морские военные училища был более 100 человек на место.

Сталин всемерно способствовал развитию науки и техники, внедрению новых технологий: при нём была ликвидирована атомная монополия США, был заложен фундамент для лидерства в космических исследованиях и освоении космоса. Так полёт человека в космос обсуждался с 1946 года, а решение о нем было принято в 1951 году.

При Сталине в СССР было организовано бескризисное развитие народного хозяйства, что дало человечеству пример альтернативного развития экономики, без ростовщического ссудного процента, паразитирования одних стран над другими и эксплуатации богатыми слоями трудящихся масс. Кроме того, это позволило восстановить страну в быстрые сроки после Великой Отечественной войны. Были восстановлены 2000 крупных городов и 100000 населенных пунктов, которые были полностью уничтожены, и не только фабрики, заводы, инфраструктура в них, но и жильё для 25 млн. человек. СССР стал страной, где после войны, стали ежегодно снижать цены на продовольственные продукты и промышленные товары, при росте доходов населения. СССР мог даже оказывать помощь странам, вступившим на социалистический путь развития.

Фактически уже к началу 1948 года восстановительный этап был завершен, что позволило отменить карточную систему и осуществить денежную реформу. Для сравнения, Англия, на территории которой война не была так разрушительна, ещё в начале 1950-х годов не могла отменить карточную систему. Первая же послевоенная пятилетка, несмотря на все сложности того времени, побила буквально все прежние рекорды. Уже в начале 1950-х годов на Западе стали смотреть на экономическое

развитие СССР с опаской. Кандидат в американские президенты Стивенсон заявил, что если темпы роста производства в СССР сохранятся на таком уровне, то к 1970 году объем советского производства в 3-4 раза превзойдет американский. А в 1953 году американский журнал «Нэйшнл бизнес» в статье «Русские догоняют нас...» сообщил, что по темпам роста экономической мощи Советский Союз опережает любое государство. Более того, что темп экономического роста в советском государстве в 2-3 раза выше, чем в Соединенных Штатах. Экономическое превосходство вело в перспективе к военно – политическому и это заставило бы страны Запада признать превосходство создающего социализма.

Алексей Чичкин в статье «Забытая идея без срока давности» в «Российской газете» сообщил, что 3 - 12 апреля 1952 года в советской столице прошло важное в геополитическом отношении международное экономическое совещание. На нём Советский Союз, СЭВ и Китай предложили сформировать в противовес Генеральному соглашению о тарифах и торговле (ГАТТ) и экспансии Соединенных Штатов общий рынок товаров, услуг и капиталовложений, без американского доллара. Интерес к «бездолларовому» пространству проявили Иран, Индия, Афганистан, Индонезия, Сирия, Эфиопия, Уругвай, Югославия. Проявили интерес к этой идее и западные страны, отказавшиеся от плана Маршала - Финляндия, Швеция, Австрия, Исландия, Ирландия. Надо отметить, что ещё в 1951 году страны - члены СЭВ и Китай заявили о необходимости более тесного сотрудничества тех государств, которые не хотят подчиняться доллару, а значит США, и диктату проамериканских торговых и финансовых структур.

СССР на совещании 1952 года предложил поэтапный переход к новым отношениям: сначала - двух- и многосторонние договора со схожими условиями по ценовым, таможенным, кредитным вопросам и льготам, товарным квотам, а затем - постепенная унификация основ внешнеэкономической политики и развитие «общеквотной» свободной торговли. На заключительной стадии этого процесса должна была появиться межгосударственная расчетная единица с обязательной золотой основой и, соответственно, фактическое учреждение общего рынка. Все шансы стать такой валютой были у рубля, который заблаговременно был переведён на золотой стандарт. С некоторыми дополнениями эту идею поддержали большинство участников совещания, кроме американских союзников. После смерти Сталина СССР и большинство стран СЭВ отошли от внешнеэкономической стратегии 1952 года, отдав предпочтение двусторонним экономико-политическим связям. Кроме того, СССР с середины 1960-х годов стал снабжать своих геополитических противников дешевым энергетическим и промышленным сырьем, фактически аннулировав идею и план своего политико-экономического господства в Евразии и мире.

Одним из главных факторов, который определяет стабильность финансово-денежной системы государства, её надежность как заемщика, является наличие и размер государственного золотого запаса. В 1914 году золотой запас Российского государства составлял 1400 тонн. К октябрю 1917 года осталось около 1100 тонн, к 1923 году в стране остался запас в размере около 400 тонн. В 1928 году в Советском Союзе осталось всего 150 тонн государственного золота. Причём годовая добыча золота равнялась 20 тоннам. Когда был взят курс на индустриализацию, добычу золота подняли до 310-320 тонн в год. К началу Великой Отечественной войны Советский Союз

обладал рекордным для российской истории запасом в 2800 тонн, который обеспечил победу в войне и восстановление разрушенного хозяйства. При этом после смерти Сталина преемникам осталось 2500 тонн. После Хрущёва осталось 1 600 тонн, а после Брежнева - 437 тонны. Андропов и Черненко увеличили запас до 719 тонн. Горбачёв сократил золотой запас, так как Российской Федерации от СССР перешло всего 290 тонн. При этом следует отметить, что в то время только в РСФСР добывалось 220 тонн золота в год. Путину досталось 384 тонны, к 2011 году запас вырос до 852 тонн.

Кроме того, Сталин бросил вызов возможности США паразитировать на продаже доллара. В советских газетах 1 марта 1950 года было опубликовано Постановление советского правительства о прекращении определения курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе американского доллара. Советский рубль переводился на устойчивую золотую основу, устанавливалось его золотое содержание в 0,222168 грамма чистого золота. С 1 марта же устанавливалась покупная цена Госбанка на золото в размере 4 рубля 45 копеек за 1 грамм чистого золота. Исходя из золотого содержания рубля, устанавливался курс в отношении иностранных валют: за 1 американский доллар 4 рубля (вместо бывших 5 р.30 коп.), за 1 фунт стерлингов - 11 рублей 20 копеек (вместо 14 р.84 коп.).

В области обеспечения населения жильём именно при Сталине в 1952 году была принята программа не только индустриального строительства, но и массового строительства жилья.

Сталин был глобальным политиком и высококлассным управленцем, что позволило расколоть Западную цивилизацию и в войне с германским блоком, получать помощь другой части Запада. СССР после войны стал ещё сильнее, расширился территориально, создал свой социалистический блок.

Сталин знал и отслеживал все ведущие научные и технические разработки. Знал по имени-отчеству всех руководителей предприятий, ведущих учёных, конструкторов и других людей, занятых на важных постах в сфере управления, науки и культуры. Он старался вникать во все стороны жизни и быта людей. Знал и понимал роль искусства, театра, кинематографа, литературы, поэзии в формировании сознания человека и общества в целом. Сталин просматривал кинофильмы, регулярно ходил в театр, отслеживал выход литературных произведений, выдавая свои указания. Таким образом, советский человек был защищён от информационных «вирусов», чужих программ.

При Сталине управленцы получали множество благ: квартиры, служебные машины, дачи, спецпайки, спецобслуживание и т. п. Но и спрос с них был большим, «неприкасаемых» не было. Современный российский исследователь Юрий Мухин в своей популярной книге «Убийцы Сталина. Главная тайна XX века» предположил, что незадолго до своей смерти советский вождь начал готовить реформу партии, которая должна была отстранить партократию от государственной власти. По замыслу Сталина, Коммунистическая партия должна была заниматься исключительно воспитанием народа. Это обстоятельство могло стать главным внутренним мотивом его убийства. Таким образом, начатая Сталиным модернизация всех сфер жизнедеятельности советского общества, преобразование его в современное на тот момент - индустриальное, стала главным мотивом его убийства.

Проблемы с терминологией при оценке периода деятельности становятся очевидными и тогда, когда речь заходит о другом государственнике - модернизаторе

Леониде Ильиче Брежневе. С его именем связаны такие знаковые события, как «политика разрядки», Олимпиада-80, Договор по системе ПРО, но и застой в экономике, вторжение в Чехословакию, ужесточение контроля над прессой, ссылка Сахарова и изгнание Солженицына, война в Афганистане. При этом Брежнев видел свою миссию в том, чтобы не допустить мировой войны и гордился тем, что многие на Западе воспринимали его как «человека мира».

Понятие «застой» наложило печать на целую эпоху и ассоциируется в сознании последующих поколений с неэффективностью советской экономики. Само понятие «застой» было употреблено М.С.Горбачёвым и до сих пор используется либеральными настроенными политиками, потому что для каждого последующего политика важно критически оценить предшествующую эпоху, чтобы обосновать необходимость реформ или усилить значимость собственных достижений. Однако если сравнивать времена предшествующие этому периоду, например 1964 год и 1982, то при подробном рассмотрении в цифровом выражении окажется, что это был не застой, а расцвет Советского Союза. Подтверждением данной точки зрения является тот факт, что к 1980 году Советский Союз занимал первое место в Европе и второе место в мире после США по объёмам промышленного и сельскохозяйственного производств. С 1990 года, когда был введён мониторинг индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), оценка эффективности развития страны стала исчисляться с учётом валового национального продукта на душу населения, процента людей обучающихся в различных образовательных системах и уровня здравоохранения, который измеряется, прежде всего, показателем продолжительности жизни. Если подойти к рассмотрению эффективности развития СССР с точки зрения данных трех показателей, экстраполировать на эпоху Л.И.Брежнева, то оказывается, что страна занимала очень высокие места в мире. Начиная же с 1990 года страны, ранее входившие в состав Советского Союза, не занимают положение выше среднего уровня по ИРЧП, а многие находятся ниже среднего уровня.

Брежневское время воспринимается сегодня как «золотое» с точки зрения развития народного хозяйства, так как эфемерная идеология построения коммунизма была заменена идеологией развитого социализма, а фактически идеологией развития, развития человеческого потенциала. Главными составляющими идеологии стали развитие образования и науки. В 1975 году было введено обязательное десятиклассное образование.

Средняя заработная плата в Советском Союзе того времени составляла 120-130 рублей. Студенческая стипендия отличника составляла 50 рублей. Доцент получал 320 рублей и считался обеспеченным человеком. Профессор получал 450 рублей и считался богатым человеком. Медицинское обслуживание и образование были бесплатными, квартплата, плата за телефон и электроэнергию были мизерными. При пересчёте всех этих благ в денежный эквивалент получается, что советские люди в массе своей жили очень зажиточно в сравнении с их современниками в капиталистических странах. Учёные констатируют существование в этот период многочисленного среднего слоя.

В области сельского хозяйства тоже были огромные преобразования: разрешили личные хозяйства под лозунгом: «Хозяйство личное – дело общее!», в 1965 году впервые были введены пенсии для селян. Эпоха правления Л.И.Брежнева закончилась в 1982

году тем, что была принята продовольственная программа, предусматривавшая доведение потребления продуктов питания советскими людьми до научно обоснованных норм. Так в 1982 году потребление мяса на душу населения в год составляло 60 кг, а норма для этой климатической зоны предписывала 80 кг в год. Достижение этого уровня предполагалось к 1990 году. В среднем потребление продуктов на душу населения в Советском Союзе составляло 3300-3500 килокалорий в сутки, в то время как сегодня прожиточный минимум исчисляется в районе 2000 килокалорий, который ведёт, по мнению учёных, к физическому угасанию человека.

Впервые во времена Л.И.Брежнева массово стали строить жильё. За 18 лет его правления было построено 1,6 млрд.кв.м. жилой площади, были обеспечены бесплатным благоустроенным жильём 162 млн. человек. Это способствовало массовой миграции людей из деревень в города, что привело к урбанистической революции в стране, превращении её из аграрной страны в урбанистическую. Данная характеристика является первым признаком модернизации как перехода к индустриальному типу общества.

В это же время была заложена вся современная инфраструктура страны. Началось освоение нефтяных и газовых месторождений Сибири. Человек впервые вышел в космос. Энергетические мощности за брежневское время выросли в три раза. А сегодня, например, энергетика России упала на 11% от того времени. Нобелевские премии российские физики получили за открытия, сделанные в то время.

Самым главным показателем прогрессивного развития того времени можно считать продолжительность жизни людей. Средняя продолжительность жизни мужчин достигла 70 лет, а женщины 75 лет. Демографическая ситуация в целом была оптимистичной. Это была эпоха большого искусства, большого строительства, большой науки, больших перемен.

ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО СТРУКТУРА

В.Н. ВАРИЧ

Брестский государственный технический университет, г. Брест (Беларусь)

Аксиология – относительно молодая отрасль философского знания, одной из важнейших предметных областей которой является ценностное сознание, его сущность, объект, предмет, структура и элементы, а также роль ценностного сознания в духовной жизни личности и общества. Начиная с трудов неокантианцев в середине XIX в., ценностное сознание является предметом систематического философского осмысления. По словам Ю.И. Мирошникова, ценностное сознание – это «определённый горизонт сознания, благодаря которому человек утверждает свои ценностные отношения с миром и становится субъектом постижения ценностных свойств бытия» [1, с. 66].

Сознание как высшая форма психической активности субъекта проистекает из глубин психической жизни, из полноты переживаний и мира чувств, которые обуславливают умонастроения и оценивающие позиции личности. Именно в сознании человека мир приобретает смысл и значение, которые не присущи ему как таковому: «Все ситуации, в которые человек попадает, он воспринимает с точки зрения увиденных

ценностей, в результате чего ситуации приобретают смысл и значимость», - отмечает Н. Гартман. Поэтому, с его точки зрения, «всякое осознание ситуации одновременно есть сложное ценностное сознание, даже если соответствующие данной ситуации ценности как таковые не воспринимаются» [2, с. 346]. Ценностное сознание привносит ценности как критерии в мир действительного; бытие, ценностно индифферентное само по себе, получает оценку. Именно таким образом аксиологические измерения действительного наслаиваются на онтологические. «Через проникновение человека в их глубину растет ценностно-чувствующая причастность сознания ценностному содержанию человеческой жизни; и одновременно с этим растет и это ценностное содержание» [2, с. 347].

В этом ключе многие исследователи ценностного сознания полагают, что его истоком является эмоциональная сфера человека, взаимосвязанная со всеми уровнями и формами психики: «В основе теоретической и практической модели ценностного сознания человека лежат эмоции, которые являются универсальной организующей субстанцией структуры сознания», - утверждает Т.И. Шибeko [3, с. 73]. Вместе с тем способность чувствовать и переживать дополняется у человека способностью разумно созерцать ценностные свойства бытия, формируя ценностные представления: «Ценностное представление – это выражение ценности сознанием человека, результат единства рационального и эмоционального в ценностном восприятии мира», - пишет Н.Г. Попова [3, с. 318].

Представления об эмоциональной составляющей ценностного сознания соотносятся с теорией ценностных ответов, развитой в немецкой философии XIX века. В соответствии с этой теорией, каждой ценности соответствует лишь один способ эмоциональной реакции – подходящий ей ценностный ответ. Различные ценностные ответы образуют количественно и качественно иерархизированный ряд ценностно-признающих и ценностно-отрицающих актов: похвала – порицание, почитание – поношение, любовь – ненависть, восхищение – презрение и пр. Эти оценки и соответствующие им ценностные суждения с позиций указанной теории являются всего лишь внешней демонстрацией той внутренней связи, которая существует между статусом ценности и родом ценностного чувства. Предпочтение в отношении той или иной ценности выражает изначальное ценностное видение и является первичным элементом в самом непосредственном ценностном чувствовании. По мысли Н. Гартмана, чувство, определяющее ценностные ориентации («аксиологическое чувство высоты»), не подчиняется внешним влияниям и не зависит от исторически обусловленных правил предпочтения: «Это чувство идеального порядка *suī generis*, которое нельзя сравнивать ни с каким другим и измерение которого ни с каким другим не совпадает» [2, с. 302]. Личность как субъект возможных актов необходимо связана с тем, что вообще объективно может быть предметом стремления и оценки, то есть с объектом ценностного сознания: «Все ценное..., поскольку в отношении него существует ценностное сознание, есть ценностный объект этого сознания» [2, с. 314].

М.С. Каган в своей «Философии культуры» отмечает, что итогом предметной деятельности человека может быть как новый объект, так и какая-либо информация о существующем, которая выступает либо в форме знания, либо в форме ценностного его осмысления, «поскольку знание есть отражение *объективного бытия*, отвлеченного от отношения к нему субъекта, а ценностное сознание – отражение *значения объекта для субъекта* (я называю поэтому саму ценность «субъективированным объектом»)» [4, с.

103]. Исторически первоначальные формы ценностной связи человека с миром и другими людьми развивались так же, как и формы познавательной деятельности, а именно: в практическом, мифологическом и игровом сознании, поскольку «на раннем этапе развития культуры познавательное и ценностное сознание вообще не отделилось друг от друга» [4, с. 160]. В нерасчлененном обыденном сознании фиксировались значения объектов, приобретаемые ими в практической деятельности субъектов, и значения одного субъекта для другого, обнаруживавшиеся в их практическом поведении. Оценивание объектов внешнего мира и других людей является лишь одним из векторов ценностного сознания. По мере развития индивидуального сознания и достижения высокого уровня рефлексивности формируется и второй вектор – оценивание человеком самого себя как субъекта.

Несмотря на преобладание в современной цивилизации рационализированных и научно обоснованных форм поведения, ценностные установки не утрачивают своей значимости в сознании и поведении человека. М.С. Каган видит объяснение этому явлению в отсутствии прямого пути от знания к действию: «Мотивационную роль в практическом поведении индивида могут играть только *переживание, эмоциональное влечение, чувство, а оно-то... и является психологическим субстратом и фундаментом ценностного отношения*» [4, с. 200]. При этом ценности, опредмеченные в различных продуктах человеческой деятельности, не могут быть переданы другим людям в процессе обычной коммуникации – ее средства оказываются достаточными лишь для того, чтобы информировать о том, каковы ценностные ориентации того или иного человека, но нельзя добиться того, чтобы кто-то их разделил, сделал своими ценностями: «Ибо ценностное сознание вырабатывается человеком как субъектом... Субъектом означает *свободной личностью, действующей на основе собственного целеполагания и выбора, обладающей не только сознанием, но и самосознанием, уникальным носителем духа, способным не к одним интеллектуальным операциям, но и к переживанию*» [4, с 200].

Ю.И. Мирошников придерживается сходной точки зрения на взаимосвязь ценностного сознания и эмоциональной сферой человеческой психики, отмечая, что ценностное сознание превращает ценностные свойства бытия в свой предмет благодаря разнообразным эмоциональным переживаниям: «Акты ценностного сознания не существуют сами по себе, их обязательно сопровождают акты сенсорной чувственности» [1, с. 73]. Вместе с тем любая форма познавательного процесса или практической деятельности получает эмоциональную окраску со стороны ценностного сознания. Непосредственное восприятие окружающего мира с помощью органов чувств порождает многообразные эмоциональные формы, сопровождающие познание и деятельность: «Внутреннее видение этого рода, качественно дифференцированное чувствование, как бы алогично оно ни было, имеет не меньшую важность, чем содержательно наполненное сознание, суть формы схватывания, пусть и не переводимые на язык понятий» [2, 346]. Но сами эмоциональные реакции опосредованы рациональной сферой сознания и социальной средой, поэтому эмоции и связанное с ними ценностное сознание обладают интерсубъективной природой. Субъектом ценностного сознания может выступать не только конкретная личность, но и различные социальные общности – небольшие контактные группы, большие неконтактные группы, человечество в целом.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что **психологической основой** различных видов ценностного сознания принято считать различные эмоциональные состояния и формирующееся на их основе ценностное чувство. Его **субъектом** является личность, по определению обладающая самосознанием и рефлексивными способностями, а также группы личностей со сходными эмоциональными откликами и ценностными ориентациями. **Объектом** ценностного сознания являются значимости предметов внешнего мира и других людей, обнаруживающиеся в совместной предметно-практической деятельности (ценности как таковые), а также значимость субъекта деятельности и коммуникации для самого себя. **Предметом** ценностного сознания, по определению Ю.А. Мирошникова, «выступает ценность, превращенная в элемент сознания, в значительной степени определяемая действенным отношением человека к миру, его местом в социуме, его духовной зрелостью, воспитанностью его чувств» [1 с. 68]. Предмет ценностного сознания исторически изменяется, равно как трансформируется и иерархия образующих его ценностей. Однако во всех этих изменениях важнейшую роль играют *ценностные отношения*, выстраиваемые человеком между собой и объектом ценностного сознания. Они принципиально отличаются от познавательного отношения к миру, которое предполагает внеположенность субъекта объекту. Ценностное отношение, напротив, снимает противоположность субъекта и объекта, поскольку мир ценностей и есть мир человека.

С этой точки зрения знание ценностей составляет периферическую область ценностного сознания, а его средоточием являются эмоциональные состояния в процессе созерцания ценностей: «... ценностное сознание всегда несет в себе эмоциональное, пристрастное, пафосное отношение к миру» [1., с. 70] Кроме этого, сущностной особенностью ценностного сознания можно считать его иерархическую природу, своего рода «созерцание упорядоченности мира по вертикали, уходящей в верхние и нижние слои бытия» [там же]. Ценностное сознание, по определению Н. Гартмана, - это сознание иерархии, а любой осуществляемый человеком выбор представляет собой функцию этого сознания. Глубина удовлетворения, вызываемого ценностью («ценностный ответ» или «ценностное предпочтение») позволяет судить об аксиологическом статусе ценности [см. Гартман, с. 292-314]. Безусловно, представления о ценностной вертикали зависят от конкретной мировоззренческой системы, но сущность ценностного сознания не зависит от той или иной социально обусловленной модификации ценностного отношения. Таким образом, важнейшие **свойства** ценностного сознания – это, во-первых, взаимосвязь с эмоциями и чувствами субъекта, а во-вторых, осознание мировой иерархии и сопричастности человека ценностной упорядоченности сущего.

Эмоционально окрашенные состояния ценностного сознания находят выражение в *ценностных оценках*, каждая из которых представляет собой акт ценностного сознания, фиксирующий ценностные свойства объекта – моральные, эстетические, религиозные, интеллектуальные, политические и др. (В скобках необходимо отметить, что термин «ценностная оценка», а не просто «оценка», применяется для того, чтобы отделить акты ценностного сознания от логических оценок). Каждая из таких оценок имеет эмоциональную составляющую не только при появлении, но и все время своего существования в ценностном сознании. На основе оценок формируются *ценностные суждения*, которые принципиально отличаются от эмоциональных реакций на

ценностные свойства объектов: эмоции имеют имплицитный характер, а ценностные суждения – эксплицитный; эмоции интуитивны, ценностные суждения – логически оформлены; эмоции имеют непосредственный характер, а ценностные суждения возникают в результате осознания эмоционального отношения к миру. Кроме этого, одна и та же эмоция может выступить психологической основой противоположных ценностных суждений. Тем не менее, чувства, оценки и оценочные суждения являются взаимосвязанными элементами ценностного сознания: «... сформировавшаяся оценка, способная быть выраженной по законам логики и правилам языка, в сознании индивида не теряет эмоциональной окраски, а количественно и качественно меняет ее» [1, 78]. Соответственно можно выделить наивный и рефлексивный **уровни** ценностного сознания, на одном из которых ценностное сознание имеет непосредственный и эмоциональный характер, а на другом – опосредованный и рациональный. Степень рационализации ценностного сознания может быть различной, поэтому можно различать *ценностное сознание* и *сознание ценностей*. Последнее представляет собой рефлексию над ценностями и нормами морали, искусства, религии, политики и др., а философское осмысление ценностей, как уже отмечалось, носит название аксиологии.

На рефлексивном уровне ценностное сознание содержит *ценностные идеи*, выражающие ценностные свойства предметов (способность воплощать в себе пользу, красоту, святость и пр.), в свою очередь обусловленные характером ценностей как благ. Ценностные идеи, во-первых, способны служить конечными целями, подчиняющимися себе все относительные средства и цели; во-вторых, исторически группируют вокруг себя различные социальные и духовные институты, способы деятельности, объединяемые ценностной идеей в систему; в-третьих, ценностные идеи естественным образом группируются в последовательность, называемую ценностной иерархией [См. 5, с. 16]. Таким образом, ценностное сознание производит «оценивающее схватывание бытия», а человек выступает как ценностный критерий всего сущего, как «мера всех вещей». По словам Н. Гартмана, сознание – это не одно лишь сознание бытия, но и ценностное сознание: «Не одно только схватывание вещей коренится в нем, но схватывание всей жизни человека, включая его реагирующую на все позицию. Все ситуации, в которые человек попадает, он воспринимает с точки зрения увиденных ценностей, в результате чего ситуации приобретают смысл и значимость» [2, с. 347].

Литература

- 1 Мирошников, Ю. И. Ценностное сознание и его структура / Ю. И. Мирошников // Научный ежегодник Института философии и права. - Уральск, отд. РАН. 2003. - № 4. - С. 66-83
- 2 Гартман Н. Этика. – СПб: Владимир Даль, 2002. – 708 с.
- 3 Философские проблемы науки и культуры: Новые идеи в аксиологии и анализ ценностного сознания. – Вып. 4. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 429 с.
- 4 Каган М.С. Философия культуры. – СПб, 1996. – 415 с.
- 5 Старостин Б.А. Ценности и ценностный мир: Учебное пособие по аксиологии. – М.: Компания Спутник, 2002. – 153 с.

СИСТЕМНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

И.Л. Васильева

Системное проектирование, становясь важнейшей особенностью современной науки, представляет собой сложноструктурированное образование и претерпевает существенную эволюцию в его содержании, направленности и структуре.

Долгое время проектирование обозначало предварительную работу по созданию новых объектов искусственной среды и применялось только к техническим системам. Такое проектирование называют системотехническим, или частным. Под частным проектированием принято понимать проектирование части целого без учета свойств целого. Оно основывается на системотехнической деятельности, которая осуществляется различными группами специалистов, занимающихся разработкой отдельных подсистем.

Системотехническое проектирование оформилось к концу 50-х годов XX в., но вскоре столкнулось с существенными затруднениями, связанными с необходимостью включения человека в проектируемую среду. Объектом системотехнического проектирования является проточная система, которая имеет полюса входа и выхода и включает в себя преобразователь и протекающую через него субстанцию (вещество, энергию и информацию). Но если в состав системы должны входить все образования, имеющие отношение к реализации цели, то и человек должен рассматриваться как часть системы. Однако в практике проектирования человек рассматривался как элемент среды системы, приравнивался к машинному элементу. Характеристики человека рассматривались по аналогии со свойствами машины. При проектировании имелись в виду такие факторы, как, например, зрение, слух, осязание, усталость. Но, по сути дела, учитывался только эргономический аспект комплекса «человек—машина». Частное проектирование основывалось на доминировании технократической парадигмы, для которой характерна экстраполяция идеалов и норм рациональной инженерной деятельности на социальные и гуманитарные сферы и прежде всего на человека. Технократизм по отношению к человеку проявлялся в том, что: 1) человек рассматривался лишь как объект конструктивного воздействия, его субъективность элиминировалась; 2) человек выступал только средством решения проблем, но не целью; 3) его материальные потребности имели абсолютный приоритет перед духовными ценностями и выступали критерием общественного прогресса; 4) человек рассматривался только как функциональный элемент в структуре деятельности.

Затруднения частного проектирования были в определенной степени преодолены на следующем этапе развития проектирования путем смены типа объекта проектирования. Вероятно, такое проектирование может быть названо антропным, так как в нем было осознано влияние факта многофункциональности человека на принятие проектировочного решения. Во-первых, человек является рефлексивным элементом системы. Система может быть отображена в сознании человека вместе с самим человеком и характер этого отображения влияет на его функционирование в системе. Во-вторых, цель системы тоже является содержанием сознания человека. Функционирование человека в системе представляет собой деятельность, которая при его включении в систему становится рефлексивной. Объект проектирования меняется, вместо машин проектируются системы «человек—машина» (в системотехнической литературе также говорится о том, что объектом проектирования является система

«человек—машина», но в этом случае, как отмечалось выше, имеются в виду лишь эргономические параметры системы). Результаты проектирования, помимо того, что они должны соответствовать техническим и экономическим потребностям, должны соответствовать также моральным возможностям людей. При проектировании сложных систем необходимо учитывать, что человечество является субъектом дальнейшего процесса эволюции (П.Тейяр де Шарден), геологической силой (В.И. Вернадский) и оно имеет возможность влиять на изменяющийся облик мира.

Недостатком как частного, так и антропоного проектирования было невнимание к среде, в которую планировалось поместить проектируемый объект. Такие системы создавались без учета всех возможных последствий их существования. Наиболее опасным результатом этих видов проектирования стала угроза экосфере. Эта опасность заставила обратить внимание на то, что экосферу необходимо рассматривать целостно и комплексно, в связи с чем артефакт (понимаемый как искусственный материальный комплекс, рассмотренный вместе с признаками его действия) стал важной проблемой системного проектирования, которое представляет собой проектирование части целого с точки зрения целого. Оценка данной ситуации на основе социально признанных критериев обязывает проектировщиков к передаче соответствующей информации другим соисполнителям, также ответственным за сохранение экосферы, т.е. необходимо определять все последствия, причиной которых может стать артефакт как новый компонент техносферы..

На появление и утверждение системного проектирования во многом повлияло освоение современной наукой объектов, обладающих синергетическими эффектами. Оказалось, что при изучении таких объектов применение традиционной стратегии противопоставления субъекта объекту некорректно, поскольку синергетические объекты исключают свободное экспериментирование. При обращении к системному проектированию «проектируется не техническое устройство, и даже не технические устройство плюс человек, а сложная система: техническое устройство—человек—экологическая среда, в которую внедряется технология и культурная среда, которая эту технологию принимает» [1, с.48].

Соотношение части и целого в каждом конкретном случае задается специально.

Системное проектирование в ходе своего становления сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, техническое проектирование в силу динамизма, разнообразия и сложности конструкций, богатого опыта формализации и развитости инструментария всегда было источником идей, методов и новейших технологий для других «отраслей» индустрии проектирования. Системное проектирование на сегодняшний день не имеет такой теоретической базы, как частное проектирование в виде классических технических дисциплин. Поэтому, зачастую «по инерции», переносят подходы, удачно апробированные по отношению к созданию технических систем, на системы совершенно иного рода. Существует соблазн опираться на теории частного проектирования при создании сложных социотехнических систем. Во-вторых, традиционно исследование по проекту начинается с формулирования главной цели, последовательно конкретизируя ее до выяснения дифференцированных средств и возможностей их реализации. Скажем, в прогнозировании научно-технического и социально-экономического развития все еще не преодолено стремление к полному микроописанию рассматриваемых объектов. Оно также является следствием преобладания исследовательских установок,

сложившихся в техническом проектировании и экономическом краткосрочном планировании «от достигнутого».

В то же время полное микроописание больших систем, какими являются объекты системного проектирования, практически невозможно. Большие системы от технических отличает принципиальная «непрозрачность»: полное микроописание для них практически неосуществимо даже на вероятностном уровне. Для системного проектирования характерно построение различных сценариев поведения и развития объекта при различных воздействиях на него, причем в каждой новой точке бифуркации предварительно просчитанные стратегии развития могут кардинально изменяться. Проектные системы становятся приоритетными объектами в современной науке. Проходя в своем развитии этапы частного, антропного, системного проектирования, проектируемые на сегодняшний день системы начинают приобретать социотехнический характер. Именно такое проектирование соответствует постнеклассическому этапу развития науки. Это позволяет говорить о том, что проектирование, действительно, приобретает когнитивно самостоятельный статус, хотя в то же время оно взаимосвязано с самой широкой областью современного естественнонаучного, технического, социального и гуманитарного знания. В социально-практическом аспекте отмеченный особый когнитивный статус системного проектирования наиболее тесно коррелирует с процессами исследования направленной трансформации основных параметров социального пространства. Без особых усилий можно зафиксировать, что результаты практической реализации проектных исследований влияют на социальное пространство, выстраивая и трансформируя его конфигурацию и структуру. Степень этого влияния определяется, прежде всего, наиболее интенсивно практикуемыми типами проектирования.

При доминировании системотехнического проектирования социальное пространство сводится к физическому, естественному пространству или подменяется им. Конечно, социальное пространство включает в себя физическое, базируется на нем, но не сводится к нему. Например, когда Э. Гидденс обсуждает достоинства разных пространственных зон, возникающих при личном общении, или особенности пространственно-временного зонирования в архитектурно-планировочном решении городов, то речь у него идет именно о физическом пространстве в рамках социума, но не о социальном. Аналогично системотехническое проектирование не выявляет специфику социального пространства, ограничиваясь представлениями о том, что выделяет параметры пространства, связанные с обществом.

Антропный этап проектирования коррелирует с подходом к социальному пространству П.Сорокина, который зафиксировал особенности социального пространства. Он отличал его от геометрического пространства и сводил его к народонаселению Земли, к системе социальных отношений индивидов, групп, популяций, составляющих его координаты. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве, в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И, наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (два руководителя фирмы), могут быть очень близки социально. Описав социальное пространство и его производные («геометрическая и социальная дистанция», «подъем в геометрическом и в социальном пространстве»), П. Сорокин социологически не прописал исходную ячейку социального пространства.

Единственным термином, которым можно определить исходную ячейку социального пространства, выступает статус. Но он в качестве таковой у Сорокина не выступает. И вполне логично, так как статус он сводит к рангу, а не к социальной позиции. Образ социального пространства использован П. Сорокиным как вспомогательное средство для лучшего изображения стратификации. Социальное пространство Сорокина трехмерно – в соответствии с тремя осями координат стратификации: экономической, политической и профессиональной. Сама стратификация представляет собой разделение совокупности людей на классы и слои в иерархическом ранге. Хотя П. Сорокин оперировал в своих рассуждениях о стратификации трехмерным пространством, он допускал возможность для социологии также многомерного пространства. Более того, лишь оно, по мнению Сорокина, подходит для описания социального пространства. Он подчеркивал, что геометрическое и социальное пространства – две принципиально разные вещи. Следовательно, если одно описывается евклидовой топографией, то второе должно описываться какой-то другой, неевклидовой. Но какой именно, он так и не указал. Много осей возникает у П. Сорокина от того, что каждая ось может изображать отдельную социальную группу, а их, как известно, огромное количество. Одновременно с многомерностью в социальное пространство приходит другой его признак, а именно разнокачественность осей [2].

Связи между подходами в системном проектировании, с одной стороны, и приемами анализа и конструирования социального пространства, с другой, можно найти и в концепции социального пространства, предложенной П. Бурдьё. Социальным пространством он обозначает абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей, которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала. Социальное пространство может также восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструмент и цели борьбы в различных полях. Будучи реализованным физически, социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг. Распределения благ и услуг, соответствующих различным полям, накладываются друг на друга, следствием чего является концентрация наиболее дефицитных благ и услуг, а также их владельцев в определенных местах физического пространства, противостоящих во всех отношениях местам, объединяющим наиболее обездоленных. Причем места скопления дефицитных благ не могут рассматриваться иначе, как в соотношении с местами, лишенными этих благ [3].

Социальное пространство у П. Бурдьё — это не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным. Структуру социального пространства составляет "ансамбль" четырех "полей" - практик: экономической, социальной, культурной, политической, определяющих его многомерность и связанных "габитусом". Борьба за социальное пространство, за власть над ним сосредотачивается вокруг соответствующих четырех ресурсов как "капиталов": экономического, социального, культурного, политического. Структура социального

пространства определяется при этом структурой распределения капитала и прибыли, специфических для каждого отдельного поля.

Потребность в специфическом социально - пространственном обобщении социального бытия и механизмов его динамики наиболее полно выражается в концепции сетевого/информационного общества М. Кастельса. В ней общество, отождествляемое с социальной структурой, сводится к трем самым общим компонентам: пространству, времени, технологии [4]. Пространство нового общества построено на потоках капиталов, информации, технологий, организационных взаимодействий, образующих сеть. Пространство ресурсных потоков есть господствующая пространственная форма сетевого общества, которая надстраивается над физическим пространством мест.

Акцент на конституирование социального пространства предпринимается также в акторно-сетевой теории. (Дж. Ло, Б. Латур). Джон Ло рассматривает объекты социального пространства как производные сети отношений. Его основная идея состоит в том, что объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны., т.е. сущность объекта пространства остаётся неизменной до тех пор, пока он не утрачивает свою позицию в сети отношений с другими объектами и сохраняет целостность функциональных связей своих собственных элементов. Дж. Ло исследует разные формы пространственности: пространство «сетей», «потоков», «регионов» и отмечает, что конструирование пространственных объектов имеет топологические следствия: создание объектов в одном пространстве влечёт за собой изменения в другом пространстве [5].

Такого рода модели социального пространства представляются достаточно продуктивными для его анализа, т.к. они показывают, что под воздействием различных факторов социальное пространство может быть трансформировано в определённом русле.

Литература

1. Россия и Запад: Взаимодействие культур : материалы круглого стола // Вопросы философии. – 1992. – № 6.
2. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин ; под общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Сомогонова. - М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
3. Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства / Пьер Бурдьё ; пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с
4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. О.И. Шкаратана. - М. : ГУ – ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Ло, Дж. Объекты и пространства / Дж. Ло // Социологическое обозрение. – 2006. - № 1. – С. 31-42.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С.П.ВИНОКУРОВА

Белорусская государственная академия искусств, г. Минск, Беларусь

Культура является неотъемлемым ресурсом любого государства, выполняющего важнейшую функцию в развитии духовности народа. Именно поэтому так важно системно исследовать состояние и тенденции культурного развития общества. Для этого необходимо изучать современные проблемы. Но еще важнее не повторять в будущем ошибок прошлого, и с этой целью постоянно поддерживать и развивать диалог культур, направляя его на достижение высокого социального и духовного эффекта. Разносторонние отношения между Республикой Беларусь и другими странами носят важный стратегический характер и имеют глубокие исторические традиции. В отечественном культурном наследии аккумулирован многовековой духовный опыт и воплощены лучшие черты народов, населяющих Беларусь, которая территориально находится в самом сердце огромного региона, именуемого Центральной Евразией, границы которого распространяются от Западной Европы до степей Монголии. Может быть, географическое местоположение, также как и вся история многонациональной страны являются основанием того, что в Беларуси никого не надо убеждать в важности межнационального диалога, уважения обычаев, ценностей и культур других народов. Определение "толерантные белорусы" стало устойчивым выражением, обозначающим национальную черту граждан Беларуси.

Сегодня Беларусь - одна из таких стран, которые могут гордиться не только уровнем, но и качеством образования, а также представительным высокоразвитым сектором науки. Это сформировало и соответствующую культурную среду. Не случайно считается, что «белорусская культура представляет собой эмпатический тип культуры, в которой культивируется способность человека к сопереживанию, чувствованию, толерантности, проникновенности, вслушиванию в мир...». [1. с.13]

Старая славянская пословица гласит «Один в поле не воин». Это зримо подтвердилось историческими фактами, когда на ратном поле, белорусы плечом к плечу вместе с представителями других народов и национальностей защищали свое Отечество. Восточная мудрость говорит по-другому: «Одной рукой в ладоши не хлопаешь». И действительно, белорусы вместе с другими народами праздновали Великую Победу, искренне гордились успехами друг друга во всех областях. Еще одна древняя пословица гласит: «Один конь много пыли не поднимет». Безусловно, объединенный народ сильнее, у него больше надежд и реальных перспектив улучшить благосостояние страны укрепить духовные связи разных культур и народов.

Следует отметить, что культурный диалог никогда не обладает характеристиками «периферийности» в общей картине взаимоотношений людей в одном государстве или в отношениях различных государств. Культура задает особое измерение внутреннего мира человека, посредством которого совершается опыт отдельной личности. Выступая в качестве хранительницы образцов прошлого опыта, культура в актуальном мире «замыкает» человека на эстетических ценностях, в нормах морали, религии, права. Культура может быть понята в качестве особого социального пространства, в котором ценности выстраиваются в системную иерархию, при этом духовные смысложизненные ценности имеют безусловный приоритет.

Культура, таким образом, представляет собой творческое духовное самостроительство личности. Вместе с тем, неоднозначность интересов, взглядов, убеждений и ценностных ориентаций отдельных личностей, социальных групп, обуславливают то, что их взаимоотношения регулируются системой динамично

развивающихся правил. Именно это обуславливает необходимость постоянного поиска и определения наиболее полного перечня возможных угроз для защиты национальных государственных и общественных интересов обеих стран. Успешность этой работы в применении к характеристике современной культуры представляет достаточно противоречивый материал для рассуждений. Так, польский кинорежиссер К. Занусси, оценивая уровень современной культуры, как нечто среднее между компьютером и джакузи, характеризует процессы, протекающие в современном обществе как «усиливающееся хамство в культуре», подчеркивает разрушающее, дестабилизирующее влияние культурных флуктуаций на общественное развитие. [2. с.42] В ситуации, когда быть оригинальным, особенным, суверенным, быть чем-то иным, другим не похожем на кого-то: все это может приводить по выражению известного российского философа Н.С.Автономовой к тому, что жажда оригинального может затмить ценность общезначимого, достоверного. [3. с.59]

В современном обществе наиболее значимым с позиции сохранения и умножения культурных традиций оказывается вопрос жизнеспособности базовых ценностей культуры. В этой ситуации представляется актуальной и значимой в плане развития межкультурного диалога инициатива писателя, Нобелевского лауреата Чингиза Айтматова, высказанная им в 1998 году на встрече писательских и журналистских кругов в г.Стамбуле и касающаяся создания международной общественной организации Платформы «Диалог Евразия».

Поддержанная участниками встречи инициатива привела к тому, что в настоящий момент Платформа «ДА» объединяет ученых, общественных деятелей, писателей, журналистов, людей искусства из 18 стран мира. Главной целью и задачей Платформы является межкультурный диалог, основанный на принципах веротерпимости, толерантности, обмена культурными ценностями. У истоков данного общественного объединения стояли Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Грузия, Молдова, Россия, Украина, Эстония. Беларусь участвует в этом движении с 2009 года. Пройденный путь по историческим меркам невелик. Но то, что в конце 2012 года миссия руководства возложена на представителя от Беларуси, о многом свидетельствует. Интерес к нашей стране основан прежде всего на политике и ценностях, которые стали основой реальной жизни в последние 20 лет, когда Беларусь стала суверенным государством. Это и многовекторность в дипломатии, и политика открытости в международных отношениях, и гостеприимство, которое традиционно характерно для нашего народа, а также веротерпимость, толерантность.

В нашей стране живут около 140 национальностей и народностей, мирно сосуществуют граждане, принадлежащие к различным конфессиям, комфортно чувствуют себя люди, которые вообще не исповедуют никакие религиозные ценности и относят себя к категории атеистов. В рамках нашего общества эти отличия никому не мешают создавать семью, работать, занимать государственные посты, продвигаться в политике. Конечно, это привлекательно для многих и является образцом того, как реально принцип толерантности и терпимости воплощен в жизнь. Во многих стран этот идеал пока недостижим. Более во многих странах войны, конфликты разворачиваются именно на уровне мировоззрения, когда в обществе отсутствует терпимость к другой культуре, расе, гендерному равенству. Беларусь является тем государством, где принцип толерантности объединяет людей. Это норма жизни, действий, поведения, это

реальность, в которой мы живем. В республике представители разных культур и народов имеют свои общественные объединения, диаспоры издают свои журналы, свободно демонстрируют свои культурные ценности. Например, город Гродно - один из красивейших областных городов Беларуси - давно стал площадкой Фестиваля национальных культур. Диаспоры разных народов, проживающих на территории нашей страны, в течение двух лет тщательно готовятся к фестивалю и в дни проведения открывают в центре города свои так называемые "подворья". На них проводятся концерты национальных песен, танцев, открывают разнообразные выставки. Думаю, что в силу этой открытости и расцвета различных культур Беларусь и стала известна в мире. Для нас это очень приятно, потому что является признанием того материальные активы не всегда определяют конструктивную общественную активность.

Международное объединение, которое так и называется - "Диалог Евразия" - уделяет основное внимание проблемам, возникающим на почве отсутствия диалога между народами евразийского региона. Не ограничиваясь формулировкой данных проблем, Платформа ДА предлагает мирные, созидательные пути их решения. Основой идеологии Платформа ДА является стремление к миру. Платформа рассматривает отношения между индивидами, народами и всеми людьми на планете через призму взаимного уважения, ненасилия и толерантности. При этом, Платформа ДА действует в согласии с основными принципами, нормами и традициями стран, сообществ и религий. Из истории известна расхожее мнение о том, что Востоку и Западу не сойтись. Когда-то, немецкий мыслитель И. Кант, изучая древнекитайскую философию, сделал короткую запись в своем дневнике: - "Было бы лучше, чтобы эта восточная мудрость пощадила нас..." Философ полагал, что рациональная парадигма, европейский подход не сможет гармонизироваться с восточным многоплановым, многопластовым восприятием жизни. Но, возможно, великий философ сегодня предложил бы другой подход. Просто потому, что реальность не дает нам другого варианта, кроме мирного сосуществования. Альтернатива ему - глобальное противостояние, что равносильно мировому самоубийству. Безусловно, существуют различия культурные, исторические, архетипические, в образе жизни, в подходах к образованию, культуре, религии, семье. Мир не одинаков. Но преимущество человеческого мира, как и в природе, в том, что разнообразие рождает гармонию. В культуре человеческой тоже это разнообразие присутствует.

Человек обладает таким несомненным преимуществом, как разум, который он должен использовать для того, чтобы достигать взаимопонимания. Так, например, европейская традиция считает восточной хитростью, когда говорят одно, думают другое, а делают третье... А восточные люди считают подход в рамках рациональной дилеммы: "да-нет", "черное-белое", который свойственен европейцам, признаком упрощенного взгляда, примитивизма. Жизнь сложнее, и если убрать моральную составляющую, когда думаем одно, говорим другое, а делаем третье, - это признак того, что мир нужно видеть во всех его проявлениях. В восточной культуре эти противоположности воспринимаются как неотъемлемые части одного и того же. Платформа «ДА» создает возможности не только для того, чтобы декларировать принцип толерантности, но и многое делать для его реализации. Прежде всего через носителя и пропагандиста высоких духовных ценностей - через представительство интеллигенции. Поэтому в рамках платформы объединены писатели, журналисты,

ученые, представители искусства, культуры. Это дает возможность встречаться на научных конференциях и обсуждать актуальные для всех темы, обмениваться визитами. Раз в два года в Анталии проходит форум интеллектуалов Евразии, посвященный глобальным проблемам современности. Одно из последних таких обсуждений касалось проблем семьи.

Представители более 50 стран, около 600 человек обменивались мнениями о том, как развивается этот важнейший социальный институт в современном мире с учетом исторических особенностей. Так, в 2012 году форум был посвящен экономическим проблемам, на нем с обстоятельным докладом выступил вице-премьер Турции, а также известные ученые из США, Австрии, Украины и других стран. Выступающие докладчики отмечали, что получение материального продукта сопряжено с вопросом его справедливого распределения. Больше производить и справедливее распределять - этот девиз актуален как никогда. Понятие справедливости - ценность не иждивенческая, когда одни должны работать, а другие получать. Скорее, важно чтобы справедливость отождествлялась с этическими ценностями. Принцип равенства как правило равных возможностей вернулся к нам на новом историческом витке. При этом, ничего нового в поиске гармоничного общества не появилось. Меняются названия в кодификации процесса, оно может называться коммунизмом, социализмом, обществом равных возможностей, демократией, свободой, социально-ориентированной экономикой, но суть то одна - в центре должен быть человек.

Тот опыт, который имеет Беларусь, находясь в центре Европы, испытывая мощное влияние таких гигантов как объединенный в Евросоюз Запад - с одной стороны, и метрополия в лице России – с другой, а также влияние с севера и с юга, очень поучителен и для нас самих и для других. История нашего государства научила людей быть открытыми и толерантными. Мы интересны миру не только потому, что здесь можно развить бизнес, но и как страна, обладающая высоким уровнем культуры и образованности. Все это в целом дает нам возможность развиваться, конкурировать, учиться у других и быть востребованными. Международное общественное объединение "Диалог-Евразия" этому способствует. Общественное движение - это форма гражданского общества. Это то, что является главнейшим признаком демократии. При этом, когда общественные инициативы развиваются в русле государственной политики и в рамках межгосударственных отношений, эти организации достигают значительно больших успехов в развитии культурного диалога, толерантности, знакомства друг с другом. В данном случае интересы государства и общества совпадают. Международная общественная инициатива, закрепленная в работе Платформы «ДА», отмечает свое 15-летие. Эта работа интересна тем, что направлена на гармонизацию интересов различных стран, для каждой из которых характерен свой культурный уклад, своя государственная политика.

Через объединение различных стран и различных культур развиваются высшие духовные ценности, благодаря которым человечество будет сохраняться и прогрессировать в своем развитии.

Литература:

1. Культура Беларуси: 20 лет развития. 1991-2011 (под общей редакцией О.А.Галкина, И.Г.Голубевой) – Минск: Институт культуры Беларуси, 2012
2. Кшиштоф Занусси «Между ярмаркой и салоном» Минск, 2003.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОГИЛЕВСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С.М. ВОСОВИЧ

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

С целью содействия деятельности православной миссии среди нехристиан Российской империи было создано Православное миссионерское общество. Оно было торжественно открыто 25 января 1870 г. в г. Москве на основании устава утвержденного императором Александром II 21 декабря 1869 г. [1].

Первоначально миссионерское общество планировало содействовать развитию православной миссии в восточных регионах Российской империи, а в последствии при наличии средств и в других областях империи, за исключением Кавказа и Закавказья. Руководил деятельностью православного миссионерского общества совет, находившийся в г. Москве. Председателем совета являлся московский митрополит. В епархиях были созданы комитеты под председательством местных епископов или их викариев.

Могилевский епархиальный комитет Православного миссионерского общества был открыт 2 января 1877 г. Он не отличался стабильностью количества своих членов. Только с середины первого десятилетия XX в. в нем насчитывалось 52–57 человек, за исключением 1908 г. Увеличение количества членов комитета до 80 человек в 1908 г. связано с усиленной деятельностью духовенства, которая активизировалась после обращения епископа Стефана [таблица 1].

Таблица 1

Количество членов Могилевского епархиального комитета Православного миссионерского общества в 1900–1913 гг.

	Годы						
	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906
Количество членов	38	47	-	49	30	52	52
	Годы						
	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Количество членов	57	80	56	56	54	56	56

Вся деятельность епархиальных комитетов выражалась в сборе средств на нужды миссионерского общества в пределах своих епархий и пересылке части из них в некоторые епархиальные миссии Российской империи, указанные советом общества. Так, Могилевский епархиальный совет на протяжении 1903–1913 гг. отослал на миссионерские потребности в другие епархии 15279 руб. 59½ [таблица 2]. Причем епархиальные комитеты отсылали средства в разные миссии Российской империи, в основном сибирские. Только незначительные средства направлялись в Японскую миссию.

Таблица 2

Сумма, собранная Могилевским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества в 1903–1914 гг.

	Годы					
	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Собранная сумма (в руб.)	1332,42	1236,92	1117,53	1211,44½	1916,72	1532,23
	Годы					
	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Собранная сумма (в руб.)	1389,37	1331,46	1528,31	1240,43	1442,76	-

Могилевский епархиальный комитет тратил часть собираемых средств на местные миссионерские цели [таблица 3]. Еще в конце XIX в. указанный комитет предпринял попытку использовать незначительную часть собираемых денег на местные миссионерские потребности. 1 мая 1898 г. он просил у совета Православного миссионерского общества разрешения использовать ежегодно 200 руб. на пособия евреям, принявшим православие. Однако совет не счел возможным удовлетворить данную просьбу Могилевского епархиального комитета. Только 17 апреля 1901 г. общее собрание совета Православного миссионерского общества разрешило использовать на пособия евреям ежегодно до 200 руб. В результате, Могилевский епархиальный комитет уже 1901 г. выделил 105 руб. на пособия «новокрещенным» евреям. В 1903 г. на эти цели было израсходовано 120 руб., а в 1904 г. – даже «немногим более 200 рублей». Однако вскоре новый могилевский епископ Стефан 3 апреля 1905 г. на общем годичном собрании членов миссионерского общества Могилевской епархии указал на то, что «просвещению христианским учением евреев еще не пришло время, которое настанет тогда, когда, по учению апостола Павла, исполнится мера обращенных в христианство язычников» [2, с. 226]. Поэтому Могилевский комитет, по словам епископа, должен был в основном продолжать ограничивать свою деятельность, главным образом, сбором денежных средств для устройства православных миссий среди язычников. Тем не менее, в 1905 г. на нужды местной миссии было выделено 200 руб.

Таблица 3

Сумма, израсходованная Могилевским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества, на миссионерские цели в 1900–1913 гг.

Годы	Название миссии, которая получила средства, собранные Могилевским епархиальным комитетом	Размер отсылаемой суммы (в руб.)	Общая сумма (в руб.)
900	Оренбургская	1196,59	1217,92
	Японская	21,33	
901	Алтайская	1024,18	1043,58
	Японская	19,40	
	<i>На местные миссионерские нужды</i>	105	
902	-	-	-
	-	-	
	Камчатская	1024,13	1042,

903	1	Японская	18,48	61
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	120	120
904	1	Киргизская	1125,52	
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	<i>Немногим более 200</i>	<i>Немногим более 200</i>
905	1	Иркутская	1020,0	1041, 79
		Японская	21,79	
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	200	200
906	1	Забайкальская	860	860
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	200	200
907	1	Астраханская	881,37	881,3 7
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	200	200
908	1	Оренбургская	1000	1058, 31
		В совет общества	58,31	
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	200	200
909	1	Красноярская	1200	1229, 41
		В совет общества	29,41	
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	200	
910	1	Алтайская	1000	1032, 41
		В совет общества	32,41	
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	200	200
911	1	Забайкальская	1000	1000
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	200	200
912	1	Владивостокская	1300	1300
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	200	200
913	1	Киргизская	1700	1700
		<i>На местные миссионерские нужды</i>	200	200

После создания в 1906 г. в Могилевской епархии епархиального миссионерского совета средства, предназначенные на пособия евреям, стали ежегодно передаваться с разрешения совета Православного миссионерского общества в распоряжение Могилевского миссионерского совета. Они предназначались по-прежнему, преимущественно, для оказания помощи «новокрещенным» евреям. Только в 1907 г. Могилевский миссионерский комитет сам выделил пособие двум евреям на сумму 20 руб. 15 коп., а остальные деньги передал Могилевскому епархиальному миссионерскому совету.

Выделяемые миссионерским комитетом деньги на местные миссионерские нужды на протяжении 1901–1913 гг. не превышали 19 % расходов, специально предназначенных на миссионерские цели [таблица 4]. Из-за недостатка средств, находившихся в распоряжении Православного миссионерского общества, совет с 1912 г. увеличил взносы Могилевского епархиального комитета в пользу сибирских миссий. Соответственно уменьшилась и процентная доля расходов, предназначенных на местные миссионерские цели к общим миссионерским затратам. Это свидетельствует о

том, что в Православном миссионерском обществе не понимали специфики миссионерской работы в Северо-Западном крае и не готовы были пожертвовать на нее значительных сумм.

Таблица 4

Соотношение расходов Могилевского епархиального комитета, специально предназначенных на местные нужды к общим миссионерским расходам в 1901–1913 гг.

годы	Сумма, выделенная на местные миссионерские цели (в руб.)	Сумма, специально выделенная на общие миссионерские цели (в руб.)	Процентное соотношение (в %)
901	105	1148,58	9,14
902	-	-	-
903	120	1162,61	10,32
904	Около 200	Около 1325,52	Около 15,09
905	200	1241,79	16,11
906	200	1060	18,86
907	200	1081,37	18,49
908	200	1258,31	15,89
909	200	1429,41	13,99
910	200	1232,41	16,23
911	200	1200	16,66
912	200	1500	13,33
913	200	1900	10,52

С целью сбора средств епархиальные комитеты рассылали через благочинных во все приходы епархий подписные листы и возвания, большое количество которых ежегодно присылалось советом общества. Кроме того, во всех церквях епархии обносились кружки, установленные для сбора пожертвований на распространение православия между язычниками империи, в пользу Японской миссии и на общие миссионерские потребности. В неделю православия во всех приходах проводился единовременный тарелочный сбор. Средства комитета ежегодно пополнялись также и членскими взносами, которые вносились членами общества. Отдельные лица делали

единовременные пожертвования. Доходы комитета незначительно увеличивались также и за счет ежегодно получаемых процентов с капитала, хранившегося в сберегательной кассе губернского казначейства. С целью увеличения собираемых средств епархиальный комитет и духовенство стремились поддержать в православном населении сочувствие к деятельности православного миссионерского общества. Духовенство перед сбором средств регулярно произносило проповеди, в которых разъясняло своим прихожанам необходимость участия верующих в миссионерской деятельности, прочитывало и вывешивало на дверях церквей в дни первой недели Великого поста воззвания Православного миссионерского общества. Епархиальный комитет в свою очередь регулярно устраивал собрания членов и ревнителей данной организации, рассылал и раздавал свои отчеты и отчеты всего общества.

Пожертвования, собранные по подписным листам и с помощью кружек в неделю православия, предоставлялись непосредственно в комитет окружными благочинными или настоятелями церквей. Членские взносы вносились, как правило, на общих собраниях членов общества или записывались в подписные листы, а остальные пожертвования, собранные духовенством, предоставлялись в комитеты местными духовными консисториями.

Большинство правящих архиереев Могилевской епархии прикладывали усилия к увеличению средств Православного миссионерского общества. Так, в 1907 г. епископ Могилевский и Мстиславский Стефан призвал духовенство «к усилению забот о материальном положении Миссионерского общества, как личным участием, записью в число действительных его членов, так и привлечением к такому же участию и своих прихожан» [3, с. 2; 4]. В 1906 г. данный епископ передал в распоряжение Могилевского миссионерского комитета свое сочинение «Православно-христианское нравственное учение по сочинениям Иннокентия Архиепископа Херсонского» и пожертвовал 2527 руб. 2 коп., необходимые на его издание [3, с. 4].

Таким образом, Могилевский епархиальный комитет Православного миссионерского общества до конца XIX в. ограничивал свою деятельность сбором средств в пользу данной организации. С 1901 г. часть собираемых денег стала использоваться Могилевским комитетом на местные миссионерские цели.

Литература:

1. Указ Св. Синода, от 21 декабря 1869 г., № 60, в Высочайше утвержденном Уставе православного миссионерского общества // Минские епархиальные ведомости. – 1870. – № 5 (отдел официальный). – С. 39–40.
2. Общее годовичное собрание членов и ревнителей Миссионерского Общества по Могилевской епархии // Могилевские епархиальные ведомости. – 1905. – № 9 (часть неофициальная). – С. 225–227.
3. Отчет Могилевского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1907 год. – 1907. – 17 с.
4. Стефан, епископ. Речь Преосвященнейшего Стефана, Епископа Могилевского и Мстиславского, при открытии общего собрания членов и ревнителей Могилевского Миссионерского Комитета, 15 апреля 1907 г. / епископ Стефан // Могилевские епархиальные ведомости. – 1907. – № 12 (часть неофициальная). – С. 411–417.

ПРАВЯДЗЕННЕ КАМАСАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ ДРАГЧЫНСКАГА
ПАВЕТА ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА ў 1921-1939 гг.

В.П. ГАРМАТНЫ

Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Баранавічы, Беларусь

Камасацыя (хутарызацыя) – гэта адна са складовых частак аграрнай рэформы польскіх улад, якая ажыццяўлялася ў 1921-1939 гг. на землях Польшчы, і найперш за ўсё Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны [11, с. 94] з мэтай ліквідацыі цэраспалосіцы і сістэмнай трансфармацыі сельскай гаспадаркі для вываду яе на новы ўзровень праз стварэнне рацыянальнай гаспадаркі, арыентацыю яе на рынак, пашырэнне і ўмацаванне таварна-грашовых адносін. Цэраспалосіца абцяжарвала сялян, аказвала адмоўны ўплыў на якасць апрацоўкі зямлі і садзейнічала зніжэнню паказчыкаў ураджайнасці сялянскіх надзелаў [9, с. 60]: гаспадаранне на шматлікіх невялікіх надзелаў зямлі, адлеглых ад сябе часам на некалькі кіламетраў, было вялікаю і марнаю стратаю сіл і часу селяніна. Цэраспалосіца падзялялася на ўнутраную (на абшары асобнай вёскі знаходзіліся надзелы толькі мясцовых сялян) і знешнюю (прысутнічалі надзелы сялян іншых вёсак).

Па выніках Рыжскай мірнай дамовы (18 сакавіка 1921 г.) Заходняя Беларусь (у тым ліку і Драгічыншчына) увайшла ў склад міжваеннай Польшчы (II Рэчы Паспалітай). У адпаведнасці з прынятым у Польшчы адміністрацыйна-тэрытарыяльным уладкаваннем заходнебеларускія землі былі падзелены на ваяводства, паветы і гміны, у выніку чаго Драгічын стаў павятовым цэнтрам Палескага ваяводства. Плошча Драгічынскага павета складала 2 362 кв. км., колькасць насельніцтва – 63 186 (1921 г.) і 97 000 (1931 г., з іх у Драгічыне – 1 987) чалавек. Павет падзяляўся на 12 гмін: Адрыжын, Бездзеж, Брашэвічы, Валовель, Варацэвічы, Драгічын, Дружылавічы, Імянін, Моталь, Осаўцы, Хомск, Янава. На падставе распараджэння старшыні Галоўнай Зямельнай Управы (Główny Urząd Ziemiański) ад 10 ліпеня 1922 г. з мэтай ажыццяўлення сістэмнай трансфармацыі аграрнага ладу створаны павятовыя зямельныя ўправы, у тым ліку і Драгічынская.

Закон аб правядзенні камасацыі (scalenia, ссялення) прыняты Сеймам II Рэчы Паспалітай 31 ліпеня 1923 г. [15]. Працэс камасацыі быў доўгім і складаным, бо польскім уладам неабходна было правесці вялікі аб'ём падрыхтоўчых работ і скласці патрабуемыя шматлікія нарматыўна-прававыя і тэхнічныя дакументы. Улады стараліся правесці камасацыю мірна і нават дэмакратычна: ставілі пытанне хутарызацыі вёскі на разгляд на агульным сялянскім сходзе, і калі большая палова мясцовых сялян выказвалася супраць, то на гэтых умовах камасацыя не праводзілася [1, с. 163]. Паводле ацэнак тагачасных польскіх даследчыкаў для камасацыі асобнай вёскі неабходна было як мінімум 1½-2 гады, у першую чаргу для падрыхтоўкі нарматыўна-прававой і тэхнічнай дакументацыі. Для ажыццяўлення работ па камасацыі вёскі сяляне павінны былі абраць раду (савет) ссялення (rada uczestników scalenia), колькасць членаў рады залежала ад колькасці сялян вёскі і звычайна складала ад 3 да 7 чалавек [12, с. 22]. За камасацыю кожнага гектара зямлі ў залежнасці ад яе якасці сяляне павінны былі плаціць звычайна ад 14 да 20 злотых, акрамя таго, аплачвалася складанне праектаў, правядзенне меліярацыі і перанясенне дарог, утрыманне землеўпарадкаў і г.д.

Перад правядзеннем камасацыі мясцовыя ўлады складалі падрабязны план работ па яе ажыццяўленню, заключалі папярэднюю дамову з землемерам аб тэрмінах і

ходзе выканання плануемых работ, умовах аплаты выкананай працы і г.д. Так, напрыклад, 19 ліпеня 1928 г. выконваючы абавязкі старшыні Палескай Акруговай Зямельнай Управы (Poleski Okręgowy Urząd Ziemiański, ПАУЗ) Леон Сулоўскі заключыў дамову з землямерам Уладзімірам Пагоцкім аб выкананні працы па камасацыі вёскі Асаўніца гміны Моталь агульнаю плошчаю сялянскай зямлі каля 1 019 га па кошту 18 злотых за 1 га (з іх 5% ці 917 злотых 10 грошаў выплачваліся авансам) [5, Арк. 2-3]. Паводле заключанай дамовы землямер абавязваўся распачаць працу не пазней за 25 ліпеня 1928 г. і ў сваёй працы прытрымлівацца наступнага плана: 1 стадыя: а) усталяваць абшар ссялення і вызначыць пратакол да 10 верасня 1928 г. (10% ад аплаты); б) вызначыць класіфікацыю зямель па ўраджайнасці да 10 лістапада (5%); 2 стадыя: а) вылічыць агульную паверхню аб'ядноўваемых зямель і скласці класіфікацыйны рэестр да 1 студзеня 1929 г. (10%); б) скласці агульны памярова-класіфікацыйны план становішча перад ажыццяўленнем камасацыі да 1 сакавіка 1929 г. (10%); 3 стадыя: а) на перворысе на працягу 1 месяца пасля зацвярджэння ПАУЗ старога плана зрабіць праект ссялення (10%); б) на працягу 3 месяцаў ад даты зацвярджэння зрабіць агульны план з улікам класіфікацыі зямель (25%); 4 стадыя: а) пасля паведамлення аб зацвярджэнні праекта ссялення на працягу 5 месяцаў распачаць працы на грунце (10%); б) пасля правядзення тэхнічнай рэвізіі скласці ў Драгічынскую павятовую зямельную ўправу агульны праект ссялення (3%); в) на працягу 2 тыдняў вызначыць на грунце межы новых надзелаў і скласці адпаведную справаздачу (12%); 5 стадыя: а) скончыць і накіраваць у ПАУЗ усе неабходныя дакументы на працягу 2 месяцаў; б) без аплаты выправіць на працягу 1 месяца ўсе выказаныя заўвагі наконт плануемага ажыццяўлення ссялення.

Неабходна падкрэсліць, што польскія ўлады надавалі вялікую ўвагу правядзенню камасацыі ў Заходняй Беларусі і пільна кантралявалі працу землямераў на ўсіх этапах ажыццяўлення работ. У выпадку зацягвання тэрмінаў складання планаў камасаваных зямель землямеру пагражаў штраф у 10% за кожны месяц затрымкі ад аплаты за вызначаны аб'ём работы. Так, 18 кастрычніка 1928 г. землямерам Пагоцкім усталяваны абшар ссялення Асаўніцы са спазненнем на 1 месяц. Землямер растлумачыў такую затрымку працяглай спрэчкай з-за мяжы паміж вёскай Асаўніца і мястэчкам Моталь, у сувязі з чым было вырашана не караць землямера і выплаціць яму адпаведную суму [5, Арк. 18].

Летам 1928 г. польскія ўлады вялі разбор справы землямера Мікалая Катовіча, які ажыццяўляў праект камасацыі вёскі Заверша гміны Бездзеж і прыйшлі да высновы, што праз неадпаведны падбор дапаможнага персаналу і неналежнае ажыццяўленне нагляду і кіраўніцтва з боку Катовіча землямерныя працы праводзіліся нядбала і былі некалькі раз перароблены, што ў выніку выклікала значнае зацягванне тэрмінаў. Землямера неаднаразова строга папярэдзвалі аб неабходнасці своєчасовага і якаснага выканання памераў, але ўсё было дарэмна. Улічваючы той факт, што працы па камасацыі Заверша не выклікала аніякіх цяжкасцяў, а таксама з-за адсутнасці юрыдычных рознагалоссяў, улады прыйшлі да высновы, што зацягванне тэрмінаў камасацыі можна паставіць у віну выключна землямеру, а далейшая яго праца не прынясе жадаемых вынікаў. У рэшце рэшт было прынята рашэнне разарваць дамову з Катовічам, абавязаць яго вярнуць атрыманыя раней грошы за ссяленне вёскі ў памеры 6 924,06 злотага і столькі ж у якасці

штрафа. 19 ліпеня 1928 г. праект камасацыі вёскі Заверша перададзены землямеру Стэфану Лаўрыновічу (Пінск, вул. Краеўскага, 46) [3, Арк. 23, 42].

8 красавіка 1929 г. улады адзначалі, што землямер Ежы Ярома, які ажыццяўляў ссяленне вёскі Ласінцы гміны Брашэвічы, спазняецца ў тэрмінах выканання прац больш чым на 3 месяцы, надзеі на лепшае ўжо няма і ў сувязі з гэтым дамова аб камасацыі з ім была разарвана [8, Арк. 13].

10 кастрычніка 1930 г. землямер Тадэўш Стульгінскі тлумачыў затрымку з ажыццяўленнем камасацыі вёскі Белін гміны Осаўцы тым, што накіраваны ў вёску памочнік Ануфры Максімаў адначасова выконваў камасацыю вёскі Лассоты Брэсцкага павета, праект якой быў згублены і яму прыйшлося ў першую чаргу знаходзіцца там. Накіраваны ў Белін на замену яму Тадэўш Зялінскі быў нечаканы выкліканы 22 верасня 1930 г. на шасцітыднёвыя вайсковыя зборы, таму затрымка з ажыццяўленнем камасацыі была не па віне землямера [7, Арк. 19].

Пры ажыццяўленні камасацыі сяляне спадзяваліся атрымаць дадатковы надзел ворнай зямлі, але ў польскіх улад не хапала на гэта свабодных зямель і ў першую чаргу сяляне павінны былі набываць яе самастойна. Так, на 1928 г. у вёсцы Плішчыцы гміны Брашэвічы налічвалася 18 карлікавых гаспадарак, на кожную з якіх на надзяленне зямлёю патрабавалася да 7,5 га (у цэлым 45,5 га). Усе малазямельныя паведамлялі, што жадаюць набыць дадатковую зямлю ў навакольным маёнтку Думск ці з зямель царквы ў вёсцы Брашэвічы і не згаджаюцца на продаж сваіх надзелаў і перанясенне гаспадаркі ў іншае месца. Разам з тым у адказе ўлад паведамлялася, што азначаны маёнтак мае плошчу ўсяго ў 95 га, таму не падпадае пад прымусовы продаж, акрамя таго, надзяленне сялян зямлёю парафіяльнай царквы ў Брашэвічах не з'яўляецца магчымым, бо яна ўжо вызначана на надзяленне зямлёю сялян вёскі Брашэвічы [6, Арк. 16зв.].

24 ліпеня 1929 г. у выніку працы Ацэначнай Камісіі землі сялян вёскі плішчыцы былі падзелены на 7 класаў: 1) добра прыдатныя да апрацоўкі з урадлівым слоём у 40 см па кошту 800 злотых за 1 га; 2) падыходзячыя ў першую чаргу пад агароды, у 35 см, 700 злотых; 3) пад ячмень і жыта, 30 см, 600 злотых; 4) пад авёс і лён, 30 см, 500 злотых; 5) пясчаныя, патрабуючыя угнаенняў, 35 см, 400 злотых; 6) мала прыдатныя да апрацоўкі, вільготныя, 25 см, 300 злотых; 7) дрэнна апрацоўваемая зямля, 15 см, 200 злотых [6, Арк. 60].

Значнаю перашкодаю на шляху ажыццяўлення ў Заходняй Беларусі камасацыі быў востры недахоп кваліфікаваных землямераў і іх памочнікаў для правядзення землямерных і меліяратыўных работ. Для ажыццяўлення работ па камасацыі польскія ўлады падбіралі ў асноўным былых афіцэраў-артылерыстаў, матэрыяльна заахвочваўся ўдзел у камасацыі навучэнцаў дарожна-будаўнічых і іншых інжынерных школ [1, с. 163]. Ажыццяўляць камасацыю маглі толькі польскія грамадзяне, у сувязі з гэтым часам узніклі значныя праблемы. Так, напрыклад, летам 1928 г. адзначалася, што з землямерам, якія праводзілі работы па камасацыі ў вёсцы Вулька і наваколлі гміны Хомск толькі адзін збіраўся атрымаць грамадзянства II Рэчы Паспалітай, у той час як іншыя яго навогул не мелі і не распачалі працэс. У цэлым падкрэслівалася неабходнасць давесці працы па камасацыі вёсак да канца, а землямераў заставіць у рэзерве [4, Арк. 22].

Неабходна адзначыць, што першапачаткова камасацыя ажыццяўлялася ў Заходняй Беларусі даволі марудна з-за недахопу ў сялянства сродкаў і будматэрыялаў на перасяленне, таму з мэтай паскарэння камасацыі 14 студзеня 1927 г. выдадзена сумеснае распараджэнне Міністэрства сельскагаспадарчых рэформ (Ministerstwo Reform Rolnych, МСГР) і Міністэрства Фінансаў аб аказанні дапамогі хутаранам [13]. Дзяржаўная дапамога прадастаўлялася у форме крэдытаў у першую чаргу на перанясенне на новае месца старых пабудоў ці ўзвядзенне новых жылых і гаспадарчых будынкаў на вызначаных надзелах [11, с. 97]. Крэдыт хутаранам выдзяляўся з вызначаных на гэтыя мэты фондаў МСГР у форме дадатковых банкаўскіх пазык пад 4% гадавых (артыкул 3). Уладальнікам новаствораных хутарскіх гаспадарак выдаваўся банкаўскі крэдыт: 1 200 (у выключных выпадках да 2 500) злотых на перанясенне будынкаў і 600 (800) злотых на меліярацыю (артыкул 4), а таксама малазямельным гаспадарам на набыццё дадатковай ворнай зямлі. Высокасць пазыкі ў стасунку на 1 га новаатрыманага надзела не магла перавышаць сярэднярынкавага кошту зямлі ў дадзенай мясцовасці (артыкул 5). Агульная сума крэдыту на набыццё зямлі на 1 гаспадарку не магла быць больш 1/2 сукупнага кошта ўсіх надзелаў селяніна (артыкул 6).

Польскі ўрад усяляк заахвочваў намер сялян Заходняй Беларусі перасяліцца на хутары, перш за ўсё матэрыяльна. З канца 1934 г., улічваючы значную запазычанасць сялян па аплаце камасацыйных работ, польскімі ўладамі праводзілася іх планамерная адтэрміноўка, таму мясцовыя ўлады маглі зменшыць і нават для найбольш бедных сялян навогуле адмяніць плату за правядзенне неабходных работ па камасацыі. Так, напрыклад, 30 студзеня 1935 г. 12 сялян вёскі Глінна гміны Адрыжын падалі заяву на імя міністра сельскай гаспадаркі, у якой прасілі зняць плату за правядзенне камасацыі, абгрунтоўваючы гэта сваім цяжкім матэрыяльным становішчам [10, с. 111]. У сваёй заяве сяляне адзначалі, што ў сувязі з тым, што “паводкі Каралеўскага канала і р. Піна знішчылі наш ураджай, а ў асаблівасці галоўны наш прадукт – сена, без якога мы матэрыяльна разараны... (Мы) пастанавілі звярнуцца ў найвысокае Міністэрства зямельных рэформ з просьбаю аб ласкавай адмене з нас азначаных выплат за хутарызацыю” [2, Арк. 2]. Пастановаю мясцовых улад азначанае прашэнне сялян было часткова задаволена.

Увогуле паводле справаздачы палескага ваяводы па стану на 1 красавіка 1937 г. у Драгічынскім павеце былі скамасаваны 72 вёскі агульнаю плошчаю зямельных надзелаў у 58 760 га, што складала 57,7% ад патрабуемых работ. Да 1 красавіка 1938 г. уладамі планавалася скамасаваць у павеце яшчэ 26 вёсак, якія ахоплівалі 20 951 га (20,6%) [14, с. 15]. Падводзячы вынікі, трэба адзначыць, што правядзенне польскімі ўладамі ў Драгічынскім павеце ў 1921-1939 гг. камасацыі садзейнічала ліквідацыі цераспалосіцы, вылілася ў паўсюднае насаджэнне эканамічна моцных рынкава арыентаваных фермерскіх гаспадарак, здольных не толькі забяспечваць сябе самастойна, але і пастаўляць прадукты на рынак. Дзякуючы правядзенню хутарызацыі паляпшалася якасць апрацоўкі зямлі і адпаведна ўзрастала яе ўраджайнасць і агульны збор культур. Камасацыя змяншала колькасць працадзён сялянства, патрабуемых для апрацоўкі асабістага надзела, садзейнічала станаўленню капіталістычных адносін у сельскай гаспадарцы рэгіёна, стварала для мясцовых сялян значныя магчымасці для вядзення рацыянальнай гаспадаркі, але не ўсе з іх змаглі імі скарыстацца.

ЛІТАРАТУРА

1. Гарматны, В.П. Правядзенне камасацыі ў Палескім ваяводстве II Рэчы Паспалітай (1921-1939 гг.) / В.П. Гарматны // *Białoruskie Zeszyty Historyczne* (Беларускі гістарычны зборнік, Беласток), 2008. – № 30. – S. 162-171.
2. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). Ф. 1. – Воп. 6. – Спр. 2067. Заявления граждан и переписка с поветовыми старостами и др. о предоставлении отсрочек при оплате работ за хуторизацию земель
3. ДАБВ. Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 967. Дело об объединении земель деревни Завершье гмины Бездеж Дрогичинского повета за 1926-1933 годы
4. ДАБВ. Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 996. Дело об объединении земельных участков деревни Вулька гмины Хомск пов. Дрогичинского за 1926-1929 годы
5. ДАБВ. Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 1022. Дело об объединении земельных участков дер. Осовница, гм. Мотольской, пов. Дрогичинского за 1928-1937 гг.
6. ДАБВ. Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 1044. Дело об объединении земельных участков дер. Плищицы, гм. Брашевицкой, пов. Дрогичинского
7. ДАБВ. Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 1074. Дело об укрупнении земельных участков деревни Белин гмины Осовцы Дрогичинского повета
8. ДАБВ. Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 1370. Дело об объединении земель деревни Лосиньце, гмины Брашевичи, д. Пяхановичи, гмины Воловель, повета Дрогичинского (1928-1930 годы)
9. Здановіч, У.В. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Валовельскай гміны ў 1921-1939 гг. / У.В. Здановіч // *Берасцейскі хранограф: зборнік навуковых прац* [рэд. рада: М.Э. Часноўскі і інш.]. – Выпуск 4. – Брэст, Академия, 2004. – 396 с. – С. 60-63.
10. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Іванаўскага раёна / Пад агульнай рэдакцыяй В.М. Туркевіча, Л.А. Лавальчук. – Мінск, БелТА, 2000. – 590 с.
11. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920-1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Минск, Наука и техника, 1968. – 204 с.
12. Dworakowski, B. Wskazówki dla scalających grunty / B. Dworakowski, E. Jasiński. – Warszawa, Nakładem autorów, 1928. – 136 s.
13. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych z dnia 14 stycznia 1927 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o państwowej pomocy kredytowej przy scalaniu gruntów // *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (DURP)*. – 1927. – № 6. – Poz. 36. – S. 45-47.
14. Sprawozdanie wojewody Poleskiego na posiedzenie Rady wojewódzkiej w grudniu 1937 r. – Brześć-nad-Bugiem, Druk Związku Rezerwistów, 1937. – 78 s.
15. Ustawa z dnia 31 lipca 1923 r. o scalaniu gruntów // *DURP*. – 1923. – № 92. – Poz. 718. – S. 1050-1056.

СОЦІОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И УГРОЗЫ УТВЕРЖДЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ

А. Д. ГЕГЕР

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

Информационные технологии и глобальные информационные сети, как новые формы социальной организации, становятся определяющими тенденциями в на пути инновационного развития общества. По мнению А. Зверинцева, если коммуникация является процессом, следовательно, информация является тем, чем обмениваются при коммуникации [1]. Однако это понятие есть несколько суженным. Обычно в повседневной жизни информацию рассматривают как знания [2]. По нашему мнению информация – это коммуникация и связь, в процессе которого устраняется

неопределенность. Она также обеспечивает возможность контроля над энтропией, т.е. степенью беспорядка системы. Информация – это фундаментальное свойство вселенной, позволяющее преобразовывать и управлять материей. Однако подобные свойства информации могут реализоваться только в физической среде. Под этим мы имеем в виду целенаправленное воздействие на объект в соответствии с информацией, которой обладает субъект. На основе подобного взаимодействия, в системе «субъект – объект – информация» осуществляется значительное количество преобразований на разных уровнях. Одним из уровней подобного взаимодействия является социальная жизнь. Информация, в данном случае, выступает инструментом воздействия на граждан, их сознание. Однако, успешность реализации информационного сообщения прямо пропорциональна характеру среды (социальных групп), степени ее лояльности или критичности.

По уровню и характеру оценки информации выделяется два ее типа [2]: объективная (химическая, физическая, биологическая (генетическая), экономическая, правовая) и субъективная (социальная, политическая, психологическая, культурная и т.д.). Таким образом, информация реализуемая в социальной среде, является, в основном, проекцией когнитивных умозаключений индивида и может носить определенную субъективную окраску. Поэтому, без проверки и практической апробации, не может позиционироваться как единственно правдивая и правильная. В распространении непроверенных информационных сообщений состоит одна из угроз информационного общества. Наряду с этим существуют и другие угрозы, к ним, например, отнесем целенаправленное распространение недостоверной, или специально спроектированной информации с целью дезориентации и формирования фиктивных (ложных) убеждений. Таким образом, информация является не только социокультурным достоянием из совокупности данных, но и мощным инструментом, способным проектировать и преобразовывать мир, определяя, таким образом, особенности цивилизационного развития.

Проецируя на прикладной уровень, информация – способствует созданию глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам, и удовлетворение общественных потребностей в информационных продуктах и услугах. Вместе с тем, в современной политической практике особое значение приобретает тенденция становления информационного общества, как одной из основ демократии. При этом управляемость информационных потоков обеспечивает возможность существования явления «управляемой (имитационной) демократии» [3, 4].

Ни об одной из существующих демократий нельзя с уверенностью сказать, что она ни в коем случае не является (не была) имитационной. Однако соотношение имитации и реальной демократии в разных странах различны, что и позволяет выделять режимы имитационной демократии в отдельную подгруппу политических режимов.

Управляемая демократия (имитационная демократия, манипулируемая демократия, квазидемократия, псевдодемократия) – форма устройства политической системы государства, при которой, несмотря на формально демократическое законодательство и формальное соблюдение всех избирательных процедур, минимальным является фактическое участие гражданского общества в управлении государством и влияние общества на власть (обратная связь). Поскольку правящие

круги, которые имеют в странах с имитационной демократией реальную власть, как правило, имеют и контроль над ведущими СМИ, общественными организациями, инвестициями, формируя таким образом необходимые информационные сообщения. Соответственно, реализация концепции и ценностей информационного общества становится невозможной. Подобный политический уклад создает иллюзию политического выбора, формируя фиктивные ценности, ложные убеждения, обеспечивает реализацию стратегий политических манипуляций. Указанный способ социального управления имеет определенные преимущества по сравнению с силовым, административно-правовым и экономическим методами планирования, поскольку осуществляется незаметно, без прямого давления. Одновременно, было бы ошибкой искать положительный, с технологической точки зрения, опыт в области управления общественным мнением с помощью контролируемых информационных потоков.

Информационное или постиндустриальное общество – такая фаза («волна») в развитии цивилизации, когда главными продуктами производства становятся не вещи и энергия, а информация и знания. Термин «информационное общество» возник в 80-х годах XX в. и использовался представителями разных наук (А. Турен, П. Серван-Шрайбер, М. Понятовский, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас, Н. Луман, М. Мак-Люэн, Д. Белл, Э. Тоффлер, Д. Масуда), как сущностная характеристика особого вида постиндустриального общества. В качестве основного условия его формирования, они видели развитие мощных и высокотехнологичных глобальных информационных сетей [5, 6, 7]. Например, Д. Белл и Э. Тоффлер исследовали состояние и тенденции развития общества под влиянием информации и информатизации, а также – влияние последних на процесс перехода индустриального общества к информационному. М. Мак-Люэн прогнозировал становление глобального информационного общества в виде «глобальной деревни», в которой формируется глобальное сообщество с глобальным общественным мнением, что все больше влияет на действия правительств и международных организаций.

Конец XX – начало XXI в. ознаменовался бурными процессами информационно-коммуникационной революции в глобальных, мировых масштабах. По этому, создается принципиально новая ситуация не только в специфике социальной коммуникации на уровне масс-медиа – индивид, масс-медиа – группа, масс-медиа – общество, но и в сфере международных отношений [2].

Любой социум, кардинально отличный от его исторических предшественников, прежде всего, характеризуется новым качеством человеческой жизни, порождает «нового человека», и качественно новую социальную структуру. В информационном обществе, новое качество жизни заключается в обеспечении каждого человека любыми знаниями, и приводит к радикальным изменениям во всей системе общественных отношений (политическим, правовым, духовным и др.). То есть, основная идея информационного общества в социогуманитарном измерении заключается в достижении новой фазы развития – «общества знаний» и обеспечении для всех равного доступа к ним. Для стран, которые все еще находятся в состоянии цивилизационной неопределенности, информационное общество, к сожалению, во многом остается скорее популярным лозунгом, чем реальной практикой. Поэтому, становление информационного общества, как общества постиндустриального, требует не только роста информатизации и роли информационных технологий в общественных и

хозяйственных отношениях, но, главным образом, соответствующего уровня общественного сознания и самосознания.

Демократия – это ежедневный процесс отстаивания собственных прав гражданами. Однако, как демократические, так и недемократические правительства пытаются скрыть невыгодную для них информацию. Аксиома открытости власти – является единственным ответом на новые возможности информационных технологий управления массовым сознанием со стороны властей. Эта антитеза манипулированию защищает население от возможных негативных последствий [8]. Концентрация власти сдерживается прозрачностью и открытостью ее действий, что становится одним из вариантов контроля со стороны общественности, то есть происходит перераспределение власти на информационном уровне. Но поскольку информационный уровень легко превращается во властный, то статус прозрачности и открытости приобретает новое значение. Новая роль политтехнологов – это тоже проявление новых типов функционирования власти и населения в информационном обществе. Сегодня политики, пытаясь добиться победы в мире реальности, обращаясь к информационному или виртуальному миру. Это связано также с тем, что большинство граждан ориентируются на информацию, порождаемую СМИ. Решение избирателя осуществляется на основании информационного контекста.

Соответственно, возникает взаимовлияние закономерностей в системе «виртуальный мир – информационный мир – реальность» [9]. На уровне взаимодействия «виртуальный мир – информационный мир» реализуется феномен выборочного восприятия. Из информационного потока человек воспринимает лишь то, что соответствует его представлениям, отвергая то, что вступает с ними в противоречие. На уровне «информационный мир – реальность», из избирательного процесса проектируют исключительно гонки, где нет обращения к существенным программным тезисам, а главным становится рейтинг. Таким образом, достижения победы на виртуальном уровне, дает существенные преимущества на информационном уровне. Доминирование на информационном уровне, дает преимущества в пространстве реальности.

При этом следует учитывать новые тенденции, определяющие характер международного сотрудничества в эпоху глубинных трансформаций системы международных отношений и глобализации мирового развития, двигателем которых выступают знания и высокие технологии на фоне роста влияния информационного фактора на массовое сознание [10].

Информационные воздействия на массовое сознание существовали всегда, однако впервые термин психологическая война в 1920 г. применил британский историк Дж. Фуллер [9]. Психологические войны (операции) является коммуникативными технологиями, направленными на внесение изменений в поведение индивида посредством модификации его модели мира, которая осуществляется путем внесения изменений в информационные потоки. Информационные войны являются информационными технологиями, влияющими на информационные системы, с целью введения в заблуждение массового или индивидуального сознания [11].

Вся политическая сфера пытается контролировать, как виртуальный, так и информационные миры, чтобы в день голосования получить контроль на уровне реального мира. Также, возникает угроза формирования и реализации на фоне

неопределенности и амбивалентности общественных настроений так называемой квазиинформации. Вместе с этим, информационное общество является открытым, оно обеспечивает возможность отстаивать свои взгляды не только на руководящем уровне, оно также предлагает механизмы реализации политической и гражданской воли общества. А значит, информационное общество обеспечивает новый тип инструментария для решения социальных, политических, экономических задач исключительно в интеллектуально-информационном пространстве.

И так, можно считать, что феномен информационной трансформации, его социокультурные последствия и перспективы, выступают важным элементом инновационного становления постиндустриального общества.

Литература:

1. Зверинцев А. Б. Коммуникационный менеджмент / А. Зверинцев. – СПб. : [б. в.], 1997. – 288 с.
2. Бебик В. М. Інформаційно-комунікаційний менеджмент у глобальному суспільстві: психологія, технології, техніка публік рилейшинз / В. Бебик. – К. : МАУП, 2005. – 440 с.
3. Гегер А. Д. Політичні технології в умовах імітаційної демократії: ілюзія вибору / А. Гегер // VIII Всеукраїнська студентська науково-практична конференція “Український соціум: соціально-політичний аналіз сучасності та прогноз майбутнього”: Тези доповідей. м. Харків, 17 травня 2011 року. – Харків : 2011. – С. 61-62.
4. Гегер А. Д. Технології спотворення інформації в умовах імітаційної демократії / А. Гегер // IX Всеукраїнська студентська науково-практична конференція “Український соціум: соціально-політичний аналіз сучасності та прогноз майбутнього”: Тези доповідей. м. Харків, 25 листопада 2011 року. – Харків : 2011. – С. 58-59.
5. Ваттимо Дж. Прозрачное общество / Дж. Ваттимо. – М. : Логос, 2002. – 128 с.
6. Овчаров А. Вплив соціально-психологічних технологій на соціальне середовище / А. Овчаров // Соціальна психологія. – 2008. – №6. – С. 34–42.
7. Почепцов Г. Теорія комунікації / Г. Почепцов. – К. : Видавничий центр “Київський університет”, 1999. – 308 с.
8. Лайон Д. Інформаційне суспільство: проблеми та ілюзії / Д. Лайон // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. – К. : [б. в.], 1996 – С. 362–380.
9. Почепцов Г. Г. Інформаційна політика / Г. Почепцов, С. Чукут // Навч. посіб. – 2-ге вид., стер. – К. : Знання, 2008. – 663 с.
10. Губерський Л. В. Інформаційна політика України: європейський контекст: монографія / Л. Губерський, Є. Камінський, Є. Макаренко та ін. – К. : Либідь, 2007. – 360 с.
11. Schwartau W. An introduction to information warfare. War in the information age: new challenges for U.S. security policy / W. Schwartau – Washington etc., 1997. – P. 49.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О ФОРМИРОВАНИИ В РОССИИ “KNOWLEDGE SOCIETY”?

И.В.ГОРДЕЕВА

*Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия*

В настоящее время мало кто сомневается, что в перспективе информационные технологии станут новым «строительным материалом» международного рынка. На сегодняшний день человечество только начинает осознавать все грандиозные

последствия повсеместного внедрения глобальной компьютерной сети как в социально-экономическую сферу, так и в частную жизнь. Оценки стремительно формирующемуся прямо на наших глазах информационному обществу выставляются самые разнообразные, нередко взаимоисключающие: от нескрываемого восхищения возможностью получения доступа к любой необходимой информации и скоростью обмена информацией между людьми, до откровенного неприятия отказа от традиционных коммуникативных практик. Э. Дэвис отмечает, что «отдавшись ненасытному роботу науки, технологии и массовой культуры, мы отрезали себя от богатств собственной души и в высшей степени живительных сетей, таких как семья, община и родной край» [1, с.21]. Автор обвиняет современные информационные технологии в повсеместной мистификации массового сознания, возвращении его к архаическим формам мышления: «электронные медиатехнологии стирают логический и последовательный взгляд на мир, преобладающий на современном Западе» подменяя его игрой с виртуальными мирами: «и магия, и компьютерная наука имеют дело с созданием миров, заданных при помощи ряда правил» [1, с.36].

Тем не менее, не следует забывать, что помимо трансформаций традиционного мировоззрения, ИК-технологии также играют существенную роль в сферах современного бизнеса, политики и, разумеется, образования. Современный человек должен не только обладать определенным объемом знаний, необходимых в профессиональной деятельности, но и уметь работать с постоянно возрастающим потоком информации: искать необходимую информацию, используя разнообразные ее источники для решения тех или иных проблем, а также критически оценивать полученную информацию – умение, весьма востребованное, но, к сожалению нечасто встречающееся. Современным обществом востребованы профессионалы, умеющие самостоятельно обучаться и ориентироваться в информационном потоке. По словам Л.К. Туроу, «знание становится единственным источником долговременного устойчивого конкурентного преимущества, поскольку все остальное выпадает из уровня конкуренции, но знание может быть использовано только через квалификацию индивидов» [2, с.92].

Быстрое развитие и распространение новых информационных технологий оказывает возрастающее влияние на политику, экономику, науку и культуру общества, как в пределах отдельных государств, так и в мире в целом. Именно использование современных ИК-технологий позволяет осуществить полномасштабную реорганизацию сферы образования в отношении способов получения информации, выработки умения критически воспринимать последнюю и использовать в зависимости от конкретных потребностей. А. Соловов отмечает, что в настоящее время можно рассматривать электронное обучение уже не в качестве вспомогательного инструмента, но как полноправную новую образовательную парадигму [3, с.104], причем информатизация играет роль основного механизма реализации новой образовательной парадигмы, новое качество системы образования, средство реализации системной связи науки и образования.

Таким образом, можно констатировать, что глобальное информационное общество становится объективной реальностью, выступая в роли опорной конструкции некоего пространства нового типа. О каком же пространстве идет речь? Как мы можем охарактеризовать трансформации, происходящие на наших глазах в связи с ускоренным внедрением искусственного интеллекта и новых информационных и коммуникационных

технологий в нашу повседневную жизнь? Для того, чтобы попытаться понять и оценить степень происходящих изменений, обратимся к терминам, нередко используемым в качестве синонимов: «технотронная эра», «постиндустриальное общество», «информационное общество» и «общество знаний», причем последние два термина явно доминируют. Насколько корректно их использование в качестве взаимозаменяемых понятий? На взгляд автора, это не вполне уместно, так как последний термин включает не только общество, зависящее от технологических инноваций, но и включает весь спектр социальных, культурных, экономических и политических программ и делает упор на человеческой деятельности, подразумевая наличие активного творца, а не просто пассивного потребителя информационных услуг.

К большому сожалению, в современном российском обществе явно превалирует последний контингент. Так, согласно данным ВЦИОМ, число людей, интересующихся наукой и техническими достижениями, катастрофически снижается. Если в 2007 году об интересе к научным открытиям говорили 68% опрошенных, то в 2013 – только 47% [4]. Парадоксально, что несмотря на повышенное внимание российского руководства к развитию новых направлений фундаментальной и прикладной науки, модернизации экономики на основе внедрения наукоемких технологий, число соотечественников, которым наука не интересна в принципе, возросло с 28% в 2007 году до 49% в 2013-м.

К этому следует добавить, что базовый уровень знаний значительной части выпускников российских школ далек от требований, предъявляемых высшими учебными заведениями к потенциальным абитуриентам. Речь идет не только о низком уровне общеобразовательной подготовки и пробелах в знаниях, требующих организации занятий по корректирующим программам. Справедливые нарекания преподавателей вызывает также то, что первокурсники, в основном, недостаточно владеют навыками интеллектуального труда и самостоятельной работы, слабо подготовлены к активной познавательной деятельности, не умеют критически мыслить и рационально оценивать полученную информацию, а также логично и грамотно излагать свои мысли. Следует отметить, что претензии, аналогичные перечисленным выше, нередко предъявляют работодатели уже к выпускникам вузов, что служит лишним подтверждением серьезности поставленной проблемы.

Анализ причин нарушения преемственности школьного и вузовского образования позволяет выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, существуют значительные концептуальные расхождения в структурности различных уровней образования, в результате чего общеобразовательные и профессиональные программы плохо совмещаются между собой. Справедливые нарекания и претензии вызывают и многие учебники общеобразовательной школы, причем не столько из-за качества излагаемого материала (хотя и здесь возможны проблемы – от опечаток до откровенного искажения фактов), сколько их разнородность и, как следствие, абсолютно разные структура и содержание, несмотря на формальное соответствие учебных программ. В результате возникают ситуации, когда одни и те же разделы какой-либо дисциплины учащимися разных школ осваиваются в разные годы обучения и в абсолютно разной последовательности, нередко без какой-либо логической связи между предметами. Например, в школьном курсе биологии химический состав клетки изучается задолго до того, как в курсе химии учащиеся начинают знакомиться со сложными

органическими соединениями, поэтому понятия «белки», «липиды» и «углеводы» практически мало информативны.

Во-вторых, серьезной проблемой по-прежнему является перегруженность учебных программ сведениями, нередко избыточными и быстро устаревающими. Огромное количество информации, излагаемой в течение занятий и требующей выполнения домашних заданий в таком же объеме, вызывает отторжение и нежелание усваивать что бы то ни было в силу явного несоответствия требований, предъявляемых педагогами к уровню знаний предмета, и реальными возможностями учащихся освоить те или иные сведения. В то же время, появление специализированных классов, в которых в полном объеме осваиваются лишь некоторые дисциплины, необходимые для поступления в вуз на конкретные направления подготовки, также не является решением проблемы. Дело в том, что большинство потенциальных абитуриентов знают лишь, какие именно дисциплины в рамках ЕГЭ засчитываются при зачислении на ту или иную специальность в конкретный вуз, но не имеют представления о полной программе обучения по выбранной специальности. В результате студент, поступивший на специальность «Пищевая биотехнология» на основании результатов экзамена по химии, с удивлением узнает, что уже на первом курсе ему предстоит изучать биологию, физику и другие дисциплины, которым не уделялось должного внимания в школьном курсе обучения. Следствием этого является распространенная ситуация, когда первый год обучения преподаватели вынуждены посвящать ликвидации пробелов в знаниях у значительной части студенческой аудитории.

В-третьих, переходя из среднего образовательного учреждения в вуз, учащиеся не имеют опыта работы в новых обстоятельствах. Системы классно-урочных и лекционно-семинарских занятий отличаются не только разной продолжительностью, но и разными требованиями, предъявляемыми со стороны преподавателей. Отсутствие в вузе тотального контроля, постоянной проверки домашних заданий не только стимулирует самостоятельность и ответственность, но и порождает иллюзию полной свободы, в том числе и от посещения занятий в надежде «как-нибудь выкрутиться во время сессии». Однако сложившаяся в настоящее время во многих вузах практика балльно-рейтинговой системы оценки знаний не позволяет подобным студентам быть допущенными к сдаче соответствующих экзаменов. Это приводит к немалому количеству драматических ситуаций, когда учащиеся обнаруживают, что старая школьная привычка «ликвидировать долги и исправлять двойки в последние дни» в данной ситуации не срабатывает, оставляя студента в полной растерянности. Налицо противоречие между статусом учащихся и их предварительной подготовкой к обучению в новых условиях.

Таким образом, мы приходим к малоутешительным выводам. С одной стороны, никогда ранее научная информация не была столь доступна, так как в Интернет-пространстве можно найти большое количество сайтов с постоянно обновляющимися новостями из мира науки и техники, статьи и аннотации к ним ведущих российских и зарубежных журналов, как естественнонаучного, так и гуманитарного профиля практически по всем существующим научным дисциплинам. С другой стороны, согласно тем же данным, 32% наших соотечественников полагают, что Солнце вращается вокруг Земли, и мало кто может назвать фамилии современных российских ученых,

посвятивших жизнь научному поиску. Таким образом, говорить о формировании в России «общества знаний», в отличие от «информационного общества», пока не приходится.

Библиографический список:

1. Дэвис, Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху [Текст] / Э. Дэвис.– Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008.– 480 с.
2. Туроу, Л.К. Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир [Текст] / Л.К. Туроу / Пер. с англ. А.И. Федорова.– Новосибирск, 1999.–307 с.
3. Соловов, А. Электронное обучение – новая технология или новая парадигма? [Текст] / А. Соловов // Высшее образование в России.– 2006.– №11.– С.104-112.
4. Иванов А. Страна Митрофанушек / Андрей Иванов // <http://svpressa.ru/society/article/64979/>.– 4 марта 2013 года 06:59.

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСТВА БЕЛАРУСИ, УКРАИНЫ, ПОЛЬШИ ГЕРМАНИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Г.М. Грибов

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Проблема ценностей – одна из важнейших тем, исследованию которой уделяется большое внимание в философии и социологии. Особую актуальность эта проблема приобретает в условиях трансформирующегося общества, на этапе ломки, переоценки прежних идеалов и стереотипов. Наиболее оперативно на новые социально-экономические условия отзывается молодёжь, быстро реагируя на трансформационные процессы, происходящие во всех сферах общества. В связи с этим изучение ценностей молодого поколения – это очень серьёзная и актуальная научная задача. Представляет научный и практический интерес исследование ценностей не только наших белорусских молодых людей, но также их сверстников за рубежом. Для решения этой задачи было проведено сравнительное социологическое исследование в четырёх странах, в которых объектом анализа была избрана студенческая молодёжь.

В предлагаемой статье автором определены следующие основные цели.

1. Сравнить структуру и рейтинг основных базовых ценностей (ценностей-смыслов) студентов Беларуси, Украины, Польши и Германии.
2. Определить статус в сознании молодых людей национально-культурных ценностей
2. Выявить общее и особенное в понимании студентами названных четырёх стран социальной справедливости.

Выводы и обобщения, научные гипотезы, изложенные в публикации, основаны на результатах пилотажных конкретно-социологических исследований, выполненных в рамках госбюджетной НИР, которая проводится как часть Государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство» на 2011-2015гг.

Эмпирической базой выводов служит следующая серия опросов методом анкетирования (тип анкеты закрытая), проведённая в высших учебных заведениях четырёх стран:

- 2011 год, опрошено 87 студентов технических и гуманитарных специальностей Гохшале Равенсбург-Вайнгартен (Германия). Среди опрошенных респонденты в возрасте до 20 лет – 13.4%, 21-25 лет – 60.6%, старше 25 лет – 16,1%. Соблюдено гендерное равенство респондентов (50.7% – девушки, 49.3% – юноши).

- 2012 год, опрошено 203 студента технических и гуманитарных специальностей в Луцком национальном техническом университете и Волынском национальном университете им.Л.Украинки (Украина). Респондентов в возрасте до 20 лет – 68.5%, 21-25 лет – 31.5%, из них юноши составили 66.0%, девушки – 34.0%;

- 2012 год, опрошено 96 студентов экономических специальностей Политехники Белостокской (Польша), из которых студенты в возрасте до 20-ти лет – 62,5 %, 21-25 лет – 37,5 %, 59,38 % - женщины, 40,62 % - мужчины;

-2012 год, опрошено 200 студентов и учащихся в Брестском государственном техническом университете, Брестском политехническом и железнодорожном колледжах. Из опрошенных студентов в возрасте до 20 лет – 81,0 %, 21-25 лет – 19 %, в том числе мужчины – 57,0 %, женщины – 43,0 % .

Для определения рейтинга базовых ценностей в сознании студентов четырёх стран им был задан следующий вопрос

Таблица 1 – Какое значение Вы придаете в Вашей жизни следующим факторам? (в %)

	Беларусь		Украина		Польша		Германия	
	%	место	%	место	%	место	%	место
Здоровье	83,5	1	91.6	1	66.7	5	79.6	1
Семья, дети	76,5	2	75.9	2	53.1	13	45.8	12
Возможность общения с друзьями, родственниками	62,5	3	65.5	5	60.4	8	55.6	7
Дружба	62,5	4	66.0	4	21.9	27	71.8	2
Любовь	61,5	5	63.1	6	70.8	1	67.6	4
Возможность потреблять чистые продукты и дышать чистым воздухом	56,5	6	73.9	3	68.8	2	27.5	20
Хорошее образование, высокий уровень знаний	52,5	7	50.3	13	47.9	15	54.9	8
Возможность реализовать свои способности и таланты	48	8	60.1	8	81.3	3	48.6	10
Комфортное жилье	47,5	9	45.8	15	62.5	7	20.4	22
Справедливость в обществе	47,5	10	51.2	11	57.3	11	54.9	9
Гарантии прав человека	45	11	53.2	10	57.3	10	56.3	6
Карьера	44,5	12	57.1	9	28.1	23	14.1	26

Личная свобода	44	13	61.6	7	27.1	26	66.2	5
Моральные принципы и нормы поведения	43	14	41.4	16	17.7	29	35.9	16
Законность в государстве	41,5	15	51.2	12	41.7	17	27.5	21
Уважение других людей	39	16	34.0	25	20.8	28	10.6	30
Свободное время, содержательный досуг	38	17	36.0	23	59.4	9	47.9	11
Общение с интересными людьми	38	18	36.0	24	37.5	18	38.0	14
Деньги, материальное благополучие	36	19	37.1	20	29.2	21	13.4	28
Веселая, полная развлечений жизнь	32,5	20	30.5	27	67.7	4	37.3	15
Душевное спокойствие	30	21	36.5	21	30.2	20	71.1	3
Частная собственность	30	22	32.5	26	44.8	16	19.7	23
Секс	30	23	38.9	17	27.1	25	31.0	18
Суверенитет моего государства	26	24	46.3	14	62.5	6	29.6	19
Демократия в государстве	23	25	37.9	19	54.2	12	41.6	13
Природа, ее богатства и красоты	22,5	26	37.9	18	15.6	30	33.1	17
Удобная, красивая одежда	21,5	27	16.8	30	29.2	22	14.1	27
Религия	19,5	28	25.6	28	50.0	14	18.3	24
Искусство	16,5	29	19.2	29	28.1	24	12.0	29
Национальная культура	11,5	30	36.5	22	36.5	19	16.2	25

Сопоставление ответов студентов четырёх стран по вопросу о базовых ценностях позволяет сделать следующие выводы.

1. У всех опрошенных национальных групп молодежи представления о важности различных факторов достаточно разнообразны. Набор ценностей, которые «очень важными» считают более половины опрошенных респондентов, достаточно велик (7- у белорусов, 9 – у немцев, 13- у украинцев и поляков).

2. Во взглядах на ценности у охваченных исследованием молодых людей четырёх государств много общего. Это касается как многих ценностей-лидеров, так и ряда ценностей-аутсайдеров. К первым относится здоровье, дружба, любовь, гарантии прав человека, возможность общения с друзьями и родственниками, хорошее образование, социальная справедливость, возможность самореализации. Ценности, замыкающие рейтинг, также во многом идентичны. В «хвост» иерархии молодые люди поместили такие факторы, как «удобная и красивая одежда», «искусство», «религия», «национальная культура». Совпадают мнения в оценках важности и таких, находящихся в середине рейтинга, ценностей как общение с интересными людьми, секс.

2. Исследование выявило, в некоторых случаях даже существенные, отличия в ценностном сознании опрошенных групп студентов. Немецкие молодые люди гораздо выше ценят душевное спокойствие, психологический комфорт, а украинцы и белорусы семью, для немцев и поляков важнее демократия, а для украинцев и белорусов карьера.

4. Поляки и украинцы выше, чем белорусы и немцы, ставят такой политический фактор как суверенитет своего государства. Поляки отличаются более высокой

религиозностью (религия очень важна для каждого второго опрошенного) и чуть более высокой оценкой значимости искусства.

5. Для украинцев и немцев важнее личная свобода, а для поляков более высокий статус имеют гедонистические ценности (весёлая, полная развлечений жизнь).

5. Поляки и немцы выше ценят свободное время, содержательный досуг, но, с другой стороны, для них не так важно, как для белорусов и украинцев, уважение других людей.

6. В число приоритетных ценностей для белорусов, украинцев и поляков вошла возможность потреблять чистые продукты и дышать чистым воздухом (Беларусь и Украина пострадали от Чернобыльской аварии), а для немцев эта экологическая ценность выражена слабее.

7. Значительный контраст имеет место, когда речь идет о факторах материальных. Значение денег, материального благополучия повышается при движении с Запада на Восток, и особенно она низка у немцев. Эта закономерность проявляется и при оценке немцами таких факторов как комфортное жильё и удобная, красивая одежда, которые для них имеют наименьшую ценность. Этот вывод относится и к такому фактору как частная собственность, её роль самая низкая в «капиталистической» Германии, и самая высокая в развивающейся по этому пути Польше.

В ответах респондентов на предыдущий вопрос содержится оценка ими такой ценности, как «национальная культура». Её рейтинг относительно невысок, в сравнении с другими факторами, которые респондентам было предложено оценить. По количеству ответов «очень важно» выстроился следующий ряд: украинцы(36,5 %), поляки(36,5%), немцы(16,2%), белорусы(11,5%). Таким образом, наши белорусские молодые люди – явные аутсайдеры по такому показателю, как осознание важности национально-культурных ценностей. Для более подробного изучения отношения студентов к этому фактору в исследовании был поставлен следующий вопрос (табл.2). Отметим, что его не было в анкете, которая была подготовлена для опроса немецких студентов, и по этой причине сравнение можно провести только для трёх групп молодых людей.

Таблица 2 - Насколько для Вас важны следующие ценности?

Ответ «очень важно»

	Беларусь		Украина		Польша	
	%	место	%	место	%	место
Родной язык	17.0	1	76.9	1	52.1	1
Региональные традиции, обряды	16.0	2	31.0	2	24.0	2
Народное искусство (музыка, танцы, ремесла и др.)	14.0	3	26.1	3	12.5	3
Фольклор	7.0	4	25.1	4	9.4	4

Ответы, содержащиеся в таблице 2, убедительно свидетельствуют о том, что среди трёх славянских народов, в лице их представителей – студентов, национальные

ценности наименее интересны белорусам, особенно когда речь идёт о родном языке и региональных традициях, обрядах. Характерно, что явными лидерами в позитивном отношении к национально-культурным ценностям являются молодые украинцы, как это было выявлено в ответах на вопрос из табл.1.

В уже упомянутой табл.1 содержатся мнения респондентов о такой ценности, как «справедливость в обществе». Значительной разницы в ответах по этому вопросу нет, количество тех, кто считает этот фактор очень важным, велико (от 47,5% до 57,3%). В нашем исследовании опрошенным молодым людям было предложено высказаться более подробно об этой ценности, и с этой целью им был предложен следующий вопрос (табл.3)

Таблица 3 - Как Вы понимаете справедливость?
 Ответ «очень важно»

	Беларусь		Украина		Польша		Германия	
	%	место	%	место	%	место	%	место
Равенство возможностей получения образования, медицинского обслуживания, социальной поддержки со стороны государства	56,5	1	61.1	2	69.8	1	61.3	3
Соблюдение законов всеми без исключения	54.0	2	58.1	4	61.5	2	50.7	5
Оплата труда в строгом соответствии с его качеством и количеством	52,5	3	70.4	1	57.3	3	48.6	7
Правовая защищенность	48,5	4	60.1	3	54.2	6	49.3	6
Возможность свободно выражать свое мнение по любым вопросам	48.0	5	51.7	6	56.3	5	72.5	2
Равенство возможностей самореализации, достижения успеха, материального благополучия	39.0	6	51.7	5	56.3	4	43.0	9
Доступ к разносторонней информации (статистика, события в стране и за рубежом, Интернет и др.)	35,5	7	29.6	9	40.6	7	57.8	4
Соблюдение всеми людьми норм морали и правил поведения в обществе	35,5	8	43.8	7	39.6	8	45.8	8
Неизбежность адекватного наказания за негативные поступки и действия	34,5	9	36.5	8	37.5	9	73.2	1
Материальное равенство	10.0	10	21.7	10	18.8	10	19.0	10

О чем говорит сравнение ответов?

Во-первых, они однозначно свидетельствуют о том, что белорусы и немцы, поляки и украинцы не связывают справедливость с материальным равенством. Более важным критерием выступает равенство возможностей, которое должно обеспечить

личности государство, создав эффективную правовую и социальную систему, где соблюдаются законы и нормы морали, где человеку ничто не мешает реализовать свои умения и таланты, и где его труд будет адекватно оценен.

Во-вторых, можно говорить и о некоторых отличиях во мнениях наших респондентов. Они заключаются в следующем. Немцы значительно выше оценили такой показатель справедливости, как неизбежность адекватного наказания за негативные поступки и действия. Что касается белорусов, украинцев и поляков, в этом случае ситуация несколько иная. Молодые люди этих стран в такой же степени, как и немцы, связывают справедливость с соблюдением всеми без исключения законов и моральных норм. Но когда речь идёт о неизбежности наказания тех, кто эти законы и правила нарушил, молодые славяне не столь категоричны в своих суждениях.

Отличие состоит и в том, что немцы и поляки (в особенности первые), представляющие страны Европейского сообщества, в большей степени связывают справедливость с возможностью свободно выражать своё мнение по любым вопросам и с доступом к разносторонней информации.

Отметим, в заключение, что для украинцев более значительным, чем для других опрошенных групп молодёжи, критерием справедливого общества выступает оплата труда в строгом соответствии с его качеством и количеством.

Сопоставление ответов студентов четырёх стран, изложенное выше, позволяет сделать следующие выводы.

1. У всех опрошенных национальных групп молодёжи представления о важности различных факторов достаточно разнообразны. Набор ценностей, которые «очень важными» считают более половины опрошенных респондентов, достаточно велик. Во взглядах на ценности у охваченных исследованием молодых людей четырёх государств много общего. Это касается как многих ценностей-лидеров, так и ряда ценностей-аутсайдеров.

2. Исследование выявило не только общее, но и особенное в ценностном сознании опрошенных групп студентов. Немецкие молодые люди гораздо выше ценят душевное спокойствие, психологический комфорт, а украинцы и белорусы семью, для немцев и поляков важнее демократия, а для украинцев и белорусов карьера. Поляки и украинцы выше, чем белорусы и немцы, ставят такой политический фактор как суверенитет своего государства. Поляки отличаются более высокой религиозностью.

3. В число приоритетных ценностей для белорусов, украинцев и поляков вошли экологические ценности, у немцев они выражены слабее. Значительный контраст имеет место, когда речь идет о факторах материальных. Значение денег, материального благополучия повышается при движении с Запада на Восток, и особенно она низка у немцев.

4. Среди трёх славянских народов, в лице их представителей – студентов, национальные ценности наименее интересны белорусам, особенно когда речь идёт о родном языке и региональных традициях, обрядах. Характерно, что явными лидерами в позитивном отношении к национально-культурным ценностям являются молодые украинцы.

5. Белорусы и немцы, поляки и украинцы не связывают справедливость с материальным равенством. Более важным ее критерием выступает равенство возможностей, шансов, которое должно обеспечить личности государство.

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Л.Д. Грушова, А.В. Бурак

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Беларусь*

Термин «глобальный» (*global*, фр. – «всеобщий», *globus*, лат. - шар) имеет как минимум два значения. Первое значение подразумевает такие характеристики, как всемирный, охватывающий весь земной шар, второе – всемирный, полный, всеобщий, универсальный.

Термин «глобальный» в англо-американской и западной литературе, в разных словоформах и контекстах, занял прочные позиции как в философской и социологической, так и психолого-педагогической и методической литературе [1; 2; 3].

Процесс глобализации является в настоящее время господствующей тенденцией мирового развития. Современные попытки осмысления глобализации приводят к пониманию того, что она представляет собой «... постепенное преобразование мирового пространства в единую зону, где беспрепятственно перемещаются капиталы, товары и услуги, где свободно распространяются идеи и передвигаются их носители, стимулируя развитие современных институтов и шлифуя механизмы их взаимодействия» [4, с. 84-102].

Глобализация во многом связана с новым витком вестернизации. Суть вестернизации – в широком распространении западных ценностей и западного образа мыслей по всем странам мира. В результате данного процесса возрастает взаимозависимость и взаимопроникновение государств.

Глобализация, начавшаяся в 70-е годы, в XXI в. все более настойчиво затрагивает экономическую, политическую, социальную и культурную сферы. Глобализация имеет как положительные, так и отрицательные черты. К числу положительных можно отнести возникновение различных международных систем регулирования отношений между народами в наиважнейших областях жизнедеятельности: *системы международного права, ООН, Европейского Союза, Большой двадцатки, ЮНЕСКО, Интерпола; международных программ в области наук и искусства; программ в области освоения космоса; международных организаций по охране окружающей среды, культурного наследия.*

Все эти структуры предпринимают реальные усилия по консолидации деятельности различных государств с целью разрешения всеобщих поистине глобальных проблем таких, как *здравоохранение; экологические катастрофы; вопросы войны и мира; гонка вооружений; оборот наркотиков; межнациональная и межрелигиозная вражда; сбои в работе международных информационных систем и многое другое.*

Положительной оценки заслуживают такие структуры, прежде всего благодаря тому, что они способствуют развитию цивилизованных отношений между государствами, несмотря на существующие национальные, социальные, политические и экономические отличия, и во многом нивелируют «острые углы» подобных отношений, благодаря чему разрешение глобальных проблем оказывается возможным.

Позитивными моментами глобализации сегодня являются: *открытие границ в странах Западной Европы; свободное перемещение мигрантов, капитала и товаров; создание дополнительных рабочих мест; свобода слова; демократия и пр.*

Однако при всех своих положительных моментах глобализация порождает и негативные последствия. К их числу можно отнести: *бесконечное производство оружия массового поражения; глобальные войны; вмешательство сильных государств во внутренние дела слабых, что влечет за собой силовое решение многих проблем во взаимоотношениях стран; провоцирование/разжигание конфликтов с целью свержения существующего строя; захват территорий с целью решения геополитических вопросов. Отсюда миграция населения как результат политической нестабильности и экономического краха; экспорт революций под видом так называемой «демократии»; катастрофическое загрязнение окружающей среды и безответственность в предотвращении его последствий.*

Таким образом, глобальными можно называть любые тенденции, идеи и процессы, имеющие общемировое значение и направленность, затрагивающие интересы многих народов, требующие усилий для их решения или предотвращения.

А что несет нашим странам (Беларуси, России), нашей молодежи «глобализация» и так называемая «западная свобода», «демократия» в культурном и моральном плане? Под эгидой «прав человека» оправдываются гомосексуализм, однополые браки и пр. Под лозунгом «свободы слова» проводятся демонстрации с требованием отмены принятых правительством законов, отставки правительств, оскорблениями в адрес президента; проводятся акции против строительства церквей, оскверняются храмы недостойным поведением и пр. Все эти выступления имеют политическую подоплеку, но осуществляются они часто через нападки на церковь, веру, как мощный вековой оплот православия.

Хлынул поток посредственной литературы, порнографических журналов, низкопробных, откровенно развратных фильмов. Именно с экранов телевизоров под эгидой вседозволенности, свободы идет негативное воздействие на молодежь, ужасающее отношение к семье и женщине, которая превращена в элемент торга; растление не совершеннолетних; однополые браки; изощренные формы преступлений и многое другое. И самое ужасное, что некоторая часть молодежи восхищается западным/заокеанским образом жизни и стремится ему подражать.

В ряду положительных тенденций глобализации стоит развитие всемирных коммуникаций, расширение компьютерных возможностей и создание сети Интернет. Формирование глобального информационного пространства создает благоприятные условия для обмена информацией и достижениями в области науки, культуры и образования.

Проводником глобализации в сфере образования выступает дистанционное открытое обучение, связанное с применением новейших информационных технологий. Мировым лидером в этой области является ТНК Cisco Systems, которая снабжает учебные заведения во всем мире основной базой данных (обучающими и тестирующими программами, учебниками, специальной литературой) по различным дисциплинам а также своим сетевым оборудованием при условии согласия вузов осуществлять обучение с помощью этого оборудования и использовать в учебном процессе

подготовленные „ Cisco“ материалы. Цель Cisco - вовлечь в эту образовательную деятельность как можно большее количество вузов всех стран.

Но следует также учитывать, что учебная продукция всех видов, доминирующая на международном академическом рынке, написана под углом зрения американской или британской перспективы и оказывает соответствующее влияние на умы студентов и преподавателей стран-пользователей этой продукцией. Поэтому государствам, принимающим эту льготную помощь, надо быть очень осторожными, чтобы не стать послушными марионетками в руках одного, претендующего на мировое господство государства-лидера. Необходимы, по мнению А.А. Сусоколова, «информационные фильтры» поступающей продукции [5, с. 5-39].

Глобализация выявила необходимость в услугах в сфере высшего образования. По мере роста коммерциализации, высшее образование все чаще рассматривается в качестве товара. Вследствие этого получение знаний приобретает характер «торговой транзакции ...» [6, с. 39-42].

Возникает устойчивая ориентация на человеческие ресурсы, устойчивый спрос на квалифицированные кадры, имеющие международно подтвержденную квалификацию [7, с. 47-55]. Имеет место мобильность на всех уровнях академической системы, особенно в науке, прикладных областях, информационных технологиях. Но больше всего она затрагивает ученых, талантливых преподавателей.

Глобализация создала предпосылки для использования одного из международных языков делового и культурного общения. Роль такого языка со второй половины XX века играет английский язык. Английский язык в обязательном порядке изучают дипломаты, политики, деловые люди, стюардессы, администраторы гостиниц. Не случайно во всех аэропортах, на крупных вокзалах, в деловых центрах мира надписи на национальных языках дублируются на английском языке.

Усиление роли английского языка затрагивает, прежде всего, политику в сфере высшего образования и способствует усилению влияния академических систем англоязычных стран. На английском языке издаются практически все международные журналы. Университеты многих стран подчеркивают важность и престижность публикаций своих профессоров на английском языке в научных журналах, пользующихся международным признанием. Все чаще исключительно на английском языке проводятся международные и региональные научные конференции, семинары, круглые столы и пр.

Английский язык – главная среда обучения во многих странах мира, каждая из которых принимает большое число студентов из-за рубежа и тем самым зарабатывает валюту для своей страны.

Не обошел этот процесс стороной и Республику Беларусь. Во всех ведущих вузах Беларуси обучаются иностранные студенты, которые не только углубляют знания английского языка, но и получают образование, делают карьеру в нашей стране, а также совершенствуют знания русского языка, который является не менее важным, чем английский язык для жителей восточноевропейского пространства и знакомятся с национальной культурой принимающей стороны.

Отрицательным моментом глобализации является то, что она способствует вытеснению целого ряда языков, которые еще недавно играли определенную роль в

межрегиональном общении, поэтому в этих регионах люди стараются меньше использовать национальные языки, а отдают предпочтение английскому языку.

Следует отметить, что достаточно распространенным средством международного общения являются такие языки, как французский, немецкий, арабский, португальский, испанский. Эти языки пока не стоят перед угрозой исчезновения, но процесс глобализации способствует снижению их доли участия в обмене информацией между людьми. Так, проникая в страны Ближнего Востока, английский язык постепенно вытесняет арабский, в Латинской Америке – испанский язык. Поэтому в этих регионах люди стараются меньше использовать арабский и испанский в качестве языков межрегионального общения. В Германии и немецко-говорящих странах все чаще общаются на английском языке.

Как результат глобализации, в школах и вузах России и Беларуси все меньше детей изъявляют желание изучать немецкий, французский, испанский языки, а хотят учить только английский язык. Хотя, по мнению британского исследователя Н. Starkey, предмет «иностранный язык» благодаря своему содержанию, обеспечивающему знакомство с культурой, историей, обычаями и тенденциями народов носителей изучаемого языка, должен быть самым «глобальным» предметом в школьной программе [8]. Трудно понять тех родителей, которые лишают своих детей возможности изучать другие иностранные языки, на которых говорят известные ученые, политики, писатели, поэты, изобретатели, непосредственно на этих языках, а не через призму английского языка.

Изучение в школах главным образом только английского языка приводит к тому, что в вузы поступает все меньше абитуриентов с немецким, французским и испанским языком как иностранным. Государством затрачены огромные средства на создание материальной базы и на подготовку специалистов иностранных языков, в результате они пополняют армию безработных. Отказ от изучения немецкого, французского, испанского языков влечет за собой прекращение образовательных обменов, разрыв налаженных культурных связей и невозможность познания других культур, а также общения на других иностранных языках.

Следует подчеркнуть, что английский язык стал главным образом языком межкультурного общения не потому, что англичане или американцы выше других по интеллектуально-познавательным возможностям. Причина здесь кроется в том, что именно так распределились исторические, объективные обстоятельства в эпоху глобализации.

Но, как показывает практика, большую роль играют и субъективные факторы (*часто именно родители определяют выбор ребенка в изучении иностранного языка*). Наблюдается переход школ на изучение английского языка. Не умаляя роли английского языка, мы считаем эту тенденцию в образовании ошибочной, мы поддерживаем положения «вариативности», «многообразия» в изучении иностранных языков.

Как отмечает профессор политических наук, директор Центра европейской политики университета Бремена М. Цорн, термин «глобализация» не учитывает то важное обстоятельство, что процессы объединения, на которые обычно ссылаются ее сторонники, пока охватывают не более 30% стран мира, а значит, не являются истинно «глобальными».

Немало экспертов, теоретиков, политиков, простых граждан солидаризируются с общим выводом: в глобализации «побочные, негативные последствия куда более весомы, чем позитивные влияния» [9, с. 18]. «Как совокупный многомерный процесс» глобализация необратима; но хотя глобализация безальтернативна, ее процессы все же переменчивы [10].

Литература

1. Kirkwood, T.F. Our Global Age Requires Global Education: Clarifying Definitional Ambiguities // The Social Studies. – Vol. 92. – No.1. – P. 10-15.
2. Stolfi, F., Sussman G. Telecommunications and Transnationalism: the Polarization of Social space // The Information Society. – 2001. – Vol. 17. – P. 49-62.
3. Tomaserski, K. Changing the Global Fate of Education: Only Rights Can Halt and Reverse Wrongs // Education International. – 2001. – Vol. 7 – No. 2 – P. 485.
4. Володин, А.Г., Широков, Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы / А.Г. Володин, Г.К. Широков // Полис. – 1999. - № 5. – С. 84-102.
5. Сусоколов, А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса / А.А. Сусоколов // Расы и народы. – 1990. Вып. 20. – С. 5-39.
6. Альтбах, Ф. Высшее образование и WTO / Ф. Альтбах // Альма матер: Вестник высшей школы. – 2001. - № 6. С. 39-42.
7. Макбурни, Г. Глобализация: новая парадигма политики высшего образования / Г. Макбурни // Высшее образование в Европе. – 2001. - № 1. – С. 47-55.
8. Starkey, H. Subject – based approaches to global education in G. Pike and D. Selby. Global teacher, global learner. London: Hodder and Stroughton, 1988.
9. Dahrendorf, R. Anmerkung zur Globalisierung im Alltag. – Fr.a. / M., 2002.
10. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В.С. Степин, А.А. Гусейнов. – М., 2005.

РЭФОРМА ГРАМАДСКІХ УМОЎ ВІТВОРЧАСЦІ І ДАБРАБЫТ ЯК ШЛЯХ ДА НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ НА ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У 1926— 1939 ГГ. : АГУЛЬНАЯ МЕТАДАЛАГІЧНАЯ КАНЦЭПЦЫЯ ПІЛСУДЧЫКАЎ

А. П. ДЗМІТРУК

Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Баранавічы, Беларусь

Урад маршала Ю. Пілсудскага і праф. Бартэля, першай сваёй задачай пасля прыходу да ўлады абвясцілі эканамічнае адраджэння дзяржавы і рэальную рэформу ўмоў існавання шырокіх народных мас шляхам інтэнсіфікацыі вытворчасці, якая магла б забяспечыць ім сталае паляпшэнне быту. Кардынальным злом лічылі ўбогасць гарадоў і вёсак, іх жыхароў, якая выклікала немагчымасць развіцця прамысловасці, што ў сваю чаргу было звязана з нізкім спажываннем перш за ўсё селян, а ўсё разам вяло да праблем скарбу з-за нізкай плацежаздольнасці. Супрацьстаяць паўперызацыі вырашана праз стварэнне для сельскай гаспадаркі ўмоў, якія б забяспечылі ёй квітненне і развіццё, а думаць пры гэтым не столькі пра буйную, але перш за ўсё пра дробную ўласнасць, якая наскрозь, была натуральная, не звязаная з рынкам [1, с. 180—181].

Але як выконваць так пастаўленыя ўрадам задачы на заходнебеларускіх землях, дзе селянін, які праводзіў самастойную дробную гаспадарку, асноўны вытворца гэтых зямель «іншамойны, нацыянальна слаба акрэслены схізматык» [2, с. 143]. Павышаць і

яго дабрабыт? Навуковая ацэнка наступстваў і дэталёвая распрацоўка гэтай праблемы прадстаўлена ў працах Інстытута даследавання гаспадарчага стану ўсходніх зямель пры Музеі прамысловасці і сельскай гаспадаркі ў Варшаве, якія выконваліся пры фінансаванні ўрада [3, с. 20]. У перыяд з 1927 па 1929 гг. былі выдадзены чатыры тамы навуковых прац, сярод якіх асабліваю ўвагу прыцягвае даклад генеральнага сакратара Інстытута С. Арсіні-Росенберга, агучаны 9 ліпеня 1927 г. на агульна-гаспадарчай секцыі, які знайшоў падтрымку не толькі навуковай інтэлігенцыі, але і міністра сельскагаспадарчых рэформаў — «Праблема сувязі гаспадарчай палітыкі і грамадскай тэхналогіі на ўсходніх землях Рэчы Паспалітай». Фактычна ён паклаў метадалагічную аснову не толькі даследаванняў заходнебеларускіх тэрыторый, але і дзейнасці мясцовай адміністрацыі. Прапаную засяродзіцца на яго аналізе.

Зыходнай стала ідэя, што дабрабыт — гэта, з аднаго боку, умелая вытворчасць, з другога — яна не існуе без мэтанакіраванага, рацыянальнага кіравання сіламі і сродкамі. На заходнебеларускіх землях «тэхналагічныя» праблемы (гэта значыць кіравання) паставілі на першае месца па двух прычынах: 1) этнічна разнароднае насельніцтва, і ўладкаванне, якое «складалася з першасных груп», што выклікала патрэбу пераўтварэнняў з аднаго боку, і спецыфічных метадаў уздзеяння з другога [2, с. 121]; 2) заходнебеларускія землі былі бедныя на прыродныя выкапні, капітал, таму галоўны націск вырашана пакласці на добрую арганізацыю працы [2, с. 122].

Да гаспадарча адмоўных грамадскіх фактаў на «ўсходніх землях» (пад якімі разумеліся Віленскае, Навагрудскае, Палескае, Валынскае ваяводства) залічылі: 1) саслоўнае ўладкаванне, якое захавалася ў групавой псіхалогіі шырокіх слаёў; 2) класавы антаганізм, які прыводзіў да дэзарганізацыі вытворчых груп і зніжэння вытворчасці; 3) нацыянальныя і рэлігійныя антаганізмы, якія паглыналі шмат грамадскай энергіі; 4) шырока прымяняемы пратэксцыянізм; 5) некаторыя гаспадарча адмоўныя рысы мясцовага насельніцтва, якія перадаваліся шляхам грамадскай традыцыі маладым пакаленням; 6) дрэнна ўрэгуляваныя адносіны ў вытворчых групах [2, с. 125—126]. Прапанавалася ліквідаваць перажыткі саслоўнай псіхалогіі і створанай бальшавікамі; паслабіць нацыянальныя, рэлігійныя, класавыя антаганізмы; часткова ліквідаваць пратэксцыянізм, што павінна было прывесці да гаспадарча карыснага грамадскага выхавання і рацыяналізацыі вытворчай арганізацыі, вызвалення творчых сіл асобы ў атмасферы рэальнага дэмакратызму. З пункту гледжання сацыялогіі ўсяго гэтага было б дастаткова для павышэння эфектыўнасці вытворчасці, а значыць і дабрабыту.

З аднаго боку, прызналі, што сепаратыўны рух (*беларускі* — *Е. Д.*) не магчыма было ліквідаваць паліцэйска-адміністрацыйнымі сродкамі; з іншага — адмовіцца ад пратэксцыянізму (*у адносінах да палякаў* — *Е. Д.*), які практыкаваў урад і польскае грамадства, можна было толькі часткова і селектыўна, па меры фарміравання і ўзмацнення ў іх натурнай здольнасці да спаборніцтва, пры адначасовым выкараненні неэтычных сродкаў барацьбы у груп «праўна і фактычна недаразвітых» [2, с. 126]. Але каб звесці класавыя антаганізмы да мінімуму трэба было шмат часу і гарманічнага супрацоўніцтва «грамадскага выхавання і рацыянальнай арганізацыі вытворчых груп».

З усяго гэтага не зусім зразумела як ліквідацыя супярэчнасцей магла прывесці да павышэння вытворчасці і дабрабыту. Аднак, прапаную прааналізаваць што разумелі пад рацыянальнай арганізацыяй вытворчых груп і грамадскім выхаваннем.

Зыходзячы з таго, што на заходнебеларускіх землях большасць вытворчых груп сельскагаспадарчых, то галоўным аб'ектам уздзеяння сталі фальваркі і самастойныя дробныя гаспадарства. Прычынай знішчэння дабрабыту ў гады расейскай рэвалюцыі 1905 г. крэсавыя землеўласнікі бачылі ў групавых канфліктах у вытворчай групе — бунтуючыя работнікі не толькі тармазілі вытворчасць, але ў шматлікіх выпадках поўнасцю знішчылі прадпрыемства. Навукоўцы рэкамендавалі ў першую чаргу кардынальна змяніць адносіны паміж работнікамі і ўладальнікамі фальваркаў праз нарматыўнае ўрэгуляванне (падпісанне дагавораў, кантрактаў). Схемы адносін унутры вытворчай групы павінны былі стаць яснымі, дакладнымі, аб'ектыўна-культурны змест узаемных абавязкаў не павінен быць спрэчным з гарманічным супрацоўніцтвам членаў адносін; этычныя нормы павінны былі ўдакладняць нарматыўна-прававыя, звычаі і статутковыя. Грамадскае выхаванне і агульную арганізацыю трэба было накіраваць на абмежаванне да мінімум канфліктаў, якія правакаваліся з аднаго боку цямотай і адсутнасцю этыкі ў работнікаў, другія — прадпрымальнікам і яго памочнікамі, трэція — з-за агітацыі дэмагогаў або кар'ерыстаў. У сувязі са складанасцю працэсу распаду вытворчай групы, які адбываецца пад уздзеяннем разнародных фактараў, то і тэхніка змагання з ім павінна стаць разнароднай і складанай. Але першачарговай справай стала выхаванне, якое павінна было ахапіць не толькі рабочы клас, бедную інтэлігенцыю, але і землеўласнікаў, якія лічылі сябе і лічыліся ў рэгіёне не прафесійнай групай, але саслоўем [2, с. 134-135]. Акрамя гэтага прадпрымальнік павінен наладзіць супрацоўніцтва з больш шырокай групай (самакіраваннем, або дзяржавай) [2, с. 142].

Другім аб'ектам уздзеяння сталі дробныя самастойныя гаспадаркі, дзе ўласнік толькі ў выключных выпадках карыстаўся наёмнай працай, што радыкальна змяняла тып грамадскіх адносін у вытворчай групе. Характэрнай розніцай, якая прываблівала навукоўцаў, стала тое, што сувязі паміж членамі дадзенай групы ствараліся не на грунце ўмовы, але на падставе кроўных сувязей і ў выніку ўзаемныя правы і абавязкі членаў групы акрэслівалі не схемы дагавора, але звычаі. Нават асобы, якія працавалі па дагавору трактаваліся як члены сям'і.

Адносіны ўнутры групы акрэсліваліся сямейнымі нормамі, а ў выніках вытворчасці ўдзельнічалі пасрэдна, або непасрэдна ўсе члены групы, што выклікала наступствы: ўласнік меў большую свабоду ў кіраванні, чым прадпрымальнік, у імя паслушэнства, у імя агульнага дабрабыту ён мог патрабаваць ад працаўніка большых паслуг, чым у дагаворы паслуг найму, а санкцыі за непаслушэнства нязмерна большыя, чым у фальварачнай групе, у той жа час класавыя антаганізмы слабейшыя [2, с.143]. Калі такую групу ахопліваў канфлікт, праяўляліся рысы разлажэння, то яны адначасова ахоплівалі і сямейны ўклад, што на заходнебеларускіх землях адбываецца рэдка.

На думку сацыёлагаў тры асноўныя фактары ўплывалі на павышэнне прадукцыйнасці такіх гаспадарак. Па-першае, максімум вытворчасці дасягаецца тады, калі асоба зацікаўлена ў выніках сваёй працы, што адбываецца ў двух выпадках: а) працаўнік, нягледзячы на сталую нізкую аплату атрымоўвае дадаткова высокую ўзнагароду, прапарцыянальную тым намаганням (што ў існуючай сітуацыі на заходнебеларускіх землях было не магчыма); б) калі асоба з'яўляецца ўладальнікам прадпрыемства і ўдзельнічае поўнасцю у станоўчых і адмоўных выніках сваёй працы.

Па-другое, на прадукцыйнасць аказвае ўплыў прагрэс прафесійных сельскагаспадарчых ведаў. Але аб рэальным іх развіцці ў краі вырашае не высокі, нават, хаця б быў найлепшы ўзровень ведаў некаторых, нешматлікіх асоб (уладальнікаў,

арандатарай, администратарай фальваркай), але ўзровень гэтых ведаў у шырокіх сельскагаспадарчых колаў, т. зв. дробных гаспадароў. Для яго дасягнення не дастаткова засноўваць і ўдасканалваць прафесійныя школы, павінна адбывацца мэтанакіраванае і масавае ўздзеянне. Але гэтую ролю польскія землеўласнікі не маглі выконваць, бо аб выніках выхаваўчай дзейнасці вырашаюць два моманты: сімпатыя (пачуццё на грунце прыналежнасці да падобных і прыязных груп), павага (прызнанне больш высокага ўзроўню ў якой-небудзь галіне і адпаведнае падпарадкаванне), эмацыянальная гармонія і падпарадкаванне, што амаль немагчыма зрабіць паміж селянінам-схізматыкам і шляхціцом-католікам-абшарнікам (нават прафесіі не ідэнтычныя, бо сяляне не прызнаюць пана хлебаробам). У выніку прапаноўвалася іншая група — асаднікі — «культурна вышэйшая», і, нягледзячы на тое, што з'яўляліся католікамі і палякамі, але блізкая да мясцовых сялян. Такім чынам, замест праблематычнай узаемасувязі стваралася рэальная эфектыўная, якая магла паўплываць на прагрэс сельскагаспадарчых ведаў. Але піянеры-асаднікі самі патрабавалі прафесійнай асветы. Даць ім яе маглі польскія двары — такім чынам атрымоўвалася рацыянальная траістая выхаваўчая арганізацыя: культурны ўплыў некалькі тысяч двароў праз гаспадаркі асаднікаў дасягаў да прымітыўных сялянскіх гаспадарак [2, с.145].

Па-трэцяе, лічылі, што нават на ўласнай зямлі праца не можа быць інтэнсіўнай і прадукцыйнай, калі ўладальнік не мае упэўненасці ва ўладанні. Яна з'яўляецца фактарам, які дапамагаў сацыялізацыі і развіццю патрэбных маральных якасцей. Праз набыццё ўласнасці асоба не толькі ўваходзіла ў новыя адносіны і набывала новыя правы і абавязкі, але і існуючыя да гэтага адносіны пачынала інтэрпрэтаваць па іншаму. Уласнасць навязвала новы ідэал грамадскіх паводзін [2, с.146].

У чым жа ён заключаўся становіцца зразумелым толькі калі пачнем аналізаваць метады з дапамогай якіх павінна было праводзіцца грамадскае выхаванне. У гэтай сувязі звярнулі асаблівую ўвагу на бліжэйшае акружэнне, г. зн. бацькоў. Аўтары канцэпцыі лічылі, што іх задачай на сучасным этапе з'яўляецца не ўзбагачэнне дзіцяці ведамі і навыкамі тэхнічнымі і гаспадарчымі, бо гэтыя задачы лепш і больш поўна рэалізоўвала прафесійная школа (часткова вытворчая група), але такое грамадскае выхаванне асобы, каб годна мог выконваць будучую ролю кіраўніка, або выканаўцы гаспадарчай працы. Як ужо адзначалася для дробнага гаспадарства важна большае падпарадкаванне, паслушэнства [2, с.143]. Акцэнт зроблены на ідэі больш эфектыўнага уплыву групавой волі на асобу, чым наадварот.

Не менш важнай стала па-за школьная асвета — друк, літаратуру, арганізацыя чытання, арэнда кніг, лекцыі, кінематограф і г.д., што дазваляла ўздзейнічаць і на дарослых. У выданнях для «ўсходніх зямель», лекцыях, паказах ставілася мэта перасунуць пункт цяжкасці з класавых і палітычных задач на гаспадарчыя, прапаганду дэпалітычных, вобразаў, каб не было паэтызацыі ілжы, злачынства, а наадварот прысутнічалі ідэі замілавання працай, шляхетнага супрацоўніцтва. Але прапанавана выкарыстаць і імкненне дарослай асобы ў залежнасці ад сферы, маёмнага стану, здольнасцей і схільнасцей, асабістых момантаў ўваходзіць у новыя грамадскія адносіны з новымі асобамі і групамі, якія могуць уздзейнічаць на яе пасрэдна, або непасрэдна. Такім чынам, гэта адкрывала магчымасці для працы сярод іх «новых асоб» асаднікаў, блізкіх па статусу, і іх арганізацый.

На думку аўтараў канцэпцыі, калі некаторыя катэгорыі насельніцтва, кампактна пражываючыя на пэўнай тэрыторыі, сутыкаліся з адмоўнымі ўмовамі ўдзелу на роўных у

культурным жыцці палякаў, то яны імкнуліся супрацьпаставіць ёй уласную, што садзейнічала фарміраванню беларускага народа [2, с. 151]. У практычнай дзейнасці вырашана было выкарыстоўваць «прывабнасць» «вышэйшы статус» польскай культуры і ўцягваць у яе арбіту астатняе насельніцтва, каб не ствараць такога роду сепаратызму. У такіх умовах у якасці найлепшага сродку было б фактычнае раўнапраўе, але яго дазвалялася надаваць толькі ў галіне культуры, але ні ў якім выпадку ў гаспадарчым ці палітычным. Пры гэтым «ліквідацыя пратэксцыянізму не можа адбыцца адразу, бо гэта б выклікала небяспечны грамадскі і гаспадарчы шок» [2, с. 150—151]. «...такая «дзяржаўная асіміляцыя» (у адрозненні ад этнічнай) будзе лагічным працягам ідэі Ягелонаў і вызваліць прыродныя здольнасці палякаў, [...] забяспечыць ім сталыя і рэальныя лідэрства ў галіне матэрыяльнай і духоўнай культуры» [2, с. 151]. Але «...дэмакратызацыя ўсходніх зямель павінна ісці павольна, раўнамерна з развіццём грамадскіх пачуццяў і паняццяў і ліквідацыяй анарха-ахлакратычных імкненняў (камуністычных? — Е. Д.); радыкальная і ранняя дэмакратызацыя [...] вядзе да дэзарганізацыі вытворчых груп і поўнага ўпадку вытворчасці» [2, с. 135]. Фактычна «прававую фікцыю, якая знешне выступае ў праўна-палітычных адносінах паміж грамадзянамі дзяржавы» і «рэальную роўнасць, што праяўлялася ва ўладкаванні культурнага жыцця» — вось што разумелі пад дэмакратыяй [2, с. 135].

Найбольшым клопатам стваральнікаў канцэпцыі стала пытанне ці не стануць рацыянальна добра арганізаваныя вытворчыя дробныя гаспадарства асновай для будучай беларусізацыі, ці украінізацыі. Пры даследаванні прыйшлі да высновы, што моц асобных малых вытворчых груп абмежаваны. «Найлепшая арганізацыя і найлепшае функцыяніраванне вытворчай групы не дапамогуць, калі распадам ахоплена больш шырокая група, тая ў полі якой вытворчая група складае меншую, падпарадкаваную ўладкаванню. Агульнаму распаду нельга супрацьпаставіць частковую санацыю» [2, с. 140]. Крыніцай з'явы разрыхлення і знікнення грамадскіх вузлоў з'яўляецца «псіхалагічны канфлікт, які ствараецца ва ўмыслах асоб пад уплывам спрэчных імкненняў». Акрамя гэтага лепшым спосабам разбіць адзінства групы прызнана фарміраванне ў яе лоне новых непрадбачаных арганізацыйных і варожых меншых групавак [2, с. 119].

Так прыхільнікі Ю. Пілсудскага шырока выкарыстоўвалі ў прапагандзе лозунгі павышэння дабрабыту заснаваным на замацаванні права ўласнасці, але пазбягалі выкарыстання апошняга тэрміну. Замест гэтага ствараліся слоўныя, а лепей сказаць прававыя канструкцыі, полісемантычныя, якія дазвалялі пад прывабнымі лозунгамі праводзіць неабходную ўладам палітыку. Ва ўмовах дамінавання на гэтых тэрыторыях камуністычных ідэалаў толькі так скрыта пастаўленыя мэты маглі быць эфектыўнымі.

З аднаго боку, аўтар канцэпцыі ўсімі сродкамі імкнецца пераканаць нас, што яго задачай з'яўляецца выкараненне класавага антаганізму. З другога, аналіз арганізацыйных формаў вытворчых груп даказвае зваротнае. Класавы антаганізм землеўласнік — селянін прадстаўлены ў выглядзе двух тыпаў груп — фальварка і дробнай сялянскай гаспадаркі. Праблема паслядоўна вырашаецца толькі ў адносінах да першай. Нягледзячы на тое, што рэкламуючы свае ідэі, аўтар абвяшчае аб ідэальнасці і бесканфліктнасці дробнай гаспадаркі, з ім можна пагадзіцца толькі часткова. Яна такая толькі ўнутры групы, якая з'яўляецца адначасова і вытворчай і кроўнай (сямейнай), але прывіццё прыватнай уласнасці ў яе садзейнічала маёмаснаму расслаенню

заходнебеларускай вёскі і да канфлікту паміж дробнымі гаспадаркамі, што апасродкавана біла па нацыянальнаму адзінству беларусаў, а спосабаў іх памякчэння нідзе ў працы не сустрэнем. Самі выбраныя тыпы гаспадарак паміж сабой канфліктныя, а «спосаб гарманізацыі» адносін паміж імі падаецца праз іерархічнае падпарадкаванне (праз выхаваўчую сістэму і прафесійную дзейнасць, але на розных узроўнях). Акрамя гэтага шлях дасягнення дабрабыту быў розным: для фальварка праз паляпшэнне кіравання, для дробнай гаспадаркі — праз добрую арганізацыю працы.

А вось аналіз грамадзянскага выхавання паказвае, што калі ў адносінах да фальварка яно абмяжоўвалася маральна-этычнымі ўказаннямі і адмовай ад некаторых тэрмінаў, то ў адносінах да селяніна яго метады былі складзены ў цэлую канструкцыю, сістэму з мэтай паслядоўнага ўздзеяння на яго свядомасць на розных узроўнях, праз розныя сродкі. Але для чаго ў канцэпцыі спатрэбіліся асаднікі? Фактычна пры выразных канфліктах і рысах разлажэння нацыянальнай групы іх мэтай стала селекцыя з вясковага асяродку маёмасных слаёў, падпарадкавання іх сваім гаспадарча-культурным уплывам праз пашырэнне сярод іх сельскагаспадарчых ведаў, далучэнне да «вышэйшай» культуры. У далейшым гэтая паланізаваная група мясцовых лідэраў уцягвала ў арбіту астатняе беларускае насельніцтва, але гэтыя справы распрацоўваліся ўжо ў іншых дакументах пілсудчыкаў.

Такім чынам, яскрава бачна, што выпрацаваная па загаду ўрада Ю. Пілсудскага агульная канструкцыя павышэння дабрабыту у спалучэнні з рацыянальнай арганізацыяй вытворчых груп і рэформай грамадскага выхавання накіравана не толькі на ліквідацыю саслоўна-класавай, але і нацыянальнай праблемы на заходнебеларускіх землях праз паланізацыю падчас сацыялізацыі і развіцця «патрэбных маральных якасцей» сялян.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Staniewicz, W. O program agrarny w Polsce i jego wykonanie: mowy i przemówienia (1926—1928) / W. Staniewicz. — Warszawa: Nakładem Ministerstwa Reform Rolnych, 1928. — 243 s.
2. Orsini-Rosenberg, S. Zagadnienia styczne polityki gospodarczej i technologii społecznej na Ziemiach Wschodnich Rzeczypospolitej / S. Orsini-Rosenberg // Prace Instytutu Badania Stanu Gospodarczego Ziemi Wschodnich. — Warszawa: [?], 1927. — S. 106—153.
3. Muzeum przemysłu i rolnictwa w Warszawie 1875—1929 / [Muzeum przemysłu i rolnictwa w Warszawie]. — Warszawa: [?], 1929. — 21 s.

ТРЕТЬЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ: ТРАНСФОРМАЦИИ И ИННОВАЦИИ

Д. Г. Доброродный, А. И. Садовская,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Мир стоит на пороге глобальных перемен. Мировой экономический кризис, глобальный экологический кризис, невозможность дальнейшего неограниченного расходования невозобновляемых энергоресурсов, кризис политико-правовой системы, кризис в системах образования и здравоохранения, кризис социальных институтов, духовно-нравственный кризис и прочее – вот реалии сегодняшнего дня. Всё это подталкивает мир к глобальным переменам, но стать их инициатором никто не

решается. Страх неопределенности и повторения Великой депрессии в глобальном масштабе парализует политическую волю правителей. Простые обыватели, составляющие основную массу населения, привыкли к высокому уровню социальных гарантий, высокому уровню комфорта и потребления, и продолжают требовать от государства их соблюдения, не особо интересуясь издержками и не беря на себя никакой дополнительной ответственности. Эта ситуация активно анализируется и обсуждается в современной философской литературе [1, 2, 4, 5, 6, 8]. Мир находится в «точке невозврата», и как говорил Элвин Тоффлер, «старые способы мышления, старые формулы, догмы и идеологии, несмотря на то, что в прошлом они процветали или были весьма полезными, уже не соответствуют больше фактам. Мир, который возникает с огромной скоростью из столкновения новых ценностей и технологий, новых геополитических отношений, новых стилей жизни и способов коммуникации, требует совершенно новых идей и аналогий, классификаций и понятий. Мы не можем втиснуть эмбриональный завтрашний мир в принятые вчера категории. Ортодоксальные социальные установки или настроения тоже не подходят этому новому миру» [8, с. 21].

Однако наряду с этой тенденцией можно отметить другую, более конструктивную и положительную. Она связана с прорывными научными открытиями, разработкой инновационных технологий, которые имеют значительный потенциал для того, чтобы стать основой для совершенно новой организации производства, для разработки и появления уникальных товаров и услуг. Этот комплекс прорывных научных открытий, инновационных технологий, товаров и услуг можно назвать Третьей промышленной революцией.

Третья промышленная революция – это комплексные глубокие трансформации систем, структур, институтов, отношений и технологий, которые радикально меняют способы, механизмы, содержание того, как люди организуют производство, обмен, потребление, обучение, коммуникации и отдых. Под системами имеется в виду, прежде всего, система разделения труда, денежная, финансовая, торговая, правовая и информационная системы. Под структурами следует понимать структуры государственного и корпоративного управления, международные организации и организации негосударственного сектора, в том числе религиозные. Под институтами следует понимать собственность, государство, бизнес, право, деньги, торговлю, нормы и стандарты производства и обмена товарами/услугами, а также интеллектуальные элиты и средний класс.

Автором концепции «Третья промышленная революция» (Third Industrial Revolution — TIR) является американский ученый — экономист и эколог — Джереми Рифкин [9]. Согласно Дж. Рифкину, соединение интернет-коммуникационных технологий и возобновляемых источников энергии дает начало Третьей Промышленной революции. В качестве ключевых аспектов Третьей промышленной революции выделяются следующие:

1. Переход к возобновляемым источникам энергии, к которым относятся солнечная и ветряная энергия, гидроэнергия, геотермальная энергия, энергия морских волн, биомассы.

2. Переход к строительству зданий, генерирующих электроэнергию. Современные технологии позволяют проектировать и строить здания, которые генерируют электроэнергию в локальном масштабе от таких источников как солнце,

ветер, мусор, отходы лесного и с/х производства. По оценке Дж. Рифкина, через 25 лет миллионы зданий будут построены не только как дома, офисы, торговые центры, промышленные и технологические парки, но и как "электростанции".

3. Переход к водородным и иным технологиям аккумулирования энергии. Водород является универсальной средой, которая позволяет "хранить" все формы возобновляемой энергии, гарантирующей доступность устойчивой и надежной поставки для производства электроэнергии.

4. Переход к технологии smart-grid (энергетический интернет). Технология smart-grid – это использование интернет-технологий для трансформации системы передачи электроэнергии. Подобная переконфигурация энергосистемы в мире позволяет фирмам и домовладельцам производить свою собственную энергию и делить ее друг с другом. Данная технология сейчас проверяется энергетическими компаниями в Европе.

5. Переход к использованию транспортных средств, базирующихся на электрических и гибридных топливных элементах[10].

Еще одной значимой технологической инновацией для Третьей промышленной революции является 3-D printing. Изготовление товаров при помощи 3D принтеров позволит миллионам людей во всем мире стать производителями товаров на свой вкус, продавать их через продвижение сайта. Производство 3-D известно также как производство склеиванием (additive manufacturing), т. е. соединение материалов слой за слоем. Дизайн изделия разрабатывается с помощью компьютера (computer aided design: CAD и файлы в формате STL или VRML). При таком производстве то, что вы видите на экране компьютера, вы получаете из 3D принтера. Это система WYSIWYG (What You See Is What You Get). Машина слой за слоем из жидкого, порошкообразного, пластмассового или листового сырья изготавливает изделие. Изготовление модели на компьютере занимает от нескольких часов до нескольких дней. Физическое изготовление занимает несколько часов и зависит от величины изделия[7, 9].

Однако было бы ошибкой рассматривать феномен Третьей промышленной революции сугубо как новую ступень в развитии науки и производства. В условиях Третьей промышленной революции происходит трансформация как отдельного индивида, так и ключевых социальных институтов, общества в целом. Рассмотрим эти изменения, взяв за основу модель постиндустриального общества Даниэла Белла[1].

В экономической системе в условиях Третьей промышленной революции следует отметить переход к беспрецедентной кастомизации и демократизации производства. Каждая страна, каждое домашнее хозяйство может участвовать в процессе производства. Резко сократятся транспортные издержки, поскольку товары и запасные части будут производиться на местном уровне. Это будет эпоха малых и средних предприятий, которые будут конкурировать друг с другом на глобальном рынке. Гигантские фабрики и заводы уходят в прошлое. Каждый человек получает уникальный шанс произвести свой продукт и предложить его на глобальный рынок. Расходы на маркетинг и логистику радикально сокращаются[7, 9]. Трансформируется и система занятости: уменьшается доля физического и растет доля интеллектуального, высококвалифицированного и творческого труда. Переход к Третьей промышленной революции потребует масштабной переконфигурации всей экономической

инфраструктуры каждой страны, создания новых рабочих мест и бесчисленных новых товаров и услуг.

Политическая система в условиях Третьей промышленной революции также неизбежно трансформируется. Этатизм уходит в прошлое, концепция “welfare state” не оправдала себя и создала в обществе ряд таких проблем, как высокий уровень безработицы, высокий уровень инфляции, высокие налоги, ригидность рынка труда, кризис пенсионной системы, протекционизм. Основное направления развития политико-правовой сферы нового общества – это минимизация и упрощение роли государства, децентрализация принятия решений. Государство в условиях Третьей промышленной революции ориентировано прежде всего на обеспечение безопасности и порядка, контроля за соблюдением фундаментальных прав человека, поддержку инфраструктуры.

В условиях Третьей промышленной революции в сфере культуры следует отметить тенденцию к демассификации и к дестандартизации. На авансцену культуры выходит индивидуальность, и появляется возможность заявить о себе, раскрыть собственный творческий потенциал. Существенные трансформации в эпоху ТИР ожидают и СМИ. Э. Тоффлер считает, что “современные средства массовой информации, как печатные, так и электронные, не способны нести на себе всю информационную нагрузку и к тому же не обеспечивают жизненно важного культурного разнообразия. Вместо доминирования нескольких средств массовой информации начнут преобладать интерактивные, демассифицированные средства, обеспечивающие максимальное разнообразие и даже персональные информационные запросы” [8, с. 558-559].

Особого внимания требуют трансформации в духовной сфере современного общества, а именно его аксиологическое измерение. Одной из фундаментальных ценностей эпохи ТИР является свобода. Под свободой понимается право выбора индивида относительно любого аспекта его жизни, при условии, что его действия не нарушают аналогичного права других людей. Как говорил Иммануил Кант, “свобода есть независимость от произвольной воли другого [человека]. До тех пор пока она не мешает свободе других [людей] в соответствии со всеобщим законом - это природное врожденное право каждого человека, принадлежащее ему в силу его человеческой природы” [3]. Свобода является фундаментальной ценностью, поскольку только свобода позволяет раскрыться человеку как духовной, нравственной, творческой личности. В принципе, мы можем говорить об уникальности экзистенции только благодаря ее временности и осознанной позитивной свободе. И как показала история, принуждение людей к соответствию чьим-то стандартам и некой “конечной цели” препятствует развитию как индивида, так и общества, приводит к трагическим последствиям.

Второй значимой ценностью для эпохи ТИР является знание. Под знанием понимается форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека. Знание является ценностью в качестве фундаментальных научных открытий и прикладных инновационных технологий, как основа организации человеческой деятельности и эффективной трансформации общества. Степень образованности индивида, широта его кругозора, наличие у него знаний и навыков, способность генерировать новое знание – всё это в условиях ТИР становится важным источником социального признания, фактором социальной стратификации, символическим капиталом, конвертируемым в любой другой.

Таким образом, можно сделать вывод, что Третья промышленная революция коренным образом изменит наш мир. Прорывные научные открытия и технологии поражают воображение. То, что совсем недавно считалось фантастикой, на пороге воплощения в действительность. Инновационные технологии способны не только разрешить проблему дефицита энергоресурсов, но и улучшить качество жизни каждого индивида. Они оказывают определяющее воздействие на трансформации духовной и материальной сфер жизни общества. Однако переходный период таит в себе ряд опасностей. Согласно Э. Тоффлеру, «переходный период будет отмечен величайшими социальными потрясениями, мощными сдвигами в экономике, технологическими провалами и катастрофами, политической нестабильностью, насилием, войнами и угрозой войн. В атмосфере разрушения общественных институтов и системы ценностей возможно появление совершенно новых вызовов и угроз, с которыми человечество еще не сталкивалось в своей истории» [8, с. 557]. Мир может как быстро выйти из состояния переходного периода, из состояния «точки невозврата», так может и застрять там надолго. Многое зависит от людей, от их знаний и их решимости запустить процесс перемен. Неизвестно, что станет решающей флуктуацией в этой бифуркационной точке. Может обращение к горькому и печальному опыту прошлого? Может собственная рефлексия над реалиями сегодняшнего дня? На эти вопросы, к сожалению, нет однозначного ответа. Нам, как говорил Элвин Тоффлер, остается только одно. «Для того чтобы иметь дело с новой реальностью, мы должны добровольно отлить в новую форму себя и свои институты. Ибо это цена вступления в жизнеспособное и благоприятное для человека будущее. (...) Будущего, к которому мы уже идем» [8, с. 574].

Список использованных источников:

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – CLXX, 783 с.
2. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. – М.: Логос, 2000. – 302 с.
3. Кант, И. Основы метафизики нравственности [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant_omn/01.php. – Дата доступа: 09. 04. 2013.
4. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 607 с.
5. Ласло, Э. Макродвиг: К устойчивости мира курсом перемен / Э. Ласло; предисл. А. Ч. Кларка; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – 207 с.
6. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 631 с.
7. Романчук, Я. Третья промышленная революция: суть, влияние, последствия [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://liberty-belarus.info/Kapitalizm-dlya-lyuboznatelnyh/Tretya-promyshlennaya-revoljutsiya-sut-vliyanie-posledstviya.html>. – Дата доступа: 24. 03. 2013.
8. Тоффлер, Э. Третья волна: пер. с англ. / Э. Тоффлер; предисл. П. С. Гуревича. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
9. Rifkin, J. The Third Industrial Revolution: How the Internet, Green Electricity, and 3-D Printing are Ushering in a Sustainable Era of Distributed Capitalism [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.worldfinancialreview.com/?p=1547> – Дата доступа: 30. 03. 2013.
10. The third industrial revolution [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/The_Third_Industrial_Revolution – Дата доступа: 30. 03. 2013.

СЕТЕВАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

А.А. ЖАРИКОВА

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

О.Н. ЖАРИКОВА

Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Беларусь

В современном мире уже несколько десятилетий существует и плодотворно развивается концепция образования, ориентированная на компетентность, понимаемую как интеллектуальный и личностно-обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека, основанный на знаниях. В 1996 году ЮНЕСКО представила круг компетентностей, как желаемый результат образования. В докладе Международной комиссии по образованию для XXI века «Образование: сокровище» сформулированы четыре важнейших постулата, на которых основывается образование: научиться познавать, научиться делать, научиться жить вместе, научиться жить, – и этим фактически выделены базовые виды компетентности [1]. Современный специалист должен обладать достаточным количеством разнообразных профессиональных навыков и умений, быть многогранной и всесторонне развитой личностью, способной максимально быстро реагировать на различные трансформации и инновации современного мира, понимающего других людей, иные культуры, способного к диалогу. Принцип толерантности должен стать доминирующим в научно-образовательном пространстве, и, прежде всего, в отношениях между различными субъектами научно-образовательного процесса. Эти отношения должны выстраиваться в плоскости «старший и младший коллега», когда в условиях общества знания все поколения учатся друг у друга.

В основе известной концепции М. Мид заложена мысль о зависимости межпоколенных отношений от темпов научно-технического и социального развития. Трансляция культуры, по мнению исследовательницы, включает в себя не только информационный поток от взрослых к детям, но и молодежную интерпретацию современной ситуации, влияющую на старшее поколение [5].

Это в значительной степени относится и к научно-образовательному пространству, когда молодежь увлеченно осваивает информационные технологии, использует их в своей учебе, работе, на досуге, а часть преподавателей недостаточно ими владеет. Здесь же уточним, что применяя концепцию М. Мид к анализу инновационного общества, его дифференциацию можно проводить не только по поколениям, но и по социальным группам (профессиональным, экономическим и др.), имея в виду их уровень вовлеченности в инновационный процесс.

В современных условиях степень эффективной включенности человека в информационное общество определяется его интеллектуальностью – широкими знаниями и глубоким пониманием процессов, которые эти знания отражают. Школы, университеты в значительной степени аккумулируют и распределяют информацию – новое знание, создавая тем самым инновационную когнитивную среду, где циркулирует подобное знание, и людей – его носителей.

Применительно к научно-образовательному пространству инновации определяются как результат научной деятельности индивида или коллектива, реализованный в виде нового продукта, под которым понимается либо овестьественный

товар, либо технология (научно-техническая, социально-гуманитарная), либо услуга. Подобные или очень близкие определения встречаются во многих работах. Новации могут происходить различными путями: спонтанно, стимулировано, путем заимствования. Возможны также и различные варианты их сочетания. Специфика инноваций в формирующемся обществе знания состоит в том, что они быстро устаревают и приобретают форму обыденности. Поэтому значительно усиливается роль постоянного обновления знаний, приобретения необходимых социальных и профессиональных компетенций на протяжении всей жизни.

В таких условиях возникает проблема культурного перехода и трансформации культуры, возникновения новых культурных форм, обусловленных общественным развитием и научно-техническим прогрессом. Это своего рода точка бифуркации, открывающая различные возможности дальнейшего развития и разные эволюционные перспективы. В научно-образовательном пространстве это означает, что происходит синтез информации, знания и культуры, в результате чего возникает новое образование, которое можно определить как информационно-знаниевая культура [2]. В рамках культурологического подхода она может рассматриваться как специфический способ жизнедеятельности человека в формирующемся обществе знания. В таком понимании она предстает как одна из граней общечеловеческой культуры в рамках сетевых коммуникаций.

Сегодня в значительной степени сформировался сетевой характер мирового общекультурного пространства. Интернет-коммуникация опосредуется и обуславливается сетью электронных коммуникаций. «При этом ни люди, ни отдельные виды деятельности не исчезают; исчезает их структурное значение, переходящее в незнакомую ранее логику метасети, где формируются ценности, создаются культурные коды и кодексы и принимаются решения, связанные с властью» [4, с.504].

Сеть имеет преимущества перед иерархически организованными морфологическими связями, так как это наиболее подвижная форма организации, обладающая высокой степенью адаптивности. «В качестве организующего средства сети обладают неоспоримыми преимуществами благодаря свойственным им гибкости и адаптируемости – качествам, необходимым для выживания и преуспевания в условиях быстро меняющегося окружения» [3, с.13].

Сетевые технологии проявляются во всех сферах человеческой деятельности: образовании, культуре, экономике, политике, информационном пространстве, технологии и управлении и т.д.

1. Образование. В некоторой степени оно само является сетью, поскольку существуют сети университетов, образовательные сети и сетевое образование, дающее большие возможности получения качественных знаний широкому кругу учащихся – пользователей сети (дистанционное образование, образование лиц со специфическими потребностями – инвалидов).

2. Экономика. Возрастает роль сетевых предприятий, что позволяет говорить о сетевой активности капитала. С помощью информационных и социальных сетей происходит сетевой маркетинг, т.е. реклама и покупка-продажа каких-либо товаров, акций предприятий, общение и сотрудничество компаний и их филиалов.

3. Политическая сфера. Государственная власть является сетью коммуникаций. Сетевое общество мультиплицирует и делает разнообразным информационные потоки

в политической сфере, демократизирует устоявшийся порядок. В последнее время все чаще ставится вопрос о создании электронного правительства. Сети играют важную роль в управлении государством и его гражданами, установлении межгосударственных связей, внешней политике.

4. Духовная сфера. С помощью информационной сети (Интернета) ее пользователи могут получить большое количество информации о прошлых эпохах, исторических событиях в духовной сфере общества, традициях и культурном наследии, получить информацию о классиках мировой литературы, философской и социологической мысли, доступ к первоисточникам и т.д.

При анализе влияния сетевых технологий на социум главнейшее значение приобретает сеть Интернет, пронизывающая все сферы общества как на локальном, региональном, так и на более масштабном, всеобщем, всемирном уровне. На локальном уровне пользователи сети обмениваются между собой файлами, информацией, вступают в процесс коммуникации (чаты, форумы). На более широком уровне они получают уже больше возможностей коммуникации и в поиске информации. Иными словами, они становятся законодателями сетевого пространства. Важнейшей задачей при этом становится удовлетворение широкого круга интересов и потребностей каждого человека, что может быть осуществлено с помощью виртуального мультимедийного пространства Интернета.

Таким образом, это один из новых подходов к изучению социальных явлений, поскольку в основе данной концепции лежит представление об информации как знании.

Широкое распространение сетевых технологий становится господствующим в социуме и способствует формированию сетевой парадигмы. Этот феномен объясняется тем, что настоящий период времени характеризуется стремительным развитием высоких технологий (hi-tech), что приводит к качественному изменению в культурной, социально-экономической сферах жизни общества.

Идеалы сетевой парадигмы обуславливаются следующими элементами:

- человек – главный участник сетевых коммуникаций, у него формируется сетевое мышление;
- ядром сетевой парадигмы является информация; сетевая парадигма становится стратегическим направлением решения NBIC-конвергенции;
- происходит переход от управления информацией к управлению знаниями на сетевом уровне;
- сетевое образование, которое предполагает использование информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) в образовательных целях (дистанционное обучение, сетевые on-line конференции, образование людей с ограниченными возможностями и т.п.);

Научная виртуальная коммуникация, в отличие от чат-коммуникации, должна удовлетворять таким условиям как добровольность и заинтересованность в определенной теме, общность научных интересов, принципиальная называемость участников дискуссии, соблюдение научного этикета и др.

Сегодня можно говорить о становлении сетевой парадигмы как существенно новой концептуальной модели постановки и решения научных задач, которые находят непосредственное отражение в становлении нового типа общества. Дальнейшие

исследования ее особенностей будут иметь как теоретическое, так и практическое значение для изучения современного постнеклассического общества.

Безусловно, любое явление необходимо проанализировать многосторонне, выделив как положительные моменты, так и возможные недостатки. Действительно, интернет дает огромные возможности в плане поиска необходимой информации. Но в большинстве, что касается сферы образования, многие студенты скачивают готовые рефераты, курсовые и дипломные работы, далеко не самые лучшие. При таком подходе отсутствует критическое мышление, недостаточно формируются профессиональные и социальные компетенции, падает уровень ответственности. В данной ситуации значительно усиливается роль преподавателя, вынужденного искать новые, эффективные методы обучения. Это и задания по подготовке мультимедийных презентаций, различных творческих проектов. Метод проектов пока недостаточно используется в образовании, хотя это – один из перспективных путей развития компетентностей высшего уровня. Он стимулирует активность студентов, умение проявлять инициативу, брать на себя ответственность, убеждать и аргументировать свою позицию, работать в команде, публично презентовать результаты своей работы и т.д. В данном виде деятельности формируются не только профессиональные, но социальные и ценностные компетенции. Из обилия информации в глобальных информационных сетях студенты должны отобрать необходимый материал, сравнить свое решение с существующими культурными образцами. Проблемы должны носить характер не только «лично интересных», но и встраиваться в данную историческую и социально-культурную специфику времени, т.е. должны быть актуальными в сфере реальной жизни. Ответы разрабатываются всеми участниками команды самостоятельно, что позволяет видеть различный спектр возможностей и ответов и, что самое важное, приобрести опыт их решения путем обмена результатами своего труда.

Широкое распространение сетевых технологий – это уже реалии, в которых необходимо искать «культурную совместимость», усиливая субъектную составляющую.

В современном научно-образовательном пространстве Республики

Беларусь начинают обозначаться контуры новой, информационно-знаниевой культуры, представляющей интегральное понятие и явление, являющейся разновидностью сетевой парадигмы.

Литература:

1. Делор, Ж. Образование: сокровище: доклад Международной комиссии по образованию для XXI века, представленной ЮНЕСКО/ Ж. Делор. – М.: Изд. ЮНЕСКО, 1996. – 168с.
2. Жарыкава, В.М. Інфармацыйна-ведавая культура – імператыў сучаснай эпохі / В.М. Жарыкава // Весці БДПУ. Сер.2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2011. – № 2. – С. 92-95.
3. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе: пер. с англ. / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
4. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494–505.
5. Мид, М. Культура и мир детства: избранные произведения / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429с.

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Е.Н. ГРИГОРОВИЧ, Г.И. ЗАЙМИСТ

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Процессы глобализации, происходящие в современном обществе, приносят существенные изменения в организацию социокультурной деятельности человека, влияют на формирование общественного сознания, на индивидуально-личностное поведение человека. Современным универсальным средством воздействия, как на поведение индивида, так и на массовое сознание, является сеть Интернет, с её информационно-коммуникационными ресурсами. С помощью сети Интернет мы мгновенно находим нужную информацию, будь то: достоверные научные факты, жизненно-практические рекомендации, произведения музыкального искусства любой эпохи или автора.

Сегодня молодые люди при знакомстве не спрашивают «в каком вузе ты учишься?» или «из какого города приехал?», а выясняют: «в какой сети ты общаешься?»

По определению свободной универсальной энциклопедии википедия «Социальная сеть – онлайн-сервер или веб-сайт, предназначенный для построения, отражения и организации социальных отношений». Таким образом, социальные сети представляют собой онлайн-сервер, позволяющий объединять множество людей по определённым критериям, предоставляющий им удобные инструменты общения и самовыражения. Принято считать, что термин «социальная сеть» впервые употребил социолог «манчестерской школы» Джеймс Барнсон в 1954 г., исследуя с помощью социограмм взаимосвязи и взаимоотношения между людьми.

Сегодня численность пользователей самой массовой сети Facebook приближается к миллиарду, в Беларуси число её пользователей насчитывает по состоянию на начало 2013 г. 495180 человек [1]. Самая многочисленная сеть в Республике Беларусь – «В контакте», пользователем которой является сегодня почти каждый четвёртый житель страны (23% населения). Социальная сеть стала, таким образом, современной формой социальной организации, присущей постиндустриальному обществу, поглощая и вытесняя прежние традиционные формы социальной организации.

Многие исследователи констатируют факт трансформации социальности в современном обществе. Так, например, по мнению российского исследователя А.В. Назарчука, «если прежде основу всякого человеческого сообщества составляла привязанность человека к месту жительства и работы, то трендом последнего столетия является ослабление этой привязанности и переход к более слабым экстерриториальным социальным связям. Люди утрачивают связи с локальными сообществами не только в силу новых коммуникационных возможностей, но и в силу того, что они реализуют личные потребности, опираясь на эти новые возможности» [2]. Этот принцип построения сообществ М. Кастельс, наиболее известный в современной литературе исследователь сетевого общества, называет сетевым индивидуализмом, «персонализируемым сообществом».

«Такая индивидуализированная связь с обществом является специфической формой социальности, а не каким-то психологическим атрибутом. Она имеет в своей

основе, прежде всего, индивидуализацию отношений между капиталом и трудом, между рабочими и трудовым процессом в рамках сетевого предприятия. Она порождена кризисом патриархальности и последующим распадом традиционной нуклеарной семьи, существовавшей с конца 19 столетия. Она поддерживается (но не производится) новыми моделями урбанизации, поскольку пригороды и загородные поселения расползаются во все стороны, и разрыв связи между функцией и смыслом в микрорайонах городов-гигантов способствует индивидуализации и дезинтеграции пространственного контекста жизни. И она поддерживается за счёт кризиса политической легитимности, поскольку увеличение дистанции между гражданами и государством воздействует на механизмы представительства, способствуя выводу индивидуализма из общественной сферы. Новая модель социальности в нашем обществе характеризуется сетевым индивидуализмом» [3].

В этой связи современные исследования социальных объектов и явлений необходимо рассматривать сквозь призму сетевых эффектов. Все основные сферы жизнедеятельности общества: производство, культура, коммуникация и др. следует изучать в русле сетевой парадигмы. Сетевые эффекты меняют всё и проявляются они в разных областях по-разному. Существует несколько социальных областей, в которых эти изменения существенны и очевидны: финансовый рынок, рынок труда, системы обмена информацией, массмедиа и др. Самым существенным и ключевым сетевым эффектом является глобализация. Следует, однако, добавить, что сами социальные сети далеко не всегда являются глобальными.

Наиболее очевидные изменения, вызванные сетевым взаимодействием, надо искать в изменениях жизни индивида. Речь идёт как о психологической трансформации, которую пришлось пережить индивиду в последние десятилетия, так и мировоззренческом (идеологическом) кризисе социальной идентичности. Среднестатистический современный человек окутан сетью деловых контактов, круглосуточно привязан к трубке мобильного телефона, а его общение становится всё более безличностным и мимолётным. Контакты легко возникают и быстро завершаются.

Следует признать, что социальные сети в их современном виде имеют целый ряд возможностей, по сравнению с существующими ранее инструментами общения. Это, в первую очередь, современные инструменты поиска нужных контактов (ICQ, QUIP, SKYPE). При помощи инструментов социальной сети каждый её пользователь может создать свой виртуальный портрет, сформировать виртуальную личность, указав вымышленное имя, желаемое образование и придуманную биографию. Человек получает собственное «место жительства» в Интернете, Интернет-имя (НИК). Социальная сеть даёт чувство свободы, позволяет реализовать индивидуальный или коллективный протест против отдельного человека, корпорации, государства, ведь в сети есть возможность высказать своё мнение, оставаясь анонимным, спрятавшись за ник. Ник, таким образом, позволяет обрести социальную свободу. Особенно в период кризисов – социальных, экономических, политических – (например, современный экономический кризис) человек вынужден приспособливаться к ситуации социокультурной нестабильности через поиск новых идентичностей. При этом под «социальной идентичностью» понимается единство когнитивных, мотивационных и ценностных компонентов личности [4]. По нашему мнению, проблема поиска социальной идентичности универсальна для всех сообществ и, независимо от политической и

экономической мощи государства, характерна для тех групп населения, позиция которых наиболее уязвима в период кризисных явлений. Особенно востребована идеология как основание идентичности среди социально активных слоёв населения: среди интеллигенции, имеющей повышенные интеллектуальные запросы, среди молодёжи с её высокими потребностями в самореализации. В периоды кризисов государственной идеологии становятся востребованными идеологии этнических сообществ, экологических групп, сексуальных меньшинств. Присущее современному обществу размывание национальных и культурных границ заставляет людей настойчиво искать собственное социальное окружение, придавая особое значение расовой, национальной, конфессиональной принадлежности, историческим корням. При отсутствии позитивных социальных ценностей и идеологий идентичность больших социальных групп выстраивается вокруг «негативных проектов», направленных против того или иного события, явления, политической фигуры.

Не умаляя роли традиционных средств массовой информации, в первую очередь, мотивирующих социальные группы на участие в государственно значимых акциях, «правильных» протестных выступлениях, особое внимание необходимо обратить на сервисы сети Интернет (социальные сети, блоги, форумы). Сегодня они обладают мощным потенциалом консолидации, как на основе позитивной, так и на основе негативной идеи. Возможности Интернет-ресурсов позволяют людям объединиться под знамёнами той или иной идеи, не выходя из дома. Сегодня ресурсы всемирной паутины используются в разнообразных политических процессах, например, в так называемых «арабских» революциях. Население Египта, Йемена, Туниса легко сплотилось вокруг идеи «странной» революции. Благодаря использованию ресурсов сети Интернет, которая стала средством организации и агитации внутри этих стран, а также сформировала агитационное поле поддержки революции извне, молодое поколение арабов получило возможность быстро самоорганизоваться без координации со стороны лидеров и политических партий. Информация о том, что у безработного студента полицейский отобрал лоток с фруктами, которыми студент торговал незаконно, всколыхнула в течение нескольких часов весь Тунис. Ещё один пример эффективности социальной сети Интернет – сообщения жителя Нового Орлеана Майкла Барнета в дни урагана «Катрина» (конец августа 2005г.). В то время, когда официальные американские средства массовой информации рисовали позитивную картину преодоления последствий стихии, системный администратор одной из компаний с десятого этажа Орлеанских небоскрёбов рассказывал в социальной сети о том, что, на самом деле, происходит в городе: о несчастных людях, которым никто не помогает, о мародёрстве со стороны полиции. В те дни Интернет окончательно доказал, что имеет реальную социальную силу.

Особенно ярким по своей выразительности явлением стал флешмоб, а также разновидность флешмоба – смартмоб. В октябре 2002 г. вышла книга социолога Говарда Рейнголда «Умные толпы: следующая социальная революция». Автор книги предсказывал: люди будут использовать новые коммуникационные технологии (Интернет, сотовые телефоны) для самоорганизации. В июне 2003 года Роб Зазута создал первый сайт для организации смартмобов. Смартмоб (англ. smart mob – умная толпа) – форма самоструктурирующейся социальной организации посредством эффективного использования высоких технологий. Историю смартмобов принято

отсчитывать с 17 июня 2003г., когда в нью-йоркском магазине около 150 покупателей одновременно попросили «коврик для любви» за 10 тысяч долларов. И пока менеджеры сбивались с ног в поисках указанного товара, покупатели исчезли так же неожиданно, как и появились. Смартмоб переводят еще как «взрыв толпы», поскольку люди в определенное время и в определенном месте делают синхронно что-то одинаковое и очень неожиданное. В соответствии с принципами флешмоба это не должно быть рекламой, агитацией, провокацией. Самый массовый флешмоб, занесённый в книгу рекордов Гиннеса, проведён 8 сентября 2009 г. в городе Чикаго, на открытии 24 сезона шоу Опры Уинфри. В нём приняло участие 21000 человек.

Флешмобы и смартмобы обладают удивительной притягательностью для простого человека. Стремление к солидарности, выражаемой через флешмобы или смартмобы, сохранилось в человеке после того, как отошли в прошлое традиционные формы изъявления и практики солидарности (например, в СССР – демонстрации, митинги). Человек больше не ощущает на себе принуждения участвовать в демонстрациях или митингах, но, по-прежнему периодически востребует некоторых массовых форм коллективности. Флешмоб даёт возможность удовлетворить эту потребность, не заключая никаких обязательств, не принимая программ, манифестов, резолюций.

Следует отметить, что сообщества, организованные на основе «негативной идентичности», т.е. консолидации людей «против чего-либо», являются социально и политически амбивалентными. Подобные идеологии и группы быстро распадаются после достижения поставленной цели, например, после свержения власти, на множество фракций, враждующих между собой.

Идея «революции через социальную сеть» пропагандировалась и в белорусском социуме. Социальную базу протестных выступлений составили молодые люди в возрасте 17-26 лет, которые более подвержены влиянию абстрактных идей и имеют менее устоявшиеся личностные ценностные ориентиры. Этим и воспользовались оппоненты власти, прикрываясь абстрактными лозунгами.

В силу возрастных психологических особенностей молодёжи им присущ нигилизм и радикализм. При умелом использовании этих особенностей легко создаётся политический деструктивный капитал. В молодёжных изданиях никто напрямую к революциям не призывает, но среди расписания клубов и статей о направлениях моды появляются статьи о злоупотреблениях властей, об образцах лучшей жизни за границей, о том, что нужно думать о будущем своей страны.

В суверенных государствах должны предприниматься адекватные меры по недопущению консолидации населения в рамках негативных программ. В информационном пространстве, в частности, в сети Интернет должны распространяться идеи, способные увлечь социально активные группы населения, в первую очередь, молодёжь. При проведении избирательных компаний больше внимания следует уделять позитивным изменениям в обществе, декларированию конструктивных программ развития. И, конечно, стратегическим приоритетом в любом государстве должны быть инвестиции в человека: его нравственное воспитание, сохранение и упрочение культурных традиций, идеологических основ государства и общества. Не менее важны сплочённость общества, уверенность людей в справедливости, в жизнеспособности

общественного строя, доверие к руководителям региона, лидерам государства. Это станет залогом успеха всех экономических начинаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Почти 500 тыс. белорусов зарегистрировались в Facebook [Электронный ресурс] / Новостной интернет-портал «5 минут: новости-факты». – Минск, 2013. – Режим доступа : <http://5min.by/news/v-facebook-uzhe-pochti-500-tis-belorusov.html>. – Дата доступа : 13.04.2013.
2. Назарчук, А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 64.
3. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – М., 2004. – С. 155.
4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура – М., 2000.

ГРОДНО И ГРОДНЕНСКИЙ УЕЗД В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

1863–1864 ГОДОВ

О.В. Карпович

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В статье, с акцентом на характер движущих сил, проводится комплексное исследование событий восстания 1863–1864 гг. в Гродненском уезде с привлечением новых, ранее не опубликованных материалов.

События восстания в Гродно развивались довольно интригующе. В ночь со 2-го на 3 марта 1863 г. начальник станции Гродно Леон Кульчицкий, бывший штабс-капитан русской армии, с отрядом до ста человек предпринял попытку захватить товарный состав и выехать на нем за город. Благодаря действиям паровозной бригады вагоны были отцеплены и Кульчицкому с группой 8 человек удалось захватить только сам паровоз. Как заявили потом сами участники этого события, они имели цель присоединиться к отряду Нарбута в Лидском уезде, чтобы затем совместными силами захватить Гродно [2, с. 347]. Идея выезда повстанцев из Гродно на поезде возникла у гродненских гимназистов и была озвучена чиновником гражданской опеки Ипполитом Зубровским. Проект активно поддержал учитель местной гимназии Станислав Новаковский, развернувший агитацию среди своих учеников. В случае успеха побега на ст. Поречье повстанцев ждал Болеслав Нарбут (брат известного повстанческого командира). Согласно архивным материалам, за события 2-3 марта в Гродно позднее был арестован 71 человек: гимназистов – 24, крестьян – 1, аптекари и аптекарские ученики – 7, дворян – 8, помещиков – 2, чиновников – 13, студент – 1, солдатские дети – 2, нижний чин – 1, садовник – 1, мещан – 3, рабочих и служащих – 2, учителей – 2, бывших гимназистов – 2, сословие еще двух человек не установлено. Учитель Станислав Новаковский был лишен дворянства и выслан в Сибирь [8. л. 15–16об].

Позднее, в Гродненском уезде вблизи собственного имения Панюки начал формирование своего отряда отставной подполковник, помещик Александр Ленкевич, являвшийся к тому же и повстанческим военным начальником Гродненского и Волковысского уездов. В ночь с 19 на 20 апреля он собрал близ мест. Озера 36

добровольцев, которые и составили первоначальный костяк его отряда. С этим отрядом он напал на местечко (принадлежащее помещику Леопольду Валицкому), где забрал 20 ружей. В тот же день к отряду присоединилось около сотни безоружных крестьян, которые и приняли свой первый бой 21 апреля [4, с. 27]. Против отряда Ленкевича власти направили 2 роты Ревельского пехотного полка и взвод казаков под общим командованием поручика Мантейфеля. После столкновения у Ленкевича осталось только 25 человек, большая часть утонула в болоте, 2 человека попало в плен, другие разбежались [21, с. 324]. Позднее за поставку оружия отряду Ленкевича Валицкий был выслан в Сибирь, имение с имуществом конфисковали. В числе конфискованного имущества была и богатая библиотека в 2850 книг [7, с. 214].

По сведениям властей, отряд Ленкевича отличался наибольшей жестокостью по отношению к мирному населению. В Гродненской губернии было повешено до 70 человек. Главными вешателями в отряде были бывший лесничий Беловежской пушчи Ян Гениуш, лично повесивший 10 человек и однодворец Гзовский [1. ч. 2, с. 394; 9, л. 76].

За подготовку восстания в губернии отвечала подпольная организация, куда первоначально вошли губернский чиновник Эразм Заблоцкий, его брат врач Юлий Заблоцкий, офицеры лесного корпуса Валерий Врублевский и Ян Ванькович, землемеры Феликс Рожанский, Ипполит Милевич и три католических священника – Гинтовт, Зажицкий, Козловский [15, с. 496]. Основной деятельностью организации стала подготовка к вооруженному восстанию – заготовка оружия, боеприпасов, финансовых средств, агитация и пропаганда среди местного населения, особенно крестьян. Активную помощь гродненской повстанческой организации, во главе которой стоял доктор Целестин Цехановский, оказывали ремесленники губернского центра, снабжая уходивших в отряды деньгами, одеждой, продуктами. Финансовую помощь оказывали помещики граф Александр Биспинг, граф Вячеслав Красицкий, отставной штабс-ротмистр князь Георгий Четвертинский, старший врач Гродненской окружной больницы Иосиф Маркевич, чиновники Адольф Толочко, Людвиг Обремский, Адам Бояровский и др. [10]. Летом 1863 г. гродненские власти выявили работника одной из фабрик, прусского подданного Даниэля Кляйна, изготовлявшего для повстанцев холодное оружие. Вероятно, некоторую помощь повстанцам мог оказывать бывший уездный предводитель дворянства Ян Вирион [19, с. 119]. Активное участие в распространении повстанческой литературы и агитации среди населения принимал доктор Владислав Бриере де Мартере [3, с. 194]. В организационной работе Гродненской уездной организации помогали жены и невесты ее участников. Так, должность председателя «женского комитета» организации занимала супруга уездного предводителя дворянства Северина Ромера. Помещица Елена Понишвицкая занималась вербовкой людей в отряды, ее коллега Теофилия Свербжинская в своем имении содержала «мятежную почтовую станцию» [18, с. 63]. Впоследствии имение Северина Ромера будет конфисковано и продано за 14500 рублей серебром, а самого вышлют в Тобольскую губернию. Александр Биспинг был выслан в Оренбургскую губернию.

Гродненская уездная организация имела четкую организационную структуру. Во главе стоял начальник уезда (в данном случае Александр Ленкевич), который имел ряд помощников – референтов. Существовали референты налоговый, коммуникаций, казначей, опеки (для помощи арестованным повстанцам), военный и т.д. Более подробный состав уездной организации показан в табл. 1 [2, с. 395; 17, с. 490–492].

Регион	Имя, фамилия,	Сословная принадлежность / должность в организации
Гродненский у	Станислав Сильвестрович	помещик / уездный начальник
	Иван Каминский	помещик / окружной начальник
	Петр Покубята	помещик / окружной начальник
	Чепович	ксендз / окружной начальник
	Редых	дворянин / окружной начальник
	Дашкевич	помещик / окружной начальник
	Войсятыч	помещик / военный референт
	Северин Ромер	помещик, предводитель дворянства Гродненского уезда / кассир
	Люциан Завистовский	помещик / референт коммуникации
	Целестин Цехановский	врач / начальник г. Гродно
	Иосиф Рутковский	учитель / помощник начальника
	Владислав Жолтовский	губернский чиновник / помощник начальника

В целом, население Гродненского уезда активно поддержало восстание 1863 г. Только в течение апреля-мая из самого города и уезда в отряды бежало 255 человек: беспоместных дворян и офицеров – 39, помещиков – 18, шляхты – 20, крестьян – 50, чиновников – 29, однодворцев – 33, гимназистов и студентов – 28, представителей городского населения – 38 [11, л. 539-551]. Довольно активно проявили себя в восстании гимназисты. По данным на 24 июля 1863 г., из Гродненской гимназии было исключено 24 ученика, без права восстановления в других гимназиях Виленского учебного округа. В апреле 1863 г. при столкновении с повстанцами в Белостокском уезде Гродненской губернии в плен было взято 20 учеников Свислочского пятиклассного училища. За активное участие в восстании учитель того же училища Павел Высоцкий был выслан в Оренбургскую губернию [5, с. 21].

В Гродненском уезде повстанческие отряды провели несколько удачных акций. Так, в ночь с 9 на 10 июля в дер. Щанцы появились повстанцы числом около 300 человек и, разбудив крестьян, потребовали продовольствия для отряда. В ночь с 18 на 19 июля в имение Великая Берестовица наведальась «шайка мятежников» из 20 человек, забрали из кассы 200 рублей серебром, а из магазина около трех пудов сала и крупы [11, л. 154–158].

По мере ликвидации повстанческих отрядов в Гродненской губернии из лесов в конце лета – начале осени стали возвращаться с повинной бывшие повстанцы. Власти старательно фиксировали «добровольно вернувшихся из мятежных шак», применяя к ним различные виды наказания в зависимости от степени вины: от оставления на прежнем месте жительства под полицейским надзором до высылки в Сибирь и внутренние губернии с лишением всех прав состояния и имущества. Так, к началу марта

1864 г. вернулось жителей Гродненского уезда: 47 дворян и помещиков, 68 крестьян, 23 однодворца, 30 шляхтичей, 8 мещан, 1 чиновник [12]. На конец 1864 г. за участие в восстании из Гродненского уезда во внутренние губернии было выслано 40 крестьян [13, л. 13–45]. В июне 1865 г. в Гродно под арестом еще находилось 92 человека: 28 помещиков, беспоместных дворян и офицеров, 10 шляхтичей, 17 крестьян, 14 мещан, 6 чиновников, 6 однодворцев, 4 еврея, 4 католических священника, 2 иностранных подданных, 1 нижний чин [6, с. 205]. По состоянию на 1867 год под полицейским надзором находился 91 житель Гродненского уезда – 6 помещиков, 22 беспоместных дворянина, 29 крестьян, 15 однодворцев, 7 чиновников, 10 мещан и 2 рабочих [14].

Особое внимание власти уделяли представителям шляхты – категории дворянства, не имевшей земли и недвижимости и зачастую влачившей нищенское, не отличавшееся от крестьянского, существование, но пользовавшейся всеми привилегиями дворянства. Именно эту категорию власти небезосновательно считали одним из «главных двигателей мятежа» и применяли самые строгие меры. Так жители шляхетской околицы Щуки Гродненского уезда были обвинены в помощи повстанцам и насильственном уводе в лес крестьянина Макаревича, который затем был повешен. Селение было разрушено, а его жители в количестве 15 семейств подверглись высылке во внутренние губернии империи [16, с. 169–173]. Казню Макаревича занимались повстанцы из отряда помещика Волковысского уезда Исидора Лукашевича: дворяне Эдуард Керсновский (приговорен к каторге на 20 лет), Эдуард Пацынко, Станислав Живицкий (высланы в Сибирь), Адам Хухцинский и Петр Керсновский (оставлены на прежнем месте жительства под полицейским надзором), однодворец Антон Глебович (выслан в Сибирь) и отставной ротмистр Франц Вольбек (установлен полицейский надзор) [15, л. 144–145].

За участие в восстании в Гродно по приговорам военных властей были казнены 2 человека: 14(26) марта 1864 года был расстрелян рядовой Капорского пехотного полка Юзеф Урбанович за самовольное оставление службы, измену присяге и добровольное вступление в повстанческий отряд; 11(23) октября 1863 года крестьянин Доминик Толинский за участие в повешении лесника Юлпановича [20].

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: в 2-х ч. / Под общ. редакцией А.И. Миловидова. – Вильно, 1913. – Ч. 1; Вильно, 1915. – Ч. 2.

2. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: материалы и документы. – М.: Наука, 1965. – 586 с.

3. Грицкевич, В.П. С факелом Гиппократ: Из истории белорусской медицины / В.П. Грицкевич. – Минск: Наука и техника, 1987. – 271 с.: ил.

4. Арамовіч, І. Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гродзенскім ваяводстве ў 1863 і 1864 гг. – Пераклад А. Радзюка / І. Арамовіч // АРСНЕ. – 2010. – № 12. – С. 18–71.

5. Карпович О.В., Стрелец М.В. «Мятеж детей», или к вопросу об участии студенческой и учащейся молодежи Беларуси в восстании 1863 г. // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы – 2011. – Серыя 1, № 1. – С. 20–24.

6. Заключение в тюрьмах в июне 1865 г. // Русская старина. – 1883. – № 5. – С. 205–206.

7. Коўкель, Л. Канфіскацыя прыватных кніжных калекцый на беларускіх землях пасля паўстання 1863 г. // АРСНЕ. – 2010. – № 12. – С. 211–221.

8. НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 231. Дело о ссылке в Сибирь, на каторгу жителей Гродненской губернии за участие в восстании 1863 г.

9. Там же. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 1151. Дело о сборе сведений о руководителях повстанческих отрядов, действовавших в Гродненской губернии.
10. Там же. Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 768а. Список лиц, состоящих под судом по военно-следственному делу о членах революционной организации по пяти северным уездам Гродненской губернии.
11. Там же. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 1138. Списки чиновников палат казенной, уголовной, гражданской и государственных имуществ по губернии, принимавших участие в восстании 1863 г.
12. Там же. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 666. О водворении на прежнее место жительства добровольно явившихся из повстанческих отрядов жителей Гродненской губернии и списки участников восстания 1863 г.
13. Там же. Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 43. Списки лиц, высланных из Гродненской губернии за участие в восстании 1863 г.
14. Там же. Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 871. Ведомости состоявших под надзором полиции в 1867 г.
15. Там же. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 447. Военно-судебное дело на участников восстания, жителей Гродненской губернии.
16. Радзюк А. Знішчэнне шляхецкіх ваколіцаў на Гродзеншчыне ў 1863–1864 гг. // АРСНЕ. – 2010. – № 12. – С. 151–173.
17. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг.: материалы и документы. – М.: Наука, 1964. – 704 с.
18. Фірыновіч, А.Э. Жаночы фактар у паўстанні 1863–1864 гг.: інфармацыйны патэнцыял беларускіх архівасховішчаў / А.Э. Фірыновіч // Весці нацыянальнай акадэміі наук Беларусі. Серыя Гуманітарных навук. – 2011. – № 2. – С. 59–65.
19. Швед, В.В. Масоны і ложы на землях Беларусі (канец XVIII – першая чвэрць XIX стст.): біябібліягр. слоўн. / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2007. – 275 с.
20. Rok 1863: wyroki smierci / red. W. Studnicki. – Wilno: Nakł.: dr. Ludwika Chominskiego, 1923 [s.a.]. – 120 a.
21. Zielinski, St. Bitwy i potyczki 1863–1864. Na podstawie materialow drukowanych i rekopismiennych Muzeum Narodowego w Rapperswilu / St. Zielinski. – Rapperswil, 1913. – 412 s.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

(НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

И.Е. КИСЕЛЕВ

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

Современный этап развития характеризуется постепенным переходом от индустриального к постиндустриальному обществу. Это выражается в нарастании следующих процессов: а) постепенном отходе от товаропроизводящей к обслуживающей экономике, что означает превосходство сферы услуг над сферой производства; б) изменение в социальной структуре общества (классовое деление уступает место профессиональному и стратификационному делению); в) создание новых интеллектуальных технологий; г) возрастание роли и значения информации и повсеместное усиление ее влияния на экономику, политику, функционирование государства.

Собственность как критерий социальной стратификации теряет свое значение, решающим становится уровень образования и знания. В отличие от индустриального общества, где основной конфликт между трудом и капиталом обусловлен сосредоточением собственности в руках капиталистов, в постиндустриальном обществе основной конфликт проявляется между компетентностью и некомпетентностью.

Все это означает, что современное постиндустриальное общество в плане экономического роста предполагает широкое использование инноваций. Это предполагает повсеместный переход производства к V и VI технологическим укладам, что должно значительно повысить конкурентоспособность национальной экономики Республики Беларусь. На это ориентирует реализация «Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006-2015 годы», «Государственная программа инновационного развития РБ на 2011-2015 годы», «Концепция национальной инновационной системы РБ».

Факторы модернизации национальной экономики можно разделить на внутренние и внешние. Первые составляют капитал страны и связанные с его воспроизводством и приращением национальные институты и инфраструктура. Внешние факторы связаны с процессами глобализации науки, образования, инновационной сферы в целом, финансами и институтами, обслуживающими мировой инновационный процесс.

Понятие «человеческий капитал» довольно широко используется в науке. Например, Добрынин А. И. понимает под человеческим капиталом имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют производительности труда и влияют на рост доходов. [1,9] Кроме того, следует добавить наличие и степень развития определённых качеств человека, которые способствуют инновационной деятельности. В структуре человеческого капитала ряд исследователей выделяют такое понятие как компетенции личности. В данном случае упор делается не столько на владение знаниями, сколько на способность человека в нужный момент жизни продемонстрировать требуемое поведение, предъявив на практике накопленный жизненный опыт, знания, умение, то есть определённый уровень профессионализма.

Это предполагает знание основ производства, его организации, знание и понимание специфики человеческого фактора, умения руководителя работать и контактировать с подчинёнными, видеть перспективы развития. Это предполагает создание сплоченного коллектива, который в социологии и менеджменте трактуется как команда.

В современной социологии, социальной психологии, менеджменте имеются определенные наработки в плане изучения личности инноваторы, ее качеств, свойств, компетенции и т.д. Например, американский социальный психолог Д. Макклелланд обосновал правомерность мотивов достижения успеха как серьезного побуждение к бизнесу, а предпринимателей определял как людей способных брать на себя высокую ответственность. Чем сильнее развита эта потребность, тем больших успехов в бизнесе добивается тот или иной предприниматель.

Путем различных экспериментальных исследований Д. Макклелланд и его коллеги выработали методику определения количественных параметров потребности к достижению и успеху и выделили три условия этого процесса: 1) индивиды должны готовы взять на себя всю ответственность за конечный исход дела; 2) необходимо иметь

четкое представление о том, чем закончилось дело, чтобы знать, испытал индивид удачу или поражение; 3) удача должна быть зримой, а пути ее поиска – умеренно рискованными. [2, 35-37]

Индивид, нацеленный на успех и не боящийся поражения, приписывает победу скорее внутренне контролируемым факторам, то есть своим способностям и усилиям, а неудачу связывает опять же с собой – с недостаточной мобилизацией своих резервов (что становится уроком на будущее). Индивид с гипертрофированной боязнью поражения связывает неудачу с неверием в собственные силы и кознями извне, никакого стремления «взять реванш» у него нет. Первый тип при неудаче уповает на использование своих способностей применительно к более тяжелому труду, а второго останавливает страх очередного поражения. Естественно, среди первых инноваторов куда больше. [3, 111-112]

В 2012 году, в рамках исследования «Интеллектуально-духовные и социокультурные факторы динамики инновационного пространства Республики Беларусь в условиях формирования постиндустриального общества» на ОАО «Белкоммунмаш», был проведен опрос по анкете «Социальный портрет инноватора». Анкета включала вопросы, касающиеся инновационной деятельности на предприятии, а также вопросы, затрагивающие личность инноватора (мотивация, качества личности, отношения в коллективе, стиль руководства и т.д.). Это дало возможность получить интересную информацию.

В результате анкетного опроса по критерию инновационной ориентированности были выделены группы инноваторов с точки зрения их субъективных устремлений:

1. «Активный» инноватор (те, кто отнесли себя к категории людей, которые желают и умеют работать и активно действуют в направлении инноваций) – 34,1%.

2. «Пассивный» инноватор в силу низкого уровня профессионализма (ответившие «желаю инноваций, но не имею нужных навыков, умений и знаний») – 24,4%.

3. «Вынужденный» инноватор в силу обстоятельств (выбравшие вариант ответа «выраженного желания в инновациях нет, но готов действовать в сотрудничестве с другими людьми») – 33,3%.

4. «Пассивный» противник инноваций, не объясняющий своей позиции (их мнение – «желаю и умею работать, но не хочу никаких инноваций») – 2,4%.

5. «Активный» противник инноваций в силу личных причин (из боязни уменьшения заработка, потери своего рабочего места, необходимости переобучения и т.д.) – 3,3%.

Как видно из этих данных, группа «активные инноваторы» в разы превышает группу «активные противники инноваций». Между этими крайними полюсами располагаются промежуточные группы: «пассивные» инноваторы; «вынужденные» инноваторы; «пассивные» противники инноваций.

Определенный интерес представляет мнение респондентов о наличии у них необходимых для инноваторов профессионально-деловых и личностных качеств:

1. Профессионально-деловые качества инноватора:

1) Креативность – 37,4%

2) Инновационноориентированность – 7,3%

3) Инновационновосприимчивость – 17,9%

4) Устремленность на поиски альтернатив – 21,1%

5) Способность идти на предпринимательский и финансовый риск – 12,2%

- 6) Чувство перспективы – 18,7%
- 2. Личностные качества инноватора:
 - 1) Инициативность – 39,8%
 - 2) Организаторские способности – 27,6%
 - 3) Мобильность – 38,2%
 - 4) Ответственность – 78,9%
 - 5) Высокий интеллект – 28,5%
 - 6) Лидерство – 17,1%
 - 7) Коммуникабельность – 59,3%
 - 8) Решительность – 30,1%

Мнение всех трех групп потенциальных инноваторов (активные, пассивные и вынужденные) о наличии у них вышеперечисленных качеств представлено в таблице №1.

Таблица №1 – Мнение потенциальных инноваторов о наличии у них инновационных качеств

Качества	Активные инноваторы, %	Пассивные инноваторы, %	Вынужденные инноваторы, %
<u>1. Профессионально-деловые качества инноватора</u>			
1) Креативность	52,4	26,7	29,3
2) Инновационноориентированность	19,0	3,3	-
3) Инновационновосприимчивость	31,0	13,3	12,2
4) Устремленность на поиски альтернатив	28,6	23,3	12,2
5) Способность идти на предпринимательский и финансовый риск	16,7	10,0	9,8
6) Чувство перспективы	16,7	23,3	19,5
<u>2. Личностные качества инноватора</u>			
1) Инициативность	47,6	46,7	26,8
2) Организаторские способности	40,5	10,0	29,3
3) Мобильность	33,3	36,7	41,5
4) Ответственность	73,8	80,0	92,7
5) Высокий интеллект	40,5	23,3	22,0
6) Лидерство	28,6	13,3	9,8
7) Коммуникабельность	7,1	60,0	63,4
8) Решительность	40,5	30,0	22,0

На основании полученных анкетных данных можно выделить группы работников и с точки зрения их мотивации к участию в инновационных преобразованиях, в основе которой лежит определенное соотношение таких противоположных личностных параметров, как стремление к успеху и избегание неудачи в инновационной деятельности. В этом плане были выделены пять групп, различающихся своими мотивационными ориентациями. В процентном отношении это выглядит следующим образом: 1) ориентация только на успех – 18,7%; 2) ориентация на успех но и готовность к неудаче – 37,4%; 3) переходная группа, где присутствует как готовность к успеху, так и к неудаче – 18,7%; 4) восприятие неудачи как этапа на пути к успеху – 13,8%; 5) восприятие неудачи как результат личной неподготовленности к инновациям – 0%; 6) восприятие неудачи как результата неподготовленности коллектива к инновациям -0,8.

Как видно из этих данных, наибольших процент сторонников инноваций получили первая, вторая и третья позиции: «ориентированность на успех но быть готовым и к неудаче» - 37,4%; «ориентация только на успех» и «готовность и к успеху и к неудаче» и-18,7%. Позиция, связанная с личной неподготовленностью к инновациям, совершенно не представлена, а связанная с неподготовленностью коллектива составляет весьма мизерный процент – 0,8%.

По мнению большинства респондентов, в наибольшей степени способствует активизации инновационной деятельности на предприятии стиль управления, сочетающий элементы директивного и демократического: так считает 45,5 %. Наименее пригодным для инновационного развития они считают директивный (авторитарный) стиль: эффективным его назвали только 4,9 % (разница в 9 раз). Еще 20,3 % отдали предпочтение демократическому (коллегиальному) стиль управления, а остальные затруднились ответить на этот вопрос.

На основании вышеизложенного можно предположить следующие рекомендации:

1. Целесообразно разработать механизм подбора работников по критерию наличия у них качеств, востребованных инновационной деятельностью. Он (механизм) предполагает, во-первых, учет возможной реакции работника на внешние факторы (среду) инновационной деятельности, которые включают стиль руководства, психологический климат коллектива, содержание, характер, условия, организацию труда; во-вторых, внутренние факторы, связанные с мотивацией работника к участию в инновационных преобразованиях и доминирующими реакциями на складывающиеся ситуации, характер восприятия успеха и неудачи и др.

2. Среди трех групп инноваторов («активные», «пассивные» и «вынужденные») в определенной степени просматривается тенденция, связанная с положительной динамикой мотивации и соответствующих качеств работников, в диапазоне поведения (от боязни страха, в неуверенности в своих силах, низкой самооценки, к поведению, нацеленному на достижение успеха и отсутствия боязни принятия решений и возможных рисков). Эту ориентацию следует развивать и наращивать через систему обучения, переобучения кадров, повышения их квалификации.

3. Наиболее приемлемым и оптимальным стилем управления в условиях инновационной деятельности является синтетический стиль, сочетающий элементы директивного и демократического. В данном случае все это будет способствовать

улучшению психологического климата в коллективе, налаживанию межличностных отношений. Именно в таких управленческих условиях и возможно проявление инновационной активности работников.

4. Важно создать условия для повышения уровня образования и квалификации персонала. Молодым работникам, которые занимаются заочно в вузах, возможно, предоставлять полностью или частично оплачиваемый отпуск во время сессии.

5. Желательно подумать о возможности заключения с работниками, активно участвующих в инновационной деятельности и проработавшими на предприятии свыше 10 лет, долгосрочных контрактов, что будет способствовать укреплению социально-психологического климата в коллективе, оптимальному сочетанию традиций и новаторства, повышению уверенности работников в своем будущем.

5. В контексте развития производственной демократии желательно разработать практически действующую систему, обеспечивающую работникам реальные возможности влиять на инновационную политику предприятия. Например, создать Совет инноваторов, как важное структурное подразделение, объединяющее представителей предприятия (администрации, ИТР, работники заводских служб), а также работников академической, отраслевой, вузовской науки. Задача Совета инноваторов – тестирование, рассмотрение с точки зрения практической реализации предлагаемых проектов и расчет их экономической эффективности. В этом плане следует разработать примерное Положение о Совете инноваторов, включающем и Кодекс инноватора.

Литература:

1. Добрынин, А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова – СПб, 1999.
2. Основы экономической психологии. Под ред. Малахова И.А. / И.А. Малахов – М., 1992.
3. Синов, В.В. Социально-психологические аспекты инновационного предпринимательства, часть 1 / В.В. Синов - Российское предпринимательство. – 2005. - №6.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.В. КЛИМОВИЧ

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест,

Беларусь

XX век после окончания Второй мировой войны, наряду с другими его особенностями, характеризуется как период глобализма и глобализации. Проблемы глобализации стали достаточно популярной темой научных дискуссий, которые особенно активизировались в 90-е годы XX века и начале третьего тысячелетия.

В современной научной литературе используются понятия «глобализм» и «глобализация». Изучение определений этих понятий позволило нам сделать следующие обобщения.

Глобализация в современном мире представляет собой род политики (геополитики), который осуществляется одной или группой стран, и направлен на

распространение своего влияния (экономического, информационного, военного, финансового, культурного) – на весь мир.

Глобализм же представляет собой идеологию глобализации, то есть теоретическое обоснование и преломление через призму интересов одной или группы стран универсальности для всего мира своих ценностей, правил, норм.

Таким образом, оказывается, что глобализация – очень широкое понятие, позволяющее подводить под него различные, даже противоречивые социальные явления, лишь бы эти явления имели то общее, что они достигают глобальных, т.е. мировых, масштабов.

Прежде всего, анализируя понятие глобализации, можно отметить то, с чем согласны все исследователи: это процесс, характеризующий социальную жизнь в современном мире, процесс, оказывающий серьёзное воздействие на развитие современной цивилизации. Если говорить о глобализации в отношении мирового сообщества, то она может рассматриваться как переход от мирового сообщества, состоящего из национальных государств, к образованию глобального мирового сообщества, в рамках которого рушатся, «размываются» границы национальных государств и процесс глобализации ведёт к образованию «мегаобщества» или так называемой «мировой деревни».

Некоторые исследователи трактуют глобализацию как модернизацию или вестернизацию. Этот последний тезис является одним из определяющих для характеристики процесса глобализации, и он явно декларируется как теоретиками глобализма (К. Поппер, Ж. Аттали, Ф. Фукуяма), так и его практиками (З. Бжезинский, Г. Киссинджер), а также умеренными критиками глобализма (С. Хантингтон).

Как нам представляется, для понимания сущности глобализма представляет интерес краткий анализ взглядов Жака Аттали. Этот мыслитель выделил в человеческой истории три основных эпохи – религиозную, завоевательную и торговую. Первая из них выдвинула культ Бога, вторая – культ Силы, а третья – культ Денег, а олицетворением этих эпох были соответственно священник, вождь и финансист или торговец. Мир, по мнению Ж. Аттали, эволюционирует к глобализму, при этом две первые эпохи олицетворяют неудачные попытки стирания границ между государствами: глобализационный потенциал религии и вооружённой силы, по мнению этого автора, недостаточен для реализации идей глобализма. Только третья эпоха успешно реализует идею глобализации благодаря финансовой элите (заметим, что Ж. Аттали называет её представителей «новыми кочевниками», т.е. людьми, кочующими по миру как его граждане). Именно они способствуют появлению нового мирового порядка; лишённые каких-либо национальных и культурных предрассудков, именно они смогут перевернуть ритм жизни, радикально изменят отношение человека к культуре, науке, семье, родине, миру. В конечном счёте, финансисты возвысятся над миром, они станут наднациональной и надгосударственной элитой мира, и, по существу, будут исполнять функции мирового правительства [1].

Осуществлению глобализации способствуют информационные технологии; как технический арсенал глобализации, они оказывают содействие превращению нашей планеты в единое мировое финансовое пространство, где товаром, по мнению Ж. Аттали, станет даже сам человек, а достоинства человека будут в этом глобализованном мире определяться только по одному критерию – количеству денег в

его кошельке. Впрочем, даже и деньги в кошельке в принципе не будут нужны; их количество виртуально определяется наличием средств на магнитной банковской карточке. Там, где деньги, там и власть, замечает Ж. Аттали, а власть измеряется количеством контролируемых денег вначале посредством Силы, а затем – посредством Закона.

Какова же граница свободы людей, не обладающих достаточным количеством денег, тех, кто оказывается лишённым их, кто угрожает новому порядку, оспаривая способ и законность его распределения? По мнению Ж. Аттали, у этих людей есть лишь одна альтернатива: либо подчиниться, конформировать с обществом «новых кочевников», либо быть исключёнными из этого общества, стать изгоями.

Интересно, что даже идеологи глобализма заметили издержки такой политической практики. Так, С. Хантингтон видит в движении к новому мировому порядку множество потенциальных катаклизмов. По его мнению, XXI век будет веком борьбы различных культур (цивилизаций). И главная угроза западной цивилизации будет в XXI веке исходить со стороны китайской и мусульманской культур; он допускает возможность столкновения между Китаем и США, а также предсказывает конфликты с мусульманской цивилизацией. Чтобы избежать такого развития глобализации, необходимо умерить стремление Запада изменить все культуры по своему образцу и подобию. С. Хантингтон обосновывает тезис, что будущая политическая картина мира будет не монокультурной, а поликультурной [2, с. 233].

Направленность и цели глобализма, наиболее явно и открыто, сформулированы в практических рекомендациях по осуществлению идей глобализма, т.е. в реализации их через глобализацию. Эти практические рекомендации в значительной мере разработаны З. Бжезинским. В своих многочисленных работах по геополитике З. Бжезинский обосновывает американский гегемонизм стремительным экономическим ростом США, чему, по его мнению, способствовала американская национальная культура. Это, по мнению Бжезинского, гегемония нового типа, которая отражает многие из черт, присущих американской демократической системе: она плюралистична, проницаема и гибка. Америка в настоящее время присвоила себе функции и роль арбитра для Евразии, причём нет ни одной крупной евразийской проблемы, решаемой без участия Америки или вразрез с интересами Америки. В течение нескольких ближайших десятилетий, по мнению теоретиков глобализма и глобализации, может быть создана реально функционирующая система глобального сотрудничества, построенная с учётом геополитической реальности, которая постепенно возьмет на себя роль международного «регента», способного нести груз ответственности за стабильность и мир во всем мире. Таким образом, геостратегический успех, достигнутый в этом деле, надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы» [3, с. 231, 255].

Таким образом, можно выделить следующие основные характеристики и цели современного глобализма:

- разрушение традиционных, прежде всего национальных духовно-нравственных ценностей и внедрение иных, так называемых общечеловеческих ценностей в странах, которые, по мнению США, не являются демократическими;
- формирование надгосударственных, наднациональных центров власти, приоритет международного права над национальным;

- содействие возникновению межгосударственных, межрегиональных, межконфессиональных конфликтов; формирование деструктивных сектантских, сепаратистских и других организаций;

- размывание сложившихся нравственных норм, обычаев; поощрение и содействие развитию аморальных и асоциальных норм, ценностей, программ и моделей поведения, особенно в молодёжной среде;

- использование новых информационных технологий для нивелирования индивидуальности, неповторимости личности, ведущих к её обезличиванию, рассмотрение личности не в качестве субъекта, а лишь объекта различных социальных технологий.

Анализируя результаты глобализации, достигнутые в начале XXI века, можно утверждать:

- глобализация служит не столько общественному развитию (только опосредованно, в какой-то степени), сколько служит получению прибыли функционирующими в рамках этого процесса транснациональными корпорациями;

- глобализация стала условием и причиной новых зависимых социальных отношений, основывающихся на экономической эксплуатации народов и вторичной колонизации государств в новой, современной форме;

- этот процесс приводит к обеднению не только зависимых государств, но и больших социальных групп в богатых государствах, и особенно, людей со средними доходами;

- в рамках процесса глобализации формируются социальные группы, владеющие капиталом и обладающие монополией на достижение всё большего богатства, которые уже не в состоянии тратить это богатство рационально и на пользу других людей;

- многие международные корпорации располагают и пользуются капиталом гораздо большим, чем составляет национальный доход отдельных государств. Эти корпорации, по существу, стали надгосударственными институтами, зачастую обладающими даже собственными вооружёнными формированиями;

- творцы глобализации не хотят понимать, что мир не может быть редуцирован только к экономической составляющей и только через достижение высокой прибыли. Этот процесс достижения максимальной прибыли ныне поражает и такие стороны социальной действительности, как культура, духовность, человеческие потребности;

- процессы глобализации ведут к переоценке многих социальных процессов и структур, оказывающих решающее влияние на безопасность народов;

- глобализация ведёт к необратимой деградации окружающей среды, к постоянным конфликтам в обществе; способствует экономическому расслоению общества;

- глобализация сопровождается вытеснением национального капитала с внутреннего рынка, упадком многих отраслей хозяйственной деятельности и огромным ростом безработицы.

Справедливости ради надо отметить, что глобализация имеет и позитивные последствия, например, распространение новых современных технологий, эффективное использование достижений науки, формирование новой культуры труда и др.

Таким образом, очевидно, что восприятие глобализации – это достаточно сложный процесс и упрощённое её понимание ни в коей мере не приводит к истинному

пониманию её сущности, а вследствие этого, – не ведёт к своевременному разрешению проблем, которые глобализацией генерируются.

Список цитированных источников

1. Даниленко, В.П. Что такое глобализм / В.П. Даниленко // Информационно-аналитическое издание «Интернет против телеэкрана» [Электронный ресурс]. – Интернет против телеэкрана, 2002-2004.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2006. – 571с.
3. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1998. – 360 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГРАЖДАН БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.

Н.Н. КОВАЛЕВА

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

История всегда была наукой политизированной. В процессе распада Советского Союза и социалистического лагеря, появления новых постсоветских и постсоциалистических государств, степень политизации в них исторической науки неизмеримо возросла. А широкое использование как находящимися у власти политическими силами, так и их оппонентами, различных способов закрепления в массовом сознании конкретной интерпретации истории породило новое явление, именуемое исторической политикой. В числе прочих приёмов и механизмов проведения исторической политики властные структуры в различных странах используют и институт образования.

В предлагаемой статье мы попытаемся разобраться с тем, в какой мере смена образовательной парадигмы повлияла на формирование исторической памяти жителей Беларуси. Сразу сделаем оговорку, что историческая память, понимаемая как «коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вне научных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом»[6], формируется не только под воздействием преподавания истории, но и многих других факторов. Эти факторы, в виду небольшого объёма статьи, нами рассматриваться не будут.

При изучении проблемы автором статьи не проводились собственные исследования (опросы общественного мнения), а были использованы факты, которые приводят в своих публикациях белорусские учёные. На основании этих данных, а также знаний по предмету исследования, полученных в процессе длительной педагогической деятельности, автор статьи пришёл к определённым выводам, о которых будет сказано в заключении.

Очевидно, можно согласиться с тем, что белорусское общество неоднородно, и единой исторической памяти у белорусов быть не может. К сожалению, в Беларуси нет и единой национальной истории, которая, по мнению Хальбвакса «является достоверным изложением наиболее важных событий, преобразовавших жизнь нации» [7]. Все значимые события белорусской истории только на протяжении XX века толковались и перетолковывались диаметрально противоположным образом. В конце 20-х гг. «историки-нацдемы» были подвергнуты критике за их идею государственной независимости, а многие из них даже репрессированы и казнены. Преподавание в школах и ВУЗах стало осуществляться в духе советской исторической доктрины. Главной задачей дискурса исторической памяти в советский период было создание общей истории «советского народа», поэтому к истории Беларуси относились пренебрежительно. Курс истории Беларуси в школах ввели только в 1959 г. (не самостоятельный предмет, а необязательное дополнение к курсу истории СССР), первый учебник появился только в 1960г. А учебник для студентов исторических факультетов по истории Беларуси издали только через 20 лет после школьного.

До 1991г. в высшей школе преподавались «история КПСС», а в годы перестройки, когда руководящая роль КПСС перестала рассматриваться как незыблемая ценность, – «социально-политическая история XX в.». После создания независимого белорусского государства в 1991г. главной исторической дисциплиной в ВУЗах стала «история Беларуси», преподаваемая на белорусском языке. Произошла полная смена образовательной парадигмы. Подъем интереса к национальной истории был мотивирован необходимостью сформировать новую национальную идентичность и утвердить в обществе представления о том, что белорусский народ имеет свою историю государственности, поэтому появление независимого белорусского государства факт закономерный.

Формирование нового исторического дискурса представляло сложность для преподавателей в силу инертности их представлений о национальной истории, созданных советской школой, и по причине отсутствия приемлемых учебников. К 1993 г. уже появились учебники, содержащие радикально изменённую, по сравнению с советским временем, интерпретацию национальной истории. «В советское время период Полоцкого княжества был вписан в контекст существования Киевской Руси и древнерусской народности. Великое княжество Литовское рассматривалось как государство литовских феодалов. Особое значение придавалось включению белорусских земель в состав Российской империи, но фактически в советской исторической науке утверждалось, что белорусы впервые получили свою государственность только в форме Белорусской Советской Социалистической Республики»[3]. Естественно, такая концепция развития белорусской государственности была радикально пересмотрена после распада Советского Союза. В исторической науке и затем в системе образования вновь возобладали взгляды, возводящие истоки белорусской государственности к временам Полоцкого княжества, и трактовка Великого княжества Литовского, как литовско-белорусского государства.

Заметим, что численность граждан, получивших высшее образование в условиях повышенного интереса к национальной истории (нынешних 35–40-летних, тех, кого называют «дети перестройки»), оказалась довольно значительной. Этому способствовала реализуемая в начале 90-х гг. реформа высшей школы, сделавшая

высшее образование более доступным за счет появления негосударственных учреждений и системы платного обучения в государственных ВУЗах.

Начавшийся в середине 90-х гг. процесс строительства союзного государства и развитие экономической интеграции с Россией косвенным образом повлияли на изменения в системе образования. По итогам майского 1995г. референдума, два языка в Беларуси получили равный статус государственных, что стало точкой отсчета для перевода преподавания истории на русский язык. В соответствии с решениями референдума 1996 г., празднование Дня независимости было перенесено с 27 июля (день принятия Декларации о государственном суверенитете БССР) на 3 июля – день освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков.

После 1995 г. история Беларуси преподавалась в прежнем объеме, но «националистический ренессанс в преподавании истории во второй половине 90-х гг. сменился реактивацией советских исторических мифологем, в том числе БССР как первого белорусского государства» [3]. Автор исследования «Генеалогия исторической памяти белорусов в контексте образовательных практик» Татьяна Островская, отмечает, что в учебниках, изданных после 1998 г., появилось упоминание о Киевской Руси, как о колыбели восточных славян и о том, что Полоцкое княжество не было независимым (в изданиях 1993 г. утверждалось обратное). По её же данным, в течение последних 17 лет (до 2010 г.) в отечественных учебниках по истории Беларуси осталось неизменным только описание истории Великой Отечественной войны [5].

Акцент на войну подготовил следующую смену образовательной парадигмы – введение в 2004/2005 г. в преддверии празднования Дня Победы курса «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны». С этого времени изучение национальной истории стало осуществляться с явным перекосом на события войны: на всю историю Беларуси отводилось 36 лекционных часов, на историю войны – 24 часа. Таким образом, не без помощи института образования, у граждан Беларуси формировалось представление о победе в Великой Отечественной войне как о самом значимом событии XX в.

Канадский историк и политолог Дэвид Марплз, автор исследования «Историческая память и Вторая мировая война в Беларуси» подсчитал, что с 2005 по 2010г. в Беларуси издано 1500 наименований книг на военную тематику. Можно согласиться с его утверждением, что «Великая Отечественная война есть определяющий элемент исторической памяти и основа для формирования современной коллективной идентичности в Беларуси»[4]. Однако, его заявление о том, что в Беларуси происходит реанимация сталинизма, на наш взгляд, беспочвенно. Если для россиян победа в войне связана, прежде всего, с ролью Сталина в этой победе, то для белорусов память о войне, это, главным образом, память о жертвах и о героях. Укоренение в массовом сознании представлений о войне, как о самом значимом событии XX в., содействует закреплению представления о белорусах, как о вечно страдающем от чьего-то ига и мечтающем «соединиться» со «старшим братом» народе. Это, по мнению политолога Олега Кравцова, создаёт «идеологические кодировки, которые являются ментальными оковами, не позволяющими разобраться с нашим прошлым и наметить точки опоры для движения в будущее» [2].

Белорусы действительно не разобрались со своим прошлым, поэтому историческая память жителей Беларуси не выступает некой гомогенной

целостностью, она имеет свою специфику, в первую очередь, среди различных возрастных групп. Исследования белорусских учёных позволяют составить представления об исторической памяти тех категорий населения, которые были студентами 30, 20, 10 лет назад, то есть в тот период, когда менялась образовательная парадигма.

Белорусский социолог Алексей Ластовский выделяет три индикатора исторической памяти: 1) истоки белорусской государственности; 2) выделение ключевых событий в истории Беларуси (как вызывающих гордость, так и горечь); 3) оценка важнейших исторических персоналий. Полученные им данные показывают разноречивые представления различных групп населения об истоках белорусской государственности. Интересно, что четвертая часть опрошенных граждан Беларуси (24%) проявляет в ответе на этот вопрос полное невежество, либо безразличие (что ничуть не лучше). Обратим внимание на то, что среди возрастной категории граждан 30-39 лет («дети перестройки») таких, кто считает Полоцкое княжество истоком белорусской государственности, более всего – 38%. Среди них и более всего людей, которые высоко оценивают факт провозглашения Республики Беларусь – 10%.

Наиболее значимым событием в истории, которым можно гордиться, для белорусов, конечно же, является победа в Великой Отечественной войне. На его фоне тускнеет даже провозглашение независимости. Исследования Брестских ученых подтверждают, что для молодых людей (нынешнего поколения студентов) создание независимого государства, не является событием первостепенной важности. По их данным, суверенитет государства среди ценностей занимает 15-ю позицию. Только 5% молодёжи до 20 лет высоко ставят значимость создания Республики Беларусь [1].

Среди исторических персоналий самую высокую оценку у белорусов традиционно получает Пётр Миронович Машеров, бывший партизан, герой войны, занимавший с 1965 по 1980 г. пост первого секретаря ЦК Компартии Беларуси. С ним у белорусов старшего поколения связаны представления о сравнительно благополучном периоде жизни, без социальных потрясений. Неудивительно, что 80% жителей Беларуси старше 40 лет, которые застали период нахождения Машерова во главе государства, позитивно оценивают его роль. Позитивно деятельность Сталина оценивает лишь 8% белорусов [3], что опровергает заявления Марплза о реставрации сталинизма в Беларуси.

Если говорить об исторических персонах, не имеющих отношения к советскому периоду истории, то представления о них у белорусов вообще более отрывочны и расплывчаты. У белорусов нет своего пантеона национальных героев. Сохранившиеся с советского времени представления не дают возможности чётко расставить акценты по вопросу о роли в нашей истории таких личностей, как Суворов, Пётр I, Екатерина II и другие, определить, кто они для нас: герои, или антигерои. Если в общественном сознании россиян восстановлены в последнее время фигуры А. Невского, как защитника Отечества, П. Столыпина, как реформатора, то белорусы не определились с оценкой князя Витовта, хотя его роль в сохранении независимого Великого княжества Литовского и, особенно, в разгроме крестоносцев, огромна, даже в сравнении с ролью Александра Невского.

Проводимые исследования свидетельствуют о некотором росте рейтинга Константина Калиновского, который действительно мог бы претендовать на роль

национального героя. В советское время личность Калиновского не замалчивалась полностью в силу его революционно-демократических взглядов, но и не воздвигалась на пьедестал, так как, по мнению советских историков, Калиновский грешил польским национализмом. О подлинной цели борьбы Калиновского – независимом белорусском государстве (без русских и без поляков) в форме литовско-белорусской республики, вообще не упоминалось. По данным А. Ластовского, положительно роль Калиновского в истории Беларуси оценивают чуть более половины опрошенных (52%), в то время как треть опрошенных (31%) затрудняются дать какую-либо оценку.

Таким образом, отсутствие определённых представлений об истоках белорусской государственности, о значимых событиях, об исторических персоналиях демонстрируют неоднородность и фрагментарность исторической памяти жителей Беларуси. Такое положение вещей связано, в частности, с изменениями образовательной парадигмы. Можно согласиться с политологом Олегом Кравцовым, чтобы сохранить Беларусь, необходимо «исчерпывающее объяснение прошлого – что Беларусь была всегда (пусть под разными именами), и что вся предыдущая история вела к тому, чтобы Беларусь снова обрела независимость и никогда больше не исчезла. Но для этого необходима концептуальная перекодировка нации»[2]. Поэтому белорусским школам и ВУЗам необходимо серьёзное историческое образование. А белорусское общество нуждается в открытом обсуждении многих спорных проблем и даже формировании национальной исторической мифологии.

Источники и литература:

1. Грибов, Г.М. Ценностный мир студентов Беларуси, Польши и Германии: сравнительный анализ / Г.М. Грибов // Системная трансформация общества: исторический опыт и современность. Сборник материалов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск III. – Брест: изд-во БГТУ, 2006. –253с.
2. Кравцов, Олег. Беларусь должна быть и должна быть всегда! / Олег Кравцов. Текст доклада на Междисциплинарной научно-практической конференции, посвященной рассмотрению проблем современной белорусской идеологии 3 ноября 2012 г. – [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://inbelhist.org/?p=2453>. – Дата доступа: 08.01. 2012.
3. Ластовский, Алексей. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / Алексей Ластовский //19 июля 2010 ПОЛИТ. РУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>. – Дата доступа: 06.09.2012.
4. Марплз, Дэвид. В Беларуси происходит последовательная реанимация сталинизма / Дэвид Марплз// Белорусский партизан. – 13.06.2012. – [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/politic/212932>. – Дата доступа: 02.10. 2012.
5. Островская, Татьяна. Как в Беларуси менялись учебники истории / Татьяна Островская. // Наша Нива nn.by. – 22.10.2010. –[Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://nn.by/index.php?c=ar&i=44995>. – Дата доступа: 1.010. 2012.
6. Соколова, М.В. Что такое историческая память / М.В. Соколова // Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал. – 2008. – №7. – [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://pish.ru/blog/articles/articles2008/142>. – Дата доступа:16.09. 2012.
7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Часть 1 // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – 2005. –№ 2 – 3 (40 – 41). – [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. – Дата доступа: 5.09.2012.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Г.И. КОКТЫШ

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

М.Г. КОКТЫШ

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Парадигмы исследования глобализации в современной социально-философской мысли имеют большое количество подходов к пониманию данной проблемы, которая оказывает значительное влияние на экономические, социальные и культурные процессы современного общества.

Research paradigm of globalization in today's social and philosophical ideas have a large number of approaches to the understanding of the problem, which has a significant impact on the economic, social and cultural processes of modern society.

Подходы и парадигмы к исследованию глобализации

Многомерный характер и неоднозначность социокультурных последствий глобализации порождает обилие точек зрения и концептуальных интерпретаций данного феномена западной и отечественной литературы.

Одни исследователи особое внимание обращают на определяющий статус объективных трансформаций глобализирующего мира в сфере материально-экономических и финансовых отношений, основанных на институализации мирового рынка, неуклонно возрастающем влиянием транснациональных корпораций (И. Валлерстайн, К. Омаэ, Ж. Нэсбитт, Д. Розенау, В. Л. Иноземцев).

Другие отдавая предпочтения социально-культурным аспектам глобальных изменений указывают и значимость формирования транснациональных культурных и цивилизационных пространств, которые кардинально изменяют процесс индивидуальной и коллективной социализации (Р. Робертсон, К. Уайт, С. Хантингтон, У. Бек, А. С. Панарин, А. И. Уткин, Ю. В. Яковец, И. Ф. Кефели).

Третьи подчеркивают приоритетность глобальных изменений в сфере социально-политических, институциональных и информационно-коммуникативных отношений в современном мировом сообществе (Д. Хельд, Ф. Фукуяма, М. Кастельс, З. Бжезинский).

Четвертые полагают, что глобализация приводит к качественным изменениям всех сфер и сторон современной жизни и поэтому она радикально инициирует разработку принципиально новых концепций и объяснительных моделей в социологии, политологии, философии (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Н. Луман) [1, с.272]

Термин глобализация впервые был вброшен в массовое сознание в 1970 гг. после публикации книг канадского социолога М.Иохана «Война и мир в мировой деревне» и Збигнева Бжезинского «Америка и технотронная эра» [2, с.21]. Также глобализация была отмечена в 1981 году американским социологом Дж. Маклинном, который призвал понять исторический процесс усиления глобализации социальных отношений и дать ему объяснение [3,с.16].

В современном смысле термин «глобализация» возник в середине 1980-х годов. Появление этого термина связывают с именем американского исследователя Т. Левитта, который в статье «Глобализация рынков», опубликованной в журнале «Гарвард бизнес ревью» в 1983 году, обозначил глобализацию как феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями [4,р.92-93].

Термин глобализация получил распространение благодаря американскому социологу Р. Робертсону, который исследовал термин «глокализация» (синтез глобализации и локализации) и отмечал то, что это противоречивый процесс, как с точки зрения его содержания, так и многообразия его последствий.

В 1998 г. Э. Гидденс заметил, что «еще десять лет назад слово «глобализация» почти не фигурировало в научных дискуссиях. Только за последнее время понятие проделало такую карьеру: раньше не встречалось почти нигде, а теперь почти повсеместно» [5,р.28].

Глобализация (от лат. globus – шар, фр. global – всеобщий) – объективный процесс формирования, организации, функционирования и развития принципиально новой всемирной глобальной системы на основе углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости во всех сферах международного сообщества. Слово «глобализация» подразумевает переход ко «всемирности», глобальности (globality), т.е. переход к более взаимосвязанной мировой системе, в которой взаимозависимые сети и потоки преодолевают традиционные границы. Таким образом, глобализация означает аннулирование расстояний, погружение в транснациональные формы жизни.

Несмотря на многозначность самого понятия глобализации и наличие множества различных трактовок данного феномена, оттеняющих разные стороны и аспекты этого процесса, можно выделить несколько направлений социально-философских исследований глобализации. В частности, в современной научной литературе отмечается наличие следующих подходов:

- 1) культурологический, который рассматривает глобализацию в широком цивилизационном аспекте;
- 2) экономический, который трактует глобализацию в контексте развития мировых рынков товаров, услуг, капитала и труда;
- 3) экологический, который связывает глобализацию с ухудшением экологической ситуации на планете;
- 4) комплексный, который рассматривает глобализацию в политическом, информационном, а также в контексте борьбы с международной преступностью и мировой бедностью [6].

Данная классификация основана на выделении различных измерений глобализации применительно к основным сферам общественной жизни.

Голландский исследователь Я.Н. Питерс, в свою очередь, предлагает следующие парадигмы понимания глобализации:

- 1) «столкновение цивилизаций» – фрагментация мира неизбежна из-за существующих цивилизационных различий, коренящихся в культурной (расовые и национальные особенности) дифференциации;
- 2) «макдонализация» – конкретизация глобализации с включенными элементами американской национальной культуры или гомогенизация культур,

осуществляемая транснациональными корпорациями (вестернизация, европеизация, американизация и т.д.);

3) «гибридизация» – широкий спектр межкультурных взаимодействий, ведущих как к взаимообогащению, так и к возникновению культурных традиций [8].

Исследователи Р. Робертсон и Х. Хондкер выделяют три типа дискурса глобализации:

1) к региональным или цивилизационным, авторы относят те дискурсы, в которых понятию «глобализация» не уделяется главного внимания (примером может служить позиция французских интеллектуалов, которые использование термина «глобализация» считают угрозой французскому обществу и языку со стороны США, поэтому их позиция может считаться как французский альтернативный проект глобализации);

2) в дисциплинарных дискурсах существует тенденция рассматривать процесс глобализации в рамках одной дисциплины (примером является экономический дискурс глобализации, который делает акцент на росте глобальной капиталистической экономики);

3) идеологические дискурсы глобализации выступают за или против данного явления (к примеру, левые видят в глобализации установление господства таких международных организаций как МВФ и ВТО, а правые считают глобализацию триумфальным шествием капитализма по всему миру).

Феномен глобализации в рамках западных социально-философских исследований

Большинство западных исследователей трактуют процесс глобализации позитивно и утверждают то, что этот процесс приведет к консолидации мира и преодолению конфликтов, подъему уровня жизни народов, социальной стабильности, всеобщему равноправию.

Американский исследователь Ф. Фукуяма провозгласил начало нового существования человечества — планетарного, где будут существовать рынок и демократия. В своей статье «Конец истории?», опубликованной в США в 1989 г. Ф. Фукуяма отмечает, что окончание «холодной войны» породило радужные надежды на то, что после прекращения биполярного противостояния и поражения коммунистической идеологии международные отношения утратят один из основных признаков — конфликтность, и в них воцарятся, наконец, согласие и сотрудничество. С его точки зрения, «рыночная демократия» представляет собой конечный идеал, «абсолютную идею» международных отношений [7].

И. Валлерстайн разрабатывает глобалистскую социологическую концепцию «мир-системы (world-ti)». Суть этой концепции состоит в том, что основополагающей единицей анализа социальной реальности становится категория «историческая система». При таком подходе в мировом историческом процессе можно выделить несколько видов исторических систем. Первым из них являются «мини-системы», называемые так потому, что они небольшие по размерам и относительно кратковременны (жизненный путь примерно шесть поколений), высокоомогенны, т.е. однородны, с точки зрения культурных и управляющих структур. Примером такой именно системы может быть структура майя в Центральной Америке. Второй вид исторической системы это «мировые империи», которые являются крупными политическими структурами и

заклюают в себе разнообразные «культурные» модели. Действующая логика такой системы – экстракция дани из самоуправляющихся прямых производителей (в основном сельских), которая передается к центру и перераспределяется среди немногочисленной, но значимой сети чиновников. Наконец, третий вид исторической системы, согласно концепции И. Валлерстайна, это – «мировые хозяйства», представляющие собой огромные неравные цепи интегрированных производственных структур, разделенных многочисленными политическими структурами. Объективная логика их существования заключается в том, что прибавочная стоимость неравномерно распределяется в пользу тех, кто смог захватить временную монополию на рынке. Это «капиталистическая» логика. Конкретным воплощением такой именно системы, с точки зрения И. Валлерстайна, является современная капиталистическая мировая экономика [8].

Исследователь Н. Луман утверждает, что никто не в состоянии сегодня «оспаривать факт наличия глобальной социальной системы» [9,с.128]. А такое признание требует пересмотра некоторых определяющих социологических категорий, в том числе и самой основной из них – «общество». Во всех традиционных обществах (античном, средневековом), считает Н. Луман, было важным признавать и принимать только признаки дифференциации, что воплотилось, в частности, в концепции стратификации, базирующейся на стратификационной (или иерархической) дифференциации индивидов и социальных групп и слоев (страт). В современной же трактовке общества, учитывающей усиливающееся значение глобализации, необходимо сочетание различия и идентичности, дифференциации и интеграции, частей и целого, причем основной акцент должен быть сделан именно на интегративные процессы и функции. Необходимость такого именно подхода обусловлена тем, что в современных условиях глобальная система является обществом, в котором все внутренние границы могут быть оспорены и вся солидарность пошатнется. Все внутренние границы здесь зависят от самоорганизации подсистем и не зависят больше от источника в истории, от сущности и логики окружающей системы. Солидарности находятся в процессе деконструкции, которая требует самовыделяющейся способности социальных движений, этнических или фундаменталистских религиозных групп [8].

Западный исследователь С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» пишет о том, что в сегодняшнем мире происходит становление «универсальной цивилизации», под которой он подразумевает культурное объединение человечества и все возрастающее принятие людьми всего мира общих ценностей, верований, порядков, традиций и институтов. Термин «универсальная цивилизация» характеризуется некоторыми специфическими чертами:

1) люди практически во всех обществах принимают определенные основные ценности и поэтому в большинстве обществ имеют общее «чувство морали», «узкие» моральные рамки для основных понятий правильного и дурного;

2) данным термином можно было бы обозначить то общее, что есть у цивилизованных обществ, например города и грамотность, то, что отличает их от примитивных обществ и варваров;

3) данный термин может включать предположения, ценности и доктрины, которые сейчас разделяют многие на Западе и некоторые в других цивилизациях. Это то, что можно назвать «давосской культурой»;

4) рост западных моделей потребления и популярной культуры по всему миру создает универсальную цивилизацию, но это не олицетворяет триумф западной цивилизации – это опошление западной культуры. Тот факт, что жители не-Запада могут съесть гамбургер, вовсе не означает, что они откажутся от ислама;

5) центральными элементами любой культуры или цивилизации являются язык и религия, поэтому зарождение «универсальной цивилизации» связано с возникновением «универсального языка» и «универсальной религии».

Людям всех цивилизаций следует искать и стремиться распространять ценности, институты и практики, которые являются общими и для них, и для людей, принадлежащих к другим цивилизациям. Поэтому попытки достичь этих целей не только внесли бы вклад в ограничение столкновения цивилизаций, но и в укрепление цивилизации как цивилизованности. Будущее мира и цивилизации зависит от понимания и сотрудничества между политическими, духовными и интеллектуальными лидерами главных мировых цивилизаций. В столкновении цивилизаций Европа и Америка будут держаться вместе – либо погибнут поодиночке. В более масштабном столкновении, великие мировые цивилизации, обогатенные своими достижениями в различных областях культуры, также должны держаться вместе. Поэтому в зарождающейся эпохе столкновения цивилизаций, которая представляет собой угрозу мира во всем мире, необходимо создать новый международный порядок, основанный на цивилизациях. Это будет являться самой надежной мерой предупреждения мировой войны [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеленков, А. И. Философия и методология науки: учеб. Пособие для аспирантов и магистрантов / А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А. И. Зеленкова.- Минск: БГУ, 2011.- 479с.
2. Эйфари А.К., Манцев В.В. Глобализация и развивающиеся страны (политэкономический аспект): Научное издание / А.К.Эйфари, В.В. Манцев. – М.: РУДН, 2007. – 62 с.
3. Иноземцев, В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 2004. – №4. – С. 58-69.
4. Levitt, T. The Globalization of Markets / T. Levitt // Harvard Business Review. 1983. May – June, 1983. – P. 92-93.
5. Giddens, A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy / A. Giddens. Cambridge Polity Press, 1998. – P. 28.
6. Денчев, К. Феномен антиглобализма: учеб.пособие / К. Денчев. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 218 с.
7. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588 с.
8. Бабосов, Е.М. Общая социология: учеб.пособие для студентов вузов / Е.М. Бабосов. – Минск, 2004. –2-е изд. – 640 с.
9. Луман, Н. Глобализация мирового сообщества: как следует понимать современное общество / Н. Луман //Социология на пороге XXI века. М., 1999. – 416 с.
10. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2006. – 571 с.

HISTORYCZNE ZWIĄZKI POMIĘDZY POLSKIMI I BUŁGARSKIMI REWOLUCJONISTAMI W II POŁ. XIX W. PRZECIWIĘSTWA I WSPÓŁPRACA.

GEORGI KOŁAROW

doktor politologii, doktorant Rosyjskiego Uniwersytetu Przyjaźni Narodów „Patris Łumumba”. Moskwa.

Wstęp

Polacy i Bułgarzy po raz pierwszy stanęli ramię w ramię w walce przeciwko obcemu najeźdźcy w czasie wypraw krzyżowych pod wodzą polsko-węgierskiego króla Władysława III Warneńczyka. Walki toczone na ziemiach bułgarskich na celu wypędzenia osmańskich najeźdźców z Europy zakończyły się niestety niepowodzeniem. Wraz z interwencją rosyjską na Bałkanach wszystko ulega radykalnym zmianom.

Ruch oporu i współpraca.

Równocześnie z politycznym i wojennym przeciwstawieniem się Imperium Rosyjskiemu ze strony oficjalnego kierownictwa polskiego, co w konsekwencji uniemożliwia wyzwolenie narodu bułgarskiego, między rewolucjonistami obu podbitych narodów rozwijają się zupełnie innego rodzaju stosunki. Jeden z wodzów rewolucjonistów bułgarskich – Stojan Zaimow przebywając na wygnaniu w Diarbekir spotyka się z polskim rewolucjonistą Antonim Benkowskim, który strzelał do rosyjskiego Gubernatora Warszawy za co został skazany na wieczne wygnanie do Sachalina, skąd zbiegł do Japonii a następnie z pomocą francuskiego wysłannika do Turcji. Zaimow opowiadał Gawriłowi Chłytewowi (prawdziwe imię i nazwisko bułgarskiego rewolucjonisty Georgija Benkowskiego), że kupił za 5 lirów paszport wydany przez Ambasadę Francuską w Jedo. Stojan Zaimow wchodzi później w związki rodzinne z litewskim rodem książęcym Korsaków. Wiek wcześniej generał Korsak ginie 24-X-1794r. w starciu z Armia Suworowa broniąc warszawskiej dzielnicy Praga. Zaimow decyduje się przekazać wspomniany paszport właśnie dla Gawriła Chłytewa, który z wyglądu zewnętrznego przypominał Polaka i tak jak on był obieżyświatem i człowiekiem szukającym przygód.

Jakiś czas przed Powstaniem Kwietniowym polski artysta Henryk Dembicki łączy się z bułgarskimi rewolucjonistami emigrantami w Rumunii. Większość swego długiego (1830-1906) życia Dembicki spędził w Bukareszcie i Braile, gdzie wg Iwana Undżijewa „uformował się jako malarz pod wpływem rumuńskiego środowiska artystycznego”. 1 Artysta zajął poczesne miejsce w historii sztuki bułgarskiej ze swoimi „około 60 realistycznymi ilustracjami, licznymi litografiami i karykaturami” 2. Litografie (łącznie siedem prac) ukazujące historię Bułgarii w tym bułgarskie oddziały partyzanckie wchodzi w skład złotego zasobu bułgarskiej sztuki artystycznej. Artysta nawiązuje bliskie związki przede wszystkim z kręgiem „Młodych” rewolucjonistów bułgarskich a najbardziej z Christo Botewem. Bułgarscy przyjaciele nakłaniają go, aby współpracował z ich gazetami „Typan” (Bęben) i „Budilnik” (Budzik). W rezultacie Dembicki tworzy trzy karykatury do gazety „Budilnik” i pięćdziesiąt osiem do czasopisma „Typan”, do których Botew pisze teksty. Przy boku Dembickiego Christo Botew współuczestniczy w walce narodowo – wyzwoleńczej Polaków. Botew, już w połowie lat 60-tych jako uczeń w Odessie jest związany z działaczami polskiego ruchu rewolucyjnego. Z tamtych czasów datuje się także jego romantyczny związek z młodą Polką, córką uczestnika Powstania Polskiego z 1863r. Związek ten jest na tyle poważny, że Botew przeprowadza się do ukochanej i jej matki wbrew próbom zatrzymania go przez jego ówczesnego opiekuna –

bułgarskiego kupca G. Smiłowa (przyjaciela ojca Botio Petkowa) 3. Dopóki Botew mieszka z opiekunem nocą wymyka się przez okno do swojej ukochanej. Według Iwana Undziejewa w rodzinie ukochanej Polki Botew znajduje środowisko odpowiadające jego ówczesnemu światopoglądowi i duchowym poszukiwaniom” 4. Kontaktuje się tam ze swoimi kolegami – Polakami z gimnazjum, którzy głoszą radykalne idee rewolucyjne. Zyskując ich zaufanie i wchodzi do konspiracji. Iwan Undziejew przypuszcza, że Botew wypełniał „tajne polecenia” 5. polskich rewolucjonistów. Bezspornym pozostaje fakt, który potwierdza Henryk Batowski, że „przyjaźń z polskimi imigrantami” 6. miała silny i głęboki wpływ na Botewa. Iwan Indziejew cytuje go i podkreśla, że „Botew poczuł mocny, rewolucyjny poryw polskiego narodu... Po raz pierwszy styka się bowiem ze środowiskiem rewolucyjnym, gdzie wszystko dyszy jeszcze gorąca nienawiścią niedawnych walk i ciężka męką porażki. Heroiczna walka narodu polskiego przeciwko caratowi budzi podziw Botewa i przywołuje w jego świadomości wspomnienia jego własnej zmęczonej i ujarzmionej ojczyzny” 7.

Jego przyjaciel i towarzysz broni Nikoła Wojnowski (prawdziwe nazwisko Nikola Donczew Stojanow) kończy Wyższą Szkołę Wojenną w Odessie, gdzie poznaje Botewa. Ostatni raz tuż przed wybuchem Powstania Kwietniowego obaj przyjaciele znów spotykają się w Odessie. Botew przeczuwając swoją rychłą, tragiczną śmierć przyjeżdża do Odessy pożegnać się ze swoją wielką miłością – ukochaną Polką. Wojnowski kończy w międzyczasie szkołę wojskową w Odessie i awansuje do stopień oficera (nie do końca wiadomo czy staje się to przed czy po jego wyjeździe do Odessy). Szczególne umiejętności i zdolności wojskowe Wojnowskiego, których dowiódł wspaniale kierując oddziałem Botewa, jak również jego misje wojenno – dyplomatyczne, które wypełniał w Belgradzie i Bukareszcie dają pewność, że był związany z rosyjskim wywiadem wojennym. Należy wyraźnie podkreślić, że w tamtych czasach zaangażowanie w wywiadowcze i dyplomatyczne służby Imperium Rosyjskiego nie leżało w sprzeczności z patriotycznymi uczuciami bułgarskich rewolucjonistów. W latach 60-tych i 70-tych XIX wieku tego typu rozbieżności i wątpliwości nie istniały, dlatego też lewicowiec i sympatyk polskich rewolucjonistów – Christo Botew zaprzyjaźnia się i wyrusza na śmierć razem z Nikołajem Donczewem Stojanowem – rosyjskim junkrem, o wojennych do głębi duszy przekonaniach, co całkowicie wykluczało jego poglądy lewicowe. Botew przekazuje Stojanowi paszport z nazwiskiem Wojnowski, który otrzymuje od swoich polskich przyjaciół. On pozostaje z tym nazwiskiem w historii Bułgarii.

W archiwum księcia Adama Czartoryskiego wpisani są trzej uczestnicy Powstania Polskiego z 1863r. o nazwisku Wojnowski, którzy w przededniu Powstania Styczniowego pojawili się w Odessie:

Andrzej Wojnowski - 35- letni szlachcic, urodzony w Guberni Wileńskiej, 21-III-1864r, zesłany na 4 lata katorgi

Antonii Wojnowski – szlachcic urodzony w Guberni Kijowskiej, osadzony i ułaskawiony po protekcji dnia 3-VIII – 1864r., brak danych dotyczących jego wieku

Maksymilian Wojnowski – 23 – letni szlachcic, 19-IX 1864r. Zesłany na katorgę na Sybir

Mając na względzie fakt, że w stosunku do uczestników tego powstania wyciągnięte zostały bardzo surowe kary, można przypuszczać, że protekcja nie była wystarczającym powodem ułaskawienia Antoniego Wojnowskiego. Jego niepełnoletność mogła ewentualnie spowodować zniesienie kary. Jest to najbardziej prawdopodobny powód braku w archiwum Czartoryskich danych dotyczących wieku Antoniego Wojnowskiego, który mógł być

rówieśnikiem Christo Botewa i Nikołaja Wojnowskiego. To właśnie Antoni z Wojnowskich najprawdopodobniej odstąpił swój paszport Nikołajowi Wojnowskiemu. Z dużym prawdopodobieństwem można stwierdzić, że Antoni uczył się w tym samym gimnazjum razem z Botewem i miał duży wpływ na ukształtowanie się jego radykalnych poglądów. Pozostali dwaj Wojnowscy nie mogli przebywać w Odessie w tym czasie kiedy Botew uczęszczał do gimnazjum, gdyż przebywali na zesłaniu.

Maksymilian Wojnowski, 5 lat starszy od Andrzeja i Antoniego Wojnowskich również mógłby być właścicielem paszportu komendanta oddziału partyzantów pod wodzą Botewa, jako że w tym czasie tj. w roku 1875, u schyłku Powstania Kwietniowego, po powrocie z Sybiru mieszkał w Odessie. Jeszcze przed wybuchem powstania w Odessie mieszka bardzo wielu Polaków, którzy aktywnie przygotowują się do walki zakupując bron i propagując w Polsce i w Rosji literaturę rewolucyjną.

Po 1863r. do miasta Odessa internowano wielu polskich rewolucjonistów, którzy mimo tego, iż byli pod nadzorem policji, stanowili zagrożenie dla porządku publicznego.

Wobec wzrastającej wciąż liczby polskich internowanych Naczelnik Miasta Odessa w 1866r. Zwraca się do nowo - rosyjskich i besarabskich gubernatorów z prośbą, aby ograniczyli napływ Polaków. Tak też się staje. Niemniej jednak ogromna społeczność polska jest w Odessie bardzo widoczna i wywiera duży wpływ na Christo Botewa.

Zakończenie

W XIX wieku, a przynajmniej w większej jego części, Bułgarzy i Polacy w zasadzie znajdują się we wzajemnie wrogich wojenno - politycznych stosunkach, które są wyznaczone przez przeciwstawienie sobie ich zaborców: Rosjan i Turków. Różnego rodzaju orientacje geopolityczne jak również uczestnictwo w przeciwstawnych obozach wojenno - politycznych nie przeszkadzają we wspólnej walce i rozwijaniu solidarności między dwoma słowiańskimi narodami - takiej współpracy, która nie prowokowałaby ich protektorów w St Petersburgu i Konstantynopolu. Najbardziej odpowiednią formą wzajemnej pomocy w takich okolicznościach była wymiana paszportów, która mogła następować pomiędzy osobami o zbliżonym wieku. Z paszportami bułgarskich imigrantów polscy rewolucjoniści mogli swobodnie zbliżyć się do granic Imperium Rosyjskiego. Z kolei bułgarscy rewolucjoniści legitymując się polskimi paszportami nie mieli problemów z poruszaniem się przy granicach Imperium Tureckiego. Przed społeczeństwem oraz tajnymi służbami imperialnymi prowadzą polemiki na temat kto jest przyjacielem a kto wrogiem słowiańskości i w tym samym czasie pomagają sobie i współpracują.

Autor niniejszego studium wyraża swoje podziękowanie Ryszardowi Wojnowskiemu – potomkowi prawdziwego właściciela nazwiska komendanta wojennego oddziału Botewa oraz tłumaczce, redaktorce i korektorce tej pracy, bułgarystce Annie Bułygo – Borowskiej.

BIBLIOGRAFIA

Batowski, Henryk: *Botew wobec Polski i Polaków. Christo Botew – wybór pism*. Wrocław – Kraków: 1960.

Pobereźnij, Mirosław: *Naukowi zapiski*. Lwów: Lwiwskij Istariczeskij Muzej, 2008.

Polska: Dzieje cywilizacji i narodu. Warszawa - Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 2005.

Rakowski, Kazimierz: *Powstanie Poznańskie w 1848 roku*. Lwów: Towarzystwo wydawnicze, 1900.

Szirokorad, Aleksandyr: *Polsza: nieprimirimaє sasedstwo*. Moskwa: Wecze, 2008.

Undžijew, Iwan i Undžijewa Cwetana: *Christo Botew – Žiwot i deło*. Sofia: Izdatełstwo „Nauka i izkustwo”, 1978.

СҮТАТУ:

1 – Иван Унджиев, Цвета Унджиева “Христо Ботев – живот и дело”. Издателство “Наука и изкуство” София, 1978, с. 332

2 – пак там

3 – пак там

4 – пак там

5 – пак там, с. 55

6 – пак там, с. 59

7 – пак там

СПЕЦИФИКА АРГУМЕНТАЦИИ В ПРОПОВЕДИ: РИТОРИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Н.А. Колотилова

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

Современный этап развития гуманитарного знания характеризуется повышенным вниманием к аргументативным процессам. Поскольку аргументация является важнейшей составляющей как реального, так и виртуального общения в различных сферах современного общества (бизнес, наука, политика, реклама, религия и т.д.), усилия исследователей направлены, с одной стороны, на построение общей теории аргументации, а с другой – на выявление ее специфики в соответствующих сферах общественной жизни. Правда, известный представитель современной теории аргументации Ф.Х. ван Еемерен по этому поводу писал: «Исследование аргументации пока не привело к созданию признанной всеми теории аргументации. Современное состояние теории аргументации характеризуется сосуществованием нескольких подходов, значительно различающихся по степени концептуализации, охвату проблем и глубине их теоретической разработанности, хотя в конечном счете все современные подходы в значительной мере являются развитием идей античной и постклассической риторики и диалектики» [1, с.15]. Касательно же самой риторики следует подчеркнуть меткое замечание В.Н. Брюшкина: «Риторика, несмотря на два тысячелетия ее временами интенсивного развития, так и осталась эмпирическим описанием приемов, которые применяются в более или менее успешных образцах убеждающей речи,

учением об украшении речи и в лучшем случае более или менее последовательной классификацией этих применяемых на практике способов убеждения» [2, с.7-8]. Поскольку же современная теория аргументации ориентируется, прежде всего, на исследование повседневного дискурса, поэтому изначальная практическая направленность искусства убеждения и явилась наиболее востребованной. А именно: целью риторической реконструкции аргументации выступает выделение тех элементов, которые определяют уровень убедительности дискурса.

Среди направлений теории аргументации как сферы гуманитарного знания наиболее активно используют риторику в анализе устной и письменной аргументации представители прагма-диалектического подхода. В работах вышеупомянутого Ф.Х. ван Еемерена, а также Р. Гроотендорста, Ф.С. Хенкеманс, П. Хоутлоссера и др. разработана идеальная модель критической дискуссии. В ней аргументация выступает в качестве диалектического процесса, совместной деятельности, направленной на преодоление расхождения во мнениях. Реальные же процессы общения показывают, что зачастую собеседники пытаются разрешить существующее расхождение во мнениях в свою пользу. Как отмечают Ф. ван Еемерен и П. Хоутлоссер, направленность на победу выражает риторическую цель аргументации. Достичь ее можно благодаря использованию риторических стратегий на трех уровнях: отбора материала, адаптации его к соответствующей аудитории и предъявления слушателям (читателям) [см. 3].

В свою очередь, гомилетика, как составляющая риторики, традиционно активно использует ее убеждающие техники, приспособляя их под соответствующее содержание. Поэтому достаточно интересным представляется исследование проявлений риторических и логических традиций в построении аргументации в проповедях, что и составляет цель данной статьи.

В целом же ораторскую деятельность начинают с определения стратегии, с ответов на вопросы: «для чего», «кому» и «что» будет говорить оратор. Ответ на первый вопрос представляет цель речи; на второй – предварительный анализ аудитории; на третий – собственно разработку предмета речи. В гомилетике первым вопросом, который должен решить оратор, является вопрос «кому». Это свидетельствует о важности аудитории для проповедника, как было определено еще в средневековом толковании церковно-богословского красноречия. Хотя проповеди и не предусматривают диалога, активного взаимодействия, критического отношения к речи, оратору все равно нужно четко ориентироваться на соответствующую аудиторию. Как пишет С. Норт, любой из трех шагов в подготовке к проповеди может быть первым, однако «...они обычно следуют в таком порядке: (1) изучение аудитории с целью определения ее потребностей, как неотложных, так и глобальных; (2) выбор целей, которых нужно достичь в течение продолжительного времени и конкретно в одной проповеди; и, наконец, (3) выбор конкретной темы проповеди, которая поможет реализовать одну из поставленных проповедником целей» [4, с.85-86].

Касательно целей ораторских речей, то их подразделяют на убеждение и информирование. Цели проповеди также находятся в этом пространстве, однако несколько конкретизируются. А именно: выделяют четыре цели гомилетических речей: проинформировать, убедить, вдохновить и побудить. С. Норт отмечает, что переход от одного типа проповеди к другому в таком порядке является повышением сложности. Вместе с тем, каждый последующий тип содержит в себе цели, характерные для

низшего типа. То есть проповедь, целью которой является убеждение, сначала должна донести информацию и т.д. [см. 4, с.79].

Если же обратиться к известной работе по риторике практической направленности «Основы искусства речи» П.Л. Сопера, ставшей уже «классикой жанра», то у него видим пять общих целей ораторской речи: развлечь, информировать, воодушевить, убедить, призвать к действию [см. 5, с.41]. Очевидно, что только первая цель не подходит к проповедям. Остальные же цели характерны как для ораторских речей в целом, так и для проповедей в частности. Сам П.Л. Сопер относит проповеди к агитационным речам, объединяющим в себе ораторские выступления, призванные воодушевить, убедить и вызвать активную реакцию.

Кроме подразделения проповедей относительно цели, важным является также деление их в зависимости от способа развертывания темы. На этом основании гомилетические речи подразделяют на две группы: проповеди, базирующиеся на отрывке, и проповеди, базирующиеся на теме. Первый вид речей начинают с конкретного отрывка из Священного Писания, который впоследствии разворачивается определенным образом. В частности в православной церковной практике принято чтение Нового Завета соответственно воскресным богослужениям на протяжении года. То есть каждая воскресная проповедь посвящена отрывку из Евангелия, который читают на литургии. Второй вид гомилетических речей начинают с темы или предмета обсуждения. Конкретные отрывки из текста Священного Писания привлекают уже в процессе развертывания темы.

Независимо от вида проповеди, ее структура содержит те же части, что и любой другой вид ораторской речи. А именно: вступление, основная часть и завершение. Основная часть должна состоять из определенных пунктов, подкрепленных соответствующим материалом. В большинстве случаев развертывание этой части гомилетической речи предусматривает приведение определенной аргументации, то есть обоснование некоторого пункта как тезиса благодаря другим положениям, выступающим аргументами, путем построения рассуждений. С. Норт, например, выделяет четыре способа рассуждений, воспринимающихся человеческим разумом в качестве достаточно убедительных благодаря их устойчивости и широкому использованию. К ним относятся: (1) обращение к авторитетному источнику; (2) рассуждение на основании примера; (3) рассуждение по аналогии; (4) рассуждение на основании общепринятых истин или использования примера. В целом же классификация видов рассуждений, предлагаемых в искусстве проповеди, согласуется с классификацией рассуждений в формальной логике. Второй тип (индуктивное рассуждение) и третий тип (рассуждение по аналогии) относятся к правдоподобным рассуждениям, а четвертый – к дедуктивным рассуждениям. Первый же тип не выделяется как приемлемый способ развертывания аргументации, более того, на протяжении длительного времени считался скорее ошибкой в пределах формальной логики. Особенность же искусства проповеди, в том числе и современного, состоит в том, что аргумент к авторитету выделяется отдельно как приемлемый способ убеждения: «Фактически мы используем способ рассуждения путем обращения к авторитетному источнику всякий раз, когда стремимся доказать что-либо, используя цитаты из Писания. Если мы имеем дело с теми, кто считает Писание авторитетным источником, то это является отличным методом доказательства. Если же мы имеем дело с теми, кто так не считает, то в таком случае нам нужно будет сначала

определимся относительно обоюдного авторитетного источника, к которому мы можем обращаться» [4, с.154]. В данном случае авторитетный источник, которым в гоимлетических речах является Священное Писание, создает единое риторическое поле дискурса, что удовлетворяет прагматическим критериям приемлемости аргумента. В современной теории аргументации разграничение логических и прагматических критериев является весьма продуктивным, прежде всего, для анализа аргументов типа *ad hominem*, разновидностью которых выступает аргумент к авторитету. При этом прагматические критерии тесно связаны с риторическими [см. 6, с.55].

Следует отметить, что С. Норт не выделяет отдельно рассуждения о причинно-следственных связях. Хотя в формальной логике методы установления причинных связей относятся к индуктивным рассуждениям и характеризуют научную индукцию в противовес популярной индукции, делающей обобщения путем простого перечисления без отбора необходимых и отбрасывания случайных обстоятельств. В риторике и прагма-диалектике причинная аргументация также выделяется как отдельная схема аргументации. По мнению же С. Норта, хотя аргументы причинного характера часто используют в дискуссиях по религиозным вопросам (например, воскресение Иисуса, существование Бога и пр.), однако: «...рассуждения о причинно-следственных отношениях включают в себя использование обобщений тех или иных случаев и дедукции на основании общепринятых принципов. По этой причине в данной работе этот способ рассуждений не считается отдельным видом» [4, с.167].

Среди дедуктивных рассуждений С. Норт особое внимание уделяет таким формам, как простой категорический, условно-категорический и разделительно-категорический силлогизмы. Такие формы рассуждений были выделены еще в античный период в трудах Аристотеля, стоиков, Цицерона и др. Гоимлетика, хотя и имеющая существенные отличия по сравнению с античным ораторством, формировалась все-таки под влиянием античной риторики, взяла на вооружение и те формы рассуждений, которые разрабатывались для ораторов в сферах совещательного, судебного и эпидейктического красноречия. Кроме того, С. Норт подчеркивает, что в проповедях практически не используют простые категорические силлогизмы в явном виде. А как известно, уже Аристотель выделил энтимему в качестве риторического силлогизма, специфика которой заключается в том, что она является сокращенным силлогизмом, опускающим зачастую посылки общего характера, поскольку их добавляют сами слушатели. В проповедях же, наоборот, такие посылки приводят, ведь они представляют собой в основном цитаты из Писания, например: «Поскольку Библия говорит, что все лжецы понесут вечное наказание (Откр. 21:8), мы должны стараться говорить правду» [4, с.161]. Таким способом приемлемость заключения обеспечивается перенесением приемлемости с посылок на заключение, а приемлемость посылок – соответствием авторитетному источнику.

В работе П.Л. Сопера среди схем аргументации логического характера, использующихся в агитационных речах, к которым относятся и проповеди, выделено четыре типа [см. 5, с.233-245]: (1) индукция, или обобщение; (2) аналогия; (3) умозаключение о причинной зависимости; (4) дедукция, или умозаключение из общего положения. Касательно последнего способа, то среди дедуктивных рассуждений упоминаются энтимема, простой категорический и условно-категорический силлогизмы. Для усвоения этих форм П.Л. Сопер рекомендует обратиться к курсам логики и методики

спора. Следует особо отметить, что он в пределах риторики предлагает критерии для проверки правильности использования той или иной схемы аргументации со стороны оратора. Эти критерии представляют собой постановку определенных вопросов. Например, для проверки правильности аналогии следует дать ответы на такие вопросы: действительно ли уместно сравнение явлений и нет ли существенного различия между ними.

Подобный способ проверки правильности применения схем аргументации разрабатывается и в прагма-диалектике. То есть для каждой из схем предлагаются специальные контрольные вопросы. В общем представители этого направления в теории аргументации выделяют три аргументативные схемы: симптоматическая, или аргументация «признакового» типа; инструментальная, или аргументация по типу «к последствиям»; сравнительная, или аргументация по типу «сходства». Каждый из этих типов, по мнению Б. Гаррсена, имеет свои разновидности [см. 7, с.113-115]. В частности, к симптоматической аргументации относятся аргументация, основанная на обращении к авторитетному источнику, и аргументация, основанная на значении какого-либо термина; к инструментальной принадлежит аргументация, основанная на отношении «средства-цель», или прагматическая аргументация. Именно такую типологию аргументативных схем следует считать наиболее приемлемой для анализа гомилетических речей. Поскольку существенной характеристикой любой христианской проповеди является применение аргументов к авторитету, которыми выступают тексты Священного Писания, то не следует отдельно выделять такой способ развертывания речи, ведь такие приемы присутствуют во всех проповедях: как в базирующихся на отрывке, так и в базирующихся на теме. Касательно этого пункта современные проповеди мало чем отличаются от тех, что разрабатывались еще в период становления гомилетики.

Таким образом, специфика проповеди состоит в том, что реализация ее риторической цели (информирование, убеждение, вдохновение и побуждение) сначала предполагает анализ аудитории, потом отбор материала, осуществляющийся из текстов Священного Писания в соответствии, прежде всего, с кругом воскресных богослужений или праздников. Апеллирование к подобным отрывкам представляет собой применение аргумента к авторитету, обеспечивающему его приемлемость благодаря единому риторическому полю дискурса, а потом по определенным аргументативным схемам перенесение приемлемости аргументов на тезис выступления. Кроме того, разработка проповеди предусматривает выбор таких схем аргументации, которые будут наиболее прозрачными для интерпретации речи теми, на кого она рассчитана. Поскольку каждый последующий тип проповеди содержит в себе цели, характерные для низшего типа, а информирование является первой целью гомилетической речи, то довольно распространенной схемой аргументации выступает разновидность симптоматической аргументации, базирующейся на значении определенных терминов.

В заключение отметим, что, по мнению представителей прагма-диалектического направления в сфере современной теории аргументации, риторическая цель состоит в направленности публичного выступления на победу, то есть на решение оратором расхождения во мнениях в свою пользу, а не просто его преодоление, характерное для идеальной модели критической дискуссии. Однако, целью проповедей вряд ли можно считать победу в таком смысле. Ведь еще со времен формирования гомилетики

проповедник рассматривался лишь как посредник между Богом и слушателями, а его заданием было донесение божественных истин с наименьшим собственным вмешательством. С другой стороны, проповеди все-таки реализуют риторическую цель в том смысле, что оратор стремится достичь целей, поставленных при разработке предмета речи касательно своей аудитории. Поэтому роль проповедника, как и любого другого оратора, даже в современных условиях, когда, казалось бы, что публичные выступления уже не имеют того значения, которое приписывалось им еще в прошлом столетии, является особенной. Применение же достижений риторики как принципов эффективных публичных выступлений, неотъемлемой составляющей которых является искусство аргументации, к религиозным выступлениям совершенствует мастерство проповедника относительно влияния на свою паству.

1. *Еемерен Ф.Х. ван*. Современное состояние теории аргументации [Текст] / Франс Х. ван Еемерен // Важнейшие концепции теории аргументации / Пер. с англ. В.Ю. Голубева, С.А. Чахоян, К.В. Гудковой; науч. ред. А.И. Мигунов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С.14-33.

2. *Брюшинкин В.Н.* Аргументорика: исходная абстракция и методология [Текст] / В.Н. Брюшинкин // Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. – 2008. – С.7-19.

3. *Eemeren F.H. van, Houtlosser P.* Rhetoric in pragma-dialectics [Электронный ресурс] // Argumentation, Interpretation, Rhetoric. Online Journal. Issue 1. 2000. – http://argumentation.ru/2000_1/papers/1_2000p1.htm

4. *Норт С.* Проповедование: человек и метод [Текст]: Интенсивное изучение подготовки и чтения проповеди / С.Норт. – 2-е изд., доп. и перераб. – Донецк: Издательство «Libre» Духовного центра «Благовест», 2002. – 228 с.

5. *Сопер П.Л.* Основы искусства речи [Текст] / Поль Л. Сопер / Пер. с англ. Чижовой С.Д. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002. – 448 с.

6. *Лисанюк Е.Н.* Аргумент ad hominem с точки зрения логики [Текст] / Е.Н. Лисанюк // Логико-философские штудии / Под ред. Я.А. Слинина, Е.Н. Лисанюк. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – Вып. 6. – С.50-60.

7. *Гаррсен Б.* Схемы аргументации [Текст] / Барт Гаррсен // Важнейшие концепции теории аргументации / Пер. с англ. В.Ю. Голубева, С.А. Чахоян, К.В. Гудковой; науч. ред. А.И. Мигунов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С.99-122.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

КУЧМАЕВА О.В., ПЕТРЯКОВА О.Л.

Институт семьи и воспитания РАО, г.Москва, Россия

Модернизация общественных отношений, включающая совокупность процессов индустриализации, секуляризации, урбанизации, становления системы всеобщего образования, представительной политической власти, усиление пространственной и социальной мобильности, привела к формированию современного общества в противовес традиционному. Эти процессы, по мнению большинства экспертов [11], повлекли за собой две волны социальных изменений, проявившихся на протяжении

последних 50 лет прошлого столетия, связанные с с рефлексивной модернизацией (или социальным либерализмом) и дерегулированием экономики, включая рынок труда.

Для настоящего периода развития цивилизации характерна ориентация на такие ценности, как: свобода и независимость, большая финансовая стабильность. Важным социальным результатом модернизации стало изменение семьи и семейных отношений, обусловленное процессами урбанизации и особенностями городского стиля жизни, усиливающего индивидуальную свободу и ответственность, но ослабляющего семейные связи. В целом, эти изменения способствовали, с одной стороны, росту средних характеристик уровня жизни, но с другой — возрастанию неравенства в благосостоянии. Социальные перемены повлекли за собой изменения в семейном поведении людей: распространение плюрализма моделей семейного устройства, рост семейной нестабильности и доли неполных семей, увеличение численности приверженцев (среди мужчин и среди женщин) концепции личной независимости и карьерного роста на протяжении всей жизни. На фоне роста личной свободы возрастают риски и социальная незащищенность. Это актуализирует компенсирующую роль социальных программ страхования рисков, государственной поддержкой семей на различных этапах жизненного цикла, сопряженных с потерей доходов (чаще всего — это рождение детей), и развитие накопительных пенсионных систем.

Модели социальной политики, механизмы социальной помощи семьям с детьми в странах мира по-разному учитывают интересы трех источников благосостояния: рынков, государства, семьи. В значительной части случаев интересы семьи игнорируются, возникает некое противоречие: с одной стороны, государство подчеркивает роль семьи в обществе и значимость ее деятельности по формированию человеческого капитала, с другой стороны, инвестиции семей в образование, здоровье, членов семьи рассматриваются исключительно как дело семьи.

Как отмечает П. Макдональд, общественные изменения оказывают на институт семьи огромное давление [7, с. 27-56]. Чтобы соответствовать новым требованиям и стандартам, семьи отказались от большого числа детей и делегировали государству и рынкам ряд полномочий по воспитанию детей и обеспечению пожилых. Домашняя работа и уход за детьми, которые раньше бесплатно выполнялись домохозяйками, теперь стали удовлетворяться за счет внешних услуг со стороны либо государства, либо рынков. Во многих странах родители сталкиваются с серьезными проблемами в поиске адекватных способов ухода за детьми. Экономическая активность женщин может эффективно сочетаться с семейными обязанностями только при развитии рынка социальных услуг и наличии институтов поддержки тех семей, которые не в состоянии самостоятельно обеспечить детям приемлемый уровень и качество жизни.

Семьи с несколькими детьми находятся в более сложном экономическом положении. Размер среднедушевых располагаемых ресурсов семей сокращается с увеличением числа детей в семье [2]. Значительная распространенность безработицы, экономической неактивности и низкооплачиваемой занятости среди трудоспособных, имеющих детей, в сочетании с низким размером ежемесячного пособия на ребенка на уровне 3% от прожиточного минимума являются основными факторами бедности семей с детьми [8, с. 333-375]. Россия на европейском фоне, в том числе и среди постсоциалистических стран характеризуется максимальным превышением показателей детской бедности над показателями общей бедности [4, с.66]. Среди всех домохозяйств

России доля домашних хозяйств, имеющих детей в возрасте до 16 лет, составляет 34,2%. Однако среди малоимущих домохозяйств домохозяйства с детьми составляют 59,7% (2011г.). Риск попасть в категорию бедных для домохозяйств с детьми в 1,5 раза выше, чем для бездетных.

Для России характерно сокращение вклада семейных и материнских пособий в доходы семьи. Расходы на семейные и материнские пособия в 1991 г. составляли 3,6% от объема денежных доходов населения, в 1996 г. 1,6%, а в 2008 г. — около 0,7%, 2010 г.- 1,5%. Наряду с этим отношение расходов на семейные и материнские пособия к величине ВВП сократилось с 1% в 1996—97 гг. до 0,4% в 2008 г. и 0,6% в 2010 г. С другой стороны, государственная социальная помощь малообеспеченным в виде денежных выплат затрагивает лишь около 8% всех домохозяйств, и доля ее в располагаемых ресурсах получателей в среднем немногим более 5%. Она в большей степени предоставляется семьям с детьми, однако реальный ее вклад в доходы даже этих семей не очень значителен (7%) [6, с.72]. Размер отдельных видов социальной поддержки семей с детьми можно назвать ничтожно малыми. Достаточно сопоставить их с величиной прожиточного минимума.

Серьезной проблемой, осложняющей жизнь семей с детьми, выступает жилищная. По данным комплексного обследования условий жизни населения, 48,6% домохозяйств с детьми характеризуют свои жилищные условия как стесненные. Наряду с этим, в среднем российским домохозяйствам необходимо 11,6 лет копить на покупку 18 кв. метров жилья (по уровню годовых доходов за вычетом потребительских расходов) [3].

Как следствие роста рождаемости в последние годы, увеличилась численность детей, стоящих на учете для определения в дошкольные образовательные учреждения увеличилась к 2011 г. на 18,6% и составила 227,9 тыс. человек [9]. Решение проблемы дошкольного присмотра, воспитание и социализация перекладывается на плечи семьи. Почти половина домохозяйств с детьми пользуются услугами частных лиц — родственников, близких, знакомых, лиц, для которых уход за детьми не является профессией. Институциональными услугами (услугами, предоставляемыми организациями) пользуется лишь треть домохозяйств с детьми [5, С.636-637].

По данным комплексного наблюдения условий жизни населения, 39,3% женщин и 25,1% мужчин ежедневно заняты уходом за детьми. Затраты времени на уход за детьми сопоставимы с затратами времени на работу и составляют 24 часа у мужчин и 55 часов у женщин. 7,2% женщин и 4,2% мужчин ежедневно заняты уходом за другими лицами, нуждающимися в посторонней помощи. Затраты времени на уход за членами семьи, требующими дополнительного внимания, составляют в среднем 26,4 часа в неделю (21,3 часа у мужчин, 28,4 часа у женщин).

Отсутствие должной системы социальной помощи и развитого сектора услуг по уходу за детьми приводит к низкой по сравнению с другими домохозяйствами экономической активности трудоспособных членов семей с детьми. Среди женщин, имеющих детей, значимо выше уровень безработицы. По данным выборочного обследования населения по проблемам занятости, проводимого Росстатом, в целом в 2011 г. среди женщин в возрасте 20-49 лет уровень безработицы составлял 5,9%. В то же время для женщин с 2-мя детьми уровень безработицы составлял 6,5%, с 3-мя детьми — 11,6%, 4-мя и более детьми — 16,1%.

По данным исследования «Семья и общество», проведенного Институтом семьи и воспитания РАО в 2006 г. в 13 регионах России, считают достаточным то время, которое они могут уделить семье и детям только половина респондентов (50,2%), а 49,8% опрошенных «думают, что относительно недостаточно» (34,7%) или «явно недостаточно» (15,1%). У отцов ситуация более проблематичная. Лишь 35,2% мужчин полагают, что они уделяют достаточное время своей семье и детям. После материальных проблем, для 47% российских родителей основной проблемой (с большим отрывом) выступают усталость и переутомление.

Семьи несут значительные расходы по оплате образовательных услуг. По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимых Росстатом, в среднем на одного обучающегося в месяц семья тратит больше тысячи рублей (1029 рублей в 2010 г.). Расходы колеблются от 643 рублей при обучении в общеобразовательном учреждении до 1986 рублей при обучении в вузе. В большинстве своем, услуги дополнительного образования оплачиваются из бюджета семей.

В стране идет процесс разрушения старых поведенческих норм, но у населения еще не сформировались новые взгляды на распределение ролей между семьей и обществом, сокращается численность граждан, имеющих четкие представления о разграничении ответственности между ними. Для российского общества характерно противоречие в ценностных ориентациях: значимость ценности личной свободы сочетается с патерналистскими ожиданиями. Задача семейной политики — поиск оптимального баланса в распределении ответственности между обществом, рынками и семьей на пути перераспределения функций по обеспечению качества жизни населения.

Опыт мирового сообщества показывает, что проблемы семьи эффективнее решаются с помощью целенаправленной государственной семейной политики. Необходимость реализации политики по оказанию помощи семье обусловлена следующими факторами: невысокий уровень жизни большинства семей, что приводит к сверхзанятости родителей, нехватке времени на воспитание детей, что, в свою очередь, вызывает педагогическую запущенность детей, увеличение роли внесемейных субъектов социализации; возрастание требований рынка труда к подрастающему поколению, что приводит к росту запросов родителей к системе образования; возрастание имущественной дифференциации семей, что снижает доступность образовательных и иных услуг для детей из малообеспеченных семей; система базового образования не успевает за изменениями требований рынка труда, что вынуждает родителей к поиску форм обучения, чреватых дополнительными затратами.

Стареющие постиндустриальные экономики не могут игнорировать задачу достижения более комфортного совмещения материнства и занятости. Наиболее эффективным, по мнению специалистов [1], в этом случае мог бы стать комплекс мер, совмещающих адресную материальную помощь нуждающимся семьям с детьми с целенаправленным изменением ситуации на рынке труда в пользу работающих матерей, прежде всего, за счет поощрения форм гибкой занятости и расширения внесемейных форм воспитания детей. Тем более, что доходы от занятости позволяют эффективнее бороться с бедностью семей с детьми, чем система социальных пособий.

В странах мира получает распространение практика предоставления права неполной занятости: 17 развитых стран [12] дают право родителям регулировать часы

своей работы. В России в 2011 г. 23,7% женщин и 8,7% мужчин, ищущих новую работу, предпочли бы неполное рабочее время [3].

Пособия семье должны играть важную роль в социальной политике государства. Если целью политики является создание условий для осуществления права на труд, то необходимо понимать, что труд может иметь различные формы: труд в общественном производстве и труд общественный. При осуществлении труда в общественном производстве работникам выплачивается зарплата. Современным аналогом зарплаты в случае выполнения общественного труда являются пособия, в том числе на детей [10, с.478].

Стремясь понизить бедность семей с детьми за счет изменений на рынке труда, необходимо иметь в виду, что размер минимальной заработной платы должен стремиться не к величине прожиточного минимума (этот постулат, определяемый рекомендациями МОТ, выполнялся в современной истории России только на протяжении короткого периода, в конце 2008 – начале 2009 года; минимальный размер оплаты труда составлял в 2011 г. 62% от величины прожиточного минимума.), а к суммарному показателю прожиточного минимума трудоспособного гражданина и определенной доли на иждивение детей. Государство должно использовать государственную политику заработной платы для выполнения своих важнейших обязательств – обеспечение всем своим гражданам необходимого уровня жизни.

Необходимо развивать систему материальной поддержки на различных этапах жизненного цикла семей, вводить пособия для детей более старших возрастов. При этом критерием оказания социальной помощи должно выступать выведение семьи за границу бедности.

Рассматривая необходимость реализации эффективной семейной политики нельзя упускать из виду, что экономическая эффективность современной экономической модели достигается за счет игнорирования природного и социокультурного контекста — «бесплатного» использования природных и культурных предпосылок массового производства. Среди неоплачиваемых издержек производства ведущее место принадлежит человеческому фактору: прирост населения, его здоровье, работоспособность, первичные предпосылки социализации, закладываемые в семье, не входят в исчисляемые издержки производства, не финансируются на основе «закона эквивалентного обмена», а присваиваются в духе собирательства. Общество должно понимать, что расчет эффективности экономической модели без учета транзакционных издержек, к которым относятся и издержки семьи на воспитание и социализацию детей, является нелогичным и необоснованным. Тем самым не учитываются интересы семьи как важнейшего социального института, обеспечивающего благополучие общества и воспроизводство важнейшего ресурса экономики – человеческого капитала. Семья оказывается на обочине экономических интересов, рынок считает невыгодным и нецелесообразным учитывать интересы семьи.

В целом, без разделения с семьей затрат на формирование человеческого капитала, оказание помощи семье в реализации ее основных функций невозможно: решить демографическую проблему – обеспечить общество необходимыми человеческими ресурсами; сформировать гармоничную личность, гражданина, готового действовать не только в собственных интересах, но и в интересах общества; сохранить саму семью как ведущий социальный институт общества; сформировать человеческий

капитал, обеспечивающий конкурентоспособность экономики и, в конечном счете, решить проблему исторического выживания государства.

Список литературы

1. Бурдяк А.Я., Корчагина И.И., Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М., Синявская О.В. Новые меры семейной политики и их влияние на материально-имущественное положение семей с детьми. // Семья в центре социально-демографической политики. Сб. аналитических статей./отв. ред. О.В.Синявская, М.: НИСП, 2009.
2. Данные выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств Росстата http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#
3. Данные комплексного обследования условий жизни http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html
4. Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований. М.: МОНФ, НИСП. 2010.
5. Ибрагимов Д.Х. Сколько «стоит» российская бабушка? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. / под научн. ред. Т.М.Малевой, О.В.Синявской. М.:НИСП, 2007.
6. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Региональные программы социальной поддержки многодетных семей: что знает о них население // SPERO, 2008, №9
7. Макдональд Питер. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики. Материалы международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы», Москва, 14-15 сентября 2006 г., UNFPA
8. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х. М.: НИСП, 2007.
9. Официальный сайт Росстата: www.gks.ru
10. Синица А.Л. Поддержка семей с детьми как социальная функция государства // Социальная функция государства в экономике 21 века. Конференция 21 ноября 2007 г. Доклады и выступления. Материалы конференции. М.: МАКС Пресс, 2007.
11. G. Esping-Andersen (Ed.). Why We Need a new Welfare State? — NY: Oxford University Press, 2002. Ch. 1.
12. Ray R., Gornick J. C, Schmitt J. Parental Leave Policies in 21 Countries. Assessing Generosity and Gender Equality // Center for Economic and Policy Research Briefing Paper. — 2009.

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, СОЦИОДИНАМИКА: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

А.А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Наука и образование – ключевые факторы современной социодинамики, которые определяют не только содержание «внутреннего» мира человека, цели и мотивы его деятельности, поступки и способы самореализации, но и внешнюю по отношению к человеку картину реальности, связанную с определенным типом культурно-цивилизационного развития. Сегодня данный тип рассматривается в рамках стратегии перехода от индустриального к постиндустриальному и информационному обществу, или обществу, основанному на знании.

Современные идеологемы общества знания получили свое оформление в лоне концепций постиндустриальной модернизации и становления информационного общества. Данный подход акцентирует внимание на роли и значении информации и

знаний, интеллектуально-образовательного ресурса и высоких (наукоемких) технологий в развитии социума. Феномен общества знания следует рассматривать в контексте процессов формирования информационного общества, которые составляют отдельный вектор постиндустриального развития. Именно в информационном обществе информация и знания рассматриваются в качестве важнейшего фактора как экономического, так и социального прогресса. При этом имеется в виду не любое знание, а в первую очередь новое теоретическое знание, что особым образом актуализирует роль и значение фундаментальной науки, естественно, в ее тесной связи с образовательной и производственно-технологической практикой.

Информация и знания в любых типах общества всегда играли исключительно важную и определяющую роль. Применительно же к обществу знания речь идет не столько об этих феноменах как таковых, сколько о нетрадиционных способах производства и культурно-экономической социализации информации и знаний в связи с новейшими достижениями в области когнитивно-компьютерных наук и информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим понятие общества знания нередко отождествляется с понятием экономики знаний, хотя и не сводится к нему. Кроме высокой наукоемкости технологической сферы общества, синергичного взаимодействия био-, нано-, инфо- и когнитивных технологий, в обществе знания актуализируются и другие важнейшие сферы. Например, применительно к области духовно-культурных процессов речь следует вести о ценностях образования, новых возможностях и технологиях его получения. Высокий уровень образования и нравственности, информационной культуры, профессиональной компетентности и ответственности – неотъемлемая характеристика субъекта общества знания.

Понятие "общество, основанное на знаниях" фиксирует тот несомненный факт, что в развитых и быстроразвивающихся странах число людей, имеющих среднее и, особенно, высшее профессиональное образование, постоянно и стремительно растет, как растут престиж науки и ассигнования, выделяемые на нее. Вот мнение политического лидера современных США президента Б. Обамы, высказанное им в одном из предвыборных выступлений: «Сегодня наука играет ключевую роль в нашем выживании как жителей планеты и в нашей безопасности и процветании как государства; в ее силах замедлить процесс глобального потепления; защитить наши войска с помощью технологий и дать отпор биотерроризму и оружию массового уничтожения; найти спасительные лекарства; перестроить нашу промышленность и создать профессии XXI в. Сейчас мы вновь поставили науку на первое место в нашей повестке дня, чтобы вернуть Америке лидерство в науке и технике. Прямо сейчас - в лабораториях, аудиториях и компаниях по всей Америке – наши ведущие умы гонятся за новым открытием, стоят на пороге прорыва, который перевернет нашу жизнь. Но, как учит история, они не могут справиться с этим одни. Начиная с высадки на Луну и заканчивая расшифровкой генома человека и изобретением Интернета – Америка всегда первая пересекала новые рубежи, потому что у нас были лидеры, которые прокладывали нам дорогу» [1, с. 60].

Проводившиеся в США опросы по рейтингам видов деятельности показали, что наиболее привлекательными в глазах американцев являются общественно-политическая деятельность и наука. Наука занимает второе место в этих рейтинговых

опросах, тогда как бизнес в этой главной капиталистической стране мира оказывается на 6-м месте.

А вот пример уже из близкой нам действительности. Согласно опросу взрослых и детей (проведенному Московской службой занятости) об их предпочтениях в практической деятельности, наука по своей привлекательности занимает лишь девятое место. На первых местах оказываются по убывающей такие виды трудовой деятельности, как финансы и страхование, промышленность, торговля, реклама, транспорт, здравоохранение, общественное питание, строительство [1, с. 62]. Данная картина характерна и для других постсоветских обществ.

Постановка вопроса о ценности знания и образования – это свидетельство мудрости и духовной культуры народа. Поиск же ответа на этот вопрос постоянно стимулирует общественное сознание, образовательные и воспитательные институты общества в плане выработки созидательной научной политики, стандартов образования и самообразования, форм и способов реализации интеллектуального потенциала человека. Приобщение людей к созданным пластам знания – это важная, но недостаточная задача. Человечество способно развиваться только в том случае, если оно задается вопросом относительно возможности расширения своего познавательного пространства, необходимым механизмом чего всегда выступала наука. Именно она создает новое знание, реагирует на его социальную востребованность, подсказывает способы и технологии практической реализации.

Вместе с тем, наука всегда находится в определенном социально-культурном и экономическом пространстве. Это пространство предлагает свои правила игры, не всегда совпадающие с идеализированными схемами функционирования науки в обществе. Особенно это характерно для так называемых транзитивных экономик, не способных в силу объективных причин обеспечить необходимый уровень и масштаб научной деятельности. В таких условиях, естественно, нарушается не только материальная база науки, её кадровое обеспечение, но происходит изменение в базисных основаниях культуры, системах ценностей, мировоззренческих ориентациях людей. Подобное стечение обстоятельств способно вызвать и, как правило, вызывает предпочтительное отношение к другим (ненаучным) системам мировоззрения. Результатом этого выступает подмена научно-рациональных форм сознания иными взглядами и убеждениями. Поэтому неудивительна в таких случаях популярность астрологических предсказаний, различных форм оккультного знания, которые по степени воздействия на сознание людей имеют более мобильный характер (в сравнении с научным знанием) в силу их относительной простоты, затруднительной верификации, а также по причине экзистенциальных особенностей психики человека.

Социально-культурная продуктивность подобных форм интеллектуального продукта весьма сомнительна. Это особенно становится ясно в случае поиска эффективных программ преодоления социально-экономического кризиса, при необходимости разработки новых материалов и технологий, источников энергии, перспективных учебно-воспитательных курсов и методик и т.д. Во всех этих случаях и власть, и общество пытаются апеллировать к науке как источнику рационально-прагматичных форм знания, что вполне понятно и исторически оправдано.

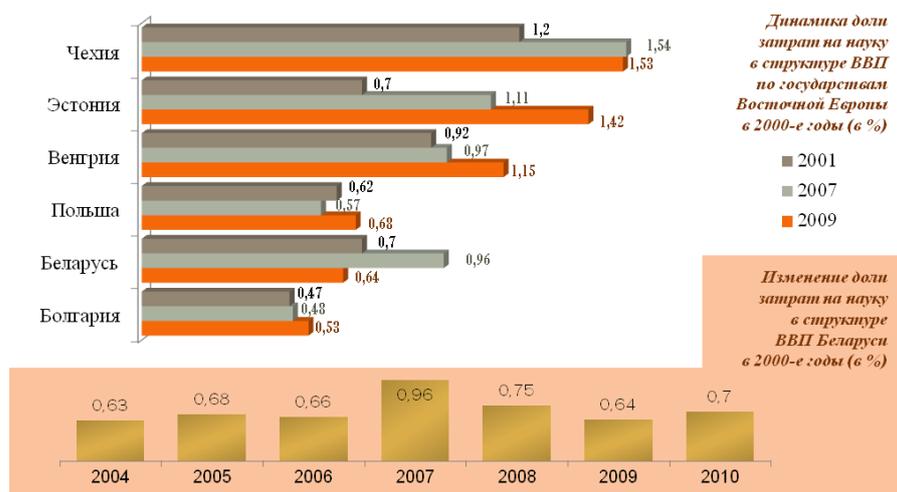
В свое время К. Маркс и его последователи прогнозировали рост пролетариата и исчезновение среднего класса. В Германии в конце XIX – начале XX веков «старый»

средний класс независимых предпринимателей, мелких фермеров и работников свободных профессий действительно пошел на убыль, но то же самое происходило и с рабочим классом: с 1895 по 1925 год доля промышленных наемных рабочих в совокупной рабочей силе сократилась с 56,8 до 45,1 процента. Между ними начал появляться новый слой – получающих жалование служащих, занятых в офисах и на инженерно-технических должностях. В очерке, написанном в 1912 году, Э.Ледерер назвал упомянутую группу «новым средним классом». Больше десятилетия в немецкой социологии бушевали дебаты по поводу характеристики этого «нового среднего класса». Однако как бы к нему не относились, одно было очевидно – наметились тенденции к росту численности работников умственного труда.

Если в начале XX века численность работников физического труда была в десятки раз больше, чем численность белых воротничков, то во второй половине века (период постиндустриального развития и становления информационного общества в наиболее развитых странах мира) начался стремительный рост численности последних. Например, в США в период с 1947-го по 1964 год численность специалистов и технического персонала увеличилась с 3,8 млн. до более чем 8,5 млн. человек. В рамках класса специалистов самую значительную группу составляли преподаватели. Общая численность преподавателей государственных и частных учебных заведений в США увеличилась с примерно 1,3 млн. в 1954/55 учебном году до 2,1 млн. в 1964/65-м и 2,8 млн. человек в 1970-м. Преподаватели составляли около 25 процентов всех лиц, включаемых по переписи в категорию специалистов и технических работников. Численность инженеров в период с 1950 по 1966 год увеличилась более чем на 80 процентов – с 535 тыс. до примерно 1 млн. человек, основными причинами чему были рост наукоемких отраслей промышленности, таких, как электроника, космическая и ракетная техника, научное приборостроение, ядерная энергетика и компьютерная техника, а также увеличение периода времени, требуемого для разработки и производства продукции в связи с усложнением процессов производства. Число ученых с 1930 г. по 1965 г. возросло с 64 до 475 тыс. Иначе говоря, если с 1930 по 1965 год численность всей рабочей силы страны увеличилась приблизительно на 50 процентов, то число инженеров возросло на 370 процентов, а ученых – на 930.

А вот уже показатели сегодняшнего дня: почти 90% трудозанятых в США имеют высшее образование. Из них примерно 60% – со степенью бакалавра. В Японии серьезно рассматривается весьма амбициозная программа стопроцентного высшего образования для всей молодежи. Все эти показатели могут явиться убедительным объяснением того, почему названные и другие развитые страны мира достигли сегодня огромного научно-технического и технологического успеха, сформировали конкурентно способную экономику знаний, выступают лидерами многих социальных и культурных инноваций.

Одним из главных показателей приоритетности научного потенциала любой страны является доля затрат ВВП на научные исследования и разработки. Для примера приведем статистику затрат на науку в структуре ВВП некоторых восточноевропейских государств:

Как известно, наукоёмкость ВВП в Великобритании и Франции составляет более 2%, а в США и Германии – около 3%.

По удельному весу фундаментальных исследований в затратах на науку Беларусь приближается к уровню ведущих стран (США – 18%, Италия – 22%, Франция – 25%), но несколько уступает по соотношению расходов на фундаментальные и прикладные исследования, а также на разработки по всем наукам – в 2008 г. 1:1,5 по сравнению с мировым показателем 1:2 [2, с. 55].

Важный показатель перехода к обществу, основанному на знании, – доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте страны. С 2006 г. в Республике Беларусь они начали снижаться, однако, по предварительной оценке ЮНЕСКО, остаются сопоставимы с мировыми показателями (Швеция – 7,8%, Франция – 5,8%, Германия – 4,6%, Канада – 5,5%, Польша – 5%), которые являются порогом эффективности, позволяющим обеспечивать экономический рост на инновационной основе [2, с. 57].

Исходя из вышеизложенного, следует признать в качестве особой государственной и гуманитарной задачи – актуализацию ценностей науки и образования как основы компетентности, креативности и безопасности человека и общества. Новая социокультурная функция образования и науки предполагает трансформацию ряда стереотипов в области организации и управления, производства, социальных отношений, межличностных и культурных коммуникаций.

Указание на исключительную важность знания не означает призыв к созданию общества виртуальных ценностей, в котором блуждает некий мифический образ информации и знания, а собственно производство, или так называемый реальный сектор экономики, вообще не принимается во внимание, или ему отводится второстепенная роль. Разумеется, это не так. Без индустриального производства, без реального сектора экономики не может существовать и развиваться ни одно государство. Речь идет о том, какова их эффективность. А этот показатель сегодня напрямую зависит от наукоёмкости и высокой технологичности производства. Переход к обществу, основанному на знании, не означает тотальное сокращение индустриального производства и не носит характера общей тенденции. Все зависит от того, на какой стадии развития находится то или иное государство. Есть страны, которые в 1970-е годы вошли в фазу постиндустриального развития и где сегодня удельный вес

промышленности довольно высок: в Германии, к примеру, 29% ВВП, в Японии – 32%. В США он очень низок – около 12,5%. Но, как пишет известный теоретик постэкономического общества В.Л. Иноземцев, «вся промышленность Запада, за исключением пошива кофточек, стала высокотехнологической: доля технологических факторов в стоимости конечной продукции варьирует от 30 до 60%... Наступила эпоха, в которой уходит типичное разделение труда, описанное Марксом, производственный примитивизм. В ней гораздо больше проявлений того, что наука становится непосредственной производственной силой, а экономический выигрыш обусловлен тем, сколько интересных инновационных решений применено. Они могут быть технологическими, социальными, организационными. Но общество остается производящим, а производство – оснащенным машинами [3].

Кроме того, сегодня следует иначе взглянуть на ценность не только материальных феноменов, но и «духовно-идеальной материи», к которой, несомненно, следует отнести знание и сознание человека, его мировоззрение и мироощущение, со всеми вытекающими отсюда интенциями, которые (и только они) в последующем способны стать фундаментом креативной практической деятельности человека, в том числе и материально-производственной. Это особенно актуально для развивающихся индустриальных государств, которые в силу различных причин заметно отстают в научно-технологическом отношении от наиболее передовых государств мира.

Иногда можно встретить мнение о том, что эволюционно не завершив индустриальный цикл развития, невозможно перейти на новую (постиндустриальную) стадию. Теоретически это так. Но согласившись с этим, следует согласиться также и с тем, что в таком случае развивающимся странам, в том числе и Беларуси, предначерчены лишь вторые, догоняющие роли, ибо мир не стоит на месте. Те, кто сегодня впереди, завтра будут еще более недостижимы.

Поэтому нужно искать другие, более приемлемые для нас, сценарии развития. Современная практика социально-экономического и научно-технологического развития подсказывает такие сценарии модернизации. Речь идет о том, что в условиях современной интеграции и позитивной глобализации наиболее успешно коммуницируют информационно-интеллектуальные ресурсы, что выступает важнейшим условием кристаллизации собственной (национальной) инновационно-технологической инфраструктуры. Но для этого в обязательном порядке необходимо всячески стимулировать и поддерживать науку и образование, а лучше – делать на них ставку, что и будет означать как стремление к созданию общества, основанного на знании. Необходимо это, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, таким образом сохраняется и развивается интеллектуально-культурное пространство внутри страны, которое выступает условием развития теоретического знания и фундаментальной науки в целом, условием принятия компетентных решений и выстраивания инновационной системы управления. Во-вторых, только на этом фундаменте можно строить национально-технологические модели модернизации, соответствующие лучшим мировым аналогам, или опережающие их.

Литература

1. Ракитов, А.И. Наука, образование и супериндустриальное общество: реалистический проект для России // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 60–69.
2. Соколова, Г.Н. Состояние и использование человеческого капитала в Беларуси / Г.Н. Соколова // Наука и инновации. 2010. – №7.
3. Иноземцев, В.Л. Будущее России в новой индустриализации / В. Иноземцев // Экономист. – 2010. – №11. – С. 3–15.
4. Деминг, Э. Выход из кризиса / Э.Деминг. – Тверь: Альба, 1999. – 497 с.
5. Дракер, П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева.– М.: Academia, 1999. – С. 67–100.
6. Кин, Дж. Средства массовой информации и демократия. – М.: Памятники исторической мысли, 1994. – 170 с.
7. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 669 с.
8. Статистические профили информационного общества / – 2009 год, СНГ. – Женева, 2009.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Н.А. ЛАЗАРЕВИЧ

Институт философии НАН Беларуси, г.Минск, Беларусь

Среди ряда глобальных проблем, порожденных техногенной цивилизацией, наиболее острой является проблема сохранения человека и человеческой индивидуальности. Она заключается в том, что современный сценарий социального развития, фактически, не оставляет шансов для естественнобиологических программ самореализации человека по причине явного доминирования в шкале традиционных ценностей различного рода технологических нововведений -- искусственного интеллекта, гибрида телесного и технического, виртуальной коммуникации, робототехники, геной инженерии и т.п. В целом, речь идет о системном проявлении так называемого антропологического кризиса, который затрагивает не только внутренний мир человека, но и объективно связан с интенсивной трансформацией внешней по отношению к человеку действительности. Идеалы антропологического поворота XX века, предполагающие движение не от бытия вообще к бытию человека, а от человеческого существования к миру в целом, пока остаются лишь благими намерениями. Окружающий человека мир превращается в своего рода конкурирующую среду. При таком раскладе гармония естественно-природного и социально-искусственного становится проблематичной.

В рамках различных антропологических программ человек рассматривается как феномен, представленный в единстве его объективно-природных, индивидуально-психологических, социокультурных и экзистенциально-личностных характеристик [1, с.15]. Насчитывая не одну тысячу лет социально-культурного измерения, проблема человека в современных условиях предстает в совершенно новом свете. Сегодня достаточно заметна актуализация вопроса о специфике человека в условиях биотехнологической революции, экологических аномалий и разрушения традиционных культурных норм и ценностей. Для этого «в структуре современной антропологии должны конструктивно существовать и конструктивно взаимодействовать различные области исследования человека...»[2, с.12].

К числу таких областей можно отнести исследование качества жизни. Оно включает в себя такие факторы социальной организации, как качество личностного потенциала, включая уровень образования и культуры, шкалу ценностно-мировоззренческих предпочтений; обеспечение безопасной среды жизнедеятельности; систему социально-экономической, общественно-политической организации и др. Понятие «качество жизни» ввел Дж. Гэлбрейт в 1958 году, противопоставив его содержанию ценностям потребительского образа жизни американского общества [3]. В политический лексикон данное понятие вошло в связи с тезисом американского президента Джона Кеннеди, согласно которому «качество жизни должно идти в ногу с качеством американских товаров». В советской науке и социальной практике разрабатывалась сходная по содержанию категория -- «образ жизни». Предполагалось, что именно она отражает самые существенные характеристики социальной жизни.

Качество жизни обычно определяется как «совокупность свойств жизни человека, включающая его внутренние возможности осуществлять жизнедеятельность с той или иной интенсивностью и экстенсивностью (жизненный потенциал), а также свойства, выражающие уровень соответствия параметров среды и характеристик жизненных процессов индивидуально и социально позитивным потребностям, интересам, ценностям и целям»[4, с.12].

В настоящее время в Беларуси и за рубежом существует ряд подходов к определению структуры качества жизни. Можно выделить три основных направления, в русле которых формируются эти подходы. Это, прежде всего, направление, в котором качество жизни рассматривается как объективная характеристика, определяющая материальные условия и средства жизнеобеспечения человека (общества). В структуру качества жизни в этом контексте включаются такие характеристики, как качество питания, комфорт жилища, состояние окружающей среды, уровень здравоохранения, образования, сферы обслуживания населения и др. Второе направление делает акцент на учет только субъективных составляющих качества жизни, представляющих собой оценочное отношение человека к жизненным условиям, различным материальным и культурным благам. Основными характеристиками при таком подходе выступают удовлетворенность жизнью, полнота реализации человеком своего внутреннего потенциала, учет специфики переживаний каждым человеком степени удовлетворенности процессом и результатами его жизни и т.п. [5, с. 45] По сути, речь идет о так называемом «ощущаемом качестве жизни». Наконец, к третьему направлению относятся те трактовки качества жизни и его структуры, в которые включены как объективные, так и субъективные характеристики, охватывающие все множество сторон, условий и отношений в системе «человек-жизнь».

Анализ научных публикаций, посвященных качеству жизни, часто основывается на противопоставлении объективных условий существования индивида и субъективных оценок этих условий. Вместе с тем философия качества жизни помогает воспринимать эти условия не изолированно, а как выражение взаимозависимых процессов, где результат и непрерывные преобразования находятся в причинно-следственной связи. Сама идея высокого качества жизни населения позиционируется как эталон общественного устройства. Проявляется качество жизни в объективной удовлетворенности людей самими собой и своей жизнью, а также в субъективных характеристиках, свойственных человеческой жизни как биологическому, психическому

(духовному) и социальному существу. Оценивается качество жизни посредством определения значений показателей свойств и характеристик жизни по отношению к некоторому эталону.

Объективная сторона качества жизни описывается комбинацией различных нормативных и статистических характеристик, с помощью которых можно судить о степени удовлетворения потребностей и интересов людей. Субъективная сторона качества жизни связана с тем, что потребности и интересы людей всегда индивидуальны и отражаются в субъективных ощущениях индивидов, их личных мнениях и оценках. Очень часто объективная оценка уровня жизни и субъективное впечатление о степени удовлетворенности ею существенно различаются. Например, развиваемая в последнее время трактовка показателя «здоровье» человека, в которой физическое здоровье рассматривается как главная ценность, не отвечает концепции признания природы человека как биосоциального существа (или духовно-телесного - в религиозном понимании). Телесное (физическое) здоровье является лишь одной стороной целостного человеческого бытия. Реализация человеком в полной мере своих умственных, духовных, психических, творческих способностей может быть и в условиях пониженного физического здоровья. Поэтому индивидуальное здоровье - один из приоритетов, который рассматриваться не как отсутствие болезней, но как некоторое позитивное качество, зависящее от многих факторов. Субъективная и объективная оценки близки между собой в одном отношении: за основу берется соответствие разных сторон жизни потребностям, интересам, ценностям и целям людей. Различия связаны с разной трактовкой сущности и успешности жизни; неоднозначным пониманием роли субъективных и объективных, экономических и внеэкономических факторов в формировании качества жизни.

Концепция субъективного качества жизни как самостоятельная доктрина разрабатывается с 70-х гг. XX века. Значение субъективных показателей определяется на основе Я-суждений человека о жизни. Эти суждения формируются на представлениях, возникающих в сфере психики человека в результате жизненного опыта. Проявляется качество жизни в субъективной удовлетворенности людей своей жизнью. Она включает ряд показателей, основными из которых являются самооценка качества жизни как целостного феномена. В ряду показателей субъективного качества жизни иногда используют психологические критерии: доминирующее настроение, тревожность, переживание стресса и др.[6].

Счастье -- состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого удовлетворения и радости. Уже древнегреческими философами установлено два вида понимания счастья, связанных с типологическими различиями счастливых людей: эвдемоническое и гедоническое. Эвдемоническое понимание счастья - «состояние совершенства» и «обладания высшими благами» - обусловлено самосовершенствованием личности и самореализацией человеком себя как духовного, разумного существа. Гедоническое понимание счастья — «сумма наслаждений, которые испытывает или испытал человек» - обусловлено любыми удовольствиями и радостями, которые выпадают на долю человека в разных сферах жизни.

Объективные факторы качества жизни включают также систему экологических и демографических показателей. А.И. Субетто в своих работах определяет их как факторы, которые «сопрягаются с выживаемостью человечества» [7, С. 3]. Среди них -- качество воздуха, питьевой воды и почвы заселенных территорий [8, С. 81]. Но кроме этих

объективных показателей, роль экологических факторов в обеспечении жизнедеятельности человека можно проследить в их влиянии на его духовный потенциал. Он проявляется в воздействии окружающей среды на особенности национального характера, языковые процессы, ментальность, религиозность и пр. Оказывается, что человеку нужны не просто воздух, вода, вкусная и питательная пища, но необходима именно та среда, где эволюционно и исторически сформировался этнос данного индивида, те природные и культурные условия, в которых максимально достижима самореализация личности.

Человек в своем развитии формирует качественно новые типы взаимоотношений с естественным окружением, порождает новые классы объектов и процессов. Они-то и позволяют уяснить смысл качественно иного типа экологической жизнедеятельности, возникшего на планете, понять зачастую враждебное отношение к человеку освоенной им природы. Такого рода подход часто возникает в ситуации, когда природа выступает в роли «мачехи» по отношению к человеку. Освоение труднодоступных северных районов, жизнь в урбанизированных поселениях, космические полеты - во всех этих случаях на человека воздействует группа экстремальных факторов, разрушающих его организм. Осмысление значения окружающей среды, наполнение содержания качества жизни экологическим смыслом, связано с выходом на высокий уровень комплексного исследования человека [9, С. 146].

Другая антропологическая проблема современности связана с манипуляциями геномом человека, и в этой связи -- с сохранением его природы. Ф. Фукуяма определяет природу человека как «сумму поведения и типичных видовых характеристик, обусловленных генетическими, а не средовыми факторами» [10, С. 56]. В неоклассических трактовках «человеческая природа» утрачивает свою оформленность. В новейших концепциях «трансгуманистов» человеческая природа оказывается транзитивным, не стойким образованием или вообще отсутствует как таковая: постчеловек – это потомок человека, модифицированный до такой степени, что он уже не является человеком. Еще О. Хаксли в «Прекрасном новом мире» предсказывал, что результаты будущих изысканий в сфере биологии, физиологии и психологии, могут быть непосредственно применены к людям и «как инструменты в руках биологов и психологов способны видоизменить естественные формы и проявления жизни» [11, С. 193]. Биотехнологии уже сегодня допускает возможность изменения природы человека на клеточном уровне, а современная фармакология способна производить с помощью мощнейших препаратов необратимые изменения и в психике человека.

Вопрос о сохранении личности и адекватном понимании качества жизни в таком случае становится проблематичным. Обращение к понятию природы человека необходимо для того, чтобы характеризовать нечто не просто существующее, но заслуживающее сохранения, защиты. Возможные преобразования природы человека могут быть настолько серьезными, что, например, Ф. Фукуяма ставит вопрос таким образом: «какое будущее нас ждет: человеческое или постчеловеческое?». Ответ же, по его мнению, напрашивается следующий: «хотя люди в «Прекрасном новом мире» здоровы и счастливы, они, перестают быть *человеческими существами*. Они больше не борются, у них нет желаний, любви, они не чувствуют боли, не встречаются с ситуациями сложного морального выбора, и вообще они не делают ничего из того, что мы традиционно связываем с человеческим существованием [10, С. 87].

Б.Г. Юдин выделяет еще один аспект данной проблем. «Объектное понимание природы человека так или иначе предполагает отстраненность от ценностных составляющих этого понятия, что эта недоопределенность, непредзаданность человеческой природы может восприниматься, а в эпоху поистине безграничных технологических возможностей и действительно начинает восприниматься как поле для реализации разного рода конструкторских проектов и замыслов» [12, С. 101]. Автор данной цитаты иллюстрирует сказанное примером, когда группа состоятельных родителей, обеспокоенных тем, что существующая в России система образования формирует детей с определенным набором личностных черт (таких, как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства и т.п.), обратилась к психологам с предложением подготовить специальную (иную) образовательную программу для школьников. Цель такой программы - сформировать у детей качества успешности в будущей самостоятельной жизни: стремление во что бы то ни стало достичь поставленной цели, самостоятельность, способность прилагать максимум усилий для получения существенных результатов в своей деятельности, наличие развитых коммуникативных и лидерских умений и т.п. Давая оценку этому факту, Б.Г. Юдин указывает, что «здесь мы сталкиваемся с проектом создания молодых людей с заранее заданными личностными свойствами. Только в этом случае речь идет не о биологическом или генетическом, а о психологическом и социально-психологическом конструировании» [13, С.18].

Таким образом, среди комплекса мер, направленных на преодоление причин и последствий современного антропологического кризиса, важнейшее значение принадлежит обеспечению достойного уровня качества жизни людей. Данная задача связана с решением ряда экономических и социальных проблем, преодолением деструктивных тактик социоприродного взаимодействия. Следует обратить внимание на возможные негативные последствия техногенных сценариев обеспечения «комфортной жизни», в основе которых нетрадиционные способы влияния на естественно-биологическую эволюцию человека, его природу и телесность, психологию и сознание. Важнейшее значение в реализации конструктивного мироощущения людей, как одного из основных индикаторов высокого уровня их жизни, принадлежит разработке новых программ воспитания и образования, составляющих фундамент духовно-гуманистических стратегий развития современной цивилизации.

Литература

1. Степин, В. С. Теоретическое знание.- М.: Мысль. – 312 с.
2. Тегако, Л.И., Зеленков, А.И. Современная антропология. – Мн.: Беларуская навука. – 2012. – 264 с.
3. Гэлбрейт, Дж. «Экономическая теория и цели общества» М.: Прогресс. – 1976. – 534 с.
4. Качество жизни Краткий словарь. – М.: Смысл, 2009. – 168 с.
5. Качество жизни: сущность, оценка, стратегия формирования / Под ред. Л.А. Кузьмичева, М. В. Федорова, Е. Е. Задесенца. М.: ВНИИТЭ, 2000. – 326 с.
6. Социально-психологическая концепция качества жизни: Словарь-справочник / Сост. Е.А. Угланова. Ярославль: Диалог, 2003. – 428 с.
7. Субетто, А.И. Качество жизни, здоровье нации и безопасность России – главные функционалы бытия и критерии социально-экономической политики государства /А.И. Субетто

//«Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.10904, 25.12.2003

8. Снакин, В. В. Экология и охрана природы: Словарь-справочник. М., 2000. – 217 с.
9. Водопьянов, П.А., Крисаченко, В.С. Великий день гнева: экология и эсхатология. – Мн.: Университетское, 1993. – 282 с.
10. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М., 2004. - 237 с.
11. Хаксли, О. О дивный новый мир. В кн.: «Утопия и антиутопия XX века». М., «Прогресс», 1990. – 300 с.
12. Юдин, Б.Г. Этическое измерение современной науки // Этика науки. – М.: РАНИФ.– 2007.– 143 с.
13. Юдин, Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. – М.: ИФРАН.– 2008.– 223 с.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СЕМЬИ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И.А. ЛАПИНА

Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Беларусь

Социальная политика современной Беларуси многоаспектна. В ее рамках можно выделить ряд основных направлений: политика доходов населения; политика в сфере труда и трудовых отношений; социальная поддержка и защита нетрудоспособных и малообеспеченных семей и граждан; развитие отраслей социальной сферы и их инфраструктуры; социальная защита отдельных групп населения; экологическая, демографическая и миграционная политика. Переход Республики Беларусь к рыночным отношениям внес значительные изменения в регулирование доходов, которые в первую очередь и определяют благосостояние людей. Прежде всего, расширилась самостоятельность регионов и предприятий, а также повысилась значимость рыночных регуляторов. Именно поэтому становится таким важным выработка новой стратегии государства, которая учитывала бы интересы различных групп населения, предусматривала бы эффективную систему занятости и вознаграждения за труд, меры по социальной защите, а, следовательно, обеспечивала бы человеку достойную жизнь [1, с. 6 - 12].

Наиболее масштабной задачей социально ориентированной экономики государства в формирующемся рыночном хозяйстве нашего государства является деятельность по социальной защите всех слоев общества и по выработке стратегии эффективной социальной политики. Социальная политика — это система мер, направленных на достижение социальных целей и результатов, связанных с повышением общественного благосостояния, улучшением качества жизни населения и обеспечением социально-политической стабильности, социального партнерства в обществе.

Объектом социальной политики могут быть как отдельные граждане, так и их группы, объединенные конкретными связями и отношениями.

Субъектами социальной политики являются те, кто активно взаимодействует в социальной сфере, определяет цели, задачи, приоритеты и нормативно-правовую базу

социальной политики и реализует ее. К ним относятся государственные ведомства и учреждения, органы местного самоуправления, различные негосударственные объединения, коммерческие структуры, профессиональные работники, а также отдельные граждане, действующие в рамках гражданской инициативы [4, с. 276].

В любом обществе большинство людей способны самостоятельно обеспечить себе приемлемые условия для жизни. Цель социальной политики в этом случае состоит в создании благоприятной обстановки для трудовой и предпринимательской деятельности. Отсюда вытекает важнейшая функция социальной политики — стимулирующая, которая заключается в содействии процессу формирования рациональной структуры доходов и совершенствования отношений занятости. Это предполагает стимулирование всех видов экономической деятельности в рамках правового поля, формирование высокой мотивации работников к высокоэффективному труду, учет доли каждого работающего в созданном продукте.

Однако в любом обществе существуют социально уязвимые слои населения. К ним относятся граждане, в силу объективных причин не имеющие возможности удовлетворять свои потребности путем приложения собственных усилий (дети, инвалиды, пенсионеры). Социальная политика в данном случае должна обеспечить помощь и поддержку таким категориям лиц. Это достигается на основе реализации стабилизирующей функции социальной политики, предполагающей перераспределение доходов, развитие системы социальной защиты и социальных гарантий как для населения в целом, так и для каждой из его социальных групп. Упор при этом делается на выплату пенсий и пособий нетрудоспособным, малоимущим, безработным, на обеспечение определенного уровня образования и медицинского обслуживания для всех слоев населения.

Социальная политика, таким образом, осуществляется одновременно на трех уровнях:

- микроуровень — социальная политика фирмы (корпорации) в отношении ее работников;
- макроуровень — региональная и государственная социальная политика в отношении регионов;
- интеруровень — межгосударственная социальная политика, связанная с решением глобальных экономических проблем, ликвидацией бедности и отсталости некоторых стран.

Государственная социальная политика характеризуется единым законодательным пространством, социальной инфраструктурой, кадровым и информационным обеспечением всего населения. На этом уровне определяются цели, задачи, приоритеты социального развития и способы их достижения по отношению ко всему обществу: утверждаются нормативно-правовые акты, регулирующие общие принципы социальной политики в стране; устанавливаются минимальные социальные гарантии в области оплаты труда, пенсионного обеспечения, стипендий, медицинского обслуживания, образования и культуры; разрабатываются целевые социальные программы.

Региональная социальная политика учитывает особенности этнического, культурного и исторического характера региона, потребности его жителей. На этом уровне разрабатываются и реализуются региональные законы, различные социальные

программы. Вместе с тем данный уровень социальной политики не всегда может учитывать запросы и нужды отдельных людей, для этого нужны специальные меры и технологии, которые присущи муниципальной социальной политике. Деятельность ее субъектов направлена на решение конкретных проблем населения. Именно на данном уровне легче оценить реальные потребности и возможности человека, проверить степень эффективности оказываемых социальных услуг. Муниципальный уровень реализации социальной политики находится ближе к потребителю, а, следовательно, более экономичен, хотя его субъекты редко участвуют в разработке региональных и общегосударственных социальных программ.

Соблюсти баланс интересов по всем направлениям – задача современного общества и государства. Универсальное средство достижения такого благоприятного для всех участников социальных отношений положения вещей – правовое регулирование вопросов жизнедеятельности граждан (ограниченное, конечно же, пределами вмешательства в частную жизнь). В Республики Беларусь на сегодняшний день сложилась достаточно масштабная правовая система по вопросам охраны жизни, здоровья, труда женщин и их детей, охраны интересов семьи. С реализацией этой задачи связано обеспечение социальной безопасности семьи как одного из важнейших общественных институтов, т.е. противодействие внутренним и внешним угрозам ее существования.

Эти проблемы нашли свое отражение в ряде государственных программ, других правовых и нормативных актах. В соответствии со ст. 32 Конституции Республики Беларусь, брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства.

Женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья.

Государственной программой содействия занятости предусмотрено сохранение низкой конкурентноспособности на рынке труда граждан, особо нуждающихся в социальной защите, - инвалидов, молодежи, женщин, и др. [6] В Трудовом кодексе Республики Беларусь также предусмотрены дополнительные гарантии для женщин, воспитывающих детей, особенно если они совмещают это с трудовой деятельностью. В частности, предусмотрены ограничения на использование труда женщин в ночное время, на внеурочных работах; предусмотрены сохранение рабочего места и трудового стажа во время нахождения в отпуске по уходу за ребенком до 3х лет и др. [8]

Обеспечение комфортных условий труда женщин будет способствовать решению проблемы демографической безопасности, которая, в соответствии с белорусским законодательством, представляет собой состояние защищенности общества и государства от демографических явлений и тенденций, социально-экономические последствия которых оказывают негативное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь [1;4]. Семейная политика Республики Беларусь, являясь составной частью государственной социальной политики, согласуясь с положениями Всеобщей декларации прав человека, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцией о правах ребенка, Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а также с документами

Международной организации труда, Всемирной организации здравоохранения и других международных организаций, представляет собой систему мер экономического, правового, социального, информационно-пропагандистского и организационного характера, направленных на улучшение жизнедеятельности семьи.

Объектами семейной политики являются сама семья, а также другие социальные институты, непосредственно влияющие на ее формирование и функционирование, а основными целями государственной семейной политики являются: обеспечение улучшения социально-экономических условий жизнедеятельности семьи и выполнения ею репродуктивной, экономической и воспитательной функций; укрепление нравственных основ семьи и повышение ее престижа в обществе.

Реализация указанных целей возможна лишь с соблюдением ряда основных идей о самостоятельности и автономности семьи в принятии решений относительно своего формирования и развития; о сохранении достигнутых социальных гарантий семьи, их дальнейшего совершенствования, осуществлении дифференцированного подхода в поддержании социально приемлемого уровня жизни нетрудоспособных членов семьи; о равенстве каждой семьи и всех ее членов в праве на социальную поддержку независимо от социального положения, национальности, места жительства; о гендерном равноправии в достижении справедливого распределения семейных обязанностей, а также в возможностях самореализации в трудовой сфере и в общественной деятельности; о партнерстве государства и семьи, разделении ответственности за семью, сотрудничестве государственных органов с общественными объединениями, религиозными и благотворительными организациями по вопросам улучшения положения семьи и т.п.

Отдельное внимание при этом уделяется вопросам воспитания и содержания несовершеннолетних детей. Это, прежде всего, обеспечение уполномоченными государственными органами гарантий участия в материальном обеспечении ребенка и его воспитании обоих родителей при их раздельном проживании, совершенствование алиментных правоотношений и заключение международных договоров, предусматривающих выполнение гражданами Республики Беларусь и других государств обязанностей по содержанию детей после развода; а также создание благоприятных условий для сочетания родителями трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей (расширение прав отца и других членов семьи на льготы, предоставляемые в настоящее время на производстве женщине-матери в связи с воспитанием детей; обеспечение условий для реализации правовых норм Трудового кодекса Республики Беларусь в части использования удобных для семьи нестандартных режимов рабочего времени, предоставления отпусков по семейно-бытовым причинам; обеспечение условий для профессиональной реадaptации, повышения квалификации или переобучения родителей, имеющих перерывы в трудовой деятельности, в том числе при возвращении из отпуска по уходу за ребенком).

К сожалению, зачастую угрозой для детей представляют их собственные родители. В республике выявлено 36 тыс. детей, нуждающихся в помощи государства. Это не только дети-сироты, но и дети, чьи родители просто сами сняли с себя ответственность по содержанию и воспитанию собственных детей. Получить хотя бы часть суммы государственных расходов на содержание детей от нерадивых родителей бывает очень сложно, а иногда и вообще безрезультатно, хотя в Кодексе о браке и семье

предусмотрено возмещение родителями средств за нахождение детей в интернатных учреждениях. Однако родители, зачастую люди пьющие, не работают и не хотят работать, у многих из них нет даже паспортов, из-за чего возникают проблемы с принудительным трудоустройством таких родителей. Кроме того, значительное количество дел, которые рассматриваются в судах республики, так или иначе касаются детей. Это дела о расторжении брака, о разделе имущества, дела о взыскании алиментов на содержание детей, о лишении родительских прав и прочие. Ежегодно 25-30 тыс. родителей привлекается к административной ответственности за невыполнение своих обязанностей по воспитанию и обучению своих детей, а около 4 тыс. родителей лишаются родительских прав [5;6]. В связи с этим существует необходимость постоянной актуализации законодательной базы в сфере семейно-брачных отношений, действующей в Республике Беларусь.

В целях гармоничного функционирования семьи в обществе государственным органам управления различных уровней поручено обеспечить развитие инфраструктуры быта, семейного отдыха и оздоровления; развитие сети детских дошкольных учреждений различных форм собственности, различного типа (ясли, детские сады, ясли-сады, центры развития ребенка, дошкольные микрорайонные центры) и назначения (общего развития, с углубленными направлениями в работе, по уходу и оздоровлению, компенсирующие и т.д.), с гибким режимом работы (вечерние, прогулочные, выходного дня и т.д.); предоставление возможностей для обучения и воспитания детей с особенностями психофизического развития в учебно-воспитательных учреждениях общего типа; развитие сети специальных учреждений, предназначенных для содержания детей-инвалидов, взрослых-инвалидов, престарелых и безнадежно больных, ухода за ними, в том числе для временного пребывания.

Социальная безопасность семьи как одного из важнейших общественных институтов должна быть обеспечена созданием всеобъемлющей системы, включающей в себя:

укрепление и формирование новых учреждений социального обслуживания семьи в целях оказания услуг по уходу за детьми, престарелыми и больными членами семьи, материальной и консультативной поддержки в кризисных ситуациях;

создание сети консультативных центров помощи семье различных форм собственности по психолого-педагогическим, медицинским, правовым, сексуальным проблемам, в том числе при научных и практических медицинских учреждениях, учебно-воспитательных учреждениях, на предприятиях, в учреждениях и организациях;

осуществление мер по созданию системы подготовки молодежи к браку и семейной жизни;

совершенствование государственной системы защиты прав несовершеннолетних, профилактики безнадзорности и правонарушений.

Список использованных источников:

1. Макроэкономика: учеб. пособие / А.В. Бондарь, В.А. Воробьев, Л.Н. Новикова [и др]. - Минск: БГЭУ, 2007. – 415 с.
2. О демографической безопасности Республики Беларусь / Закон Республики Беларусь от 4.02.2002г. / Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa> – Дата доступа: 12.04.2013г.

3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь / Указ Президента Республики Беларусь от 9.11.2010г. / Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webпра> – Дата доступа: 12.04.2013г.
4. Основы социального государства / Пособие / Лапина С.В., Морова А.П. [и др]; под науч. ред. проф. Лапиной С.В. – Минск, БГПУ, 2008. – 130 с.
5. Официальный сайт Министерства образования Республики Беларусь. Интернет-ресурс: <http://www.minedu.unibel.by> – Дата доступа: 12.04.2013г.
6. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Интернет-ресурс: <http://www.mintrud.gov.by> – Дата доступа: 12.04.2013г.
7. Роль женщины в истории / Интернет-ресурс: forum-msk.org/material/fpolitic/776972.html – Дата доступа: 14.05.2012г.
8. Трудовой кодекс Республики Беларусь. Вступил в действие с 1 января 2000 года. / Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webпра> – Дата доступа: 12.04.2013г.

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ДВИЖЕНИЕ ОТ ФЕМИНИЗМА К АКТУАЛЬНОЙ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

С.В.Лапина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г.Минск, Беларусь,

Несмотря на достаточно позднее теоретическое обоснование и практическое воплощение идеологии феминизма (от латинского – *femina* - женщина), идеи о женском равноправии, а вслед за ними – стремление женщин объединяться с целью достижения равных прав, возникали в обществе, преимущественно ориентированном на мужчин, гораздо раньше.

Началом организованного женского движения считается 1848 г. Это связано с состоявшимся в Сенека Фоллз (штат Нью-Йорк, США) съездом по защите прав женщин под лозунгом «Все женщины и мужчины созданы равными». Эммелин Пэнхёрст (Emmeline Pankhurst) была одной из основательниц движения за право женщин голосовать на выборах (т. н. суфражизм от англ. *Suffrage* – право голоса). В 1868 г. она сформировала Организацию в защиту общественных и политических прав женщин (Women's Social and Political Union — WSPU), которая в течение года объединила 5 тысяч членов. В США в 1869 году были созданы две организации такого характера, объединившиеся в 1890 году в Национальную американскую ассоциацию за женское избирательное право. Благодаря активности её членов в ряде американских штатов женщины оказались допущены к голосованию.

Первыми избирательное право получили женщины, владеющие собственностью, в Новой Зеландии в 1893 году и в Австралии — в 1902 году. Позже избирательное право получили женщины ряда европейских стран (в Финляндии — в 1906г., в Норвегии — в 1913 г., в Дании и Исландии — в 1915 г., в России — в 1917г., в Канаде — в 1918 г.). В 1919 году права голосовать добились женщины Австрии, Германии, Нидерландов, Польши, Швеции, Люксембурга, Чехословакии, в 1920 году — США, в 1922 году — Ирландии, в 1928 году — Великобритании, в 1931 году — Испании и Португалии. По иронии истории во Франции, которая стояла у истоков феминизма, женщины получили право голосовать только в 1944 году.

Первым международным соглашением, провозгласившим равенство мужчин и женщин в качестве основополагающего права человека, стал Устав Организации Объединённых Наций (1945). В 1979 ООН приняла Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Большинство мусульманских стран не признаёт этих положений.

Первой женщиной, возглавившей правительство, стала Сиримава Бандаранаике (1960, Шри-Ланка), первой женщиной-президентом, избранной коллегией выборщиков, — Изабель Перон (1974, Аргентина), первой женщиной, занявшей президентский пост в результате всеобщих прямых выборов, — стала Вигдис Финнбогадоттир (1980, Исландия), первой женщиной, возглавившей правительство в мусульманской стране, — была Беназир Бхутто (1988, Пакистан)[1, 2].

Что касается России (это относится и к Беларуси, которая находилась в составе царской России), то до революции 1917 г. женское движение в ней развивалось параллельно с революционной борьбой, опираясь на труды Маркса и Энгельса, утверждавших, что неравенство полов исчезнет вместе с классовым угнетением, с ликвидацией разделения на классы и разделения труда. Среди лидеров женского движения этого периода можно назвать таких, безусловно ярких женщин, как [Александра Коллонтай](#), [Клара Цеткин](#), [Роза Люксембург](#), [Инесса Арманд](#), [Надежда Крупская](#). Женское движение в послереволюционной России фактически прекратило свою деятельность: равноправие стало государственной доктриной.

Краткий экскурс в историю женского движения позволяет сделать вывод о том, что основные ценности, пропагандируемые феминизмом (равенство прав и возможностей независимо от пола), сегодня стали неотъемлемой и повсеместно принятой особенностью современной цивилизации, а отступление от этих ценностей и правил вызывает неприятие большинства людей (и мужчин, и женщин), даже тех, кто не причисляет себя к феминистам. Однако признание на словах идей равенства еще не означает реального равенства. Так, женщины послереволюционной России, в т.ч. — и белорусские женщины, официально равноправные, получили «все права» работать по меньшей мере в двух сферах одновременно — в общественном производстве и в домашнем хозяйстве. И хотя слова о том, что главной «заслугой» феминисток является развенчание мифа о том, что женщины являются слабым полом, принадлежат американке, именно русские, а вместе с ними и белорусские женщины, в полной мере испытали на себе последствия этого «опровержения».

В 80-е годы прошлого века, в эпоху «перестройки», белорусские женщины вместе с женщинами других республик СССР, возобновили активную деятельность, направленную на расширение не только прав женщин, но и их возможностей, подкрепленных необходимыми условиями для их реализации. Кризисные явления 90 гг. XX века, породившие широкое социальное расслоение общества, в значительной степени сказались и на женщинах, права которых стали ущемляться, как считали участники женского движения. Повсеместно, в различных трудовых коллективах, стали создаваться женские советы, формироваться женские общественные движения и организации, включая женские политические партии.

В условиях становления суверенитета современной Беларуси, сразу после 1991 г. женское движение также активизировалось. Сегодня в Беларуси работают 36 женских общественных организаций. Среди женских общественных организаций, основной

задачей которых является достижение в обществе гендерного равновесия и равноправия, следует отметить ОО «Белорусский союз женщин». В настоящее время он объединяет более 170 тысяч женщин, живущих и работающих в разных регионах Беларуси. Среди масштабных акций, организованных БСЖ, следует назвать программы «Женщины – против пьянства женщин», «В Беларуси – ни одного брошенного ребенка», «Здоровая семья – здоровое государство», а также проведенная совместно с МВД акция «Семья без насилия».

Совместными усилиями государственные органы, международные организации и НПО Беларуси проводят пресс-конференции для журналистов, семинары, круглые столы, научно-практические конференции. В результате этой деятельности гендерная проблематика в последние десятилетия стала предметом широкого обсуждения в разных кругах общественности, квалифицируясь как социальная проблема.

После 1-го съезда ученых Республики Беларусь, состоявшегося в 2007 г., с инициативой по созданию первичной организации женщин-ученых в структуре БСЖ выступили женщины – делегаты съезда. Созданный в рамках БСЖ клуб женщин-ученых включает в свои ряды женщин, имеющих ученые степени – кандидатов и докторов наук, занятых в отрасли «наука и научное обслуживание», в образовании и других сферах, требующих привлечения научных работников высшей квалификации.

Организация женщин-ученых создана для объединения научно-исследовательских усилий женщин в решении общественно значимых гендерных проблем и создания условий для более активного вовлечения молодых женщин в сферу науки в рамках реализации специальных программ профессионального роста в этой области [3].

С 2002 года осуществляет свою деятельность клуб «Деловые женщины Беларуси», созданный при содействии ОО «Белорусского союза женщин». На заседаниях клуба женщины обсуждают проблемы производственного характера и вопросы участия женщин в общественно-политической жизни общества. Оказывается поддержка в рекламе и реализации продукции, производимой на предприятиях, в открытии фирменных магазинов и секций для реализации этой продукцией. Совместно с клубом «Деловые женщины Беларуси» проводится учеба в областных и районных центрах для председателей первичных организаций «Школа женского лидерства».

Белорусский союз женщин активно сотрудничает с международными женскими организациями. Подписаны меморандумы о сотрудничестве с женскими организациями России, Литвы, КНР, Вьетнама, Сирии и Украины.

Общественное объединение «Белорусская ассоциация молодых христианских женщин» с 2002 года реализует Программу «Ла Страда» по предупреждению торговли людьми в странах Центральной и Восточной Европы. В рамках проводимой деятельности организуются семинары, конференции и круглые столы для представителей государственных учреждений и неправительственных организаций, активно ведется работа со средствами массовой информации, информационно-образовательная деятельность с группами риска. Услуги горячей линии «Ла Страда» включают консультирование о возможностях, условиях, правилах безопасного выезда за рубеж с целью трудоустройства, заключения брака, получения образования. Также оказывается помощь родственникам, разыскивающим членов семей за границей. Осуществляются реабилитационные и реинтеграционные программы помощи

пострадавшим гражданам, включая бесплатную медицинскую, юридическую, психологическую, другие виды помощи.

Общественным объединением «Сотрудничество деловых и творческих женщин» создана «Белорусская женская сеть» - информационный интернет-ресурс белорусских женских сообществ, содержащий информацию об актуальной социальной проблематике белорусских женщин, о законодательстве в отношении защиты прав женщин, контактные данные центров по оказанию помощи людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации, о гендерных исследованиях, а также каталог женских ресурсов, новости белорусского женского сообщества и международного женского движения.

Становление женских общественных организаций в Беларуси происходило в условиях формирования устойчивого интереса к гендерной проблематике и формирования современной гендерной политики. Гендерная проблематика и особенности гендерной коммуникации явились логическим продолжением феминистских подходов, которые постепенно трансформировались, переходя от радикального феминизма к утверждениям о том, что патриархальные отношения приводят к угнетению не только женщин, но и мужчин, так как все люди, независимо от пола: и мужчины и женщины – вынуждены соответствовать социальным ролям, навязанным им патриархальным обществом. И такое вынужденное соответствие наносит вред развитию человека как личности, независимо от его (ее) пола.

Сегодня - в XXI веке – в широком теоретическом плане гендерный подход можно представить как идеологию свободы личности от родового, гендерного давления. В теоретико-методологическом плане гендерные исследования, концентрирующие внимание на особенностях гендерной коммуникации, в современной научной практике являются отдельной отраслью научного знания, динамичной и развивающейся. Ее отличительные особенности выражаются в ориентациях на внедрение гендерной методологии в просвещение и образование, в развитии гендерной экспертизы законодательства, в обоснование и разработку стратегий развития социальной активности женщин и мужчин, преодолении дискриминации по половому признаку.

Необходимость проведения на государственном уровне цивилизованной гендерной политики сегодня открыто никем не оспаривается. Это считается неприличным в цивилизованных странах. Стремление к гендерному балансу, учет коммуникативных гендерных особенностей в становлении и развитии современного информационного общества – один из важнейших показателей уровня его демократизации.

Однако не менее значимым фактором в решении задач гендерной политики является активность самих отдельных граждан (и гражданок) в решении гендерных проблем. Речь не идет о радикальном феминизме XX века, который сегодня имеет не так уж много сторонников. Женщины, особенно молодые, в принципе не приемлют его категорических позиций. Гораздо интереснее отношение современных женщин к способам и формам действий в направлении решения гендерных проблем.

В Интернете, на сайте московского отделения Фонда им. Фридриха Эберта, размещены интересные данные об отношении россиянок к участию женщин в политике и общественной деятельности [4]. Чтобы сравнить эти результаты с мнениями белорусских женщин по этим вопросам, социологами из Клуба женщин-ученых Белорусского союза женщин было проведено аналогичное исследование среди белорусских женщин (N =1003

человека). Как и следовало ожидать, мнения российских и белорусских женщин практически совпадают.

Противоречивое отношение и россиянок, и белорусок к участию женщин в политике и общественной деятельности достаточно отчетливо проявляется в их оценках роли и места общественных организаций женщин. Как уже отмечалось, многие женщины не склонны видеть каких-то принципиальных различий между интересами мужчин и женщин, и поэтому, по их мнению, не столь важно, кто их защищает и представляет в органах власти в центре и на местах. С другой стороны, примерно такое же количество, как белорусок, так и россиянок убеждены в том, что представлять и защищать интересы женщин лучше могут сами женщины.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на формирование и в Беларуси, и в России цивилизованных подходов к задачам гендерной политики, в целом, и к женскому движению, в частности, остается еще очень много актуальных проблем, имеющих гендерную специфику – это общие вопросы методологии гендерных исследований, гендерного равенства и гендерных различий, гендерной экспертизы, гендерные аспекты в управлении и профессиональной деятельности, проблемы семьи, здоровья мужчин и женщин, гендерные аспекты социализация лиц, с ограниченными возможностями, проблема насилия в отношении женщин и другие. Несмотря на утверждение Всеобщей декларации прав человека (ст. 1) «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве», отражающее естественную природу человека, и то, что подлинная свобода предполагает не только равенство прав, но и равенство возможностей, в настоящее время достаточно часто игнорируется социальный характер прав индивидов.

Современная наука характеризует гендерную проблему в качестве глобальной и связывает с контекстом развития, поскольку гендерное неравенство, ущемляя права и возможности половины человечества, препятствует устойчивому развитию всего человечества. Сегодня общественное мнение рассматривает гендерные вопросы в основном применительно к женщинам, хотя многочисленные данные ныне указывают на то, что гендерная проблема носит более широкий характер. Это общая проблема общечеловеческого развития. Гендерный дисбаланс препятствует формированию полноценных типов социальной деятельности, учитывающих опыт обоих полов, не даёт возможности в полной мере использовать психические, психофизиологические и социально-психологические особенности мужчины и женщины для эффективного решения стоящих перед обществом задач. Гендер предполагает также, что личностное развитие женщин понимается в качестве условия личностного развития мужчин и наоборот. В результате такого подхода выигрывает всё общество, получая возможность вовлечения неисчерпаемого человеческого потенциала творческих сил и возможностей в его развитии.

Это связано как с возможностями, так и с готовностью самих женщин к реализации своих гражданских прав, так же, как и гражданских прав всех остальных членов общества, независимо от их биологических и социальных особенностей. В итоге - актуальные гендерные проблемы, связанные с признанием обществом неприемлемости ущемления прав любой социально-демографической группы (будь-то женщины, или мужчины), требуют особой работы по их представлению в сфере

общественного сознания, в системе социальной коммуникации, в разных социальных группах, во всей системе общественных связей и отношений. В этом направлении сегодня работают женские общественные организации в Беларуси, включая Белорусский союз женщин

Литература:

1. Butler, J. «Feminism in Any Other Name», New York, 1994.
2. Kampwirth, K. Feminism and the Legacy of Revolution - El Salvador, Chiapas, Ohio UP (Nicaragua).- 2004.
3. Лапина, С.В. Основы социального государства: пособие / С.В. Лапина [науч.ред.], А.П. Морова, Л.П. Арсюткина – Минск: БГПУ, 2008.
4. Официальный сайт Фонда им. Ф. Эберта, (Московское отделение). [http// www.fesmos.ru](http://www.fesmos.ru). - 25.05.2011 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В.К. Лукашевич

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

Необходимость трансформационных преобразований, обусловлена рядом условий и причин (давлением внешних обстоятельств, вынужденным реагированием на динамику внутрисистемной ситуации, видением определенной перспективы и намерением ее реализовать и др.). Их интегративное действие во многом определяет актуальные (характерные для современного этапа существования) потребности социума, которые в свою очередь детерминируют направленность и темпы социальных трансформаций. При всей логичности и непротиворечивости отмеченной общепринятой схемы объяснения механизма генезиса и будущей направленности трансформаций, в ее основе лежит очень аморфный ориентир на социальные потребности (требования, предпочтения), многие из которых изначально квалифицируются как авангардные, а впоследствии – нередко, как завышенные, искусственные, извращенные и т.д.).

Более определенное видение названных параметров социальных трансформаций (их генезиса, направленности и темпов) обеспечивает понятие социального заказа на трансформации. Оно сравнительно недавно вошло в методологический инструментарий анализа социальных явлений и процессов и на первых порах – для их исследования в отдельных сферах жизнедеятельности общества (социальный заказ на здравоохранение, образование, качество жизни, качество окружающей среды, социальный заказ науке и др.).

В обобщенном понимании социальный заказ на трансформации можно квалифицировать как общественно осознанную необходимость в осуществлении трансформаций, в русле которых должны быть созданы (преобразованы) социальные системы, отлажены процессы их функционирования в качестве альтернатив тому, что существует в настоящее время. Как показывает сравнительно недолгосрочный опыт

оперирования понятием «социальный заказ» такого рода альтернативы должны обеспечивать наряду с позитивными сдвигами в конкретной сфере жизнедеятельности общества, его социально-экономическое развитие и безопасность, гарантировать сохранение качества окружающей среды и генофонда социума, расширять контактный диапазон их (альтернатив) элементов со сферой культуры и возможности духовного роста. [1] Нетрудно видеть, что и когнитивный статус понятия «социальный заказ» на трансформации в целом, и содержание его конкретных признаков фундируются идеей самоценности конкретного социума.

По названным характеристикам любого социального заказа его необходимо отличать, во-первых, от лоббируемых ведомственных интересов и проектов; во-вторых, от упоминаемых выше предпочтений и требований определенных социальных групп, основанных в основном на инерции ценностных ориентаций социальной психологии (жить лучше, дольше, комфортнее, безопаснее и т.д. за счет расточительного использования природных ресурсов, растущей эксплуатации труда социально слабозащищенных интеллектуалов, уравнилельных и иждивенческих традиций и др.)

Методологический потенциал понятия «социальный заказ на трансформации», необходимый для научного анализа механизма их генезиса, направленности, содержательной наполненности, интенсивности осуществления, критериев эффективности и др. и определяющий его статус в системе регулятивных средств человеческой деятельности, фундируется понятием «альтернатива» («альтернатива существующему», т.е. тому, что неспособно выполнять социально необходимые функции или выполняет их недостаточно эффективно). Соответственно первая методологическая ориентация, задаваемая данным понятием - на фиксирование неспособности существующих систем (объектов, структур) выполнять социально востребованные функции в необходимом варианте.

Далее по логике социальной динамики предстоит поиск альтернатив. Он должен вестись на основе отмеченных выше критериев, по которым социальный заказ на трансформации отличается от его имитаций. В данном контексте понятие социального заказа на трансформации выполняет фундирующую функцию, так как задаваемые им ориентации поиска предопределяют направления дальнейшего более детального анализа сложившейся ситуации и характеристик приемлемой альтернативы.

Этот анализ может охватывать самые разнообразные обстоятельства и факторы динамики сложившейся ситуации (традиции, ранее оправданные модели организации и управления в конкретной сфере жизнедеятельности общества, социально-психологические ориентации и др.), но в идеале в его основе должны быть объективные данные, являющиеся результатом научных исследований, в русле которых должна быть осуществлена конкретизация параметров альтернативы и доказана ее предпочтительность.

Конкретизация параметров альтернативы осуществляется одновременно с уточнением целей, которым она должна служить. В ходе этого процесса максималистские целевые установки, как правило, претерпевают изменения коррелятивно имеющимся и планируемым средствам их достижения, а также соответственно сложившейся ситуации в целом (в ее социально-экономических, научно-технических, социокультурных, социально-психологических и других измерениях). Например, параметры новых энергетических установок далеко не всегда выдержаны по

максимально достигаемым значениям. Чаще всего в рамках единого энергетического комплекса страны выбираются их определенные типы, адаптированные к возможностям страны в их создании и условиям эксплуатации, к экономически, экологически и технически оправданным пропорциям между используемыми типами (атомными станциями, гидроэлектростанциями, энергоисточниками на местном сырье, на возобновляемых и так называемых нетрадиционных источниках).

Степень осмысленности социального заказа, параметров альтернатив и целей, для достижения которых они выдвигаются, определяют характер когнитивного пространства научных исследований, обслуживающих процессы искусственного воспроизведения реальности, в данном случае – создания систем, включающих в свой состав разнокачественные фрагменты, появление которых в ходе естественной эволюции маловероятно. Это пространство охватывает разнокачественные знания о природной, искусственно созданной, социальной, социокультурной и духовной реальности, а также соответствующее характеру названных фрагментов проблемное поле, в котором предполагается вести поиск информации о создаваемой системе.

В совокупности сведений, охватываемых когнитивным пространством, ключевое значение имеет предметное знание, добытое в ходе предшествующих дисциплинарных исследований, как базовых, незаменимых другими типами исследований. Оно выражает (описывает, объясняет, предсказывает) спектр возможных (и в частности, что важнее всего, допустимых) взаимодействий объектов реальности, на основе которых возможно создание новых более сложных объектов, в том числе взаимодействие которых с изучаемым объектом привело бы к его разрушению или деформации, меняющей его качество. В нашем случае следует акцентировать то, что из всего спектра допустимых взаимодействий разнокачественных фрагментов, способных войти в состав искусственно создаваемого объекта, предстоит выбрать необходимые взаимодействия, которые фундировали бы устойчивое существование данного объекта как целостного образования, его единство и способность выполнять определенные функции в более широкой системе, т.е. те свойства, на основе которых он квалифицируется как трансдисциплинарная система [3].

Этот выбор осуществляется по ряду разноуровневых критериев. Во-первых, на основе накопленного предметного знания, определяющего возможный функциональный диапазон создаваемого объекта; во-вторых, под воздействием непосредственных целей, для достижения которых планируется создание объекта; в-третьих, под воздействием метатеоретических принципов, регулирующих системные параметры создаваемого объекта в аспекте его адаптации к социальным (в широком смысле) реалиям: экологической ситуации, механизмам социокультурной преемственности, актуальной коммуникации и самоорганизации. Это принципы гуманизации, экологизации, историчности, коммуникативности, синергетичности и др. [4].

Названные критерии формируются и функционируют в русле различных методологий: первый – в русле когнитивной (отражательной) методологии, второй и третий – конструктивной методологии. Тем не менее, они должны работать на достижение единой цели – создание нового искусственного объекта, обладающего заданными параметрами. В ходе ранее проводимых дисциплинарных исследований, осуществляемых на основе регулятивов когнитивной методологии, как правило, накапливается определенный объем предметного знания, на основе которого должны

быть продолжены исследования, направленные на выявление путей обеспечения требуемых параметров создаваемого объекта. Но это дальнейшее приращение знания будет осуществляться по иной схеме: а именно, на основе установок конструктивной методологии. Поэтому предмет дисциплинарных исследований будет трансформироваться под воздействием стимулов, идущих из сферы целеполагания и регулирования на уровне метатеоретических принципов.

Соответственно механизмы последующей динамики предмета дисциплинарных исследований могут быть представлены как следствие иерархического и координационного взаимодействия, с одной стороны, процессов их целевой заданности и, с другой стороны, их когнитивного, в частности, проблемного поля. При этом проблемное поле наполняется новыми вопросами, связанными с выявлением допустимых и необходимых взаимодействий элементов создаваемого объекта между собой, а также с другими объектами в более широкой системе. В русле такого рода взаимодействий формируются (обеспечиваются) и проявляются требуемые свойства создаваемого объекта. В итоге предмет дисциплинарных исследований, не лишаясь онтологической специфики, захватывает новые слои реальности под направляющим воздействием целеполагающих факторов, непосредственно не связанных с данным предметом. Изучение новых слоев реальности обуславливает необходимость осуществления междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований в том случае, когда под воздействием процессов целевой заданности предмет дисциплинарных исследований по определению не может ассимилировать эти слои. Их изучение в русле новых типов исследований должно обеспечивать исследователя информацией об онтологической возможности, условиях и диапазоне проявления требуемых (заданных) свойств создаваемого объекта. По данной схеме в предметогенезе трансдисциплинарных исследований может участвовать большое количество конкретных дисциплин [5].

Ее можно квалифицировать как схему, задающую онтологическую, а точнее, интерактивную размерность предмета и далее объекта трансдисциплинарных исследований. Данный объект представляется как коррелирующий с условиями своего существования, обеспечивать и поддерживать которые имеется возможность, а также с возможными последствиями своего существования и функционирования, контролировать которые также представляется возможным, если и для первого, и для второго действия могут быть созданы (или имеются в наличии) необходимые средства. Здесь могут складываться ситуации, характерные избыточностью научного знания, накопленного для создания объекта с заданными свойствами. Поэтому в их (ситуаций) контексте предстоит сделать выбор в пользу одного из вариантов. Но чаще всего необходимых знаний не хватает, в частности, для формирования представлений о создаваемом объекте как целостном образовании в его системном качестве, которое определяется иными (социальными) факторами и имеет иную размерность – целевую.

Примером такого рода расширения предмета дисциплинарных (в данном случае технических) исследований могут служить технико-технологические разработки белорусских ученых по использованию местных источников энергии, в частности, отходов деревообработки и неделовой древесины (включая валежник, древесные заросли и т.п.). Несмотря на достигнутый высокий КПД технологических установок, богатство их типового разнообразия, невысокую стоимость, несложность в

эксплуатации, надежность и другие достаточно высокие параметры, планируемая квота их использования в энергетике Республики Беларусь не достигнута. Причина в неизученности путей экономической мотивации к использованию названных сырьевых источников, которые, как правило, рассредоточены на большой территории. Это причина серьезных затрат на их сбор и доставку, что делает экономически невыгодным их использование вне связи с другими направлениями хозяйственной и социокультурной деятельности. Но если учесть экологический эффект, новые возможности развития эко- и агротуризма, потребности волонтерского движения и др., общая «рентабельность» может существенно измениться. Определить ее вполне возможно в русле трансдисциплинарных исследований, направленных на изучение обновленной системы природопользования, в основе которой лежала бы экономически обоснованная модель взаимодействия субъектов социального действия в нескольких (помимо экономической) наиболее значимых сферах.

Вместе с тем характеристики объекта трансдисциплинарных исследований, детерминированные социальными потребностями и целями, интегрированными социальным заказом, по определению не могут выходить за параметры, заданные его интерактивной размерностью. Согласование отмеченных типов размерности создаваемого объекта (интерактивной и целевой), таким образом, оказывается главной линией взаимодействия (главной контактной линией) когнитивной и конструктивной методологий.

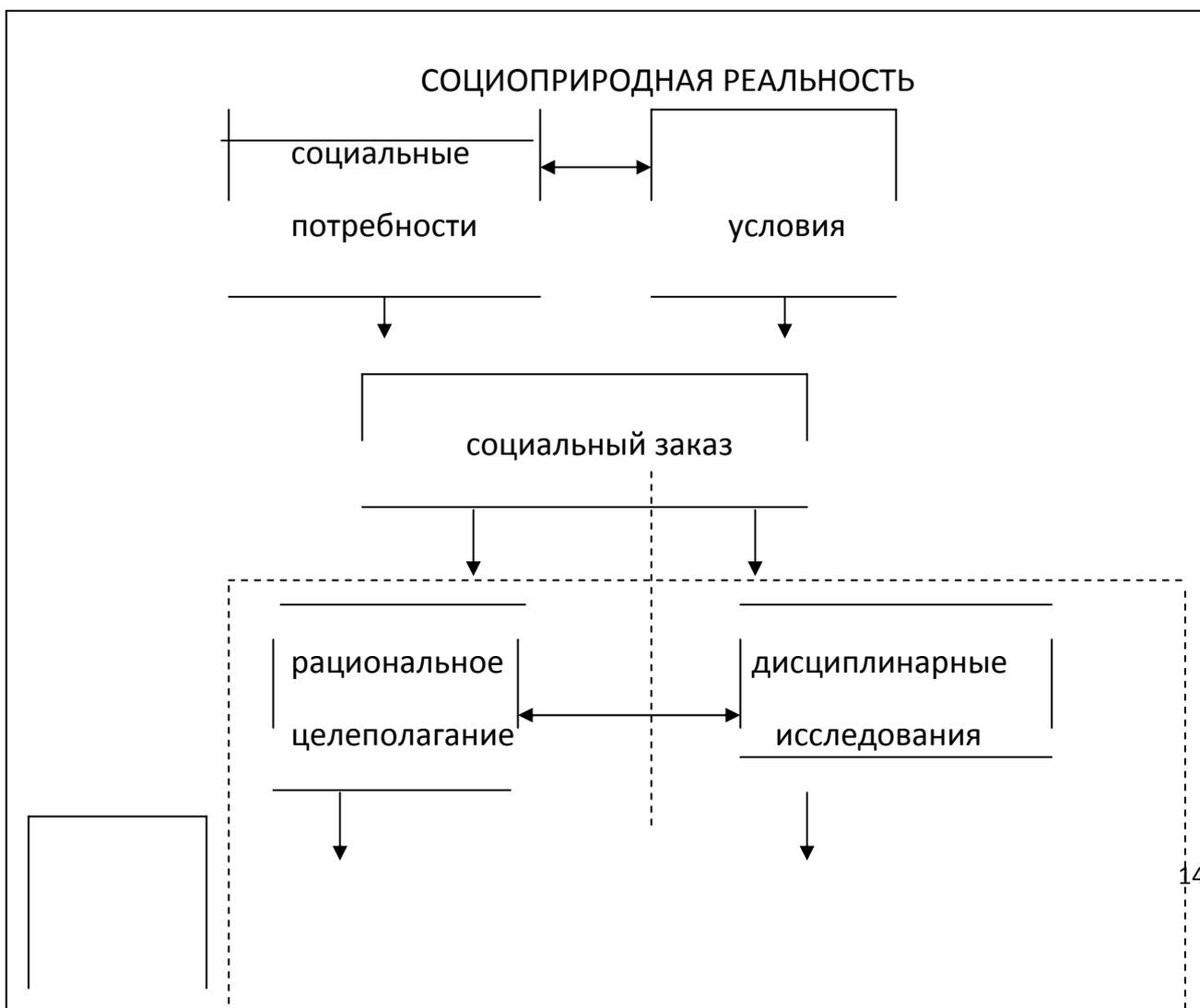
Далее их взаимодействие, как правило, продолжается. Во-первых, в направлении конкретизации интерактивного механизма, обеспечивающего социально-заданные параметры объекта, во-вторых, в плане уточнения его целевых параметров. Во втором контексте наиболее отчетливо проявляется смысл рационального целеполагания как процесса согласования социальных потребностей с реальными возможностями, которыми на данное время располагает научное сообщество и в целом социум, а также теми возможностями, которые по определенным критериям оцениваются как реальные. Работа в обоих направлениях, опять же, как правило, продолжается в несколько циклов и очень часто включает по первому направлению дорогостоящие фундаментальные исследования, выявляющие новые интерактивные основания требуемых свойств создаваемого объекта, а по второму – серию экспертных оценок проектов создаваемого объекта по широкому набору критериев (ключевыми из которых являются принципы гуманизации, экологизации, диалогичности, историчности, синергетичности) (в контексте социального заказа на трансформирование – это альтернатива существующему).

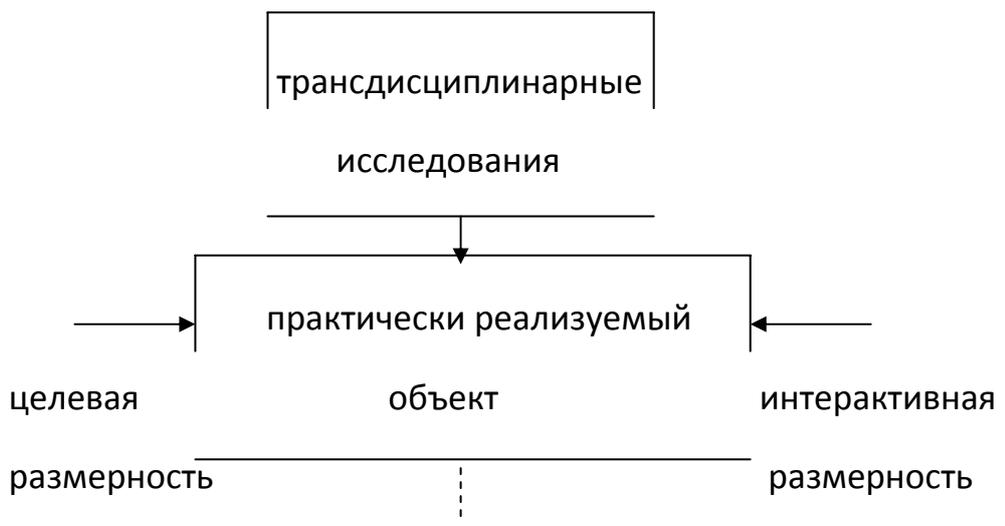
В данной работе генезис объекта трансдисциплинарных исследований (в контексте социального заказа на трансформации – это альтернатива существующему) анализируется преимущественно в системе когнитивных измерений, хотя в чистом виде этот процесс встречается не часто, а именно в ситуациях, когда наука предлагает социуму принципиально новый тип объектов, способных выполнять ряд востребованных им функций качественно новым (революционным) способом. Например, наномашина выполняет производственные и ряд социально значимых функций на основе поатомной сборки изделий, в ходе которой совмещаются производственные операции разметки, обработки и контроля параметров изделий, а также решает задачи экономии сырья (точнее, его 100%-го использования с выходом практически 100% годных изделий) и резко уменьшения вредного воздействия на окружающую среду (в ряде случаев

нанотехнологическое производство необходимо изолировать от внешней среды из-за ее более высокой «загрязненности» по сравнению с условиями работы наномашин). Аналогичные ситуации имеют место в процессах разработки систем искусственного интеллекта, где также позитивный сдвиг в работе обеспечивают революционные научные решения. И хотя в обоих случаях можно указать на сходные явления и процессы в природе, но все же приоритетное значение имеют не их имитации, а творческие усилия исследователей, направляемые социальным заказом и накопленными интеллектуальными ресурсами, которые обуславливают приоритетную роль ментальных схем.

В ситуациях другого рода, в которых существенное значение имеет опыт создания однотипных образований, генезис объекта трансдисциплинарных исследований осуществляется во многом под действием сформировавшихся праксиологических схем, нередко оказывающих консервативное воздействие на творческий процесс. Однако таких ситуаций в любой из сфер человеческой жизнедеятельности значительно больше. Поэтому, продолжая исследование объектогенеза трансдисциплинарных исследований, предстоит выявить схемы «обратного воздействия» материально реализованных объектов на данный процесс.

В рассматриваемом более узком контексте взаимодействие основных факторов объектогенеза трансдисциплинарных исследований (целевой размерности, выраженной в форме социального заказа, конкретизированного в параметрах искусственно создаваемого объекта, и его интерактивной размерности, выраженной в предметном знании, добытом в дисциплинарных исследованиях) можно представить в виде следующей схемы:

Как упоминалось в начале работы содержание понятия «социальный заказ на трансформации» в целом и его конкретных признаков (критериев, по которым

социальный заказ отличается от его имитаций) фундируются идеей самоценности конкретного социума. В настоящее время значимость данной идеи подвергается серьезному испытанию в рамках идеалов и практик глобализма. Для поддержания ее фундаментального статуса, видимо, уже недостаточно общетеоретических аргументов о необходимости качественного многообразия элементов системы (в данном случае конкретный социум рассматривается как элемент мирового общества). Решающие аргументы лежат в практической сфере, точнее, связаны с динамикой параметров жизнедеятельности конкретного социума, представленной в системе общепринятых (принятых ООН) индексов. Вместе с тем принятые в данной работе критерии приемлемости социального заказа в своем основном содержании могут быть экстраполированы на мировое сообщество.

Литература

1. Лукашевич В.К. Трансдисциплинарные исследования в контексте социального заказа науке / В.К. Лукашевич // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекаразмерных систем. – Минск, Право и экономика, 2012.
2. Ulmos J. La pensee scientifique moderne. – P., 1958.
3. Мокий, В.С., Лукьянова, Т.А. Инструменты интеграции дисциплинарных знаний в трансдисциплинарном исследовании // INTEGRATION IN INTER AND TRANSDISCIPLINARY RESEARCH: Forging Collective Concepts, Methods and Practices – Changing Structures. 19-21 November 2009, Berne.
4. Васильева, И.Л. Парадигмальные характеристики социотехнического проектирования / И.Л. Васильева // Вестник БГЭУ. – 2005. – № 3. – С. 47-52.
5. Лукашевич, В.К. Генезис объекта в трансдисциплинарных исследованиях / В.К. Лукашевич // Вестник БГЭУ. – 2012. – № 5. С. 96-103.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Е.С. ЛУЧЕНКОВА

Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Беларусь

Интенсивное развитие международных экономических, политических и культурных связей диктуют необходимость учета самого широкого спектра факторов, влияющих на процесс создания системы ценностей определенного народа. В качестве одного из таких факторов можно выделить межкультурную компетентность, которая по степени своей актуальности стоит в одном ряду с такими понятиями как культура, нормы и традиции.

Межкультурная компетентность предполагает знание закономерностей построения и особенностей межкультурной коммуникации, овладение навыками межкультурного взаимодействия в различных сферах деятельности. В 21 веке в сферах науки, культуры, бизнеса, политики возникли и развиваются множество международных проектов, однако нам не всегда удается достичь согласия по тем или иным вопросам, не

только вследствие принципиальных расхождений в позициях, но и из-за того, что на почве различия культурных традиций, систем ценностей, а следовательно и своеобразной интерпретацией событий не могут адекватно воспринять переданную информацию, не хотят, а чаще и не могут по объективным причинам, понять и принять позицию другого человека. Это происходит и потому что в основе этой позиции лежат другие культурные ценности, другой образ жизни. Вследствие этого возникает отношение к собеседнику как «чужому», отличному от «нашего». Это препятствует взаимопониманию, а значит, и успешному решению самых различных вопросов и проблем, которые решаются в рамках более чем одной культуры. Таким образом, чтобы взаимодействия между представителями различных культур были эффективными, они должны быть организованы на основе знания принципов и механизмов межкультурной коммуникации. История человечества – это процесс взаимодействия культур, которое может принимать различные формы и осуществляться на разных уровнях.

В современном мире не существует абсолютно замкнутых культур. Культурные и межгосударственные контакты – это неотъемлемый компонент современных отношений. В социально-гуманитарных науках процесс взаимного влияния различных культур, при котором все или часть представителей одной культуры перенимают нормы, ценности и традиции другой, носит название аккультурации. Аккультурация представляет собой процесс освоения чужой культуры. Вызвана она необходимостью адаптации к новым культурным условиям. В результате этого человек должен достичь комфортного для него уровня совместимости с инокультурной средой. То есть должен произойти процесс психологической и социокультурной адаптации.

В современной социально-политической жизни аккультурация проявляется в двух формах: временной и длительной. Временная аккультурация проявляется через контакты политиков, дипломатов, туристов, персонала иностранных компаний. Длительная - возникает в случае контактов представителей различных культур в рамках одного государства. Для процесса аккультурации свойственен определенный дуализм, так как каждый человек, находящийся в этом процессе, одновременно решает две важнейшие проблемы. С одной стороны, стремится сохранить свою культурную идентичность, с другой, - впитывает нормы и ценности другой культуры. Различные варианты решения этих проблем приводят к появлению четырех основных стратегий: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Остановимся подробнее на каждой из них: 1) ассимиляция – это полное принятие ценностей и норм другой культуры, при отказе от ценностей своей; 2) сепарация – отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей; 3) Невозможность поддержания своей идентичности с нежеланием получения новой идентичности называется маргинализацией; 4) интеграция – это идентификация как со старой, так и новой культурой. Вполне логично предположить, чем больше противоречий между культурами, тем сложнее аккультурация. Особенно это важно в работе с молодежью, так как она не выработала собственные культурные черты, не усвоила систему ценностей своей материнской культуры.

На рубеже 20-21 веков человечество оказалось перед лицом нового явления, которое определит будущее нашей планеты, - явление глобализации. За глобализацией скрываются фундаментальные изменения социально-политической и экономической жизни, которые переживает человечество.

Конец 20 века принес с собой «размывание» границ национальных государств, а значит, на смену индустриальной эпохе приходит постиндустриальное «информационное общество». В таком обществе на первое выходит образование, знания, умения быстро адаптироваться к новым процессам и новым системам ценностей.

Однако, следует иметь в виду, что процессы глобализации и культурных изменений не ведут к формированию единой мировой культуры. Современная культура остается множеством самобытных культур, а значит и своих систем ценностей, которые лежат в основе культуры. Культурные изменения ведут к универсализации, в том числе и базовых ценностей.

Процесс глобализации культуры в настоящее время реализуется в разных формах во всех областях человеческой деятельности: экономической, политической, научной, культурной, спортивной и т.д. При этом наиболее значимые изменения можно наблюдать в самых важных сферах человеческой жизнедеятельности: во-первых, сфере новых технологий и информационных систем; во-вторых, области этнических отношений на планете; в-третьих, процессе развития мировой экономической системы; в-четвертых, демократизации ценностей.

Современный технический прогресс и глобальные политические, экономические и культурные изменения привели к тому, что весь мир стал пронизанным густой сетью коммуникаций. Наша планета озабочена общими глобальными проблемами выживания, а государства и народы, несмотря на противоречия и коренные различия между ними находят способы и средства взаимопонимания и тяготеют к утверждению единой глобальной культуры. В ходе глобализации некоторые идеи и структуры современной жизни распространяются по всему миру, однако, культурные особенности отдельных народов на фоне глобальных процессов приобретают достаточно резкие очертания. Следует помнить, что глобализация не автоматический процесс и не отличается бесконфликтностью. Она таит в себе как новые возможности, так и риски. Прекращение противостояния между Востоком и Западом не привело к установлению стабильного мирового порядка. Процесс глобализации имеет тенденцию к унификации культур, что вызывает потребность в культурном самоутверждении и желание сохранить собственные культурные ценности. Поэтому очень важным является поиск новых форм культурного взаимодействия.

Современные технические достижения существенно расширили межкультурные контакты благодаря новым формам коммуникации. Особенно важную роль в развитии культурного взаимодействия играют новые средства массовой коммуникации. Особая роль в таких средствах принадлежит Интернету. Благодаря Интернету можно облегчить процесс аккультурации. Это можно сделать следующим образом: из сетевой базы необходимо вооружиться знаниями об иной деловой культуре, изучить культурные факторы и особенности. Изучить вербальные и невербальные средства общения иной деловой культуры. Необходимо обращать внимание на особые традиции и обычаи, соблюдение которых поможет иностранцу быть принятым в иную культуру. Надо быть готовым к различным проявлениям межкультурного общения. Иметь соответствующую интеллектуальную базу для того, чтобы принять систему ценностей иной культуры.

Базовые ценности культуры белорусов сложились под воздействием ряда факторов, в основном общецивилизационного характера, которые отразили самые

значительные формы организации совместной жизни белорусов, их ориентиры, идеалы, приоритеты. К доминирующим из этих факторов относятся: геополитическое положение белорусских земель в центре Европы; доминирование коллективных форм социальной жизни; отсутствие традиций самостоятельной правовой государственности; длительное отстранение граждан от реальных рычагов власти, незначительное влияние механизмов самоуправления и самоорганизации населения в жизни общества. Очень важным является то обстоятельство, что на протяжении многих столетий белорусские земли входили в состав различных государственных образований. Длительное и противоречивое влияние данных факторов привело к формированию в Беларуси культуры подданического-активистского типа, которая включает в себя ряд субкультур (авторитарно-патриархальную; авторитарно-бюрократическую и др). Культуре белорусов свойственен патернализм – это убеждение в том, что государство должно заботиться и опекать своих граждан; идеи сильного и справедливого государства; политическая лояльность к принимаемым властями решениям; политический конформизм. К числу наиболее значимых ориентиров и ценностей современных белорусов можно отнести: порядок и стабильность общественной жизни; ориентации на социальную справедливость и социальное равенство; установка на то, что общественные, а зачастую и личные проблемы могут и должны решаться органами государственной власти; коллективизм и т.д. Исходя из изложенного, можно заключить, что в нашем обществе исторически сложился интегративный тип культуры. Белорусский этнос вобрал в себя отдельные элементы восточнославянской, западнославянской, балтской и тюркской культур. Отсюда можно выделить три основных тенденции, характерные для культуры белорусов. К ним относятся: 1) общие тенденции развития духовной культуры, характерные для современной цивилизации в целом; 2) общие признаки, которые характерны для постсоветских стран; 3) те тенденции, которые характерны только для Беларуси.

Особенностью нынешнего этапа развития духовной культуры Республики Беларусь является задача формирования национально-государственного самосознания. После того как в 1991 году прекратил свое существование СССР, было объявлено независимое государство Республика Беларусь, начался сложный и противоречивый период определения самоидентификации белорусов. Под самоидентификацией понимают отнесение человеком себя к какой-либо группе на основе общности культуры, ценностей и т.д. В этой связи приобретают особую значимость такие понятия как культурная идентичность и этническая идентичность, а также этническое самосознание. Культурная идентичность определяется как чувство принадлежности к определенной культуре; этническая идентичность – это этнические представления, которые разделяются членами какой-либо этнической группы, формирующейся в результате осознания общей истории, культуры, традиций, места проживания и государственности. Этническое самосознание включает в себя чувство принадлежности к своему этносу, опирающееся на представления общности истории, культуры, на общепризнанные в данном обществе символы. Формирование рыночных отношений, самостоятельность хозяйственных субъектов создают определенные условия для укоренения ценностей, норм и образцов культуры демократического типа. Однако, изменение типа культуры происходит крайне медленно. Культуре отводится роль формирования ценностно-ориентированной, оптимально организованной и социально-эффективной деятельности.

Она формируется под воздействием: государства; традиций; обычаев; социальных норм; средств массовой информации и т.д. Таким образом, культура является фундаментом на котором могут и должны осуществляться преобразования в различных областях белорусского общества. Это предполагает усвоение людьми новых знаний, идей, норм, ценностей, образцов и моделей поведения. А технологической основе процессов усвоения вполне может быть отведено межкультурной коммуникации, осознание и навыки которой являются составной частью культурологического образования, а, следовательно, и внедрения новой системы ценностей. Ценности принадлежат духовному миру человека, они значимы для человека как разумного существа. Ценности представляют собой глубинный и скрытый от непосредственного взгляда уровень сознания. Ценности выполняют регулятивную функцию в жизнедеятельности индивидов. Они призваны регулировать фактическое положение дел так, чтобы происходящее в той или иной мере соответствовало представлениям человека о должном. Чтобы человек мог всегда выразить свое отношение, свою позицию, свое суждение о происходящем. Ценности являются основанием убеждений, верований, обычаев, ожиданий.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

А.И. ЛЫСЮК, Г.В. ЖУК, М.Г. СОКОЛОВСКАЯ

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Брест, Беларусь

In a given article conducted is the sociological analysis of social self-sensation of the citizens of Widomla rural district (Brest region) through the prism of potential increase of their social activity's performance factor. Particularly, it was very important to find out the attitude of respondents towards the agroecotourism and their possible participation in such activity. The following sociological fact has been discovered: about one third of the respondents stated that they not only take part in solving local problems, but also feel themselves ready to participate in a local initiative group aiming to their solving.

Key words: Local Agends-21, local community, sustainable development, social activity, rural businesses

Успешное устойчивое региональное развитие предполагает не только активную заинтересованность в этом органов государственной власти, но и развитие социальной самодеятельности населения на местном уровне.

Социологические исследования помогают определить степень готовности местных сообществ к социальной самодеятельности и самоорганизации. Социологи Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина изучили социальное мироощущение жителей Видомлянского сельского Совета Брестской области сквозь призму возможного повышения КПД их социальной активности.

Общественная активность любого местного сообщества возможна только тогда, когда будет основываться на значимых и важных для местных жителей потребностях и ценностях, которые, в свою очередь, являются производными из проблем, в наибольшей степени беспокоящих людей.

В результате социологического опроса выяснилось, что наибольшее беспокойство у людей вызывают вопросы социально-экономического блока: рост цен (на это указали 78,3% опрошенных) и нехватка денег (45,0%). Кроме этого, у 43,3% жителей сельского совета вызывает тревогу «состояние здоровья». Обращает на себя внимание то, что определенная часть опрошенных (в совокупности 16,6%) указывают в качестве актуальных на экологические проблемы. Все эти «беспокойства», проблемы могут быть эффективно решены с помощью успешной реализации местной стратегии устойчивого развития.

Основу любой стратегии устойчивого развития, как известно, составляет общественная самодеятельность местного населения. Очевидно, однако, учитывая доминирование в современном белорусском обществе патерналистских настроений, что ее градус традиционно является невысоким. Более того, сама степень социальной активности напрямую зависима от отношения к ее проявлениям органов государственной власти.

Полученные в ходе социологического исследования эмпирические данные рисуют в целом позитивную картину относительно не только общественной активности в данном регионе, но и того уровня поддержки, которую демонстрирует по отношению к ней местная власть, что неудивительно, поскольку на территории сельского совета

достаточно успешно в течение последних лет уже реализуется Местная повестка-21 (МП21). Так, по мнению 35,0% опрошенных, власть их (инициативы) постоянно поддерживает, а 31,7% указали на то, что поддерживает некоторые из них. Только 13,3% респондентов, заявили, что их инициативы органы государственной власти не замечают, а еще 16,7%, что вообще «нет никаких инициатив». В пользу местной власти свидетельствует и тот социологический факт, что никто из местных жителей не указал на то, что она препятствует реализации их инициатив.

Подобная позиция местных властей не может не стимулировать различные формы социального участия. Поэтому совершенно неудивительно, что большинство респондентов (56,7%) отметили факт своего участия в решении местных проблем. Сравним: только 16,7% местных жителей не участвуют в подобной деятельности.

Однако не все в этих ответах выглядит оптимистично. Более детальный анализ форм подобного участия свидетельствует, что они, как правило, инициированы не сами жителями, а местной властью. По итогам социологического опроса на первое место вышли «участие в субботниках» (на это указали 48,3% опрошенных) и «уборка территории» (45,0%), т.е. те формы социальной деятельности, которые, как правило, носят для населения обязательный характер. 18,3% респондентов заявили о своем участии в «проведении праздников/фестивалей», 15,0% – в «организации избирательных кампаний».

Более того, разнообразие самих этих форм «участия» является довольно-таки ограниченным. Так, при ответе местными жителями на открытый вопрос, что же они сами в настоящее время готовы сделать для своей деревни, выяснилось, что основная масса из них (58,3%) затруднилась ответить, у остальных же акцент был сделан на проблематике благоустройства территории – участие в ее уборке, озеленении и т.п. Некоторые (немногие) же респонденты указали и на другие формы своего социального участия – организация сельской усадьбы, занятие малым бизнесом, помощь в организации праздника деревни, ведение разъяснительной работы по преимуществу сельского образа жизни и др.

Тем не менее, очевидно, что если уровень собственной инициативности по решению социальных проблем у местных жителей невысок, то готовность участия в их решении под руководством местной власти достаточно существенна, что логично для сельской местности, где патерналистские настроения традиционно сильны. Тем не менее, свыше трети опрошенных (35,0%) выразили готовность войти в инициативную группу по решению местных проблем, а еще 38,3% затруднились ответить, оставаясь, тем не менее, потенциально открытыми для подобной инициативы.

Подобные цифры, свидетельствующие о высокой степени социальной ответственности жителей Видомлянского сельского совета, в немалой степени являются отражением успешного функционирования на его территории Местной повестки-21. Результаты данного исследования показали, что ее узнаваемость среди местного населения высока, а определенная его часть уже интегрирована в процесс ее реализации. Так, 10,0% заявили о своем участии в реализации МП21, а 13,3% имеют хорошее представление о ее принципах, а еще 25,0% «кое-что о ней слышали».

Успешное развитие местной Стратегии устойчивого развития состоится только в том случае, если помимо государственного, в ней будет широко представлен и частный интерес, в особенности, предпринимательский. В связи с этим принципиальное

значение имеет развитие «на селе» сельского предпринимательства. Результаты социологического опроса свидетельствуют, что на территории данного сельского совета существует благоприятная ценностная среда для его развития, поскольку 96,3% респондентов позитивно отнеслись к возможности развития в сельской местности малого и среднего бизнеса.

Что же касается самой готовности заниматься сельским предпринимательством, то определенно ее высказали 10,0% местных жителей, а еще 30,0% сказали ей «да», но только «при определенных обстоятельствах». Поэтому одной из ключевых задач органов государственной власти является создание для этого благоприятных условий.

Набор частных бизнес-инициатив в сельской местности достаточно ограничен, и, как правило, связан с тремя сферами: (1) фермерство, (2) ремесленные услуги и (3) сельский туризм.

Если фермерство и ремесленные услуги в силу своей специфики являются делом немногих людей, то обслуживание сельских туристов может стать воистину «всенародным делом», включая в себя и фермеров с ремесленниками. Отметим, что рейтинг известности сельского туризма на территории сельского совета высок, несмотря на то, что сам этот сегмент туризма развит на ней слабо. Социологическое исследование показывает, что 70% местных жителей уже слышали что-либо о сельском туризме.

Насколько же сельский туризм может стать составной частью МП21 Видомлянского сельского совета? Ответ на этот вопрос убедительно выражен в оценке местными жителями потенциала развития этого сегмента туризма на территории их проживания. В целом эта оценка свидетельствует о его перспективности для данного региона. В первую очередь это обусловлено, по мнению 61,7% опрошенных, тем, что красивая природа может привлечь туристов в «видомлянские места».

Однако не только природно-эстетический компонент может выступать фактором, стимулирующим развитие в этих краях агроэкотуризма, но и совершенно утилитарные соображения. Так, по мнению 36,7% респондентов, туристов могут привлечь ягодные и грибные места, а еще 25% полагают, что охота и рыбалка. 18,3% убеждены, что в туристическом отношении могут быть привлекательными «культурные достопримечательности», а 15,0% – хорошие сельские усадьбы. Думается, что совершенно недооцененной респондентами оказалась «местная кухня», традиционно привлекающая сельских туристов.

Что же касается той гаммы услуг, которые в состоянии в настоящее время предоставить туристам местные жители, то ее спектр невелик: 32,3% из них заявили о том, что могут предложить приезжим туристам ночлег. 26,6% выразили готовность сопровождать туристов по зеленым маршрутам. 20,0% вызвались организовать для них рыбалку. 18,3% местных жителей проявили готовность обеспечить туристов питанием. Такое же количество опрошенных способны оказывать культурные услуги, т.е. в состоянии порадовать туристов исполнением народных песен. Столь значимые для сельских туристов сувениры в виде ремесленных изделий готовы производить (и продавать) 8,3% опрошенных.

Как уже отмечалось, сельский туризм на территории сельского совета пока еще развит слабо. Поэтому существенное практическое значение имеют предложения местных жителей по его развитию.

Разумеется, сельский туризм нуждается в определенной инфраструктуре. Поэтому совершенно логично, что наибольшее число опрошенных (45,0%) заявили о необходимости создания сельских усадеб. Еще 35,0% респондентов заявили о важности строительства хороших дорог, а 28,3% – построить кафе и рестораны.

При всей значимости сельских усадеб, они сами по себе неспособны удовлетворить весь спектр потребностей туристов. Поэтому, по мнению 36,7% респондентов, принципиальное значение имеет развитие сельского предпринимательства, которое по своей природе сможет адекватно отреагировать на запросы туристов, предоставив соответствующую гамму услуг. Достижение этой цели предполагает, по мнению 31,7% опрошенных, изменение сознания людей, которые должны освоить новые виды деятельности, связанные с туризмом.

В сельском туризме огромное значение имеет природный компонент. В представлении 36,7% респондентов, важно придать сельскому туризму системный, организованный характер, разработав соответствующие «зеленые маршруты». Кроме этого, 33,3% местных жителей ратуют за сохранение природных достопримечательностей (рек, прудов, парков и т.п.).

Современная туристическая деятельность немыслима без рекламно-информационной составляющей. Поэтому совершенно закономерно, что 30,0% опрошенных указали на необходимость улучшения рекламы местных достопримечательностей, а еще 18,3% о важности информирования людей о возможностях участия в агротуристической деятельности.

Интегративным показателем качества жизни в сельской местности является стремление ее жителей или покинуть, либо остаться деревне. С особой силой это утверждение относится к людям, проживающим на территории Видомлянского сельского совета, который расположен в непосредственной близости от областного центра Бреста и города Каменец. Результаты социологического исследования показывают, что в этой местности, к счастью, иммиграционные настроения слабы: только 5,0% местных жителей планируют в ближайшие годы покинуть деревню, а еще 20,0% готовы это сделать «при определенных обстоятельствах». Однозначное «нет» подобному варианту событий высказали 66,7% опрошенных. Успешная реализация МП21 безусловно увеличит их число.

Какой бы хотели видеть свою деревню через 10–15 лет ее жители? И насколько образ «ее желаемого будущего» связан с МП21? Ответы местных жителей на этот вопрос в своем большинстве являются достаточно общими: быть процветающей, красивой, перспективной, с высоким и растущим уровнем жизни, комфортной для проживания, ухоженной, благоустроенной, с современной инфраструктурой и т.п.

У некоторых людей существуют более «приземленные» представления о возможном будущем: они надеются увидеть деревню экологически чистой, с доступом к чистой воде, со спортивным комплексом и бассейном, с красивыми сельскими усадьбами, развитым предпринимательством, хорошими дорогами, с более качественными и разнообразными социальными услугами, с проживанием в ней множества молодых людей, с местностью, которую населяют честные, порядочные и неравнодушные люди. Безусловно, Стратегия устойчивого развития Видомлянского сельского совета предоставляет шанс на достижение этих целей, поскольку позволяет

каждому ее жителю сообща конструктивно и плодотворно потрудиться над реализацией достойного будущего для своей деревни, своего региона, а значит и для своей страны.

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭВРИСТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Малая Н.В.

Белорусский государственный университет, г.Минск, Беларусь

Одной из наиболее важных задач современной системы высшего образования является подготовка высокопрофессиональных специалистов в различных сферах деятельности. Реформа в системе образования предполагает учет всех аспектов учебно-воспитательного комплекса. В этой связи приобретает актуальность корректировка учебного процесса с учетом изменения условий и целей образования, целесообразно уделить особое внимание вопросу создания условий не только для овладения знаниями по специальности, но и для формирования навыков использования полученной информации, умения ее проанализировать, самостоятельно найти новое решение в нестандартных ситуациях. В высшей школе необходимо создавать условия для развития у студента, такого качества, как умением критически осмысливать проблемы, принимать решения из ряда альтернатив на основе творческого поиска.

Приемы и методы, способствующие поиску новых идей и решений, являются предметом изучения эвристики. В общем процессе решения задачи эвристическая деятельность - исходный этап, направленный на осмысление задачи, поиск недостающей для решения информации, определение её внешних и внутренних связей. Таким образом, эвристическая деятельность способствует уяснению, систематизации знаний, необходимых для решения проблемы в рамках отдельной дисциплины.

Преподавателю в данном процессе выполняет важную методологическую функцию - демонстрирует процесс поиска решения и зависимость его результатов от поставленных целей, взаимосвязи элементов решения в форме проблемного изложения. В этом процессе используется не только демонстрация взаимосвязи элементов (шагов) решения, но и *эвристическое обоснование*. Аргументация целесообразности предпринятых действий, указание на наличие многочисленных связей между отдельными положениями закладывает основу для самостоятельного поиска ключевого факта, главного элемента в рассмотрении проблемной ситуации.

Преподавателю не следует ограничиваться лишь передачей конкретного и ограниченного объема знаний по определенному предмету. Целесообразно активизировать познавательный интерес студентов с точки зрения функциональности и практической востребованности предложенного теоретического и практического материала, его критического осмысления. Основные элементы критического анализа предполагают выявление и анализ предположений; проверка фактической точности и логической последовательности материала; учет контекста; изучение альтернатив.

Кроме стандартного, определенного для каждого предмета, объема информации статичного характера, имеется блок не оформленного строго знания в форме эвристических рассуждений (индукция, аналогия). Тем не менее, в процессе обучения уделяется внимание лишь четко оформленному знанию. Дз. Антонио в работе

«Творчество в науке» справедливо отмечает, что по прочтении университетского учебника у студента почти всегда складывается впечатление, что рассматриваемый предмет является законченной главой. Едва ли он найдет там повод для дискуссий и понимание проблем, продолжающих существовать в данной области. Безусловно, что слова М.Планка можно проинтерпретировать применительно и к высшей школе, когда ученый говорил, что не так важно, чему учат в школе, а важно, *как учат...* Функция школы не в том, чтобы дать специальный опыт, а в том, чтобы *выработать последовательное методическое мышление*. Выражая согласие с такой позицией, отметим, что эвристические методы, развивают критическое мышление.

Создание учебных программ по предметам различного профиля с использованием эвристических методов может послужить основой для разработки методических и технологических аспектов преподавания, также расширить границы поиска новых возможностей организации процесса обучения, определить перспективы образовательной политики, ориентированной на повышение культуры мышления и развития творческого потенциала студентов.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВЕЙШИХ ТЕНДЕНЦИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Г.А. Матвеева

Луцкий национальный технический университет

Реалистическое осмысление процессов внутреннего развития современных государств уже невозможно без учёта влияния геополитических факторов и особенностей новейших тенденций глобализации. Практическое понимание проблем функционирования политической системы Украины, сути правовых коллизий, формирования политической культуры и мировоззрения граждан, исследование природы большинства социально-политических конфликтов, качества и направленности трансформационных процессов возможно лишь в контексте системы геополитических влияний.

Различные аспекты внутренней жизни Украины правомерно рассматривать уже как части (объекта и субъекта) глобального мира, поскольку граница между внутренней и внешней политикой государства становится всё более условной. Само понятие национального суверенитета, как права народа распоряжаться своими ресурсами и права правительства проводить независимую политику, на рубеже XX-XXI века для большинства стран мира (кроме наиболее влиятельных и государств с закрытыми политическими системами) приобретает всё более формально-юридическое содержание. Не в последнюю очередь это происходит из-за стремления национальных политических и бизнес-элит поскорее стать частью глобальной элиты, в силу чего отстаивание ими национальных (государственных) интересов оказывается на периферии их деятельности.

Само понятие «глобализация», вошедшее в научное обращение в 1985 году благодаря американскому исследователю Р.Робертсону, несмотря на всю свою популярность, и сегодня является наиболее дискуссионным в общественных науках.

Тем не менее, принимая во внимание противоречивость толкования понятия глобализации специалистами различных общественных дисциплин, невозможно игнорировать само явление глобализации и её последствия.

Как процесс количественного и качественного роста интенсивности взаимосвязи и взаимозависимости между государствами, политических, экономических, правовых, культурных, социальных отношений между странами; размывания географических границ и социокультурных норм – глобализация достигла своего определённого рубежа (предела).

Мировой финансовый кризис, экономическая стагнация, упадок производства, охватившие многие наиболее развитые страны мира, шаткость и непредсказуемость мировых валют, разрастание, углубление противоречий между ведущими геополитическими игроками – изменяют ландшафт самого глобального мира.

Стремительное появление новых экономических и политических центров мира, уже почти непреодолимый кризис модели Европейского союза (что делает уязвимой саму ценность европейской идентичности) подталкивают экспертное сообщество к переосмыслению самой интегральной концепции глобализации и перспектив современного человечества.

Можно предположить, что мир стоит на пороге нового этапа развития, где чрезмерная интернационализация производства, финансовой системы, кризис ценностей «общества потребления» и как следствие – непомерное истощение природных ресурсов, изменение климата, масштабные экологические бедствия, вынудят человечество переоценить свои приоритеты.

Цикличность как одна из универсальных закономерностей развития бытия, позволяет нам предположить, что глобализация как определённый цикл развития человечества, является только одним из этапов истории. Достигнув своего максимума, мировой «мейнстрим» изменит своё направление.

Уже сегодня можно увидеть тенденции возрастания (возвращения) роли государств-наций в международной политике. Цивилизации как субъекты мировой политики (С. Хантингтон) всё-таки являются не очень устойчивыми, внутренне противоречивыми геополитическими структурами, влияние которых пока не стоит недооценивать [1, 20].

Исходя из того, что глобальный мир, под воздействием целого ряда факторов, стремительно меняется, национальным государствам необходимо вовремя адаптироваться к новым условиям и свести к минимуму негативные последствия от снижения позитивного потенциала глобализации.

В этом контексте происходит переосмысление целей, ценностей и сути демократии как системы организации (формирования) и реализации власти, как в западных странах традиционной (старой демократии), так и в государствах новой, посткоммунистической демократии.

Нынешний финансово-экономический кризис перерастает в острые социально-политические конфликты, которые, в свою очередь, обнажают неспособность традиционных институтов демократии (политических партий, парламентских систем) полноценно выполнять функции репрезентации и сбалансирования интересов макросоциальных групп. Как свидетельствуют события в Греции, Кипре, Италии, Украине и т.д., происходит потеря легитимности институтов власти, а избирательное

право уже не выполняет возложенные на него функции. Информационное общество требует новых форм организации политической реальности и предлагает новые способы её конструирования. В данном случае термин «информационное общество» употребляется как аналитическая конструкция, определённая социальная схема.

В политической сфере информационного общества, благодаря новым коммуникационным возможностям, происходит выделение разнообразных меньшинств, которые имеют различные интересы и устремления, что в политике приводит к девальвации принципа демократии – принятия решений большинством на основе консенсуса. Как подчёркивает О. Дацакевская: «Политика становится сферой противостояния групп, каждая из которых, упорно борется за свои узкие, часто временные принципы и идеи» [2, 312]. Усложняется процедура принятия управленческих решений, теряются чёткие ориентиры будущего развития общества, изменяется сущность социальной организации (её центром становится информация), а традиционные демократические институты не успевают за потребностями граждан.

Как известно, один из наиболее ярких адептов глобализации и идеологии либерализма, американский политолог Ф.Фукуяма в своей работе «Конец истории?» ещё в далёком 1990 году провозгласил конец идеологическим противоборствам в связи с торжеством либеральной демократии в мире. Через десять лет в другой работе «Глобализация бесконечна» Ф.Фукуяма подтвердил неизменность своих воззрений на судьбу мира. «Мир интегрируется благодаря развитию технологий, торговле и инновациям, благодаря обмену мнениями, что стимулирует экономический рост и образует фундамент для распространения демократии. Именно эта разновидность прогресса – единственная даёт шанс развития для бедных стран» [3, 36].

В условиях современного глобального финансово-экономического кризиса такие утверждения выглядят уж слишком оптимистическими. Транснациональные корпорации из-за своих неуёмных appetитов в получении прибыли, хищнически используют природные ресурсы, наносят колоссальный ущерб окружающей среде, игнорируют интересы местных общин, продуцируя у жителей мировой периферии стойкое неприятие достижений глобализации.

Разрастание старых, появление новых региональных конфликтов, обострение противоречий между нынешними и потенциальными государствами-лидерами (геополитическими игроками) может ускорит процесс переформатирования всей системы международных отношений. В парадоксальном смысле Ф.Фукуяма может оказаться прав в своём утверждении о конце истории, только, возможно, истории эпохи глобального мира.

Одним из самых негативных последствий глобализации является то, что всё больше проблем политического и социального характера не может быть разрешено как в традиционном политико-правовом поле государственной территориальности, так и политико-правовом контексте международных соглашений или объединений государств. С одной стороны – ответственность за социально-экономическое положение, гарантирование прав и свобод, культурное и образовательное развитие, жизнь и здоровье своих граждан несёт национальное государство. С другой стороны – национальное государство связано целым рядом соглашений, условий и регламентаций с международными институтами и организациями (МВФ, МОТ, ПАСЕ), которые регламентируя порядок принятия решений в тех или иных сферах жизни общества, не

несут никакой ответственности за их последствия. Как показывают нынешние события в Греции, Кипре, Италии, Испании, Португалии даже в рамках Европейского Союза противоречия между национальными и наднациональными властными структурами носят почти непреодолимый характер, что приводит к снижению стабильности государства, кризису управления, разбалансированию и дезинтеграции социальной структуры общества, разрушению экономики страны.

Глобализация разрушает и трансформирует традиционные формы идентичности (этнической, языковой, религиозной, культурной, сословной, личностно-половой...) и присущие им вековые ценности и ориентиры.

Эскалация хаоса и насилия в глобальном политическом пространстве, передел мира в той или иной форме сильнейшими государствами и утверждение их в статусе мировых держав по-новому актуализирует проблему идентичности и национального суверенитета. Поэтому сегодня формируются, в первую очередь, идентичности сопротивления, порождая новые национализмы, сепаратизмы, этнические, религиозные экстремизмы, субкультурные движения, всевозможные явления антиглобализма, что в итоге ведёт и к новым социальным конфликтам.

Исходя из всего вышесказанного необходимо, в первую очередь, несмотря на ту или иную геополитическую архитектуру мира, сделать его более безопасным, гармоничным, где любой человек мог бы найти своё место в жизни и ощущать себя частью единого человечества.

Литература

1. Хантингтон С. Зіткнення цивілізацій// Філософська і соціологічна думка. – 1996. - № 1-2. – С.17-23.
2. Дацаківська О. Політична еліта в теоріях інформаційного суспільства: особливості діяльності і структури// Вісник Львівського університету. Серія філос.-політол. Студії, 2011. Випуск 1.
3. Фукуяма Ф. Глобалізація безконечна// І. – 2000. - № 19.

ТРАНСФОРМАЦІЯ ЕСТЕТИЧЕСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ ИСКУССТВА: ОТ РОМАНТИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ

Л.Е. Медиченко

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Начиная от зарождения культуры и до эпохи романтизма, искусство так или иначе отражало окружающую действительность (в основе принцип мимезиса), «служило» людям и наряду с богословием, философией, наукой воспринималось как вполне лояльный способ изучения и освоения реального мира. Важнейшая задача искусства заключалась в «обогащении» жизни красотой, проникновенностью, новыми «прорывами» мысли и чувства, через которые в душу человека, опутанную тиной повседневности и борьбы, проглянут солнечные лучи «радости жизни» и вызовут порыв ее наибольшей напряженности и полноты.

В эпоху романтизма (первая треть XIX века) искусство возвышается над «реальностью», превращается в особый мир. Возникает проблема двоemiрия - сопоставление и противопоставление реального и изображаемого миров. Причем, реальная действительность, "проза жизни" с их утилитаризмом и бездуховностью

расцениваются как недостойная человека пустая "кажимость", противостоящая подлинному ценностному миру. Романтики провозглашали утверждение идеала как реальности, осуществляемой хотя бы в мечтах. Романтик живет одновременно в двух мирах: «реальном» (где он, чаще всего, маленький человек, скромный, бедный, неуспешный) и воображаемом «виртуальном» мире собственного творчества (где он Бог и Маг). «Реальный» мир воспринимается как нереальный, ложный, а мир воображаемый и творимый – как подлинный. Эта раздвоенность порождает типично романтический конфликт, который трагичен по своей сути.

Искусство эпохи романтизма базируется на принципах абсолютной субъективности и ничем не ограниченной свободы творчества. Внешние обстоятельства не имеют значения для художественной натуры. Главное - внутренний мир человека, ничем не ограниченный порыв творчества. Искусство позволяет человеку вырваться из пошлой суеты, повседневности в храм красоты. Главный интерес - к невоплощенному, лишенному формы. Романтики утверждают культ вечного обновления в мире мыслей и чувств. Красота есть выраженная в конечном бесконечность. Красота в искусстве выше природной. Природа характеризуется тем, что каждое ее создание лишь одно мгновение бывает подлинным совершенством. Напротив, искусство, создавая прекрасные предметы, изымает их из потока времени, придавая им возможность вечного существования [1].

Романтическая тенденция приписывать искусству особую трансцендентную роль сохраняется и развивается на всем протяжении XIX века. Параллельно с этим в искусстве, ориентированном на реалистические традиции, происходит попытка «низвести» искусство на уровень «служения» людям с целью описания, освоения «реальности». Её представителям было свойственно понимание глубокой связи искусства с жизнью, восприятие произведения как памятника определенной эпохи, явления общественного развития, в котором неизбежно находит отражение время. Художественное произведение рассматривалось как культурно-исторический памятник, документирующий жизнь.

Но процесс вторжения «иной реальности искусства» в земную «реальность» уже не остановить. «Иная реальность» – искусство – доминирует, становится стилем и способом жизни (символизм, эстетизм конца XIX века). В конце XIX века акцент был перенесен на выражение личного мировосприятия художника. И уже становятся относительными понятиями «эпоха, культура, связь с жизнью». Творец вовсе не «продукт» общества, он не во власти чужого, а сам по себе. Он продолжает дело бога, его творчество сплетается с творчеством вселенной. Главное – иррациональная сила талантливой личности. Нет направлений, есть только авторы (творцы). Сколько авторов, столько и направлений. Для понимания автора совсем не обязательно знать его эпоху, даже его биографию, важно знать только то, что дает его произведение [2].

Лозунгом понимания модернистского искусства стало освобождение его от какой бы то ни было служебной роли. Старое деление на искусство для искусства и искусство для жизни теряло свой смысл с той точки зрения, которая утверждала принцип «превращения жизни в красоту». Намечалось, таким образом, два момента, из которых первый делал искусство самоцельным, а второй настолько сливал и вливал его в жизнь, что самоцельность искусства претворялась в самоцельность жизни – в новом эстетическом миропонимании. Основной признак модернистского понимания искусства:

«стремление отделить личность поэта, художника от того, что поёт». [3; с.659]. Валерий Брюсов был убежден, что конечная цель искусства – выразить полноту души художника: «Я полагаю, что задачи «нового искусства» - даровать творчеству полную свободу. Попытки установить в новой поэзии незыблемые идеалы и найти общие мерки для оценки – должны погубить ее смысл. То было бы лишь сменой одних уз на новые. Кумир красоты столь же бездушен, как кумир Пользы» [3; с. 672].

Эпоха модернизма утверждала, что «Искусство берет на себя роль Промысла в «гармонизации» творческих сил» [3; с. 685]. Красота стала мыслиться отдельно, как основной признак искусства и объявлялась универсальным средством обращения человечества на истинный путь спасения. Но освобожденная от всяких соотношений с началами этики и практических задач жизни, красота модернистских произведений искусства сосредоточивалась на виртуозности форм.

Но, необходимо отметить, что модернистско-авангардистскому искусству удалось выстроить свою уникальную концепцию эстетики и философии нового искусства. Его представители с различных позиций разрабатывали жизненно важные вопросы о «пересоздании» жизни посредством искусства, о его «теургическом» (т.е. созидающем), «онтологическом» (способном быть «основой мира») и «эсхатологическом» (как средстве спасения человечества от конечной гибели) значениях [2]. Но уже в начале XX века известный критик Ляцкий Е.А. подметил интересный момент миропонимания авангардистского искусства: «Многие софисты нашего времени, прикрываясь «свободой искусства», стали, «с самодовольством резвящихся фавнов, наизнанку вывертывать на полотне и в стихах свое «я», не заботясь о коренном, «вечном» требовании искусства, чтобы изображение этих «я» было общечеловечески интересно» [3; с.686].

Модернистско-авангардистское искусство XX века довело такой способ самовыражения до его логического завершения, выразившегося в формуле «Все сказано». Это повлекло за собой изменение самого понятия «творчество». Постмодернистский творческий процесс не предстает больше актом «сотворения», подобным работе демиурга, когда творец создает некое произведение, самовыражаясь и ориентируясь при этом только на собственное усмотрение. Творчество в XX веке сознательно становится «со-творением», т. е. процессом, в котором читатель становится его равноправным участником, в связи с чем возникают некие игровые формы взаимодействия между автором и читателем через посредство текста.

Со второй половины XX века стали заметны качественные перемены, произошедшие в процессах творчества и восприятия художественных произведений, проявившиеся в сознательной установке на игру между автором и реципиентом посредством текста. Это, прежде всего, признание отчужденного характера творческой деятельности вообще, а в частности, в постмодернизме понимание отчуждения базируется на постулировании оторванности произведения от автора, его личности, его установок и намерений, проявляющихся в тексте. Видение процесса творчества как отчужденной деятельности формирует концепцию «смерти автора». В культуре постмодерна творец заранее осознает всю степень отчужденности своей деятельности от своей природной сущности. Он знает, что в сознании реципиента текст изменится до неузнаваемости, поэтому нет даже смысла пытаться выразить некие свои взгляды, свою

индивидуальность, притязать на единственное «правильное» видение и для этого он нарочито вступает в игровые отношения с читателем через посредство текста [4].

Если до середины XX века произведения искусства были построены на основе принципа мимезиса, то только с сознательным разрушением установки на подражание реальности и вступление в игру с читателем стало возможным говорить об изменении основных форм творчества. Одной из сущностных характеристик постмодернистского творчества является его отказ от идеи мимезиса. Учитывая «исчерпанность» жизнеподобных творческих форм, художник уже не пытается передать в своих произведениях нечто, говорящее об окружающем его мире. Теперь он продуцирует тексты, «скроенные из лоскутков» других текстов, он становится «скриптором», который черпает слова из огромного словаря культуры [5]. Постмодернизм открыто интерактивен. Авангардистской установке на новизну противостоит здесь стремление включить в современное искусство весь опыт мировой художественной культуры путем ее ироничного цитирования. Эстетика постмодернизма разрывает целостность мира на отдельные фрагменты, из которых монтируют некий коллаж, состоящих из разношерстных и разносмысловых кусков. Вместо анализа текста предлагается всматриваться в контекст, идеалом которого служат асимметрия, игра, карнавал.

Неслучайно, что в постмодернизме высокая культура обретает субкультурный статус, а массовая культура выдвигается на место господствующей системы ценностей, задающей жизненные формы и жизненные стили. Поэтому в эпоху постмодернизма современное произведение должно не столько являться товаром, а лишь знаком творчества. Самоутверждаясь в поиске новых, неведомых форм, постмодернисты превратили их в самоцель, в некоего идола. Впрочем, многие художники вообще обходятся без самого произведения, только разыгрывая свой замысел на публике. Все большую популярность приобретают виртуальные выставки и видеoinсталляции. После показа от таких "творений" не остается ничего, кроме фотографий и видеокассет.

Современное искусство поражает прежде всего отсутствием желания нравиться. Чем менее произведения потакают желаниям зрителя, тем лучшими их считает само сообщество. "Мои проекты интересны настолько, - говорит художник Олег Кулик, - насколько они опасны или омерзительны для общества". Изменилась и сама оценка качества произведений и оценка творчества. В начале XX века в дискуссии, развернувшейся вокруг «нового искусства» критик Ю. Айхенвальд утверждал, что эстетика как наука невозможна, т.к. в оценке современного искусства нельзя выработать объективный критерий для отбора материала, нельзя знать, что изучать, о чем говорить. Нет мерил и для определения таланта гения [2]. Постмодернизм нашел такой критерий, ставший мериллом для определения таланта, гения - это величина банковского счета автора.

Подытоживая вышесказанное, хотелось бы представить трансформацию миропонимания искусства от романизма до постмодернизма более наглядно:

Искусство до эпохи романтизма	Модернизм	Постмодернизм
Искусство – зеркало жизни	Искусство ради искусства («чистое искусство»)	Провозглашение лозунга «открытого» искусства, которое

		свободно взаимодействует со всеми старыми и новыми стилями
Основной принцип искусства – подобие жизни (мимезис)	Искусство – это миротворение (творение мира Красоты)	Искусство – иронический коллаж мира
Искусство проникнуто любовью к людям (возвышает человека)	Искусство проникнуто любовью творца к себе (самолюбование творца)	Самоутверждение авторов в поиске новых форм, превращенное в самоцель и доведенное до враждебности к реципиенту. Отсутствие желания нравиться реципиенту (не говоря о желании его возвысить)

Библиография:

1. Кривцун, О. Эстетика. Учебник для гуманитарных вузов и факультетов / О.Кривцун. - М.: Аспект Пресс, 2003. – 447 с.
2. Курс: Литературная критика 90-х годов XIX – начала XX веков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.madrace.ru/istoriya->
3. Ляцкий, Е.А. Вопросы искусства в современных его отражениях / Е.А.Ляцкий // Вестник Европы. – Петербург – Апрель 1907. – 42 том. - Книга 4-я. – С.659-687.
4. Зубарева, А.В. Специфика художественного творчества в культуре постмодернизма: игровой принцип: диссертация ... кандидата философских наук : 24.00.01 / А.В. Зубарева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disserr.com/contents/>
5. Постмодернизм: Энциклопедия / Сост. А.А.Грицанов, М.А.Можейко. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2004. – 1376 с. – (Мир энциклопедий)

ДИНАМИКА И СПЕЦИФИКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ПРЕССЫ НОВОГРУДСКОГО ВОЕВОДСТВА (1933 г.)

Мисиюк В.С.

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Пресса является одним из важнейших национальных институтов. Представить национальную культуру без собственных средств массовой информации невозможно. Газеты оказали огромное влияние на кристаллизацию национального самосознания, становление литературной нормы национального языка и распространение национального движения. Не случайно название одного из этапов истории белорусского национального движения образовано от названия газеты «Наша ніва».

Белорусская национальная пресса Западной Белоруссии находилась в процессе становления. Ее возможности были ограничены. «В сравнении с упомянутыми (еврейской, украинской, немецкой – В.М.), относительно скромной была белорусская пресса, которая почти вся издавалась в Вильно. Не выходила ни одна ежедневная газета, очень немногочисленны были специальные и профессиональные издания.» [3,

345]. Кроме того имело место противодействие со стороны польской администрации. Каждая редакция должна была выслать десять экземпляров газеты в прессодел, где за час решали конфисковать номер или нет [12, 188]. В середине 1920-х годов разного репрессиям подверглись 20 редакций белорусских газет [9, 19]. В комплексе упомянутые факторы, наряду с тяжелым экономическим положением региона, подрывали возможности устойчивого развития прессы. Типичным явлением были газеты-однодневки [9, 19]. В определенный момент сторонники национального движения в Пружанском повете Полесского воеводства отмечали, что в повет не поступала ни одна белорусская газета [10, 5].

Пресса попадала к сельским читателям, зачастую, по бесплатной рассылке и стихийно. Белорусская газета оставалась редкостью, поэтому зачастую их читали «группами по 15-20 человек, иногда целой деревней» [8, 11]. Информационный голод был не единственным фактором, влиявшим на отношение к средствам массовой информации. Большинство крестьян не могли позволить себе подписку. Не всегда могли приобрести газеты в городе. В тоже время бесплатная газета воспринималась как нечто запрещенное и подозрительное. Были примеры, как в д.Долгиново Вилейского повета Виленского воеводства, когда крестьяне, получавшие ранее посредством БСРГ бесплатные газеты, из опасения перед полицией переставали их принимать [5, 4].

При изучении истории белорусского или украинского национальных движений в межвоенной Польше исследователи склонны больше внимания уделять 20-м годам XX столетия. В этот период у национальных партий было значительно больше возможностей свободной агитации, участия в парламентских выборах, наблюдался пик развития просветительских организаций и т.п.. Политика «санации» сильно сказалась на уменьшении активности национальных меньшинств. Тем не менее, материалы 30-х годов важны для понимания особенностей процессов институционализации на территории Западной Белоруссии.

Сложная ситуация, в условиях которой проходило становление западнобелорусской прессы, заставляет обращать пристальное внимание на скупые архивные материалы, посвященные данному вопросу. Как правило, в отчетах поветовой и воеводской администрации об активности национальных меньшинств акцент сделан на деятельности организаций и проводимых ими акциях. Однако, встречаются исключения.

В 1933 году воеводское управление Новогрудского воеводства обратило пристальное внимание на адресатов белорусской и украинской прессы, проживавших в Новогрудском воеводстве. В течении нескольких месяцев им была собрана информация о количестве газет поступивших в отдельные поветы. Для удобства использования в статье данные сведены в таблицу.

Таблица распространения белорусских и украинских газет в поветах Новогрудского воеводства (1933 г.) [6, 12; 6, 123об; 6, 263об; 6, 301; 7, 43; 7, 95; 7,121; 7,151].

	Барановичский	Лидский	Новогрудский	Слонимский	Стопцковский	Несвижский	Щучинский
Декабрь 1932							
Барацьба			4		2		

Сцяг				17			
Сила	4						
Новое слово			22	11	2		
Свит	6				1		
Февраль 1933							
Новое слово	1		13	46	1		2
На прызьбе		8					23
Сила							
Март 1933							
Новое слово	2		31	43	4		
Шлях				5			
Укр.думка	2		6				
Апрель 1933							
Новое слово	2		21	2			
Укр.думка	2		8				
Барацьба			15				
Май 1933							
Барацьба	5	2	21	22	11		
Гарт	1	1	10	10	1		
Нов.слово	1			31			
Июнь 1933							
Барацьба	5	4	79	51	12		2
Гарт	3	-	62	43	1		4
Укр.думка	3		19				
Июль 1933							
Барацьба	1	4	45	14	5		2
Гарт	2	2	11	28	5		4
Бел.газета	1	10	4	10		7	
Укр.думка			15				
Нов.Слово			2				
Август 1933							
Барацьба	3	6		24	5		
Гарт	5	3	6	21	1	3	
Бел.газета	1	5	8	23	4		
Укр.думка			1				
Нов.слово			2				

Сентябрь 1933							
Барацьба	3	6	33	25	5		
Гарт	5	3	35	23			
Бел.газета	25	5	29	17	28		
Нов.слово			2				
Укр.думка			1				

В таблице представлен период, получивший в историографии название «жеста вазимоуважения» [13]. После подписания пакта о ненападении потеплели отношения между СССР и Польшей. В частности, к адресатам стали легально поступать печатный орган ЦК КПЗБ – газета «Барацьба». Печатался он в Берлине. В тройку самых массовых изданий попали «Барацьба», «Гарт», «Беларуская газета». Редактором последней был житель д.Трощицы Жуховичской гмины Столбцовского повета Александр Карпович.

Трощицы были локальным центром национального движения. Здесь проживал инженер Николай Горошко, с которым поддерживал контакт Николаю Воловичу жителю Старый-Свержень гмины Свержень Столбцовского повета. В мае 1933 года к Воловичу и бывшему председателю Окружного совета ТБШ Федору Бычко из Кожева Жиховицкой гмины приезжал упомянутый выше Александр Карпович [7, 128]. Он убеждал своих единомышленников создавать в повете белорусские кооперативы. Существование национальной кооперации соответствовало интересам белорусских редакций. И в более позднее время «белорусские кооперативы подписывают белорусские газеты охотно читаемые членами» [2, 119об.]. В результате кооперативы появились в трех деревнях деревнях Столбцовского повета: Трощицы, Кожево и Скорычи [7, 128].

«Беларуская газета» была относительно крупным изданием, ее тираж составлял 2000 экземпляров, и ярким событием национальной жизни. Под ее началом собрались авторы (М.Василек, Я.Чабор, Прамень, Гранит и др.), поддерживавшие культурную политику проводимую в БССР, в частности реформу правописания, т.н. «наркомовку» [11, 25]. Александр Карпович был руководителем приложения «Літаратурная старонка». Активная общественная и литературно-организационная деятельность Карповича привела к тому, что 8 февраля 1934 года он и часть его сотрудников арестованы [1, 155]. Место ргазеты заняла газета «На рубяжы». Примечательно, что редактировал ее также выходец из Новогрудского воеводства, секретарь клецкого райокма Михаил Букато [1, 155].

Внешнеполитические условия сказались на терпимом отношении польских властей к белорусской прессе. Пик активности национальной прессы в Новогрудском воеводстве пришелся на июнь-июль 1933 года. На общем фоне массовым интересом к белорусским периодическим изданиям выделялись Новогрудский и Слонимский поветы.

Источники:

1. Archiwum akt nowych (AAN) syg.975/36
2. Panstwowy Archiwum w Białymstoku syg.97
3. Paczkowski Andrzej, Prasa//Encyklopedia historii Drugiej Rzeczypospolitej, - Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999. – s.340-345.
4. Государственный архив Брестской области ф.1оп.10д.1281

5. Государственный архив Волынской области ф.46оп.9а.д.201
6. Государственный архив Гродненской области (ГАГО) ф.200оп.2д.12
7. ГАГО ф.200оп.2д.13
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) ф.242оп.1д.99
9. НАРБ ф.242оп.1д.101
10. НАРБ ф.242оп.1д.458
11. НАРБ ф.242оп.1д.463
12. НАРБ ф.242 оп.1д.539
13. І.А.Саламевіч, Беларуская газета//Энцыклапедыя гісторыі Беларусі і: У 6 т. Т. 1. — Мн.: БелЭн, 1993 . - с.370.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.П.МЯДЕЛЬ

*Витебский государственный технологический университет, г. Витебск,
Беларусь*

Развитие и углубление основных тенденций мирового политического процесса придало современному миру совершенно новое качество. В наши дни основой мировой политики уже не являются исключительно отношения между государствами. Процессы глобализации в современном мире приводят к радикальному пересмотру ценностей политики. Это проявляется в повышении статуса гражданского общества и существенном снижении авторитета волевых решений государственной власти. Конкуренция между национальными государствами проявляется, прежде всего, в состязании экономических систем, определяющих критерии конкурентной борьбы. Становится реальностью доминирование экономической рациональности над политической. Поскольку политика не создает материальных ценностей и не обеспечивает экономического роста, а лишь стимулирует его, политическое мышление новой эпохи гораздо острее осознает препятствия, которые бюрократический аппарат традиционно воздвигает на пути экономического роста.

Политический ландшафт современности характеризуется понижением роли традиционных субъектов политики и активизацией новых политических акторов в лице транснациональных корпораций (ТНК), неправительственных международных организаций и международного капитала. Глобализация ведет к заметному укреплению основ международного права, что находит проявление в частичной утрате правового суверенитета государств на своей территории. Территориальный фактор в человеческих интеракциях, который лежит в основе суверенитета государства, утрачивает вследствие глобализации свое традиционное значение, и, соответственно, вместе с этим уменьшает значение государственной власти. Все это создает новые типы идентификации и консолидации населения. Следовательно, основным эффектом глобализации в политической сфере является ослабление государственного суверенитета. Данное обстоятельство существенно влияет на механизмы легитимации политической власти,

что требует от авторитарных политических режимов больших усилий по сохранению автохтонности и изолированности пространства своего воздействия. В то же время очевидны и кризисные явления, вызываемые глобализацией в развитых демократиях. Демократическая легитимность базируется на принципе большинства, реализуемом внутри политического сообщества. Ее условием является наличие «мы-идентичности», автономного решения участников политического сообщества. Глобализация, унифицируя правовые стандарты и ослабляя национально-культурную идентичность обществ, подрывает внутреннюю легитимность этих обществ. С точки зрения трансцендентальной прагматики это влечет за собой далеко идущие последствия. Разрушается нормативный базис языковых игр этих обществ, который может формироваться только на основе социальной и культурной идентичности. Правила этих игр (в политике, праве, этике) формулируются не самими участниками на консенсусно-кооперативной основе, а задаются в определенной степени извне и естественным образом перестают быть разделяемыми всеми членами коммуникативного сообщества. Происходит эрозия норм и ценностей, которая проявляется в сознательном или несознательном саботаже навязываемых норм, дисфункции механизмов общественной солидарности и коммуникации.

Эффект расшатывания общественной нормативной базы особенно заметен в развивающихся странах, которые подвержены особенно сильному влиянию и даже интервенции норм, заимствованных из других обществ. Поскольку эти влияния не могут быть органично интегрированы в автохтонные нормативные миры и не могут восприниматься как легитимные нормы, они имеют одно основное действие – релятивизации и подрыва легитимности существующих норм. Критика оснований жизненного мира рождает неизбежную тревогу, страх, а следовательно агрессию. В долгосрочной перспективе эрозия нормативных представлений обуславливает возможность их внутренней эволюции. Рефлексия заставляет дифференцировать их, оформлять речевым образом, сопрягать с конфликтными представлениями. Этот процесс ведет, в той или иной мере, к нормативному плюрализму. Однако чрезмерно активная интервенция чуждых нормативных миров не производит этого эффекта, не воспринимается как «дополнение» имеющейся картины мира, а лишь как угроза ее разрушения. В этом случае блокируются все возможности синтеза, а чужие нормы воспринимаются как начало морального распада. Такой эффект – один из основных, производимых глобализацией. Унификация производства, потребления, культурных стандартов приводит и к унификации правовых и моральных представлений. Одни автохтонные миры оказываются способными в той или иной мере усвоить интервенцию глобальных нормативных стандартов, другие могут существовать в условиях «двойных стандартов», но есть и такие, которые реагируют на подобные интервенции болезненно и агрессивно. Тем не менее, нельзя считать, что нормативная унификация вследствие

глобализационных процессов является негативным процессом. В развитых обществах она отражает собственную внутреннюю эволюцию этих миров и подрывает демократическую легитимность лишь в той мере, в какой эта легитимность приобретает не узконациональный, а планетарный масштаб. Болезненные эффекты глобализации нормативных установок в развивающихся обществах очевидны, однако и здесь процессы глобализации действуют иначе, чем на изолированные автохтонные миры. Дело в том, что эти общества уже не автохтонны, это, как правило, модернизирующиеся общества, на которые воздействует целый ряд инновационных воздействий и осуществляется массивная нормативная интервенция. Разрушение нормативных миров обусловлено здесь не в меньшей мере внутренними факторами, чем внешними. Так, для африканских племен государственная организация их общества является новой нормативной языковой игрой; таковыми же являются экономическая модернизация, внедрение образования и т.д. Ситуация в развивающихся государствах уже характеризуется значительной степенью нормативного хаоса: аномией государства и анархией, социальной дезинтеграцией и нелегитимностью режимов, коррупцией и высокой преступностью. Подтачивая легитимность авторитарной власти, складывающейся на этой внутренней основе, и ограничивая ее произвол правовыми рамками международных демократических стандартов, глобализация позволяет усилить гражданский контроль внутри этих обществ за действиями власти. Размытие политической идентичности в развивающихся странах является необходимой предпосылкой для того, чтобы на этой почве происходило более активное преобразование политической системы и культуры, для которого иначе потребовались бы другие исторические сроки. То, что в развитых странах ослабляет демократию, в развивающихся странах активно усиливает ее позиции и формирует гражданское общество. Описывая ситуацию в категориях системной теории, можно сказать, что большая открытость систем по отношению друг к другу усиливает давление энтропийных факторов на более организованные системы и, напротив, сдерживает энтропийные процессы в менее организованных системах. Вследствие вызовов глобализации развивающиеся страны вынуждены более интенсивно интегрироваться, обретать политическую идентичность, выстраивать современную демократически легитимную политическую систему. Как один из вариантов ослабления и распада политико-правовых нормативных миров вследствие глобализации можно назвать уже упоминавшийся кризис социального государства. Социальное государство и социальная рыночная экономика – специфически европейская форма концептуализации государственной организации и ее задач. В своей современной форме она сформировалась после второй мировой войны и была наиболее глубоко теоретически разработана в трудах западногерманских ученых и правоведов. Кризис социального государства проявился далеко не только вследствие сокращения налоговых сборов, необходимости снижать социальные затраты ради стимулирования конъюнктуры,

ослабления государственного вмешательства в экономику и т.д. Под сомнение поставлена сама ценность социального государства и необходимость социального договора, на который опирается достигнутый в западных государствах внутренний мир. «Дорогое» социальное государство с трудом может конкурировать с «дешевыми» государствами развивающихся обществ, а также с государствами, построенными по либеральной англо-саксонской модели. Социальное государство, предоставляя дополнительные социальные гарантии, снижает сугубо экономическую мотивацию субъектов рынка и продуцирует внеэкономический, бюрократический этос. Несмотря на распространенную критику континентальной концепции за ослабление адаптационных возможностей, высокую стоимость государства и слабую конкурентоспособность лишь она оказалась способна устранить классовый конфликт в западноевропейских обществах, гомогенизировать их и в убедительной форме реализовать принцип равенства социальных возможностей. Социальность государства усиливает элемент солидарности и благоприятствует развитию социума как реального коммуникативного сообщества на пути большего соответствия идеальному коммуникативному сообществу. Глобализация в значительной степени меняет характер представлений о государстве и его значение как социального института. Мыслить в категориях планетарной этики ответственности означает иметь в виду цели и проблемы, которые трансцендируют пределы компетенции и ответственности национальных государств. Новая ситуация характеризуется тем, что проблема безопасности не является больше исключительной проблемой национальных государств, проблема рационального распределения и расходования земных ресурсов выходит за пределы их компетенции. Вместе с тем, государство остается основным субъектом, который способен принимать на себя политическую ответственность и действовать согласно ей. Государство остается институтом, который обладает монополией на легитимное насилие и способен осуществлять реальные меры по обеспечению безопасности своих граждан. С этой точки зрения очевиден ущерб, который приносит авторитету государства глобализация, сокращая арсеналы его реагирования. Преступность и терроризм, принимая международный масштаб, становятся для отдельного государства почти неуязвимыми. Следуя задаваемым правилам игры, государства начинают соревноваться за улучшение конкурентных условий на местах, сокращают налоговое бремя, социальные расходы, бюрократический аппарат. Сокращение государственных расходов вытекает из политики дерегулирования и либерализации рынков, хотя глобализация предъявляет требование к увеличению социальных услуг государства. Утрата государственной властью своего священного статуса не обязательно ведет к потере управляемости общества; она может быть вызвана увеличением степени его самоуправляемости. Ограничение суверенитета государства может быть следствием повышения суверенитета личности. Ослабление легитимности демократических государств может быть следствием роста легитимности демократии во всем мире. В новом мировом

политическом порядке страны все более осознают себя частями единой конфедерации. Конфедерация как форма не отменяет политического суверенитета государств, но создает для них общее правовое пространство и предпосылки для более эффективной кооперации и мирного сосуществования.

Новой и активно обсуждаемой проблемой является право на гуманитарную интервенцию со стороны международного сообщества. Понятие гуманитарной интервенции ясно маркирует процесс радикального изменения ценностного фундамента международной политики. Наряду с незыблемым в течении столетий правом на защиту национального суверенитета в XX в. выросло право на защиту прав человека. При этом, если принцип защиты суверенитета воплощал мышление в категориях системной рациональности, то принцип защиты прав личности подчиняет последний императиву этического разума. Конструкция правового порядка мирового гражданства призвана снять противоречие между ними. Оба принципа должны быть не противопоставлены друг другу, а дополнять друг друга. Сохраняя значение защиты национального суверенитета как начала, государства должны ориентировать ее на универсальную ценность и регулятивный принцип защиты человеческого достоинства. Правовая реальность международных соглашений обретает благодаря глобализации контуры санкций, и уже не только экономических санкций ведущих государств, но военных санкций мирового сообщества. Нарушение универсальных прав человека легитимирует вмешательство международного сообщества, а военный перевес международного сообщества по отношению к отдельным государствам с авторитарными режимами сегодня настолько подавляющ, что не вызывает никаких препятствий его осуществление в рамках «полицейского контроля». Вопрос о гуманитарной интервенции затрагивает сложную проблему связи международной политики развития (по отношению к странам третьего мира) и национальной политики интересов в эпоху глобализации. Политика развития, целью которой провозглашается модернизация и приближение развивающихся стран к уровню, достигнутому развитыми странами, ориентирована на движение к идеалу совершенного коммуникативного сообщества. Она ставит задачу опосредования интересов всеобщего и собственного развития, которая до сих пор не имеет удовлетворительного разрешения. Пока в определении форм и правил организации нового мирового порядка не будут участвовать сами страны третьего мира, этот порядок не станет легитимным и моральным.

АРХИВНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН В ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СЕТИ

В.В. Надольская

Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина

В последнее десятилетие XX века информационно-коммуникационные технологии стали одним из важнейших факторов, влияющих на развитие общества. Процесс формирования информационного общества, в котором ведущая роль отводится системам сбора, хранения, обработки и распространения информации, охватывает и архивную отрасль. Важным заданием архивистов в сфере информатизации архивного дела стало действенное участие в формировании полноценного информационного пространства, включение национальной архивной информации в состав мировых информационных сетей, создание высокосервисной среды взаимодействия с широким кругом пользователей. Возможности обеспечения свободного распространения архивной информации, равного и свободного доступа к ней лежат только в сфере развития новейших информационных и коммуникационных технологий и широкого их использования.

Учитывая мировой опыт, в качестве главной формы обеспечения выхода архивов в глобальное информационное пространство архивные службы постсоветских стран использовали создание официальных веб-сайтов. Архивное сайтостроение на постсоветском пространстве было начато в 1999 г. В июне в сети был выставлен первый вариант сайта «Архивы Беларуси». Сайты стран Балтии и Украины появились в 2000 г., первая версия сайта «Архивы России» была создана в 2001 г. [1, с. 79]. На сегодняшний день только Республика Молдова, Республика Таджикистан и Туркменистан не представлены сайтами своих архивных служб или национальных архивов в Интернете.

В большинстве стран созданы сайты, дающие информацию о развитии архивного дела в целом. Это сайты «Архивы Беларуси», «Государственные архивы Грузии», «Государственные архивы Кыргызской Республики», «Архивы России», «Архивы Латвии», «Архивы Узбекистана», «Архивы Украины». Отдельные страны представлены сайтами органов управления архивным делом – Национальное архивное управление Республики Азербайджан, Комитет информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан, Архивный департамент Литвы. Информация о документах, входящих в состав государственных архивных фондов, размещена на сайтах Национальных архивов (Армения и Эстония), образованных в результате реорганизации сети советских архивных учреждений.

Структура архивных сайтов постсоветских государств имеет много общего. Они содержат информацию о руководящих органах управления архивным делом (личный состав, структура, перечень подведомственных организаций), краткую историю их образования и деятельности. В соответствующих разделах сайтов размещаются также законодательные и нормативные документы, регламентирующие работу органов исполнительной власти, их текущие планы работы, годовые отчеты. Пользователям предоставляется возможность обращения к архивным службам и заполнения электронных форм запросов для получения необходимой информации.

Отдельный раздел сайтов посвящен архивному законодательству. В него включены тексты законодательных и нормативно-правовых актов по архивному делу (законы, указы Президента, постановления и распоряжения правительства, [правила, инструкции, перечни](#), <http://www.rusarchives.ru/lows/list.shtml> - 7 регламенты, ведомственные акты и др.). Сайты знакомят с государственными целевыми программами, содержащими мероприятия по развитию архивного дела. Здесь размещены как утратившие силу, так и действующие акты, проекты документов.

В контенте архивных сайтов (разделов) самое востребованное пользователями и самое мощное, по крайней мере потенциально, направление – публикация научно-справочного аппарата к архивным документам. Пользователь потенциально получает возможность решить, посещать ли архив, и даже – нужно ли ехать в другой город или страну для работы с архивными документами [2]. На сайтах база архивных справочников, предназначенных для поиска информации об архивных фондах и (или) архивных документах, постоянно расширяется. Это межархивные справочники, реестры описей, архивные описи, каталоги, обзоры, перечни. На сайтах размещаются каталоги и базы данных on-line, ссылки на справочно-информационные публикации в Интернете, электронные архивы.

Важной составной сайта «Архивы России» стала размещенная с декабря 2011 г. текстовая версия Центрального фондового каталога (ЦФК). Основное предназначение ЦФК, как разработанного по заказу Федерального архивного агентства программного комплекса, – представление пользователям информации об архивных фондах, хранящихся во всех федеральных архивах, государственных и муниципальных архивах субъектов Российской Федерации. Информация ЦФК постепенно дополняется и обновляется за счет включения в его состав сведений, получаемых от федеральных архивов, а также из субъектов Российской Федерации. Состоянием на 08.04.2013 г. база ЦФК содержала данные 346865 фондов [3].

Информационный ресурс для предоставления на базе современных телекоммуникационных технологий прямого и открытого доступа пользователей к описаниям архивных фондов государственных архивов создан и в Республике Беларусь. На сайте «Архивы Беларуси» представлена поисковая система «Фондовый каталог государственных архивов», позволяющая осуществлять многоаспектный поиск информации в базе данных и получить сведения о содержании и месте хранения фондов по архивам, которые включены в систему государственных архивных учреждений Республики Беларусь [4]. Поисковые системы по фондам, размещенные на архивных сайтах России и Беларуси, положительно отличаются от подобных ресурсов других постсоветских стран.

В последние два десятилетия архивы независимых государств проводят кропотливую работу по рассекречиванию, преданию огласке и изучению значительных массивов документов, которые в советское время хранились в архивах КПСС, спецслужб, в фондах государственных архивов, снятию ограничений доступа к не менее значительным документальным массивам. Ее результаты нашли свое отражение и на архивных сайтах. Ввиду значимости этого вопроса архивные службы России и Украины посвятили ему отдельные разделы своих архивных порталов. В частности, на российском сайте размещены выпуски издаваемого с 1998 г. «Бюллетеня рассекреченных документов федеральных государственных архивов». На украинском сайте представлены: нормативные документы, отчетная информация, реестры рассекреченных фондов.

Большинство архивных сайтов постсоветских стран включают раздел, раскрывающий существующую систему государственных архивных учреждений. Он содержит перечень архивов и архивных учреждений страны. Предоставляется возможность перехода непосредственно к странице каждого учреждения, подающей

сведения об истории архива, его фондах, научно-справочном аппарате, межфондовых и фондовых указателях, информацию научно-справочной библиотеки и библиографию.

Важным ресурсом сайтов стали также указатели содержания и избранные материалы отраслевых периодических изданий. В отличие от большинства архивных сайтов постсоветских стран, на официальном веб-портале Укргосархива представлены полнотекстовые электронные версии журналов «Архивы Украины», «Вестник Государственной архивной службы Украины», «Студии по архивному делу и документоведению». Разделы сайтов, посвященные изданиям и публикациям, включают также информацию о материалах научных конференций, сборниках научных трудов, публикациях документов, тематических разработках, справочниках, словарях, учебниках и пособиях. Пользователи могут *on-line* ознакомиться с электронными изданиями.

Отдельная рубрика сайта «Архивы России» рассказывает о такой важной форме работы архивных учреждений, как проведение документальных выставок (включая пресс-релизы, фото- и видеорепортажи, иллюстрированные каталоги и электронные версии буклетов). Выдающимся личностям, историческим датам и событиям в стране посвящаются специальные юбилейные рубрики сайта «Архивы Беларуси». На украинском архивном сайте эти проблемы раскрываются с помощью документальных выставок *on-line*.

Большое внимание архивные службы независимых государств уделяют международному сотрудничеству в области использования архивных документов, интеграции архивов в мировое архивное сообщество. Это подтверждают размещенные на многих сайтах списки стран, с которыми заключены соглашения о сотрудничестве в области архивного дела, планы совместных действий, информация о деятельности международных организаций архивистов, совместных международных комиссий, официальных визитах и др. Особенно широко и разнообразно международные связи в этой сфере представлены на сайте «Архивы Украины».

На архивных сайтах Беларуси, России, Украины нашли также освещение вопросы организационного образования в архивной и документоведческой сфере, последипломной подготовки архивистов. Здесь можно найти информацию об учебных заведениях, в которых осуществляется подготовка специалистов историко-архивоведческого и документоведческого профиля.

Главные страницы архивных сайтов содержат актуальную оперативную информацию, а именно: ежедневные новости и анонсы, хронику текущих событий, статистические данные, полезные ссылки, отдельные энциклопедические проекты; генеалогические ресурсы, методические документы.

Некоторые веб-сайты дополнительно предоставляют информацию об услугах, предлагаемых тем или иным учреждением, в частности относительно генеалогических поисков. Почти все сайты имеют отдельные веб-страницы под названием «Карта сайта», что существенно облегчает ориентирование пользователя в массивах информации. За последние годы на архивных сайтах размещен огромный и разнообразный материал, растет интерактивное взаимодействие архивов с пользователями сайтов.

Архивные сайты постсоветских стран являются типичным примером «вертикального», или тематического, ресурса, попав на который пользователь может получить почти всю необходимую ему информацию по этой предметной области.

Информация на веб-сайтах размещается на национальных языках (за исключением Беларуси, Кыргызской Республики, где использован русский язык). Ряд стран (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Латвия, Литва, Казахстан, Россия, Эстония, Украина) используют также в качестве универсального английский язык. Армения, Латвия, Казахстан, Украина имеют и русскоязычную версию. Другие версии по сравнению с выполненной на национальном языке обычно сокращены. Только на русском языке подается информация на архивных сайтах Кыргызской Республики и Узбекистана. Архивные сайты являются полностью бесплатными.

В разных странах уровень организации сайтов имеет свои отличия. Он зависит от основного назначения справочной системы, от информационного потенциала государства и поддержки им архивной отрасли, концепции развития сайтов, наличия высококвалифицированных специалистов в этой сфере. В целом наиболее разработанными являются архивные информационные ресурсы таких стран, как Беларусь, Россия, Латвия, Украина.

Продолжает внедряться в жизнь программа создания Интернет-ресурсов каждым из государственных архивов, входящих в архивную сеть. В Украине она полностью завершена, все государственные архивы имеют современные сайты. Росархив, единственный орган управления архивными учреждениями, разработавший в 2001 г. методическое пособие «Рекомендации по созданию архивного сайта в Интернет» [5]. В нем освещаются вопросы информационного наполнения архивного сайта, его создания и поддержки, размещения в Интернете, формирования концепции и дизайна сайта. Названные рекомендации составили базовую структуру большинства российских региональных архивных сайтов. По состоянию на 01.01.2012 г. только 10 из 83 субъектов Российской Федерации не были представлены в Сети самостоятельными отдельными сайтами (отдельные архивные управления, департаменты доступны в сети в виде веб-страниц на информационных порталах органов государственной власти соответствующих субъектов РФ) [6].

Архивный сайт можно условно назвать новым видом архивного справочника – комплексным электронным справочником оперативного характера. Возможность такого справочника достаточно широка: он может включать описательную (сообщения, хроника, обзоры и т.п.), библиографическую и археографическую (каталоги, указатели, списки, перечни), эдиционно-текстовую (публикации источников и научных ресурсов), изобразительную (в том числе кинофоторесурсы) информацию, базы данных и т.д. [7, с. 122].

Выход архивов в сеть Интернет способствует активизации использования ретроспективной информации, повышению интереса к архивам. Архивные сайты – не просто удобное средство межархивной коммуникации, но и средство популяризации, способное продемонстрировать документальные богатства страны любому гражданину, сформировать правильное отношение общества к архивам и исполняемым ими функциям. Позитивный имидж архивов у граждан и общества. Статистика пользования архивными сайтами свидетельствует о неуклонном росте интереса пользователей

каршивной информации (например, портал Укргосархива ежегодно посещает около 1 млн. виртуальных пользователей).

Архивные сайты играют важную роль и в повседневной работе самих архивистов, в профессиональном информационном обмене внутри архивного сообщества. Они помогают обмениваться опытом и упрощают межорганизационные, межличностные коммуникации. Публикация методических и нормативных документов, актуальной контактной информации различных архивных учреждений, информационных писем от организаторов научных конференций, текстов научных статей, описаний различных архивных проектов – все это превращает архивные сайты в надежный инструмент повседневной работы архивиста.

В современных условиях официальные архивные сайты являются не просто мощным сегментом электронных информационных ресурсов независимых государств, но и реальным шагом на пути формирования постсоветских странах информационного общества. Использование информационных технологий открывает также перед архивами большие возможности для интеграции в складывающееся международное информационное пространство, для интенсификации сотрудничества.

Вместе с тем важной задачей на ближайшую перспективу является обеспечение своевременной актуализации информационной составляющей национальных архивных веб-сайтов, расширение их функциональных возможностей, усовершенствование информационного наполнения, расширение перечня предоставляемых пользователям услуг, популяризация архивных сайтов в собственных странах и за их пределами.

Список литературы

1. Носевич, В. Сайт «Архивы Беларуси»: опыт создания и перспективы развития // Архівы і справаводства. – 2003. – № 2 (26). – С. 79–86.
2. Боброва, Е.В. Архивы via Интернет // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/bob31.html>. – Дата доступа: 38.03.2013.
3. Архивный фонд Российской Федерации. Центральный фондовый каталог [Электронный ресурс] / Архивы России. – Режим доступа: <http://cfc.rusarchives.ru/CFC-search/>. – Дата доступа: 02.04.2013.
4. Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Архивы Беларуси. – Режим доступа: <http://fk.archives.gov.by/about/>. – Дата доступа: 05.04.2013.
5. Рекомендации по созданию архивного сайта в Интернет. Приложение к письму Росархива от 17.05.2001 г. [Электронный ресурс] / Архивы России. – Режим доступа: <http://rusarchives.ru/methodics/sait.shtml>. – Дата доступа: 010.04.2013.
6. Гибадуллина, Р.Н. Сравнительный обзор сайтов архивных служб субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/3181-2012-06-28-17-53-44>. – Дата доступа: 30.03.2013.
7. Кисельова, А. Веб-сайт Державного комітету архівів України: історія, реалії, перспективи // Архіви України. – 2003. – № 4–6. – С. 122–129.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

В.И.Наумова

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

«Мне кажется, что в определенном смысле мы сотворили нового человека. Мы создала тип ребенка, который настолько подвержен воздействию СМИ, что к двенадцати годам он потерян для своих родителей.» (Дэвид Боуи, Melody Maker, Лондон, 22 января 1972 г.).[1.С. 23] Эту фразу я прочитала в работе Дж. Брайант, С. Томпсон «Основы воздействия СМИ» это, на мой взгляд, одна из самых серьезных работ, посвященных влиянию СМИ на человека. Данное высказывание Д. Боуи, хоть и произнесено более 40 лет назад, полностью созвучно с теми переживаниями и тревогами, которые испытываю я сегодня, как мать и как преподаватель высшей школы, поскольку постоянно сталкиваясь, и на работе и дома, с молодежью и подростками наблюдаю сильнейшее влияние средств массовой информации на мировоззрение воспитание и жизненные ориентиры подрастающего поколения.

В самом деле, мы живем в очень интересную эпоху, которую современные исследователи называют по-разному. Для одних это период развития "постиндустриального общества", для других это "информационная эпоха", кто-то определяет ее как "ситуацию постмодерна", кто-то говорит о "глобализации".

Вопросами влияния культуры в том числе и СМИ на сознание людей в свое время занимались ряд таких известных философов как: Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассет, Д. Соссюр и многие другие. В России эту проблему поднимали М. Бахтин, Л. Выготский, Ю. Лотман. Но и без всех этих громких имен можно с уверенностью сказать, что современный мир сегодня переживает этап кардинальной трансформации социального, культурного, информационного устройства общественных отношений. И в этом мире наиболее мобильной частью социума, является молодежь, и влияние СМИ на эту часть общества сегодня уже и не требует доказательств. Сегодня мы практически не найдем человека, особенно среди молодого поколения, который бы не смотрел телевизор, не читал модных глянцевого журналов с их навязанными концепциями вкуса и «прекрасного», не блуждал бы по бескрайним просторам Интернет-пространства.

Последние десятилетия ознаменовались стремительным развитием новых коммуникационных технологий. Электронная почта, Интернет, цифровое телевидение прочно вошли в нашу жизнь. Сегодня объем информации, доступный каждому члену общества, возрастает во много раз и современные СМИ в стали идеальным средством влияния. Причём объектом этого влияния может оказаться как отдельный человек, так и группа людей, и общество в целом.

Телевидение было изобретено как техническое средство, позволяющее видеть на расстоянии, видеть за пределами естественных возможностей человеческого глаза. Способность телекамеры показывать событие в момент его свершения ни для кого не представляет секрета, более того, именно эти качества телевизионной информации - ее визуальность, достоверность и предельная оперативность - вызвали широкое распространение телевидения. С помощью маленького телеэкрана люди получают

доступ к таким произведениям культуры, которые удалены от них не только в пространстве, но и во времени. С помощью телекамеры мы попадаем и в музейный зал, и на лекцию ученого, и на концерт виртуоза-исполнителя, и в театральные залы. Сегодня с первых лет своей жизни ребенок попадает в информационное поле, создаваемое сетью массовых коммуникаций, которые включают все виды средств массовой информации. В связи с этим возникает проблема взаимовлияния информационной среды (в частности телевидения как ее важнейшего компонента) и структуры ценностных ориентаций подростков.

Влияние телевидения на многие аспекты повседневности, в частности на формирование эстетических вкусов и представлений, определяется во многом тем, что в отличие от других видов масс медиа оно представляет собой часть домашней обстановки. Наиболее сильный эффект телевидения, кроме его содержательной стороны - это его всегда доступное, ставшее привычным присутствие в каждом доме, его способность свести сотни миллионов граждан до уровня пассивных зрителей в течение большей части их жизни. Сегодня телевидение сводит до минимума личностные взаимодействия внутри семьи и сообщества. Один источник информации может передавать имиджи и точки зрения непосредственно миллионам умов, затрудняя для людей отделение реального от нереального, умиротворяя и мобилизуя их, притупляя их воображение и критические суждения, понижая вкус к разумному публичному и частному дискурсу.

Наиболее сильную нагрузку испытывает детская психика, психика ребенка, подростка, молодежи. Связано подобное с тем, что психологический барьер восприятия информации у детей и юношества только формируется и поэтому почти любая информация из внешнего мира непосредственно воздействует на психику ребенка.[2.С.38] Информация, преподносимая средствами массовой коммуникации (различными ее компонентами, как-то: гляцевые журналы (особенно подростковые; хотя они фактически дублируют модели, заданные взрослыми журналами подобной направленности), телевидение (различные ток-шоу, или "Дом-2", например, являющаяся исключительно вражеской передачей, потому как закладывает негативные модели поведения в подсознание аудитории: подростков и молодежи) воспринимается молодежью как официально принятый и, что самое важное, правильный стереотип поведения. И можно говорить наверняка, что в последующем, при возникновении схожих ситуаций уже в жизни самого индивида, смотревшего подобные передачи, он будет бессознательно мыслить и совершать поступки в русле установок, заложенных ранее в его подсознание. И много тут не дано. Такой негатив становится заметен или после, когда в жизни подросток начинает демонстрировать поведение, смоделированное ранее в результате просмотра ТВ. Так психолог Миланского университета Э. Бароло отмечал, что «информация, поступающая в сознание в виде зримых образов, непосредственно и без критического анализа просачивается в самые потайные уголки нашей психики. Школа неизбежно сталкивается здесь с двойной трудностью: она и безоружна перед новыми методами влияния на интеллект, и неспособна компенсировать некритичное, навязчивое преподнесение информации»[3.].

Прослеживая негативную роль воздействия СМК и СМИ на подсознание ребенка, подростка и молодежи, следовало бы обратить внимание на такую важную деталь, как подача материалов СМИ в виде готовых схем, шаблонов. В результате чего мозг

индивида любого возраста как бы отучается лишний раз думать. И такой индивид бессознательно ждет, что ему будет преподнесена готовая информация, без необходимости совершения над такой информацией какого-либо анализа. Такой анализ становится не нужен как раз потому, что о том, как надо реагировать, индивиду покажут сами представители СМИ.

Особое беспокойство вызывает факт воздействия современных средств массовой информации на молодое поколение. То, что оно, это воздействие, сегодня во многом негативно, уже не оспаривает никто. Это подтверждается и существующими исследованиями и в целом ситуацией в обществе. Волна насилия, захлестнувшая общество, рост немотивированной агрессии, разрушение традиционных общечеловеческих ценностей, отсутствие у молодежи нравственных ориентиров, духовных лидеров, снижение порога чувствительности - все это не в последнюю очередь обусловлено современным состоянием средств массовой коммуникации.

Социальные, нравственные качества молодёжи формируются по образу и подобию всего того, что они слышат и видят, сознают и переживают, погружаясь в конкретную социально-культурную среду. Поэтому одной из острых проблем в современном мире является нравственное и духовное воспитание молодёжи на фоне интенсивного развития средств массовой информации, которые, к нашему общему сожалению, не всегда представляют человеку лучшие образцы массовой культуры.

В докладе Всемирной организации здравоохранения «О состоянии здравоохранения в мире в 2001 г. Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда» приведены данные, указывающие на то, что СМИ оказывают воздействие на уровень насилия и интерес к порнографии. И не последнюю роль в этой области играет современное телевидение. В частности, данные из исследования HBSC Всемирной организации здравоохранения показали, что в среднем более четверти (26%) подростков в возрасте 11- 15 лет по всей Европе смотрят телевизор четыре и более часов в будние дни, а в выходные эта цифра возрастает до 45%. Причем странами – «чемпионами» в этой области стали - Эстония, Латвия, Литва и Украина. Я думаю, что Беларусь не попала в этот список только потому, что ВОЗ по этому вопросу не проводила мониторинг по нашей стране. Поэтому мне кажется, что небольшая таблица, представленная ВОЗ по этим странам будет актуальна и для нас.

Таблица 1. Просмотр ТВ по 4 часа или более в будние дни, по полу, HBSC средние международные данные [4.]

Возраст	Мальчики (%)	Девочки (%)
11	26,5	22,1
13	30,5	27,2
15	28,0	23,4

За последние 40 лет в мире было проведено более 1000 исследований, посвященных влиянию телевидения и кинематографа на детей. Исследования проводились во многих странах мира, среди мальчиков и девочек, принадлежащих к различным расам, национальностям и социальным группам. Тем не менее, результаты исследований были практически идентичны: агрессия на экране делает детей более

агрессивными по отношению к окружающим их людям, животным и к неодушевленным предметам.

Так Американская Академия Педиатрии в 2004 году опубликовала четыре фундаментальных вывода из этих исследований [4.].

Во-первых, дети, которые смотрят много передач, содержащих сцены насилия, воспринимают насилие, как легитимный способ разрешения конфликтов.

Во-вторых, просмотр сцен насилия делает человека более беззащитным к насилию в реальной жизни.

В-третьих, чем больше ребенок видит сцен насилия на экране, тем больше шансов, что он станет жертвой насилия.

В-четвертых, если ребенок отдает предпочтение просмотру телепрограмм, содержащих сцены насилия, существует значительно большая вероятность, что он вырастет агрессивным человеком и даже может совершить преступление[4.].

После отмены цензуры в средствах массовой информации, случившейся на рубеже 90-х годов XX века, в бывших странах Советского Союза на наших телеэкранах стали демонстрироваться тысячи российских и зарубежных произведений, содержащих эпизоды насилия. Частым показом проявлений насилия и жестокости СМИ способствуют формированию криминальной субкультуры, отрицательно влияющей на личность подростков и молодежи. Так, в частности А.В. Федоров в своей статье «Насилие на экране» отмечает, что «насилие, демонстрируемое с экранов ТВ, связано с коммерциализацией телевидения и отмены государственной цензуры. Сценами насилия иной раз заменяют слабый сюжет той или иной картины, ну и, кроме того, сцены насилия оказывают воздействие сразу на подсознание, потому как происходит воздействие на чувства, а не на разум (разум - сознание). Подобным образом (демонстрацией секса, насилия) манипуляторы от власти посредством средств массовой коммуникации фактически уничтожают генофонд нации. Происходит еще большая деградация общества через деградацию подрастающего поколения, у представителей которых нарушаются способности адекватно воспринимать реальность» [5 .С. 145.].

В своей монографии «Права ребенка и проблема насилия на российском экране» он также приводит интересную таблицу анализа российских фильмов, выпущенных с 1990 по 2003 г., на предмет присутствия в них сцен насилия — драк, избиений, убийств, казней, изнасилований, изображения человеческой смерти в результате войн, катастроф и стихийных бедствий и т.д. Приведу данную таблицу полностью, т.к. большая часть данных фильмов шла и идет и на наших экранах.

Таблица 2. Изображение насилия в российских фильмах 90-х годов XX века и начала XXI века

Годы:	Количество полнометражных фильмов:	Количество фильмов со сценами насилия:	Количество фильмов со сценами насилия (в процентах):
1990	300	88	29,3%
1991	213	102	47,9%
1992*	189 (166 + 23)	79	41,8%

1993	161 (146 + 15)	65	40,4%
1994	97 (83 +14)	28	28,9%
1995	67 (58+9)	29	43,3%
1996	54 (42+12)	12	22,2%
1997	64 (43+21)	17	26,6%
1998	79 (58+21)	18	22,8%
1999	74 (43+32)	22	29,7%
2000	88 (46+42)	22	25,0%
2001	155 (59+96)	36	23,2%
2002	156 (61+95)	21	13,5%
2003	147 (75+72)	38	25,8%
Итого:	1844	577	31,3%

*в 1992-2003 годах списки включают также полнометражные игровые видео и телефильмы и сериалы.

Доля картин, содержащих сцены насилия, впечатляет: в среднем она составляет около 32% всей российской кинопродукции за рассматриваемый период [6. С. 21]. Многие из этих фильмов нам хорошо известны, это и «Бандитский Петербург», «Улицы разбитых фонарей», «Бригада» и многие другие. Более того, многие из них стали культовыми по ним сегодня пишутся множественные продолжения, чего стоят всем известные «Менты», которых уже сегодня больше десяти частей. Приведу лишь небольшой список тех российских боевиков и детективов, которые так популярны сегодня на наших экранах: «Секретные поручения», «Опасная комбинация», «Генеральская внучка» («Генеральская внучка-2»), «Чужой район» (1 и 2), «Криминальный отдел», «Лесник» (несколько частей), «Ты не один», «Профессионалы», «Живая мишень», «Персона нон грата», «В зоне риска» и т.д., их можно перечислять очень долго.

Современное телевидение и кино формируют в психике подростка определенные устойчивые механизмы, в соответствии с которыми на ту или иную жизненную ситуацию он уже будет реагировать в соответствии с теми установками, которые оказались у него сформированы посредством просмотра телепередач и кинофильмов. Весьма важные факты приводит по этому поводу в своей статье «Насилие в фильмах: катарсис или мимесис?» доктор социологических наук, старший преподаватель МГИМО МИД РФ К.А. Тарасов: «коммерческое кино сознательно и методично, с дьявольской изощренностью устраивает для зрителя ловушки на экране». Он также описывает «пять типов последствий восприятия экранного насилия и четыре концепции, объясняющие их[7.]».

Первый тип - катарсис. В его основе лежит представление о том, что неудачи индивида в повседневной жизни вызывают у него состояние фрустрации и развивающееся отсюда агрессивное поведение. Если оно не реализуется через восприятие соответствующих героев популярной культуры, то может проявиться в антисоциальном поведении.

Второй тип последствий - формирование готовности к агрессивным действиям. Подобная связь получила свое отражение в "теории стимулирующего воздействия". Имеется в виду установка на агрессивное поведение, происходящая в результате, с одной стороны, возбуждения зрителя от сцен насилия, а с другой - представления о

допустимости насилия в межличностных отношениях под влиянием сцен, в которых оно выступает как нечто вполне оправданное.

Третий тип и связанная с ним теория - научение посредством наблюдения. Имеется в виду, что в процессе идентификации с киногероем зритель вольно или невольно усваивает определенные образцы поведения. Информация, полученная с экрана, в дальнейшем может быть использована им в реальной жизненной ситуации. Вывод из этой теории весьма пессимистичен: обращение к популярной культуре, изобилующей агрессивными персонажами, повышает вероятность антисоциального поведения.

Четвертый тип последствий - закрепление существующих у зрителей установок и образцов поведения.

Пятый тип - это не столько насильственное поведение, сколько эмоции - страхи, беспокойство, отчужденность. В основе этой теории лежит идея, что масс-медиа, прежде всего ТВ, создают некую символическую среду, куда люди погружаются с детства. Среда формирует представления о реальной действительности, культивирует определенную картину мира. Она же имеет одну особенность. Как показал контент-анализ, символический мир ТВ "неприветлив", насилие присутствует в нем повсеместно. Ведущие позиции в этом мире занимают молодые мужчины, которые, успешно применив силу, подчиняют своей воле других, в первую очередь женщин, представителей различных меньшинств и пожилых. Зрителям в той или иной степени кажется, что реальный мир таков же, как на телеэкране. В той мере, в какой это происходит, зрители в повседневной жизни проявляют страх, беспокойство и отчужденность от других»[7].

Сегодня в Западных странах действует четкая система возрастных ограничений (рейтингов) для показа фильмов и других аудиовизуальных материалов в кинотеатрах и по телевидению, для продажи и проката видеокассет, компьютерных и видеодисков. Как правило, данные ограничения связаны с показом сцен насилия, секса, частным использованием грубой лексики и т.д. Вроде бы пришла эта система и к нам, мы сегодня на экране можем увидеть значок «12+» или «16+». Но все же эта система не дает полной гарантии того, что ребенок не увидит сцен насилия в дневное время, сцены человеческих страданий и разрушений часты в новостных блоках, даже такой, казалось бы, безобидный сериал, как «Мухтар» и «Мухтар-2», который часто смотрят подростки - изобилует сценами драк и погонь. К сожалению, телевидение сегодня - это бизнес, главная цель которого, извлечение прибыли. И для достижения этой цели используются все средства, позволяющие привлечь массовую аудиторию. При этом современное телевидение, это если можно так выразиться – еще одна современная сфера услуг. Телевидение почти утратило свою образовательную и воспитательную функцию. Так, в частности канал «Культура» не входит у нас в обязательную сетку вещания, а канал НТВ является по-прежнему, одним из самых востребованных и «смотрибельных» каналов. Вот, к примеру, программа канала НТВ в будний день: «10.20 – Русские сенсации; 11.10 – До суда, 12.05 – Суд присяжных. Окончательный вердикт; 15.35, 18.35 – Обзор. Чрезвычайное происшествие; 19.35 - Премьера. Остросюжетный сериал "Лесник" (Россия, 2011 г.); 21.15 - Премьера. Детектив "Чужой район-2" (Россия, 2012 г.) и т.д.» Как можно заметить ни одной образовательной или культурно-просветительской передачи в сетке вещания НТВ нет. Кстати их почти нет и на белорусских каналах, так

канал «Беларусь – 1» в ближайший понедельник анонсирует только одну получасовую передачу под названием «Диалоги о цивилизации», а канал «Беларусь -2» передачу под названием «Под грифом "Известные"», и можно только надеяться, что данные передачи будут носить познавательный характер. В основном наши белорусские каналы перенасыщены мелодрамами и «Мыльными операми», которые в переизбытке представлены в сетке вещания данных каналов.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что молодежь почти ежедневно использует СМИ в качестве главного источника информации. Причем основным источником является телевидение. Однако современные СМИ в условиях рынка утратили свои некогда важнейшие функции воспитания человека, формирования личности, просвещения. Наличие же на экране сцен и передач, содержащих информацию о насилии и жестокости по отношению к человеку, приводит к искажению восприятия мира у подрастающего поколения, к излишней нервной возбудимости, к насаждению жестокости и черствости у молодежи. На сегодня мне, как маме двух подростков, остается только один способ обезопасить своих детей от негативного влияния современного телевидения – использовать на всех домашних телевизорах и компьютерах пароль не позволяющий ребенку включить его без ведома взрослых. И вы знаете, уже из личного опыта скажу, что без постоянного телевизионного общения можно очень хорошо обходиться. У нас в доме телевидение включается только в том случае, когда мы смотрим исторические или познавательные передачи по таким каналам как «Viasat History» или «Animal Planet» и др. Из российских каналов, которые частично транслируются у нас в Беларуси, по-прежнему интересен и познавателен канал «Культура», хотя он интересен для более старшей аудитории. Правда данные каналы не входят в обязательную сеть вещания, они относятся к так называемому «коммерческому телевидению» и далеко не все жители нашей страны имеют возможность смотреть подобные передачи. А уж новостные программы и, в частности программы канала НТВ мы стараемся не включать совсем.

Список использованной литературы:

1. Брайант, Дженнингз. Основы воздействия СМИ / Дж. Брайант, С. Томпсон. - Москва; Санкт-Петербург; Киев; Вильямс, 2004.
2. Гридчин М.М. Проблемы влияния информационных технологий на молодёжь / М.М. Гридчин // Власть. - 2007. - № 9. С37- 40.
3. Бароло Э. ТВ и компьютеры - угроза интеллекту / Бароло Э. // Литературная газета. 1983. - № 35. <http://www.mediaeducation.boom.ru>
4. Доклад о состоянии здравоохранения в мире. ВОЗ, 2001. <http://www.who.int>
5. Федоров А.В. Насилие на экране // Человек. 2004 № 5. С. 142-151.
6. Федоров А.В. Права ребенка и проблема насилия на российском экране. Таганрог, 2004.
7. Тарасов К.А. Насилие в фильмах: катарсис или мимесис? <http://vivovoco.astronet.ru/VV/MISC/5/MIMARSIS.HTM>
8. Золотов Е.А. Воздействие аудиовизуального насилия на подрастающее поколение России: историко-культурологический аспект / Электронный журнал "Знание. Понимание. Умение". 2008. № 4. <http://www.zpu-journal.ru/zpu/>

9. Рогозянский М.Э. Воспитательный потенциал телевидения: теоретические вопросы, осмысленные практиком / М.Э. Рогозянский // Образование и общество. - 2008. - № 2. <http://setilab.ru/ms/news/2008/02/>

10. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции. М., 2007.

СЕКУЛЯРЫЗАЦЫЯ І ДЭСЕКУЛЯРЫЗАЦЫЯ Ё СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСІ

В.А. АДЗІНОЧАНКА

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны, г. Гомель, Беларусь

Нам неабходна выходзіць з таго, што сучасная Беларусь перажывае працэс усебаковай трансфармацыі. Яна не зводзіцца толькі да чыста знешніх змен, а мае сістэмны характар. Мы бачым, як паступова іншыя воблікі набываюць усе сферы нашага жыцця, але мяняецца таксама аснова грамадства. Трэба адзначыць, што ўзнікненне сучаснай Беларусі – вынік так званага працэсу перабудовы, які быў пачаты ў сярэдзіне 80-х гадоў мінулага стагоддзя ў Савецкім Саюзе па ініцыятыве тагачаснага камуністычнага кіраўніцтва краіны. Прэдугледжвалася, што перабудова прывядзе да абнаўлення і паскоранага развіцця савецкага грамадства. Але працэсы набылі некантралюемы характар, што прывяло да змены дзяржаўнага ладу, краху сацыялістычнай сістэмы, распаду Савецкага Саюза. Развіццё тых дзяржаў, якія ўзніклі на яго месцы, пайшло рознымі шляхамі, абапіраючыся на ўласныя культурныя традыцыі. Працягваецца працэс мэтанакіраванага адраджэння гэтых традыцый, важнай часткай якіх з’яўляецца рэлігія. Такім чынам, у канцы XX стагоддзя ў былых савецкіх рэспубліках пачаўся працэс пашырэння рэлігійнай сферы ў грамадстве, і менавіта гэта – адна з характэрных рыс іх сучаснага жыцця.

Слова *сучасны* мае два асноўныя значэнні: “*які адносіцца да сённяшняга, цяперашні, і які адпавядае патрабаванням свайго часу, не адсталы*” [1, с. 640]. У сацыялогіі сучаснасць тлумачыцца праз яе супрацьпастаўленне традыцыйнаму грамадству.. Калі для апошняга была характэрна натуральная эканоміка, манархічны спосаб, праўленне і панаванне рэлігіі ў духоўнай сферы, дык сучаснасць -- гэта такі стан развіцця грамадства, дзе існуе рыначная эканоміка, дэмакратычны лад жыцця і адбываецца (альбо ўжо завершаны) працэс секулярызацыі. Такім чынам, секулярызацыя разумеецца як неад’емны кампанент працэсаў, якія робяць тое ці іншае грамадства сучасным.

Працэс секулярызацыі адбываецца ў Еўропе, пачынаючы з XV ст. Само слова *секулярызацыя* паходзіць ад познелацінскага *saecularis* – *мірскі, свецкі*. Спачатку яно ўжывалася як чыста юрыдычны тэрмін і азначала прымусовую перадачу царкоўнай маёмасці ва ўласнасць дзяржавы. Потым стала разумецца ў больш шырокім сэнсе, як працэс вызвалення са сферы рэлігійнага санкцыянавання чалавечай свядомасці, паводзін і дзейнасці людзей, сацыяльных адносін і інстытутаў. Еўрапейская культура паступова набывала ўсё больш свецкі характар, і тыя яе галіны, якія раней знаходзіліся пад уплывам рэлігіі, рабіліся самастойнымі і сталі развівацца, абапіраючыся перш за ўсё на свае ўласныя прынцыпы.

Трэба падкрэсліць, што секулярызацыя – феномен перш за ўсё еўрапейскага грамадства. Бо менавіта для Еўропы было характэрна саперніцтва паміж рэлігійнымі і

свецкімі ўладамі. Каталіцкая царква, якая аказала вельмі вялікі ўплыў на фарміраванне еўрапейскай культуры, была незалежна ад свецкіх улад і мела вялікае багацце. Калі пачалі ўзмацняцца нацыянальныя дзяржавы, іх кіраўніцтва стала праводзіць палітыку пераразмеркавання царкоўнай улады і багацця на сваю карысць. Зараз у еўрапейскіх краінах улада мае цалкам свецкі характар, хаця ў некаторых з іх рэлігійныя арганізацыі адыгрываюць значную ролю ў палітычным жыцці.

Найбольш яркая праца секулярызацыі назіраецца ў сферы духоўнай культуры. Яшчэ ў перыяд Адраджэння фарміруецца вопытная навука, якая ажыццяўляе свае даследаванні незалежна ад рэлігійных палажэнняў. Менавіта праз намаганні навукі была створана сучасная карціна свету. Пры гэтым многія даследчыкі адзначаюць, што навука – феномен менавіта еўрапейскай культуры, яна фарміравалася веруючымі людзьмі, якія абпіраліся на агульныя светапоглядныя ўстаноўкі, зафіксаваныя ў Бібліі. Але спроба царквы пракантраляваць развіццё навукі прывяла да канфлікту. Сучасная царква выходзіць з прызнання аўтаномнасці навуковых даследаванняў і спрабуе наладзіць дыялог з ёй.

Больш беспраблемна праца секулярызацыі адбываўся ў галіне мастацтва. Калі ў сярэднявеччы царква была галоўным заказчыкам мастацкіх твораў, якія ствараліся пераважна на рэлігійныя сюжэты, дык пачынаючы з XIV ст., мастацтва робіцца ўсё больш свецкім. Абумоўлена гэта пашырэннем сферы мастацтва, яго творы пачынаюць замаўляць свецкія правіцелі, а потым багатыя людзі. Пачынаючы з XIX ст., мастацтва робіцца ўсё больш масавым, многія яго галіны пачынаюць функцыянаваць па законах індустрыяльнай вытворчасці і накіраваны на атрыманне найбольшага прыбытку. Вельмі часта распаўсюджванне масавай культуры ўтрымліваюць ў сабе разбуральныя для чалавечай свядомасці і маралі элементы, што выклікае негатыўную рэакцыю з боку рэлігійных арганізацый і грамадства ў цэлым.

Секулярызацыя ў сферы культуры разумелася менавіта як вызваленне. Яго характар быў звязаны з дзвюма асноўнымі крытычнымі ўстаноўкамі пры аналізе ролі рэлігіі ў грамадстве. Яна магла разумецца як праява цемрашальства і забабонаў, і тады яе пераадоўванне звязвалася з развіццём ведаў. Альбо рэлігія разглядалася як сацыяльны інстытут, які выкарыстоўваецца пануючымі класамі ў сваіх інтарэсах. Тады барацьба з рэлігіяй звязвалася з сацыяльнымі пераўтварэннямі.

Але ў любым выпадку пераадоўванне ўплыву рэлігіі ў грамадстве разглядалася як частка агульнай устаноўкі еўрапейскай культуры на прагрэсіўнае развіццё. Прагрэс (ад лац. *progressif* – рух наперад, *посьпех*) – гэта накірунак развіцця ад ніжэйшага да вышэйшага, ад менш дасканаллага да больш дасканаллага. Лічылася, што прагрэсіўнае развіццё забяспечваецца перш за ўсё праз распаўсюджванне навуковых ведаў і рацыянальную арганізацыю сацыяльнага жыцця.

Такім чынам, распаўсюджванне рэлігіі ў постсвецкіх краінах з пункту погляду ўстановак еўрапейскай культуры Новага часу можа разглядацца як нейкі адкат у прагрэсіўным развіцці альбо праява спецыфікі іх сітуацыі, а менавіта – адмаўлення ад атэістычнага мінулага. Але дэсекулярызацыя ў канцы XX ст. мае і іншыя праявы. Паказальным для нас з'яўляецца не ўзмацненне пазіцыі ісламу ва ўсходніх краінах, а пашырэнне сферы рэлігіі ў еўрапейскай культуры. Мы можам зрабіць выснову, што ў нас адбываюцца тыя ж працэсы, што і ў Еўропе ў цэлым.

Дэсекулярызацыя не абвяргае ўстаноўку еўрапейскага грамадства на прагрэсіўнае развіццё, але сведчыць пра яго больш складаны характар, чым гэта ўяўлялася мысліцелям Новага часу. Па-першае, ён мае нелінейны характар, і мы не можам папярэдне вызначыць яго накіраванасць і крытэрыі. Па-другое, у XX ст. была асэнсавана небяспека пабудовы грамадства ў адпаведнасці з жорстка вызначанымі рацыянальнымі схемамі, паколькі гэта прывяло да таталітарызму.

У Савецкім Саюзе была зроблена спроба пабудаваць сваю мадэль сучаснага грамадства, якое лічылася найбольш прагрэсіўным. Гэты працэс прадугледжваў поўнае пераадольванне ўплыву рэлігіі на грамадства і свядомасць асобных людзей. Жорсткая атэістычная ўстаноўка стваральнікаў савецкай дзяржавы была шмат у чым абумоўлена тым, што ў царскай Расіі праваслаўная царква, да якой адносілася большасць насельніцтва, не была адзелена ад дзяржавы і з'яўлялася дзяржаўным інстытутам, а таму разглядалася як адзін з інстытутаў прыгнёту, які павінен быць знішчаны. Трэба адрозніваць секулярызацыю ў Заходняй Еўропе, якая ўяўляла сабой вызваленне розных сфер грамадства ад уплыву рэлігіі і развіццё іх на аснове сваіх уласных прынцыпаў, ад атэістычнай палітыкі ў Савецкім Саюзе, якая зводзілася да планамернага знішчэння рэлігіі. Рэлігія разглядалася як форма антыкамуністычнай ідэалогіі, і таму вельмі часта прыхільнасць да рэлігіі з'яўлялася формай апазіцыі ўладзе.

Працэс адраджэння рэлігіі пачаўся яшчэ ў савецкія часы. За яго пачатак бярэцца 1988 г., калі святкавалася 1000-годдзе хрышчэння Русі. Відавочным паказчыкам рэлігійнага адраджэння на Беларусі з'яўляецца рост колькасці зарэгістраваных рэлігійных суполак. За перыяд з 1988 да 2013 гг. яна павялічылася больш чым у 4 (з 768 да 3251), а колькасць рэлігійных кірункаў – у 3 разы. Радыкальна змяніўся сам падыход да трактоўкі рэлігіі. Да гэтага яе разглядалі пераважна з ідэалагічнага пункту погляду. Выходзілі з таго, што “па сваёй сутнасці рэлігія з'яўляецца адным з відаў ідэалістычнага светапогляду, які супрацьстаіць навуковаму” [2, с. с. 576], а яе роля ў грамадстве заключаецца ў тым, што яна “з'яўляецца адным з інструментаў, пры дапамозе якіх ідэі пануючых класаў робяцца пануючымі ў дадзеным грамадстве ідэямі” [2, с. 577]. Зараз падыход да трактоўкі рэлігіі з'яўляецца пераважна культуралагічным. Рэлігія разглядаецца з пункту погляду розных падыходаў, але большасць аўтараў (прынамсі тых, якія прэтэндуюць на навуковасць) імкнецца пазбегнуць ідэалагічнай ангажаванасці. Напрыклад, сцвярджаецца, што “сёння агульнапрызнана, што хрысціянства ў сукупнасці яго галоўных разнавіднасцей – каталіцтва, праваслаўя і пратэстанцтва – аказала вызначальны ўплыў на фарміраванне заходняй цывілізацыі” [3, с. 439-440] і “каталіцкая ідэя аб магчымасці рацыянальнага пазнання атрыбутаў Бога (натуральная тэалогія), уяўленне аб Сусвеце як рэалізаванай Божай задуме, безумоўна, стымулявалі развіццё навукі” [3, с. 440]. У літаратуры ідэалагічнага накірунку пішацца пра “хрысціянскія асновы беларускай нацыі” [4, с. 20], падкрэсліваюцца станоўчыя вынікі хрысціянізацыі нашых земляў: “Рэлігійная ідэалогія развівала маральна-этычныя, свядомасныя адносіны да жыцця, гуманістычныя памкненні людзей да ўсталявання мірнага суіснавання з суседзямі, ініцыявала паказ хараства душы чалавека і падзяляла яго стваральную існасць” [4, с. 21]. Таксама праз СМІ распаўсюджваецца ідэя, што хрысціянства – гэта аснова маральнасці.

Пры гэтым, на наш погляд, трэба пазбягаць небяспекі іншай крайнасці, калі рэлігійнаму светапогляду прыпісваюцца ўсё магчымыя станоўчыя якасці, а атэістычнаму – ўсе адмоўныя. Атэізм і вальнадумства – неад’емныя складнікі еўрапейскай культурнай традыцыі. Дастаткова назваць імёны такіх мысліцеляў як Русо, Вальтэр, Феербах, Расэл, Сартр. Вальнадумцы і атэісты былі таксама і на Беларусі: С. Будны, С. Лован, К. Бекеш, К. Лышчынскі.

Само функцыяванне вальнадумства і атэізму прадугледжвае наяўнасць у краіне пэўнай ступені свабоды думкі, а таксама вопыту палемікі паміж прыхільнікамі розных пунктаў погляду на рэлігію. У Савецкім Саюзе свабоды думкі не існавала, атэізм меў характар афіцыйнай ідэалогіі. Таму значная частка насельніцтва яго ўспрымала як нешта навязанае. Існавала традыцыйная рэлігійнасць, якая мела стыхійны характар. Напрыклад, амаль 100% насельніцтва Беларусі і пры камуністах святкавала Пасху. Нягледзячы на небяспеку, шмат якія людзі хрысцілі сваіх дзяцей. У падполлі дзейнічалі хрысціянскія суполкі. Але за гады Савецкай улады ў большасці людзей было страчана само разуменне таго, што такое рэлігія. У поўнай адпаведнасці з марксісцкай ідэалогіяй яе асноўнай функцыяй лічылася ілюзорна-кампенсатарная, яна зводзілася да сродку суцяшэння чалавека ў яго бедах. І таму вельмі часта рэакцыяй людзей на змены пачатку 90-х гадоў, якія разбурылі звыклы лад іх жыцця, быў зварот да рэлігіі.

Рэлігія ўспрымалася як від ідэалогіі, якая прыйшла на змену камуністычнай. Інтэнсіўнае развіццё рэлігійнай сферы ў былых савецкіх рэспубліках даследчыкі тлумачаць “эфектам ківача”. Людзі, па-першае, імкнуліся адштурхнуцца ад савецкай ідэалогіі, якая дыскрэдытавала сябе, па-другое, спачувальна ставіліся да рэлігіі, якую праследавалі ўлады, па-трэцяе, разглядалі яе як неад’емную частку нацыянальнай традыцыі. Але, як паказалі даследаванні, рэлігійнасць большай часткі насельніцтва Беларусі мае дэкларатыўны характар і не суадносіцца з іх рэальнымі паводзінамі. У рэлігійнай сферы зараз пануе неакрэсленая духоўнасць, лічыцца, што трэба ў нешта верыць. Большасць беларусаў атаясамлівае сябе з праваслаўем, але размова ў дадзеным выпадку ідзе не аб рэлігійнай, а аб культурнай ідэнтыфікацыі – чалавек заяўляе аб сваёй прыналежнасці да акрэсленай традыцыі.

Радыкальная змена стаўлення чалавека да рэлігіі прадугледжвае яго навяртанне, якое павінна суправаджацца зменамі ў жыццёвай арыентацыі. Чалавек па іншаму разумее сэнс жыцця, сваё месца ў свеце, сутнасць і мэту маральных паводзін. Феномен навяртання – гэта драматычны, і часта балючы, пералом ў свядомасці і паводзінах чалавека. Такое навяртанне патрабуе намаганняў і не можа адбыцца масава і легка. Трэба, каб чалавек прайшоў пэўны шлях і атрымаў вопыт веры. Наша сучаснае грамадства вельмі кароткі час жыве ва ўмовах свабоды сумлення, і значная частка людзей такі вопыт яшчэ не паспела атрымаць (хаця ў старэйшага пакалення вернікаў ёсць вопыт існавання ва ўмовах праследавання). Гэтым абумоўлена павярхоўнае прыняцце рэлігіі ў грамадстве, і яно не магло быць іншым.

Сацыялагічнае апытанне сведчыць, што колькасць тых, хто лічыць сябе вернікамі, на Беларусі няўхільна павялічваецца. Па сваіх адносных памерах гэтае павелічэнне адпавядае павелічэнню колькасці зарэгістраваных рэлігійных суполак. Згодна з сацыялагічнымі апытаннямі, у 1988 годзе да вернікаў сябе адносілі 15% рэспандэнтаў, у 1990 – каля 30%, у канцы 1990-пачатку 2000 гадоў – каля 50%, у 2006 г. – 58,9 % [5, с. 39].

Такім чынам, на падставе прыведзеных вышэй дадзеных бачна, што большасць насельніцтва Беларусі лічыць сябе вернікамі. Але націск трэба зрабіць на слова *лічаць*. Прыведзеныя дадзеныя атрыманы на аснове рэлігійнай самаідэнтыфікацыі рэспандэнтаў. Калі ж пры аналізе ўлічыць аб'ектыўныя крытэрыі, такія, як, напрыклад, культавыя паводзіны, дык колькасць тых, каго можна акрэсліць як вернікаў, істотна скарачаецца.

Згодна з апытаннем, праведзеным ў 2011 годзе Інстытутам сацыялогіі НАН Беларусі, “сапраўдным вернікам” лічыць сябе кожны пяты беларус, і сярод іх да праваслаўя сябе адносяць 57,3%, да каталіцтва – 34,5%, да пратэстанцтва – 3,1 %. Пры гэтым на пытанне “Ці былі Вы ў апошнія выхадныя ў храме?” станоўча адказалі толькі 6% удзельнікаў апытання [6]. Таму пры аналізе рэлігійнасці насельніцтва Беларусі трэба выходзіць з пазначаных 6% альбо іншых падобных лічбаў.

Да гэтага дадаюцца рэшткі вельмі моцнай язычніцкай традыцыі, якая існавала на Беларусі. Самае масавае рэлігійнае свята ў нас зараз -- гэта Радуніца. Але па тым, як яе святкуюць, можна зрабіць вывад, што гэта – былыя Вясеннія Дзяды (“дзядамі” на Беларусі называюць духаў памёрлых продкаў). Людзі ідуць на могілкі, ядуць там і п’юць, і частку ежы і пітва пакідаюць на магілах. Гэта чыста язычніцкі звычай кармлення “дзядоў”. Яго рэлігійны сэнс большасць людзей зараз не асэнсоўвае, гэта ўспрымаецца як традыцыя. Але, безумоўна, такія дзеянні знаходзяцца па-за межамі хрысціянства.

Мы лічым, што рэлігія павінна заняць сваё месца ў нашым грамадстве. Адным з асноўных лозунгаў працэсу секулярызацыі было патрабаванне свабоды сумлення: дзяржава павінна прадставіць людзям права рэлігійнага самавызначэння, і яна не можа пазбаўляць сваіх падданных грамадзянскіх і палітычных правоў у залежнасці ад іх прыналежнасці да той ці іншай рэлігіі, царкву неабходна аддзяліць ад дзяржавы. Гэтыя ідэі заканадаўча замацаваны ў канстытуцыях большасці еўрапейскіх краін. У Канстытуцыі Беларусі няма прынцыпу аб аддзяленні рэлігіі ад дзяржавы, але фактычна ён у нашым заканадаўстве прыводзіцца.

Такім чынам, працэс секулярызацыі прывёў да змены ролі рэлігіі ў грамадстве. Ва ўмовах светапогляднага плюралізму яна зрабілася справай свабоднага выбару чалавека, які, адпаведна, нясе асабістую адказнасць за свае рэлігійныя погляды, і яны робяцца для яго больш значнымі. Мы лічым, што пашырэнне сферы рэлігіі ў нашай краіне – доўгатэрміновы працэс, ён будзе паглыбляцца, і гэта з’яўляецца не толькі паказчыкам, але і фактарам трансфармацыі грамадства.

Літаратура

1 Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – 3-е выд. – Мінск: БелЭн, 2002. – 784 с.

2 Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

3 Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. III / Научно-ред. совет: В. С. Степин [и др.]. – М.: Мысль, 2010. – 692 с.

4 Слука, А.Г. Нацыянальная ідэя / А.Г. Слука. – Мінск: РІВШ, 2008. – 364 с.

5 Старостенко, В.В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории: монография / В.В. Старостенко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – 272 с.

6 Опрос: Каждый пятый белорус считает себя истинно верующим. Режим доступа: <http://news.tut.by/society/279195.html>.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СФЕРЕ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ВРАЧА.

ПАЦЕЕВА А.Г.

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
Минск. Беларусь.*

Врачевание, как специфический вид деятельности еще со времен предшествовавшего ему шаманизма было окутано атмосферой таинственности. Пациентам зачастую непонятен смысл врачебных технологий, в которые они вовлекаются, а попытка самостоятельно проникнуть в их суть без медицинского образования, чревата нарастанием недопонимания. В связи с этим основная задача ценностной регуляции профессии врач в социальном пространстве – достижение доверия со стороны пациентов. Реализация этой задачи происходит во многих направлениях – одно из них усовершенствование взаимодействия среди профессионалов. Обусловленный необходимостью высокой медицинской квалификации, адекватный контроль функционирования системы здравоохранения может быть реализован лишь самим врачами.

Внутренний контроль профессиональной деятельности осуществляется в рамках профессиональной культуры и может быть изучен на двух уровнях – институциональном и индивидуальном. [1] На индивидуальном уровне контроль профессиональной деятельности осуществляется в рамках личной мировоззренческой парадигмы профессионала. На институциональном – во мнениях и оценках профессионалов, относительно деятельности их коллег, а также относительно деятельности, реализуемой в рамках сопряженных институтов.

Современная ситуация предъявляет новые вызовы профессиональной врачебной деятельности. Трансформируется общесоциальный смысл профессиональной деятельности врачей, принципы её организации.[2]Профессиональная группа врачей настолько велика и разнообразна, что в зависимости от социокультурного контекста, в котором она функционирует, возникают свои, специфические движущие силы, влияющие на профессиональную культуру врачей.

Для отечественной системы здравоохранения всю совокупность изменений условий и особенностей осуществления профессиональной деятельности, инициирующих изменения ценностей, норм и представлений врачей, условно можно дифференцировать на две группы: 1. внешние факторы, являющиеся следствием развития здравоохранения как одной из подсистем социальной системы, они коренятся в различных тенденциях социального прогресса; 2.внутренние факторы, происхождение которых связано с логикой развития медицинских технологий и лечебных практик. Изменение ценностных ориентаций врачей относительно внутри профессионального контроля, связано с одним из факторов второй группой, другими словами с логикой развития организации сферы здравоохранения.

Форма врачебной деятельности все более и более трансформируется от индивидуальной работы отдельного врача, к командной работе целой группы профессионалов. [3] По мере роста медицинских знаний и развития медицинских технологий, набирает скорость процесс специализации в рамках врачебной профессии. Принятие решения относительно диагноза и лечения зависит теперь не только от опыта и мастерства отдельного врача, но и от результатов работы целой команды различных специалистов. Очевидно, что эта работа требует не только высокого уровня качества осуществления ими необходимых действий, но также высокого уровня доверия друг к другу.

Другая сторона специализации ведет к своеобразному сжатию области профессиональной компетенции врача. Другими словами, в каждой отдельной области медицины специалист должен обладать настолько большим объемом знаний, умений, навыков, что в другой области он воспринимается, по меньшей мере, как не специалист, а в целом может и не расцениваться другими врачами как равноправный коллега. Это обстоятельство ведет также возникновению трудностей в контроле врачебной деятельности, осуществляемой коллегами. Таким образом, этот фактор можно условно обозначить «командная работа и узкая специализация».

Ещё одна составляющая контроля, основы которого формулируются внутри профессиональной культуры – *контроль профессионального образования*. Исследователи отмечают основополагающую роль профессионального образования в профессиональной культуре в контексте принятия новых специалистов в профессиональное сообщество и профессиональной социализации. Это отражается в контроле профессионального общества за качеством профессионального образования, которое получают молодые специалисты – черта, определяющая специфику функционирования профессии как социального института. Эти вопросы затрагивал один из основоположников социологии профессий Т.Парсонс. [4]

В данной статье представлены результаты исследования профессиональной культуры врачей, осуществленного в Минске, весной 2012 года. В ходе исследования были опрошены 456 врачей города, что представляет мнения врачей города с точностью $\pm 4\%$. В рамках исследования также были опрошены 575 пациентов лечебно-профилактических учреждений города. В выборке представлены основные типы лечебных учреждений города – клиники, диспансеры, поликлиники, пропорционально реальному соотношению работающих там врачей, пациенты опрашивались случайным образом в лечебных учреждениях, вовлеченных в исследование.

В результате работы были получены данные, которые отражают ценности относительно внутреннего контроля профессионального сообщества врачей, как на индивидуальном уровне, так и на институциональном.

Обратимся в первую очередь к ценностям, отражающим мировоззрения врачей относительно контроля профессиональной деятельности. Врачебная ошибка, явление, сопровождаемое множеством дискуссий как внутри системы здравоохранения, так и вне её. Ситуацию в РБ комментирует представитель Главного управления государственной службы медицинских судебных экспертиз по Минску и Минской области А.Г.Фоменко: «Проблема раскрытия медицинских ошибок и неблагоприятных событий, волнующая пациентов и медиков по всему миру, актуальна и для отечественного здравоохранения. ... Ошибки и неблагоприятные события в медицине продолжают оставаться «закрытой»

темой, и их раскрытие невозможно без фундаментальных изменений в отношении к ошибающимся медикам, а также без создания условий, позволяющих открыто обсуждать неблагоприятные события».[5]

То, что врачебная ошибка продолжает оставаться «закрытой» темой, подтверждают и данные опроса. На вопрос «Кто, прежде всего, должен определять допустил ли врач ошибку?» абсолютное большинство ответов, предпочитаемых врачами города – «сам врач». (54,2%). Недавние выпускники университетов выбирали этот ответ практически с той же частотой (50,0%). К чести последних, надо заметить, что второй по частоте выборов ответ «коллеги врача», специалисты со стажем работы до 5 лет выбирали несколько чаще, чем в среднем по выборке. (24,3% vs 19.5%). Третьим в данном рейтинге следует непосредственное руководство врача.

На институциональном уровне контроль профессиональной деятельности сопряжен с качеством взаимодействия между профессионалами, и отражается в установках относительно контрольных процедур.

Способность к эффективному взаимодействию с коллегами – социальное качество, которое обязательно должно быть присуще профессионалу. Эта мировоззренческая позиция отражает представление о профессионализме, основанное на принципах командной работы. На практике, большинство врачей города согласны с тем, что это «совершенно необходимое качество врача-профессионала» - 61,0% ответивших. Среди врачей клиник это положение поддержали 73,3% опрошенных, диспансеров 73,0%, поликлиник – 53,8%.

Тем не менее, врачи не готовы доверить контроль за своей профессиональной деятельностью коллегам и руководству. Внутренний контроль профессионального сообщества отражается в установках относительно контрольных процедур в профессиональном взаимодействии. Как уже было отмечено выше, лишь пятая часть ответов врачей предполагали контроль профессиональной деятельности со стороны коллег (19,5%) и с руководством этот контроль связан в 14,5% ответов.

Вторая составляющая контрольных процедур внутри профессионального сообщества нормы, регулирующие конкретные действия в случае обнаружения ошибки. Социальные нормы, демонстрируемые врачами обуславливающие отношение к возможной врачебной ошибке, позволяют утверждать наличие чрезвычайно высокого уровня корпоративной закрытости профессионального сообщества врачей, при условии обязательного внутреннего профессионального контроля. Фактически мизерное количество опрошенных врачей указало на возможность того, что ближайший круг коллег постарается «не заметить» ошибку или обратится в министерство здравоохранения, суд, другие организации – 0,4%.

Абсолютное большинство опрошенных врачей утверждают, что их коллеги в случае возможной врачебной ошибки «обсудят в кругу коллег своего отделения, но дальше информацию постараются не выпустить» - 40,1% опрошенных врачей. Следующая по частоте норма, обнаруживаемая в ответах врачей, также ограничена профессиональным сообществом – «обсудят в кругу коллег своего отделения, а в серьезной ситуации обратятся в профессиональные ассоциации для принятия решения». (35,3%)

Лишь небольшая часть врачей готова делегировать свои полномочия внутреннего контроля непосредственному руководству. (15,6%)

Могут ли врачи сами повлиять на ситуацию в системе здравоохранения. По их мнению, нет. Абсолютное большинство врачей степень своего влияния на принятие решений относительно своей профессиональной сферы оценивают как низкую. Удельный вес оценок «степень влияния низкая» варьируется от 50,4% относительно конкретных отделений, до 89,3% относительно функционирования системы здравоохранения. Необходимо отметить, что в данном вопросе выявить различие мнений врачей различных лечебно-профилактических учреждений не удалось.

С точки зрения врачей всех типов учреждений, статусов и возрастных групп, эту степень влияния следует изменить. С разной степенью уверенности согласилось с этим положением абсолютное большинство ответивших - 84,2%.

Контроль профессионального сообщества качества подготовки специалистов отражается через оценку качества подготовки специалистов ВУЗов. Почти треть опрошенных врачей полагают, что в последнее время выпускники ВУЗов обнаруживают весьма посредственный уровень подготовки – 27,0% опрошенных.

Доля молодых специалистов (стаж работы до 5 лет) поддержавших мнение о посредственной подготовке, также составила треть от общего числа молодых специалистов, принявших участие в исследовании. Другими словами недовольство врачей подготовкой специалистов не может быть интерпретировано как недовольство старшего поколения молодыми.

Изучение профессиональной культуры врачей Минска позволило выявить систему взаимных оценок профессионального уровня специалистов различных типов ЛПУ, задающих систему отношений превосходства. В ходе исследования врачам было предложено субъективно оценить профессионализм коллег, работающих в различных типах лечебных учреждений города. Оценки варьировались от «большинство врачей работают весьма профессионально», до «профессионалы здесь встречаются редко». Согласно этим данным, клиническими кафедрами, диспансерами и клиниками предстают лечебными учреждениями, с самой высокой долей врачей, демонстрирующих высокий профессионализм. Возвращаясь к вопросу контроля профессионального образования, необходимо отметить, мнение о том, что «Последнее время выпускники ВУЗов обнаруживают весьма посредственный уровень подготовки» поддержали 42,2% опрошенных врачей клиник.

Перед системой здравоохранения, поставлена задача повышения качества оказания медицинской помощи. [6] Одним из направлений решения этих задач является трансформация принципов контроля внутри профессионального сообщества. В целом, движущей силой трансформации ценностей профессионалов относительно контрольных процедур внутри профессионального сообщества должны стать и внутренние, связанные с повышением уровня дифференциации профессии факторы. Формулируя образ профессионала, врачи города готовы признать ценность командной работы, однако оценивая непосредственную профессиональную деятельность, они скорее придерживаются традиционных ценностей, формулирующих образ профессионала как одиночки.

Врачи не склонны передавать контроль своей профессиональной деятельности коллегам, в то же время демонстрируют чрезвычайно высокий уровень корпоративной закрытости профессионального сообщества, при условии обязательного внутреннего профессионального контроля. Контроль профессионального образования выражается в

достаточно высокой доле негативных оценок профессионалами качества подготовки выпускников ВУЗов. В группах врачей, в которых по оценкам самих врачей представлено наибольшее количество профессионалов, доля негативных оценок подготовки молодых специалистов ещё выше.

Врачи города единодушны в осознании того, что их уровень влияния на сферу здравоохранения невелик, и практически все согласны с тем, что его необходимо изменить.

Список использованной литературы:

1. Кочергин В.Я. Профессиональная культура – опыт системного подхода к интерпретации социального феномена. /Кочергин В.Я, Пацеева А.Г. // Социология. – 2011 – №1. – С.99-109
2. Ковелина Т.А. - Врач как профессия и призвание. / Т.А. Ковелина //Научные исследования, информация, анализ, прогноз: кол.моногр., под общей ред. проф. О.И.Кирикова. – Воронеж, 2003. – С.266-279.
3. Freidson E. Profession of Medicine: A Study in the Sociology of Applied Knowledge/ E.Freidson. – N.Y.: Harper Pow, 1988 – 440p.
4. Parsons T. The social system. / T Parsons. – London: Routledge, 1991. – 404 p.
5. Фоменко А.Г. Медицинские ошибки: правовые, этические и организационно-методические аспекты проблемы / А.Г. Фоменко // Медицинские новости. – 2011. – №10. – С. 20-26.
6. Жарко, В. Год высоких технологий. И бережливости. / В. Жарко // Медицинский вестник. – 2013. – 07 февр. – С 3.

THE INFORMATION AGE: NEW OPPORTUNITIES TO RESOLVE OLD ISSUES

N.A. PASHKEVICH

Stockholm University School of Business, Stockholm, Sweden

How can one characterize changes in the society and economy which came with the introduction and dissemination of information technologies (hereinafter IT)? “Information society”, “information economy”, “information-intensive organizations”, “information work” “information worker” are just core terms that are used to identify and understand current state of the society. The term “information society” is usually associated with the use of IT and the production and consumption of information. For example, one of the definitions of the information society is a society where the production of information is a driving force [1]. In addition, the shift to the information society is inextricably linked to an economy where information is a core resource. Five definitions of the information society have been developed based on technological, spatial, cultural, occupational and economical criteria [2]. These definitions are rephrased below.

- *Technological definition* of the information society is based on the most visible indicators such as computer-to-computer communication (e-mail, data and text communication, online information exchange), personal computers and offices technologies (online information services and word processors).
- *Spatial definition* of the information society can be explained in terms of geographical space. The major idea of this definition is that information networks connect companies all over the world and have an essential impact on their activity. Global

companies, through information networks, can conduct their processes consistently and without time loss.

- *Cultural definition* of the information society is seemingly simple, but the least developed. The media which surrounds us presents new multicultural messages and information. Current culture is more heavily information-based. However, it is extremely difficult to develop quantitative terms in order to be able to measure the information society from a cultural conception perspective.
- *Occupational definition* of the information society suggests that when the proportion of information-intensive occupations is predominant in the society, this society is information-intensive. A particular focus on occupations as the indicator of the information society is based on information power, rather than on IT.
- *Economic definition* of the information society is focused on information activities in the economy. The researcher argues that if the proportion of information business activities increases in GNP; this logically implies the existence of the information economy.

The pioneering research on the measurement of the information economy made attempts to measure the size and the structure of information related activities and the growth of information-intensive occupations [3, 4]. Following the methodology developed by these studies, further research has been devoted to the quantification of changes in the size and structure of the information economy [5, 6]. By the term “information economy” it is implied: “... *those sectors in the economy that are concerned with the production of information goods and services, including the creation of assets and technologies for processing and distributing information*” [6, p. vii]. Reviewing definitions of the information society and economy, it becomes clear that different approaches to the conceptualization of these terms are based on the fact that social, technological and economical processes are closely interrelated. Despite different approaches to the definition of the information society and economy, it is obvious that: “...*quantitative changes in information are bringing into being a qualitative new sort of social system, information society*” [2, p. 9]. It is pretty clear that the world where we live is now very different to what it was thirty or forty years ago. Organizations whose production process is characterized by a close interaction between individuals and patterns of IT-use, and whose principal task is the processing of information have integrated into the information economy and represent an increasing interest for the research community.

Information-intensive organizations use IT as an efficient and productive tool for supporting complex tasks of information workers, and have high requirements for information processing and high information content on their products and services [7]. The category of information-intensive organizations consists of banks, insurance companies, recruiting firms, financial, businesses, consulting and accounting services firms, software and data processing companies and others. The activity and success of these organizations increasingly depend on the productivity of information workers who make most of the important decisions, because their work primarily consists of the production, analysis, collection, processing, manipulation, distribution and providing free floating of information [8]. Information workers complete several activities during the working process. For example, they gather and research information, make negotiations, create, review, and organize documents, talk on the phone, write and reply

emails, analyze data, and so forth. In general, information worker as an information-dependent, technology reliant, educated employee who uses data and information as the main inputs of the job, whose work time is spent engaged in professional tasks such as generation, storage, transfer and transformation of information, and whose major product of work is the distillation of information [9].

An accountant creating a report, a journalist preparing an article, an architect working on a project, a programmer writing software for a particular purpose, a physician summarizing the symptoms and likely diagnosis of a patient, a financial adviser analyzing the situation of a client, a manager of the company trying to come up with a long-term strategy to make her department more profitable - these are all examples of information work. Consequently, information work is characterized by high occupation diversity and is a relevant type of work in current conditions. Moreover, information workers exist particularly in every sector of the economy [10]. Information work is a type of office work related to acquisition, organization, control, dissemination, and use of information, and is ultimately concerned with the value, quality, and use of information in organizational performance [11, p. 263-278]. Information worker and IT (specifically, core production tools designed to assist in information processing) are key factors in the production process of information. The success of the company, dealing with this work, depends on the ability to organize and apply information in a productive manner. Thus, where information is an input and output of the production process and where individuals are focusing on information processing, information work is being performed.

Undoubtedly, IT is an essential, supportive if not one the most important production tools of the information worker. Companies provide employees with different, sometimes numerous, computer tools expecting that this will enable their performance to increase. However, a broad effect of IT-use and its impact on the performance of workers still is not well defined [12]. In 1987, the Nobel Prize Laureate, Robert Solow remarked that computers appeared everywhere except in the productivity statistics. In economic literature this phenomenon is known as the "IT Productivity Paradox". The emergence of this dilemma stimulated researchers to further investigate the domain of IT investments and its interaction with productivity and gave rise to a set of research streams on the cause-and-effect relationship between IT-use and productivity at different economic levels [13, 14, 15]. The current evidence demonstrates that IT, in fact, increases productivity at macro-, meso- and even micro- level of the economy [16]. Moreover, there is an argument supported by some empirical data that the potential impact of IT on productivity is not a direct result of investment in IT, but of its actual use meaning that the key question is not whether to use IT or not, but how to use IT in human-machine combination to be more productive. Moreover, the full potential of existing IT is not even exploited [17]. The researchers argue that even if technological progress may stop tomorrow, business can benefit from IT-use during a long period.

As mentioned above, information work is characterized by the use of particular production tools for information processing. In general, IT is defined as mediating tools such as computer hardware, software as well as communication technology applications that allows individuals to carry out tasks. Current IT is characterized by a diversity of office productivity

tools such as word processing, spreadsheets, emails, Internet access, social media tools etc. *“It is however not the technical nature of modern IT but the functions they are used for that influence the gains which can be derived from this technology”* [18, p. 33]. In close consideration, IT is used for acquiring, storing, processing and distributing information. However, a pure “tool perspective”, i.e. IT by itself, does not make any impact on worker productivity. Only better information work practices with the use of IT in human-machine combination can create benefits. It is suggested to consider IT as a skills-extension tool that supports individuals in their work to enhance performance in terms of the four core information processing tasks.

Managers and executives are faced with new difficulties on how to successfully introduce and use IT, which steps have to be made to gain productivity and firm performance and particularly how to measure results' indicators. Statistical support for the influence of IT-use on productivity in an information-intensive environment remains weak and particularly the impact of IT-use on productivity of individuals employed in information-intensive occupations is little modelled and understood at the individual level [12]. Existing research shows that there is no single model which accounts for the relationship between IT-use and productivity, and that can be applied in different measurement strategies. There is very little empirical evidence on how to use IT to increase information worker productivity. Furthermore, there is no clear answer to how exactly IT-use can contribute to information worker productivity increase. The problem is that there is, in general, a lack of knowledge about how information workers create value and the intangible nature of output and input elements in the production process add more challenges to productivity measurement. Information worker productivity is a critical problem at the current stage, and this problem has become more critical since the category of information workers is quite large, expensive and continues to grow.

Current studies indicate that the IT productivity paradox still plays an important role in research, but if earlier, scientists considered its influence on firm performance directly, recent research shows that before assessing any benefits from IT investment it is necessary to understand what happens in the “black box” of the production process. The fast growth of information-intensive occupations and information services requires an adequate measurement of IT-use and its impact on productivity. A movement towards the individual level is necessary to remediate the absence of a well-grounded mechanism to determine the interaction between IT-use and productivity. It is important for the researchers to understand how individuals accomplish their tasks and how IT is used during the performance of tasks. Yet, there is a lack of empirical evidence on how exactly tasks can be combined and organized in an information-intensive environment to benefit from IT-use in terms of information worker productivity. Undoubtedly, if the right kind of IT is used within the right tasks, the application of IT improves result indicators and performance.

One of the main problems for current organizations is to shift from the old Scientific Management methods based on improving productivity of manual workers to new management techniques that can address the information-intensive nature of work. Concentration on particular information-intensive organizations may ensure a contribution to a new approach of information worker productivity measure. The absence of well-grounded

mechanism of the interaction between IT-use and productivity requires movement towards individual level which might develop our understanding of this interaction and provide relatively higher accuracy in IT benefits measurement. A clear understanding of the interaction between IT-use and activities of information workers has a potential to direct valuable human resources and available IT towards organizational goals.

References

1. Kuo E. and Low L. Information economy and changing occupational structure in Singapore / E. Kuo, L. Low // *The information society*. – 2001. - Vol. 17 – P. 281–293.
2. Webster F. *Theories of the information society* / F. Webster. - Routledge 270 Madison Avenue, NY, 2006. – 314 p.
3. Machlup F. *The production and distribution of knowledge in the United States* / F. Machlup. - Princeton University Press, Princeton, NJ, 1962. – 416 p.
4. Porat M.U. *The information economy: definition and measurement*. Office of telecommunication (DOC) / M.U. Porat. - Washington, D.C., 1977. – 319 p.
5. Apte U.M. and Nath H.K.. Size, structure and growth of the U.S. information economy [in Chapter 1 *Managing in the Information Economy* / U. Apte and U. Karmakar. - Springer Science+Business Media, LLC, 2007. – 482 p.
6. Karmakar U.S. and Apte U.M., 2007. Current research on managing in the information economy [in Chapter 1 *Managing in the Information Economy* / U. Apte and U. Karmakar. - Springer Science+Business Media, LLC, 2007. – 482 p.
7. Kaarst-Brown M.L. and Wang C. Doing business in paradise: how small, information intensive firms cope with uncertain infrastructure in a developing island nation (tci) / M.L., Kaarst-Brown , C. Wang // *Journal of global information management*. - Vol. 11. - Iss.: 4. - P. 37-57.
8. Davenport T. Powering information worker productivity with the right automatization [Electronic resource] / T. Davenport. - Available at: <http://www.emc.com/collateral/software/white-papers/h8208-information-worker-automation-wp.pdf>, free.
9. Szabo J and Dienes I. Ideas and concepts on the Hungarian information economy / J. Szabo, I. Dienes // *Information processing and management*. – 1998 - Vol. 24. - № 2. – P.183-198.
10. Dority G. K. *Rethinking information work: a career guide for librarians and other information professionals* / G.K. Dority. - Westport, CT: Libraries Unlimited, 2006. – 222 p.
11. Wilson, T.D. *Information management* / J. Feather and P. Sturges (eds), *International encyclopedia of information and library science*. – London: Routledge, 2003. - pp. 263-278.
12. Aral S. Brynjolfsson E. and Van Alstyne M. Information, technology and information worker productivity [Electronic resource] / S. Aral, E. Brynjolfsson, M. Van Alstyne. - Available at: <http://digital.mit.edu/research/papers-author.html>, free
13. Brynjolfsson E. and Hitt L. Paradox lost? Firm-level evidence on the returns on information systems spending / E. Brynjolfsson, L. Hitt // *Management science*. – 1996. - Vol. 42. - Iss.: 2. - P. 541-558.
14. Kurokawa F. and Nishimura K.G. Productivity in information service industries: a panel analysis of Japanese firms / F. Kurokawa, K.G. Nishimura // *Presses de sciences po | Revue de l'OFCE*. – 2006. - Vol. 5. - P. 351-371.
15. Kowalkowski, C. Service productivity gains through information and communication technology applications: a service marketing approach / C. Kowalkowski // *International journal of knowledge management studies*. – 2008. - Vol. 2. - № 1. - P. 96-114.
16. Gandal N., King C. and Van Alstyne M., Information technology use and productivity at the individual level [Electronic resource] / N. Gandal. - Available at: www.cepr.org/pubs/dps/DP6260.asp, free.
17. Brynjolfsson E. and Saunders A. *Wired for innovation: how information technology is reshaping the economy* / E. Brynjolfsson. - MIT Press, 2010. – 154 p.

18. Schienstock G.; Bechmann G.; Frederichs G. Information society, work and the generation of new forms of social exclusion (SOWING) [Electronic resource] / N. Gandal. - Available at: http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/sowing_en.pdf, free.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНО-РЕПРОДУКТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН

ПЕТРЯКОВА О.Л., КУЧМАЕВА О.В.,

Институт семьи и воспитания РАО, г.Москва, Россия

Семейные ценности — культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия[3]. Можно сказать также, что семейные ценности - это то, что важно, значимо для всех членами семьи, общее поле их интересов. Для большинства людей семейные ценности приблизительно одинаковы: любовь, родительство, верность, доверие, связь с предками, дом. Семейные ценности находят свое отражение в отношении к браку, желательности семейной жизни, отрицательном восприятии разводов, и, конечно же, относительно высоких репродуктивных установках. Однако, в результате изменения общества, под воздействием ряда социальных, экономических и политических факторов семейные ценности претерпевают существенные изменения. Прежде всего, это заключается в ценности многодетности, большой многопоколенной семьи.

Формирование образа семьи в глазах формирующейся личности происходит под воздействием совокупности внешних и внутренних (воспитательные стратегии, система ценностей родителей, взаимоотношения в семье) по отношению к самой семье факторов. Внешние, объективные условия и факторы, определяющие социальное самочувствие населения, естественно, влияют и на благополучие семьи. Исследования показывают, что среди основных факторов самые проблемные, требующие безотлагательных решений, и именно от них во многом зависит социальное самочувствие общества, - решение демографической проблемы (со стороны общества) и удовлетворенность семейной жизнью (со стороны отдельных индивидуумов).

В настоящее время происходит разрушение прежней системы ценностно-нормативной регуляции социального поведения, отмирают те важнейшие экзистенциальные ценности, которые на протяжении тысячелетий обеспечивали устойчивое самосохранение и эффективное функционирование общества, поэтому сейчас, по нашему мнению, не стоит смешивать понятие репродуктивных и семейных ценностей. Как пишет видный российский демограф А.Вишневский, в настоящее время половое, репродуктивное и брачное поведение перестали были слитным процессом, а являются обособленными друг от друга, и необязательно ценность и наличие одного какого-либо из этих аспектов, приведет к появлению другого [2]. На личностном уровне ценностный кризис семьи как социального института находит свое выражение в изменении структуры ценностных ориентаций личности, в росте её внесемейных ориентаций в ущерб семейным во всё нарастающем противоречии между ними.[9]

Особенности ценностного отношения к семье и детям в нашем обществе определяются достаточно устойчивыми тенденциями: сохранением высокой значимости семьи и детей для большей части населения; изменением структуры женской гендерной роли и связанным с ним снижением значимости материнства в жизни женщины; переходом от детоцентристских к супружеским внутрисемейным ценностям; вариативностью индивидуальных ценностных систем. Идеальная семья для россиян [7] - это, прежде всего та, в которой царит взаимопонимание, поддержка и уважение, несмотря на финансовые трудности (81%), в которой интересы семьи в целом важнее, чем отдельных ее членов (78%) и где муж с женой имеют только общие интересы и свободное время проводят вместе (77%). Кроме того, для большинства опрошенных образцовая семья - это та, в которой все вопросы решаются самостоятельно, без вмешательства других людей (65%). Семейные ценности, такие как создание прочной, счастливой семьи, воспитание детей, занимают прочные лидирующие позиции в структуре ценностных ориентаций молодых россиян наряду с такой ценностью, как создание материального достатка. При выяснении иерархии семейных ценностей были выделены как наиболее важные следующие ценностные позиции. Подавляющее большинство ответивших (93,5%) назвало главной семейной ценностью "любовь к детям, их воспитание и самореализацию в них". На втором месте - "семейное единство и взаимовыручка" - 85,4%. Третью позицию большинство опрошенных отдали такой ценности, как "психологический комфорт". На четвертом месте в шкале семейных ценностей оказалось "уважение к старшим, к своему роду". Пятую и шестую позицию занимают бытовой комфорт и здоровый образ жизни (64,2% и 59,8% соответственно).[7]

Особое место при изучении ценностей семьи занимает анализ эволюции мотивов вступления в брак. Если в традиционном обществе в качестве основного мотива брачности выступал экономический фактор (т.е. путем браков детей семья нацелена улучшить свое материальное положение, нередко и за счет продвижения по социальной лестнице), то в индустриальном - на первые места при опросах выходит такой мотив брака как любовь и желание иметь рядом близкого человека, т.е. прежде всего неэкономические мотивы.

Результаты исследования мотивов заключения брака, проведенного ВЦИОМ в 2012 г., показали, что, вступая в брак, супруги реализуют, прежде всего, свою потребность в близком человеке (потребность любви, принятия) - 69,5%. Репродуктивная установка (реализация в детях и продолжение рода) опрошенных оказалась на втором месте. Сексуальные потребности, как ведущий мотив создания семьи занимают третью позицию. Желание обеспечить себе поддержку в старости, свойственное гражданам более старших возрастов, составляет всего 6,1%.[7]

По данным еще одного исследования, проведенного в Иркутске в 2008г. желание узаконить отношения является ведущим мотивом лишь для 4,5% россиян [4]. Показательно, что небольшое значение для вступающих в брак имеют все виды формализации брачных отношений, абсолютное большинство (71,1%) ответивших считает, что главное в браке - это "быть вместе". Регистрацию брака считают важной 11,4%, заключение брачного контракта - 4,1%, венчание в церкви - 3,7%.

Ценность семьи в системе ценностей человека не остается неизменной. Иерархия ценностей меняется вместе с изменением общественных отношений. О трансформации семейных ценностей говорит и факт весьма значительного

распространения незарегистрированных союзов, по данным переписи населения России 2010 г. - 13,2% [5] (в 2002г. - 9,7%), особенно среди молодежи. Если брать повозрастной срез, то среди женщин, состоящих в первом браке, доля тех, чей брак не зарегистрирован в возрастной группе до 25 лет в 4,7 раза больше, чем в возрастной группе 40 лет и старше. У мужчин разделение на первый и повторный браки еще сильнее, чем у женщин влияет на различие в дифференциации доли состоящих в незарегистрированном браке по возрастным группам. Среди мужчин, состоящих в первом браке, доля тех, чей брак не зарегистрирован, в возрастной группе до 25 лет в 11,4 раза больше, чем в возрастной группе 40 лет и старше, а среди всех состоящих в браке (без разделения на первые и повторные) – в 3,9 раза.

В период социализации ребенка в процессе воспитания в семье закладываются основы его представлений о будущей семье, о том, сколько детей вообще «нормально» или «лучше всего» иметь в семье. Для количественного формирования этих представлений имеет значение размер семьи, в которой развивается ребенок, простая она или сложная, сколько у него братьев и сестер, взаимоотношения всех членов семьи. Имеет значение и то, сколько детей в других семьях ближайшего окружения ребенка, имеющих в его глазах положительный авторитет. На систему ценностей человека оказывают влияние те социальные группы, в которых ему приходится жить [6].

В России вплоть до недавнего времени рождение первенца вообще было всеобщим, жестко нормированным на социокультурном уровне явлением, а потому, как хорошо было известно специалистам, вероятность рождения первого ребенка не зависела ни от факторов экономического положения индивида, ни от конъюнктурного состояния экономической среды в целом. Однако с середины 1990-х гг. в России наблюдается тенденция откладывания времени появления на свет первенца. В то же время показатели вероятности рождения второго ребенка (для тех, кто уже имеет первого) и последующих детей если и снизились за последние десять лет, то незначительно. Во-вторых, значительное распространение получила практика рождения ребенка вне официального брака в основных брачных возрастах. Механизм, который стоит за столь резким пересмотром социокультурных норм формирования семьи, мало исследован, а высказываемые в средствах массовой информации и научной литературе объяснительные гипотезы до сих пор не имели под собой прочных эмпирических оснований [8].

В настоящее время наиболее значимыми мотивами рождения второго ребенка для россиян являются социально-психологические: чтобы единственный ребенок не чувствовал себя одиноким; чтобы единственный ребенок не вырос эгоистом; желание иметь ребенка другого пола, желание супруга иметь еще ребенка. Также имеет значение экономический мотив (4 место из 14 мотивов): «с двумя детьми больше вероятность поддержки в старости [1]».

Основными тенденциями трансформации института семьи и семейных ценностей в последнее время становятся: усиление значимости нуклеарной семьи, пока для большинства россиян очень важно наличие хотя бы одного ребенка в семье, однако в рождение его может откладываться. Получают распространение добрачные союзы, совместная жизнь вне зарегистрированного брака. Изменяются мотивы как вступления в брак (или мотивы совместного проживания), так и рождения детей: на смену

экономическим и социальным («быть как все») все чаще приходят психологические аргументы.

Обобщая результаты исследований, можно сказать, что почти половина россиян не считают вступление в брак важным критерием социальной зрелости, более трети не считают таким критерием рождение детей, каждый шестой из наших соотечественников не осуждает добровольную бездетность. Мнения об этих критериях отражаются на реальном брачном, семейном и репродуктивном поведении.

Оценивая изменения, происходящие с институтом семьи, следует говорить не о снижении ценности семьи как таковой, а об изменении социально одобряемой модели семьи и ее месте в структуре жизненных ценностей и приоритетов. Снижение ценности традиционного семейного образа жизни, что особенно ярко проявляется при сравнении места семейных ценностей в системе ценностей различных поколений. Сложившаяся ситуация обусловлена воздействием на институт семьи совокупностью факторов (экономических, культурологических, демографических, психологических) и тесным взаимодействием изменений, происходящих в обществе и в семье. Для современной молодежи характерна допустимость добровольной бездетности; ее репродуктивные ориентации тяготеют к малодетной семье и далеки от того, что считается допустимым; семья остается для молодежи привлекательной ценностью, но связывать себя браком молодежь не спешит; происходит выход значительной части взрослого населения за пределы семейной жизни вообще. Меняются воспитательные стратегии поколений в сторону модернистских ценностей и личного успеха.

В долгосрочных перспективах (жизненных целях) молодежи семья и дети, счастье в личной жизни занимает первое место, а потом уже карьера и профессия. Однако в их представлениях о предпочтениях, путях достижения успеха в жизни первые места занимают ценности, касающиеся карьеры и профессионального успеха. Детей заводить большинство из них собираются только при наличии работы, образования, жилья. Жизненная схема современных молодых – «образование-работа-семья».

Наличие множества проблем в развитии семьи, трансформация системы ценностей побуждает к поиску новых форм мер семейной политики, направленных на сохранение и укрепление престижа семьи и семейного образа жизни.

Список литературы

1. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения. http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc#_Toc342574151 с.55-57.
2. Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи. // Экология и жизнь. №7, 2008. <http://elementy.ru/lib/430650>
3. Глоссарий терминов//Олифирова Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов, 2006. vocabulary.ru/Словари/788
4. Гольцова Е. В., Лещенко Я А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости. СОЦИС 2010г. - №2- 125-130с.
5. Итоги переписи населения 2010г. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Materials/rg-14-12.doc
6. Надирашвили Ш. А.. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974.
7. Пресс-выпуск №2062. 05.07.2012 «Идеальная семья : «Погода в доме» - важнее достатка». [www. wciom.ru](http://www.wciom.ru)

8. Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. / под научн. ред. Т.М.Малевой, О.В.Синявской. М.:НИСП, 2007.

9. Узик А. Ценностные ориентации http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.demographia.ru%2Farticles_N%2Findex.html%3FidR%3D20%26idArt%3D684&text=%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8&l10n=ru&sign=cb6940694de349dba06ed5f534b6ba99&keyno=0 - YANDEX 1 и http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.demographia.ru%2Farticles_N%2Findex.html%3FidR%3D20%26idArt%3D684&text=%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8&l10n=ru&sign=cb6940694de349dba06ed5f534b6ba99&keyno=0 - YANDEX 0 семейное http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.demographia.ru%2Farticles_N%2Findex.html%3FidR%3D20%26idArt%3D684&text=%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8&l10n=ru&sign=cb6940694de349dba06ed5f534b6ba99&keyno=0 - YANDEX 2 поведение городского населения современной России. Демографические исследования №5. www.demographia.ru

ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

А.А. Похомова

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Современное звучание и смысловое наполнение волонтерство получило только в начале 20 века, когда, по мнению многих исследователей (Хмелевский и др.), был организован и осуществлен первый волонтерский проект. Идея его принадлежала швейцарскому физическому, инженеру, математику Р. Ceresole, который в 1920 году основал первый волонтерский лагерь под Верденом из добровольцев разных стран для восстановления деревни Esnes-en-Argonne и минимализации принесенного войной ущерба. Вследствие популярности этой идеи возникло много последователей, которые и стали причиной появления нового социального явления – волонтерства [1, с. 35]. Ученый распространял идеи мира и ненасилия, отказывался платить налоги, так как эти деньги шли на вооружение и амуницию.

Сам Р. Ceresole стал основателем Международной гражданской службы (Service Civil International - SCI) – одной из самых крупных и известных международных волонтерских организаций в настоящее время. Это волонтерская организация направлена на продвижение культуры мира. Среди основных целей, которые преследуют волонтеры SCI в своей деятельности, можно отметить также сотрудничество с местными общинами, организациями, распространение идей ненасилия, бережное отношение к экосистеме и др. В рамках Международной гражданской службы волонтерство воспринимается как форма индивидуальной или групповой инициативы для построения и укрепления гражданского общества без

материальной компенсации и вознаграждения в целях воздействия на социальную реальность. Волонтеры не претендуют на замену мест оплачиваемых работников или влияние на штрейкбрехерство, т.е. ликвидацию последствий от простоя производства во время забастовок рабочих [2].

Так или иначе, движение волонтеров стало набирать свою силу через различные местные волонтерские клубы и объединения и международные организации. Феномен добровольческого труда распространился на многие страны мира, принимая разную форму воплощения. Тем не менее, сущность добровольческой деятельности не меняется: неоплачиваемый труд во благо общества, основанный на личной инициативе и на добровольном желании. Международные проекты помогают людям, имеющим разный культурный бэкграунд, преодолеть культурные и социальные барьеры и предрассудки. В данном контексте волонтерская деятельность помогает достичь взаимной помощи и поддержки и взаимопонимания. Проекты различают по длительности осуществления на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные, часто предваряя их дополнительной подготовкой и тренингами.

Республиканские, местные и локальные волонтерские проекты позволяют проявлять индивидуальную инициативу, развивать потенциал молодого населения, актуализировать их способность акцентировать внимание на социальных проблемах и их решению посредством методов пропаганды и профилактики, оказания посильной помощи, сбора средств и т.д.

Близкие по смыслу понятия «филантропия» и «благотворительность» имеют религиозные и философские корни. Сущность благотворительной деятельности подразумевает не только оказание безвозмездной помощи путем приложения физической, интеллектуальной, моральной силы, но и жертвования в виде материальных ресурсов и благ. В этом главное отличие волонтерской деятельности от благотворительной. Волонтерство предполагает исключительно трудовую деятельность без денежных взносов и каких-либо капитальных вложений. Феномен волонтерства предлагает своего рода обмет трудовых ресурсов на проживание, питание, трудовой и социальный опыт, коммуникацию, построение социальных связей и т.д.

Формы волонтерской деятельности модифицировались с течением времени, также как и объекты внимания и помощи: от милосердной деятельности служителей церкви по оказанию помощи юродивым, больным, нищим, сиротам и т.д, через благотворительные общества, добровольные организации (пожарных, спасателей, дружинников и т.д.), тимуровское движение, советские субботники до современного понимания волонтерства как социального феномена, ставшего неотъемлемой частью общества.

При зарождении индустриального общества и возникновению ряда социальных проблем, связанных с безработицей, нищетой, заболеваемостью объектами внимания добровольцев были соответственно самые уязвимые социальные группы населения.

На постиндустриальном уровне развития общества с обострением экологических проблем помимо оказания помощи прежним целевым группам, волонтеры стали обращать внимание на необходимость устранения результатов жизнедеятельности человека в природной среде, очищая лесной массив, берега рек и озер, прибрежную линию, национальные парки, заповедники от естественного и искусственного мусора.

В поле внимания добровольцев попали и культурные объекты, которые нуждаются в реставрации. До настоящего времени ряд волонтерских отрядов и сопровождающие их волонтерские программы как местного уровня, так и международного работают над восстановлением древних замков, исторических памятников, старых кладбищ и др.

Многие волонтеры работают совместно с общественными организациями оказывая помощь по связи с общественностью, через фандрайзинг, сопровождение и поддержание официальных сайтов, публикацию информационных материалов, переводы и т.д.

Возрастание интереса к волонтерской деятельности может быть обусловлена многими причинами. В том числе и разнообразие социальной жизни, общественно полезное проведение досуга. Молодежь как основная группа для формирования волонтерских отрядов стремится реализовать собственный творческий, интеллектуальный потенциал посредством многочисленных контактов с людьми, разного рода подработок, сотрудничества и добровольной деятельности. Следовательно, не вся совокупность молодого населения желает проводить свое свободное время пассивно. В данном контексте волонтерство выступает своего рода «свежим дыханием», позволяющим молодым людям активно, полезно и с удовольствием провести несколько часов в неделю. Разнообразные формы волонтерской деятельности позволяют это сделать.

Стремление к новым знаниям, технологиям и информации отличает потребности в основном студенческой молодежи. Многие данные закрыты от широкого доступа в течении определенного промежутка времени, однако сотрудники штатные или внештатные, оплачиваемые или неоплачиваемые имеют доступ к разработкам, ресурсам и информации. Выполняя для организации ряд поручений, волонтеры имеют возможность получить неоценимый опыт работы и быть в кругу актуальной информации.

Общественные организации и социальные проекты помогают наладить контакты со многими людьми, которые интересуются той же проблематикой, что и волонтер. Человек по природе существо социальное, которое стремится найти группу единомышленников. Опыт работы общественных организаций с разными категориями людей обогащает волонтерами практическими знаниями, а не только теоретическими, которые преподаются в университете по преимуществу. Следовательно, некоторые вузы педагогической направленности организуют волонтерские отряды и клубы внутри образовательной среды, позволяя студентам реализовывать добровольческие интенции, желание оказывать помощь нуждающимся в ней и приобретать практические навыки в работе. Имея хорошую не только теоретическую, но и практическую базу, выпускник вуза представляет собой самостоятельного, самодостаточного и полноценного специалиста.

Некоторые могут рассматривать волонтерскую деятельность как возможность изучения рынка труда и рациональной оценки собственных ресурсов и возможности их успешного применения или усовершенствования при необходимости.

Некоторые авторы (Решетников О.В. и др.) определяют повышение интереса к добровольческой деятельности и ее ресурсам несколькими факторами. Во-первых,

развитие гражданского общества, которое расширяет свои функции и привлекает для их реализации все больше людей.

Во-вторых, усиление социальной политики государств посредством развития социальной ответственности субъектов экономики и инициатив отдельных граждан.

В-третьих, снижение роли церкви и религиозного регулирования нравственной жизни граждан привело к смыслобизменному кризису. Нельзя сказать, что волонтерская деятельность, воплощающая в себе любовь к ближнему, принципы гуманизма и помощи нуждающемуся, может заменить религиозные ценности и занять место института церкви, однако общественное служение способно сориентировать индивида в современном мире, сменив экономические интенции на социальное благополучие каждого члена общества [3, с.19-21].

В этом аспекте стоит упомянуть о коммерциализации всех аспектов жизни, которая приводит к снижению социальной ответственности индивидов, внимания к другим субъектам социальных отношений. Постепенно отношения взаимопомощи и поддержки также могут перейти на рельсы оплачиваемого труда, что лишит многие ограниченные в материальных ресурсах социальные группы возможности получения помощи: юридической, психологической, медицинской и др. Феномен волонтерского труда создает определенные гарантии социальной помощи для детей-сирот, инвалидов, многодетных семей, одиноких престарелых людей как представителей социальных групп, а также возможности нормального функционирования общественных организаций.

Процессы индивидуализации изолируют современного человека от чувств, переживаний, нужд других людей в силу приоритета экономического успеха, материальных благ и карьерного роста, доминирования интернет-технологий при коммуникации, которые лишают индивида полноценного межличностного общения и снижают его психологическую и социальную ценность, отдавая предпочтение фактору информативности сообщения.

Добровольная общественная деятельность возвращает ценность общественным институтам, так как создает видимость и иллюстративность добровольного труда [3, с.23]. В качестве наглядности и значимости волонтерского труда используется ряд показателей, в том числе и количество отработанного волонтерами времени в часах, переведенное в денежный эквивалент. Таким образом можно привлечь внимание общественности к волонтерской деятельности, увеличить ряды добровольцев, сформировать позитивное отношение, понимание к деятельности волонтеров.

В соответствии с данными the Corporation for National and Community Service около 63.4 миллиона американцев, или более 26% взрослого населения, тратят более 8 миллиардов часов на волонтерскую деятельность. В соответствии с данными за 2012 год, час волонтерского труда американца оценивается в \$22.14 [4]. Вокруг эффективности и корректности использования экономической оценки волонтерского труда возникает много споров, но, тем не менее, методика измерения результатов совершенствуется с каждым годом в рамках исследований, проводимых Международной организацией труда.

Количество часов, которое волонтер тратит или может затрачивать на добровольческую деятельность у нас в стране, зависит от специфики выполняемых волонтером функций. Работа редактора печатных материалов, журналиста или

оператора по формированию баз данных может осуществляться удаленно в любое удобное волонтеру время. Посещение детей в детских домах, хосписах, больницах и т.д. требует постоянного и регулярного личного контакта, установления привязанности и социальных связей, и, следовательно, несколько часов свободного времени каждую неделю. Некоторые волонтерские проекты могут осуществляться сезонно, такие как летние лагеря в рамках экологических, педагогических, реставрационных и др. проектов. В зависимости от типа работы трудовая деятельность может носить регламентированный или нерегламентированный характер. Однако стоит помнить о том, что труд волонтера является добровольным, основанный на личном волеизъявлении и инициативе.

Ряд трудностей при организации волонтерских мероприятий и при реализации социальных проектов связан, главным образом, с управленческим и правовым аспектом. Законодательно в нашей стране деятельность волонтеров не регулируется. Волонтер, как субъект социальных отношений, практически не имеет документального закрепления на республиканском уровне.

Таким образом, добровольчество может рассматриваться как форма самостоятельного освоения общественной сферы через поиск решения и устранения проблем, удовлетворения потребностей конкретных социальных групп общества или сообщества. Волонтерская деятельность придает существованию человека осмысленный и направленный характер, социальную ориентированность, снижает потребительский характер социальных отношений, прививает ответственное поведение и внимательное отношение к окружающим, повышает ценность человеческой жизни и счастья каждого индивида.

Список литературы

1. Wolontariat jako forma aktywności społecznej // Acta Universitatis Wratislaviensis. – Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2009. - №3126, 1. – s. 35-44.
2. Learn about SCI / Service Civil International. - [Электронный интернет-источник]. - Код доступа: <http://www.sciint.org>. – Дата доступа: 12.04.2013.
3. Решетников О.В. Корпоративное добровольчество: Научно-методическое пособие / О.В.Решетников. – Москва: ООО «Издательство «Проспект», 2010. – 152 с.
4. Independent Sector's Value of Volunteer Time/ Independent Sector. – [Электронный интернет-источник]. - Код доступа: http://www.independentsector.org/volunteer_time. - Дата доступа: 28.01.2013.

ПРОБЛЕМА НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О.Н. РЫНДОВА, И. М. ПУНЬКО

Гродненский государственный медицинский университет, г. Гродно, Беларусь

Во второй половине XX в. человечество стало свидетелем непреодолимой и необратимой силы процессов глобализации, так или иначе охвативших все сферы социально-экономической жизни и создающих глобальную по своему масштабу систему

взаимозависимости стран и народов мира. Глобализационные процессы в сочетании со стремительными переменами в глобальных политических и экономических системах способствовали резкой интенсификации мировых миграционных потоков, привели к формированию принципиально новой миграционной ситуации в мире. Ее важнейшими характерными чертами являются следующие:

- беспрецедентное расширение масштабов и географии международной миграции;
- трансформация структуры международных миграционных потоков;
- определяющее значение экономической и прежде всего трудовой миграции;
- неуклонный рост и структурная «непреодолимость» нелегальной иммиграции;
- рост масштабов и расширение географии вынужденных миграций;
- увеличение значимости международной миграции населения в демографическом развитии современного мира;
- двойственный характер современной миграционной политики [1, с. 77].

В настоящей публикации мы акцентируем внимание на проблеме нелегальной миграции в Республике Беларусь, как негативной составляющей современных глобализационных процессов.

В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь незаконная миграция – это незаконные въезд в Республику Беларусь, пребывание на территории Республики Беларусь, транзитный проезд (транзит) через территорию Республики Беларусь или выезд из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства (далее – иностранцы). Масштабно с вопросами нелегальной миграции наша страна впервые столкнулась в период провозглашения своей суверенности в начале 90-х годов прошлого столетия. Эта проблема не теряет своей актуальности до сих пор и требует, безусловно, активного и неременного разрешения.

Анализ статистической, уголовно-правовой и оперативной информации свидетельствует о том, что, не смотря на эффективную деятельность правоохранительных органов Республики Беларусь по предупреждению, выявлению и пресечению каналов незаконной миграции, совершенствованию законодательства, развитию сотрудничества с заинтересованными государствами, международными межправительственными и неправительственными организациями, территория Республики Беларусь по-прежнему рассматривается международными криминальными структурами в качестве одного из звеньев в мировой сети каналов незаконной миграции, которая охватывает страны происхождения нелегалов, «транзитные» территории и развитые страны Западной Европы.

Проблемы нелегальной миграции связаны, прежде всего, с особенностью геополитического и стратегического положения Беларуси. Республика Беларусь находится в географическом центре Европы, на стыке Запада с Востоком, что превращает ее в перекресток как законного, так и незаконного перемещения людей и товаров, в том числе «живого товара», оружия и наркотических средств. Поэтому здесь все отчетливее проявляется деятельность преступных транснациональных организаций. В то же время, одновременно следует учитывать тот факт, что решение миграционных проблем в республике, влияет на общую миграционную ситуацию и, связанные с ней, стабильность и безопасность во всем регионе. По приблизительным оценкам

правоохранительных органов, в настоящее время в нашей стране находится около 150 тысяч человек (по ряду оценок до 300 тыс.) незаконных мигрантов, из которых значительную часть составляют граждане Шри-Ланки, Индии, Пакистана, Бангладеш, Китая, Афганистана, Вьетнама [2, с. 65].

Нелегалы прибывают в Беларусь самыми различными способами: в качестве туристов, на основе права транзитного проезда, безвизового въезда, по служебным и частным делам, а также путем незаконного пересечения государственной границы. В основном, в роли нелегальных мигрантов выступают «челночные» торговцы (китайцы, вьетнамцы, корейцы); беженцы из «горячих точек» (афганцы, арабы и др.); а также бывшие иностранные студенты, учившиеся в вузах нашей страны и не желающие возвращаться на родину из-за войн в их странах или каких-либо других проблем. Очевидным является тот факт, что лавинообразное развитие событий в Тунисе, Египте, Иордании, Йемене, Ливии, других государствах Северной Африки и Азии с неизбежностью повлекло обострение обстановки на каналах миграции, в том числе и увеличение количества незаконных мигрантов.

С конца февраля – начала марта 2012 года отмечается существенный всплеск миграционной активности, который продолжает фиксироваться и в настоящее время. Об этом, прежде всего, свидетельствует рост как числа выявленных нарушителей Государственной границы Республики Беларусь, так и увеличение фактов задержаний лиц, причастных к незаконной миграции. В результате введения в 2003 году уголовной ответственности за организацию незаконной миграции, в период с 2006 года по 2012 год более 100 лиц, причастных к организации незаконной миграции, были привлечены к уголовной ответственности. Ликвидирован целый ряд каналов незаконной миграции и, как следствие, значительно снизилось количество иностранцев, задерживаемых на территории республики в составе организованных групп незаконных мигрантов [3].

Сегодня нелегальная миграция является общей проблемой мирового сообщества. На современном этапе развития международных отношений незаконная миграция превратилась в глобальную проблему, затрагивающая интересы многих стран. Каждое государство подходит к решению этой проблемы исходя из собственных интересов и принципов обеспечения национальной безопасности. В отличие от стран Западной Европы, Беларусь на сегодняшний день не имеет детально разработанной системы противодействия нелегальной миграции и достаточно успешного опыта решения этой проблемы по двум причинам: во-первых, это требует больших экономических затрат, во-вторых, для этой цели требуется более широкое сотрудничество с другими странами.

Однако, определенные меры в направлении разрешения этой проблемы предпринимаются. Так, с 1995 г. в Республике Беларусь работает Представительство Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Его деятельность благотворно повлияла на развитие белорусского миграционного законодательства, в котором ранее даже не было трактовки таких понятий «незаконная миграция», «миграция», «организация незаконной миграции». УВК ООН осуществляет сотрудничество с органами власти в сфере переподготовки кадров государственных органов по миграции, содействует установлению контактов белорусского государства с другими заинтересованными государствами, а также со странами – источниками нелегальной миграции.

Для борьбы с незаконной миграцией Беларусь сотрудничает с Международной организацией по миграции (МОМ), в которой состоит в качестве наблюдателя с ноября 1994 г. В декабре 1996 г. в Минске было открыто представительство Международной организации по миграции, а 5 мая 1999 г. ратифицировано Соглашение о сотрудничестве между правительством Республики Беларусь и МОМ.

Представительство МОМ в Беларуси, в меру своих возможностей, оказывает содействие стране в решении миграционных проблем. В частности, Представительством осуществлен ряд программ и проектов, направленных на снижение объема нелегальной миграции. В 1996—1997 гг. проведен ряд семинаров по трудовой и нелегальной миграции, а также оказано техническое содействие Государственному комитету пограничных войск и Государственной миграционной службе (ныне Департамент по миграции при Министерстве труда и социальной защиты), в основном, для создания информационных сетей и электронного обмена данными. В 1997—1998 гг. оказана помощь в добровольном возвращении на родину нелегальных мигрантов, пребывающих на территории Беларуси в сложном положении, без жилья и средств к существованию, а также студентов из развивающихся стран, окончивших республиканские высшие учебные заведения по контрактам бывшего СССР.

В 1999—2001 гг. реализован проект "Иммиграционный контроль в Республике Беларусь и Украине: управление совместной границей". В этом проекте, возможно, в наиболее полной мере воплотился системный подход решения миграционных проблем посредством совместного управления границей. Так как по своему определению нелегальная миграция носит транснациональный характер, очень важны сотрудничество и координация действий сопредельных государств, что умножает результативность односторонних национальных мер и усилий. Поэтому внимание Представительства МОМ сосредоточено на работе с сопредельными государствами в целях повышения эффективности совместного пограничного контроля.

С октября 2002 г. Представительство МОМ реализует проект "Борьба с торговлей женщинами в Республике Беларусь", который осуществляется в тесном сотрудничестве с МВД Республики Беларусь и Программой развития ООН, при финансовой поддержке Шведского управления международного развития и сотрудничества и Госдепартамента США.

В 2005 г. Беларусь стала полноправным членом МОМ. С этого времени Беларусь и Международная организация по миграции продолжают сотрудничество в самом тесном ключе. За последние несколько лет в Беларуси были реализованы десятки проектов и предложений по противодействию торговле людьми и незаконной миграции. Наше правительство намерено и в дальнейшем развивать взаимодействие и в локальном, и в глобальном масштабе с данной организацией.

По официальным статистическим данным, в 2012 г. на территории Беларуси задержано 12 групп нелегальных мигрантов общей численностью 74 человека. За организацию незаконной миграции возбуждено 7 уголовных дел. Всего в 2012 году к административной ответственности по статье 23.55 КоАП Республики Беларусь за нарушения Правил пребывания привлечено 18346 лиц, из них 14,5 тыс. иностранцев. В отношении 2186 иностранцев вынесены постановления о депортации (высылке) из Республики Беларусь, из них 885 - выдворены под конвоем. За нарушение сроков

запрета въезда в Республику Беларусь по статье 371-2 УК Республики Беларусь возбуждено 198 уголовных дел [4].

По представлению органов внутренних дел и ходатайствам государственных органов 2136 иностранцев, нарушивших законодательство, включены в Список лиц, въезд которых на территорию Республики Беларусь запрещен или нежелателен. Аннулировано 3991 разрешение иностранным гражданам на постоянное проживание в республике. В результате предпринятых мер органами внутренних дел был обеспечен контроль за пребыванием на территории государства более 910 тысяч иностранцев, из них более 153 тыс. постоянно проживающих, 39,6 тыс. – временно проживающих, почти 135 тыс. – временно пребывающих на территории Республики Беларусь. К слову, в гостиницах республики и в объектах агротуризма в 2012 году было зарегистрировано 591443 иностранца [4].

Чаще всего нелегальные мигранты рассматривают Беларусь в качестве транзитного государства для последующей миграции в страны Западной Европы. Не сумев сразу попасть в желаемую страну, нелегалы «оседают» в Беларуси, и их число с каждым годом растет. Способствует этому обустройство и укрепление границ с Беларусью со стороны ее западных соседей – Польши и стран Балтии. По данным опроса задержанных, конечной целью для незаконных мигрантов являются преимущественно такие государства, как Германия (65%), Франция (9%), Бельгия (6%), Голландия (5%) и другие страны, среди которых Италия, Скандинавские страны, а также США и Канада (15%) [2, с. 65].

Наибольшее опасение вызывает то обстоятельство, что потоки незаконных мигрантов создают благоприятные условия международным террористическим организациям и криминальным сообществам для использования этих каналов в своей противоправной деятельности, в частности, для функционирования каналов контрабанды наркотиков, оружия, торговли людьми, вывода из зон боевых действий членов террористических формирований и перемещения средств совершения актов терроризма.

Негативная составляющая миграционных процессов, создающая благоприятную почву для разрастания криминальных проявлений, требует регулярного осуществления межведомственных оперативно-профилактических и специальных мероприятий по выявлению иностранных граждан, незаконно находящихся на территории Республики Беларусь, предупреждению с их стороны преступлений и правонарушений.

Во взаимодействии с органами пограничной службы, государственной безопасности и совместно с приграничными органами внутренних дел России и Украины, а также подразделениями ФМС России в 2012 году организованы и дважды проведены межведомственные профилактические оперативно – розыскные мероприятия и специальные операции по противодействию незаконной миграции граждан третьих стран и торговле людьми в зоне ответственности ОДКБ под условным наименованием «Нелегал–2012», предусматривающие усиленную отработку мест компактного пребывания иностранных граждан (рынков, вокзалов, общежитий, гостиниц и т.д.) и направленные на выявление лиц, находящихся на территории республики без правовых оснований.

В ходе проведения активной фазы мероприятий «Нелегал-2012» органами внутренних дел за нарушение миграционного законодательства привлечено к

административной ответственности 1376 иностранных граждан и лиц без гражданства, из них за нарушение порядка въезда-выезда и пребывания - 1312 (граждан Китая - 42, Турции – 17, Ирана – 6, Вьетнама – 2, Индии - 2, иной гражданской принадлежности – 1243), нарушение установленного порядка осуществления трудовой деятельности - 64. В связи с нарушением законодательства Республики Беларусь 119 иностранцев выдворены за пределы государств-членов ОДКБ [3].

Таким образом, в настоящее время глобализация, которая охватила весь мир, имеет как положительные, так и негативные последствия, в том числе, и для нашей страны. Одной из таких негативных сторон является незаконная миграция. Для того, чтобы ей противостоять, Беларусь активно сотрудничает с Международной организацией по миграции в целях дальнейшего развития управляемости миграционными процессами. Предусматривается помощь со стороны МОМ и других заинтересованных государств в расширении возможностей по содержанию задержанных нелегальных мигрантов и возвращению их на родину, а также разрабатываются специальные международные программы, направленные на развитие приграничного сотрудничества РБ с соседними странами. А, в целом, способность государства к решению проблем, связанных с нелегальной миграцией, является важнейшей составляющей национальной безопасности страны.

Список литературы

1. Алешковский, И. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире/ И. А. Алешковский, В. А. Ионцев // Век глобализации. – 2008. - №2. - С. 77-87.
2. Шахотько, Л. П. Нелегальная миграция: факторы роста и пути решения / Л. П. Шахотько // Международная миграция населения: Россия и современный мир. - М.: МАКС-Пресс, 2002. - № 9. - С. 65—77.
3. Информация о противодействии незаконной миграции в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=11271>. – Дата доступа: 07.04.2013.
4. Информационно – справочный материал о миграционной ситуации в Республике Беларусь в 2012 году [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=11261>. - Дата доступа: 07.04.2013.

ИМПЕРАТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ

Л.Н. СЕМЁНОВА

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

*От чего к чему был у нас переход
мы не знаем, да и никто наверное не знает,
разве что некоторые заезжие гости.*

Ф.М. Достоевский

Важнейшая задача гуманитарных наук – выявление сущности мироустройства в целом и конкретного общественного устройства в частности. Применительно к истории страны такое определение позволяет понять результат прошлых трансформаций и наметить вектор будущих. На фоне постоянной динамики общества категория

«трансформация» фиксирует коренные и системные изменения. Политика перестройки, распад СССР и социалистического блока, формирование новых государств подняли мощную трансформационную волну, в зоне влияния которой оказалась и Беларусь. Уже в период перестройки был обозначен вектор трансформации: от тоталитаризма к демократии, от административно-командной системы к рыночной экономике. К чему же привел более чем двадцатилетний период трансформации? Как определяется сущность современного общественного устройства Республики Беларусь? И политики, и ученые чаще пишут о белорусской модели, чем дают четкие определения общественно-экономической системе. В белорусской модели подчеркивается социальная ориентация, направленность на нужды человека, общественная стабильность.

В последнее время белорусская модель определяется как социально ориентированная рыночная экономика (СОРЭ). Этот термин является смешением разноплановых понятий. По степени удовлетворения потребностей экономика характеризуется как эффективная и неэффективная, по организации факторов производства и производственных отношений экономика подразделяется на феодальную, капиталистическую, социалистическую (способы производства вторичной экономической формации по К. Марксу). Рынки функционируют при любом способе производства, но полномасштабная рыночная система складывается только при капитализме. А социально ориентированным по результатам социальной политики может быть государство. Такое государство принято называть социальным. Более уместными, на наш взгляд, являются утвердившиеся в науке и общественно-политической лексике понятия «рыночная система» и «социальное государство», а отнюдь не их гибрид «социально ориентированная рыночная экономика».

Если социальная ориентация белорусской модели очевидна, то рыночная под вопросом. Хотя еще на рубеже 1980–90-х гг. тогда еще в Белорусской ССР была принята «Программа перехода Белорусской ССР к рыночной экономике», которая должна была быть выполнена к концу 1991 г. Но вряд ли к настоящему времени в Беларуси сформировалась полноценная рыночная система. Власти сами признают ее отсутствие. Неслучайно государством взят курс на либерализацию экономики, который и должен привести к установлению рыночных институтов. Важнейшим показателем наличия рыночных механизмов считается свобода ценообразования, отсутствие монополизации, в том числе и государственной монополии. В Беларуси же преобладает государственная собственность, государственное ценообразование, имеется ряд государственных механизмов по перераспределению доходов помимо государственного бюджета. В 2010 г. в соответствии с известным в мире индексом трансформации Фонда Бартельсмана (разработан в Мюнхенском университете) Беларусь была отнесена к странам «с плохо функционирующими либо зачаточными рыночными институтами» [1, с. 14].

Так в каком же общественно-экономическом строе мы живем? В любом случае нам не обойтись без классических категорий капитализма и социализма. Разные мировоззренческие традиции в своем проекте социализма базировались на отрицании элементов капитализма и соответственно введении их полной противоположности. На смену господствующей в условиях капитализма частной собственности при социализме должна прийти общественная; частного присвоения – государственный контроль над распределением. Движение капитала, стремящегося к бесконечному расширению,

открывающего новые рынки, вторгающегося во все сферы общества, должно смениться необходимыми с точки зрения общественных целей государственными инвестициями. Если динамика капитала стимулирует развитие рыночной системы, то социализм заменяет ее государственной монополией и планомерным распределением ресурсов. Если при капиталистической рыночной системе существует свободное ценообразование, то при социализме – государственное. Если капиталистическая экономика рыночная, то социалистическая – командная. Перечень подобных противопоставлений может быть еще достаточно долгим. Кратко суммируя его вслед за французским политологом М. Крозье, можно сказать, что в практике государственного управления капитализм в большей степени опирается на регуляции, тогда как социализм применяет регламентации [2, с. 190].

В соответствии с линейной перспективой прогресса социализм представлялся его теоретикам строем, приходящим на смену капитализму, а значит более совершенным. Строй же в отдельных странах (в СССР и социалистическом лагере) при господстве капиталистической системы в целом рассматривается не более чем мутантным социализмом. С позиций современного марксизма – это всего лишь следствия объективной тенденции социализации капитала.

В рамках синергетической картины мира перспектива общественного развития нелинейна. Она вполне адекватно обозначается циклами, в которых удивительно точно проявляются тенденции к уменьшению командной роли государства в духе капитализма и соответственно к возрастанию в духе социализма. Подобные тенденции можно увидеть и в экономических, и в социально-демографических, и в политических циклах, характерных для мировой, региональных и страноведческих историй. Переход к очередному циклу и является трансформацией.

После распада СССР в Беларуси началась не столько трансформация социализма в капитализм, сколько разрушение социализма, его системный кризис, распад, который был быстро остановлен. Уже во второй половине 1990-х гг. началось восстановление социализма. Действительно, белорусская модель вполне социалистическая по своему социально-экономическому устройству. Отвечая в 2008 г. на вопросы британского информационного агентства «Рейтер», Президент РБ А.Г. Лукашенко подчеркивал: «Если иметь в виду ту высочайшую степень социальной защиты нашего населения, то эту экономику и эту политику можно назвать социалистической» [3, с. 57]. В 2005 г. в Беларуси более 80 % активов являлись государственной или кооперативной собственностью, в настоящее время – около 70 %. С 1996 г. у нас восстановлено пятилетнее и годовое прогнозирование основных показателей развития экономики. Всемирный банк в 2000 г. отнес Беларусь к странам с командной экономикой в соответствии с индексом структурных преобразований [1, с. 14].

Выступая 11 декабря 2012 г. на встрече с членами Клуба главных редакторов стран СНГ, Балтии и Грузии, А.Г. Лукашенко заявил: «Я хотел бы, чтобы мы, если исходить из традиционных понятий, строили у себя социализм. Не тот социализм, который мы строили в Советском Союзе и изучали по учебникам. Это что-то от Франции. Вот этот корень – «социализм» – это социально ориентированная экономика» [4]. Так собственно мы и строим у себя социализм, причем исходя из традиционных понятий, которые были апробированы в социалистическом Советском Союзе, отнюдь не во

Франции. Главным принципом государственной политики Республики Беларусь в экономике является формула «не ломаем, не разбрасываем, не уничтожаем» [5].

Так может быть трансформация вовсе и не нужна, и можно вполне примириться с реалиями социализма? В своем активе белорусская модель имеет множество успехов. Беларусь первая из стран СНГ восстановила уровень промышленного производства 1990 г. и опережает страны СНГ по рейтингу индекса развития человеческого потенциала. В период с 1995 по 2011 г. удалось практически утроить валовый внутренний продукт страны, объем внешней торговли вырос более чем в восемь раз. В основной капитал было инвестировано более 140 млрд. долл. «Это то, что мы вложили в развитие предприятий, новые технологии, то есть это деньги, вложенные в будущее, в развитие, а не проеденные или выведенные в оффшор», – отметил Президент. Среди стран СНГ Беларусь лидирует по вводу жилья. По численности населения в 0,1 % от мирового на долю нашей страны приходится треть мирового рынка карьерных самосвалов, свыше 15 % мирового рынка калийных удобрений, почти 4 % – сливочного масла, более 3 % – всего молока [6].

Но насколько белорусская экономика эффективна? По замечанию В. Акулича, белорусская экономическая модель демонстрирует скорее живучесть, чем эффективность. Беларусь остро нуждается в модернизации производства, повышении качества производимых товаров, выпуске новых товаров. Нашей экономике все труднее удерживаться со своими товарами на традиционных рынках и находить новые. Белорусская экономика – самая инфляциогенная в мире среди стран с сопоставимым человеческим капиталом. На постсоветском пространстве и среди 45 европейских стран Беларусь имеет самые высокие темпы инфляции. За последние 20 лет потребительские цены выросли в Беларуси в 32 млн. раза. В этом же ряду постсоветских и европейских стран Беларусь имеет самые высокие темпы обесценения национальной валюты. По сравнению с этими же странами Беларусь имеет одну из самых низких зарплат в долларовом выражении [7]. В Беларуси одна из самых неразвитых сфера частного малого бизнеса. Ее удельный вес в ВВП в 2011 г. составил 15,7% [8]. Низкие зарплаты и неразвитость частного малого бизнеса услуг вынуждает государство усиливать социальную составляющую, например, дотировать услуги ЖКХ, строительство жилья, услуги здравоохранения, образования, общественного транспорта и т.д. Отрасли социальной инфраструктуры у нас по-прежнему рассматриваются как социально-потребительские, тогда как при рыночной экономике они вполне могут быть коммерчески окупаемыми, оказывая не просто бесплатные, а платные качественные услуги. Главным показателем неэффективности белорусской экономики является ее несоответствие провозглашенным приоритетам социальной политики государства и реальным социальным потребностям общества.

Как это не покажется парадоксальным, если проект социального государства был неотъемлемой частью идеологии социализма, то его реальное становление напрямую связано с практикой капитализма. Именно эффективная капиталистическая рыночная экономика создает возможности для содержания социального государства, по образному выражению, печет тот большой и сытный пирог, который потом с аппетитом съедается разными социальными программами. Социалистическая экономика пока проиграла капиталистической соревнование по созданию эффективной экономики поддерживающей социальное государство. В госбюжете Беларуси на 2013 г. статья

«Национальная экономика» составляет 17,6% [9]. По мнению В. Акулича это в 2–3 раза больше, чем в странах с рыночной экономикой, где предприятия самостоятельно без вмешательства государства осуществляют хозяйственную деятельность и несут за нее ответственность [7]. Статьи расходов на здравоохранение в госбюджете на 2013 г. составили 5,30%, спорт, культуру, СМИ – 2,40%, образование – 6,60%, социальную политику – 8,30% [9]. Как мы видим, на поддержание реального сектора экономики – производства – направляются значительные расходы. Это есть «производство ради производства», а не для потребления.

Современный капитализм пребывает в глубоком кризисе, капиталистическая экономика давно уже не в состоянии поддерживать растущие потребности собственного социального государства. Многие авторы размышляют о близком конце исторического капитализма. Но знает ли человечество какой-либо иной способ организации эффективной экономики? Пока только капитализм, подчиняясь циклическим закономерностям, не раз демонстрировал трансформации, позволяющие преодолеть кризисы и выйти на новый уровень развития.

Капитал начинал свою экспансию, приведшую к созданию капиталистической системы, в форме финансового капитала. То были этапы первоначального накопления капитала, мануфактурного капитализма. Затем на подготовленную им почву в XIX веке вышел производительный капитал, заинтересованный в демократии, в социально-политической стабильности. Именно тогда стали проводиться первые социальные реформы, не только социальная благотворительность, а целенаправленная государственная социальная политика. В 50–60-е гг. XX в. следствием этой политики стало масштабное государство всеобщего благосостояния. Но как только индустриальный капитал сталкивается со сложностями, прежде всего нехваткой рынков, на арену вновь выходит финансовый капитал, открывая для индустриального капитала новые рынки сбыта и источники сырья.

С появлением в первой половине XX века в лице нового государства – СССР – социалистической альтернативы именно она идеологически оттянула на себя многие социальные достижения, превратив их в «порождение социализма». Капиталистические страны в своей социальной политике не могли не оглядываться на СССР. После Второй мировой войны соревнование между системой капитализма и теперь уже системой социализма вступило в новую стадию в рамках холодной войны и биполярной международной системы. Какими бы драматичными не были гонка вооружений, военно-политическое противостояние, международные конфликты, нельзя не признать, что в соревновании прежде всего оспаривалась эффективность социально-экономической модели. Победа осталась за капитализмом, но это была тяжелая победа, серьезно обескровившая капиталистическое социальное государство, о чем свидетельствовала неоконсервативная политика социального реванша конца XX в. в условиях господства финансового капитала.

В настоящее время при глубочайшем кризисе слабо регулируемого глобального финансового капитализма намечается очередная тенденция к его социализации. А белорусская социалистическая модель, повинувшись циклическим закономерностям, неизбежно разворачивается к капитализации. Усложняет этот процесс немаловажное обстоятельство. Сырьевым странам всегда проще вписаться в мировую систему капитализма своим ресурсным потенциалом, индустриальным же странам, как

возможным конкурентам, гораздо сложнее. Защищая своеобразное понятие рыночный социализм, А.Г. Лукашенко говорил: «... для нашей страны вопрос сочетания социализма и рынка уже перешел в плоскость практической реализации. Рыночные механизмы хозяйствования и сильная социальная политика должны служить единой цели – эффективному социально-экономическому развитию нашего общества» [3, с.66]. Главным императивом, корректирующим современные модели общественного устройства, выступает социальное государство. Именно оно заставляет социализироваться капитал, и капитализироваться социализм. Насколько глубоко и эффективно это будет происходить, зависит от выбираемого политического курса и политической воли государств.

Список литературы

1. Злотников, Л. Номенклатура в рынок не спешила / Л. Злотников // Белорусы и рынок. – 2012. – № 16. – С.14–15.
2. Крозье, М. Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения / М. Крозье // Социология власти. – 2011. – № 2. – С. 190–200.
3. Медведев, Р.А. Александр Лукашенко. Контуры белорусской модели / Р.А. Медведев. – М.: Издательство ВВРГ (ЗАО «ББПГ»), 2010. – 320 с.
4. Злотников, Л. Уроки французского / Л. Злотников [Электронный ресурс] // Белорусы и рынок. – 2012. – № 49. – Режим доступа: <http://www.belmarket.by/ru>. – Дата доступа: 03. 04. 2013 г.
5. Главные принципы государственной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Государственная политика. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://president.gov.by/press>. – Дата доступа: 03.04.2013 г.
6. Лукашенко: Беларусь доказала возможность перехода к рыночной экономике без шока, потрясений и с минимальными потерями [Электронный ресурс] // Новости Беларуси. Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/ – Дата доступа: 02.04.2013 г.
7. Акулич, В. Десять особенностей белорусской экономической модели / В. Акулич // Блог экономиста Владимира Акулича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.economika.by/akulich/2012/08/06>. – Дата доступа: 02.04.2013 г.
8. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://belstat.gov.by/home/ru/indicators>. – Дата доступа: 03.04.2013 г.
9. Бюджет – 2013: где заработает и как потратит деньги Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.tut.by/economics>. – Дата доступа: 08.04.2013 г.

KURSY WIECZOROWE DLA DOROSŁYCH W WOJEWÓDZTWIE POLESKIM

w latach 1919 – 1939

Andrzej Smolarczyk (Politechnika Białostocka)

Kursy wieczorowe stanowiły najistotniejszą formę systematycznego kształcenia w systemie oświaty pozaszkolnej w województwie poleskim. Były najważniejszym środkiem zwalczania analfabetyzmu wśród ludzi dorosłych. Na początku lat dwudziestych kursy dla dorosłych nazywano kursami dla analfabetów. Pejoratywna nazwa została szybko zniesiona. Upokarzała dorosłych kursantów i ograniczała się jedynie do nauki czytania i pisania, a władze oświatowe rozszerzyły cel organizowanych kursów do zdobywania elementarnej wiedzy i ukształtowania odpowiedniej postawy światopoglądowej (wychowanie narodowe i państwowe).

Początkowo kursy dla dorosłych ograniczały się do sezonu jesienno-zimowego. Największy odsetek analfabetów zamieszkiwał tereny wiejskie, więc nie chciano utrudniać chłopom zajęć na roli. Wraz z rozwojem możliwości organizacyjnych i finansowych wydłużano kursy do okresu dwuletniego, a nawet trzyletniego. Optymalnymi warunkami do założenia trzyletnich kursów w sezonie jesienno-zimowym było istnienie zaplecza w postaci wysoko zorganizowanej szkoły powszechnej – im więcej nauczycieli w takiej szkole pracowało, tym lepiej (minimalnie 2-3). Szkół wysoko zorganizowanych na Polesiu wiele nie było, więc i liczba kursów trzyletnich też była ograniczona. Największą liczbę kursów stanowiły kursy jednoroczne.

Wzorem do osiągnięcia w założeniach władz oświatowych było funkcjonowanie trzystopniowych kursów dla dorosłych. Przygotowano nawet *Program trzystopniowych kursów dla dorosłych opracowany na potrzeby wsi i miast prowincjonalnych*. Program zbliżony do zakresu 5 klas szkoły powszechnej rozkładano na trzy sezony jesienno-zimowe [8, s. 110-112].

Inicjatywę likwidacji analfabetyzmu poprzez finansowanie kursów dla dorosłych brały na siebie samorządy (władze gminne i powiatowe, magistraty miejskie). W województwie poleskim z powodu ogromnej liczbie analfabetów zapotrzebowanie na kursy dla dorosłych też było ogromne. Trudnej sytuacji nie poprawiała fatalna sytuacja finansowa samorządów. Do organizowania systematycznego kształcenie dorosłych przystąpiły również organizacje społeczne i towarzystwa oświatowe.

Tabela 1.

Dokształcające kursy wieczorowe w województwie poleskim w roku 1928/1929

Powiat	Liczba kursów i słuchaczy			
	Przy otwarciu		Przy zamknięciu	
	Kursów	Słuchaczy	Kursów	Słuchaczy
brzeski	39	979	39	820
drohicki	26	417	26	368
koszyrski	38	1.146	35	910
kobryński	10	107	10	79
kosowski	32	516	28	375
łuniniecki	37	879	37	879 (?)
piński	160	2.784	74	2.442
prużański	17	257	17	243
sarnański	44	940	44	836
stoliński	64	1.313	64	1.146
ogółem	467	9.338	374	7.098

Źródło: Z. Gąsiorowski, *Szkoła na Polesiu na tle stanu i potrzeb szkolnictwa Rzeczypospolitej*, Brześć n/B. 1930, s. 56.

W roku 1928/1929 zorganizowano w województwie poleskim 467 kursów dokształcających I oraz II stopnia, w których uczestniczyło około 9.400 słuchaczy. Powyższe zestawienie statystyczne (Tabela 1.) pozwala określić jaki odsetek słuchaczy rozpoczynał i kończył zajęcia na kursach wieczorowych. Liczba kursów przy ich zamknięciu zmniejszyła się

w całym województwie o 93 i wynosiła 374. Liczba słuchaczy z okresu rozpoczęcia kursów wynosząca 9.338 zmniejszyła się do około 7.100 przy ich zakończeniu. W trakcie trwania zajęć liczba słuchaczy zmniejszyła się o 2.240, czyli o 34%. Zdecydowana większość słuchaczy wynosząca 74% kończyła rozpoczętą przez siebie naukę.

Największy spadek kursów w tym okresie nastąpił w powiecie piński, gdzie liczba kursów przy otwarciu wynosiła 160 (2.784 słuchaczy), a przy zamknięciu spadła do 74 (2.442 słuchaczy). Różnica w liczbie kursów między ich otwarciem wynosiła 86, spadek słuchaczy wynosił 342 osoby. Proporcjonalnie znacznie większy spadek liczby kursów niż liczby słuchaczy może nasuwać hipotezę, że kursy zostały źle oszacowane i zorganizowane przy ich powstawaniu i przeszły w czasie ich trwania modernizację. Powstało mniej kursów z większą liczbą słuchaczy. Niewielkie zmniejszenie liczby kursów przy ich zamykaniu w stosunku do liczby otwarcia nastąpiło jeszcze w powiatach koszyrskim (z 38 do 35) i kosowskim (z 32 do 28).

Reforma jędrzejewiczowska nie przyniosła istotnych zmian prawnych w funkcjonowaniu nauczania dorosłych. Kursy dla dorosłych dalej były finansowane przez samorządy i prowadzone bezpłatnie przez nauczycieli. Okólnik Ministerstwa WRiOP z 13 marca 1933 r. o *Zakładaniu prywatnych kursów dla dorosłych* ujednotocił podstawy organizacyjne i programowe kursów dla dorosłych organizowanych przez organizacje społeczne i towarzystwa oświatowe [5, nr 3, poz. 55]. Okólnik ten pozwalał władzom mieć wpływ na kursy prowadzone przez organizacje społeczne. Władze mogły zawieszać niewygodnych nauczycieli. Nauczyciele nie realizujący postulatów wychowania patriotycznego mogli być odsuwani od prowadzenia kursów dla dorosłych [8, s. 105].

Największa liczba kursów doszkalających występowała na terenach wschodnich. W roku 1932/1933 największą liczbę zarejestrowano w województwie lwowskim – 1005 kursów, brzeskim – 750 i łuckim – 742. Nagromadzenie tak dużej liczby kursów w tych województwach można wyjaśnić dużym odsetkiem analfabetów występujących na tych terenach. Kursów dla dorosłych w województwach centralnych i zachodnich było znacznie mniej niż w województwach wschodnich i miały one inny charakter. Nie zwalczały analfabetyzmu, lecz prowadziły właściwą dla oświaty pozaszkolnej działalność doszkalającą [8, s. 112].

Tabela 2.
Kursy wieczorowe doszkalające w latach 1933/1934 – 1934/1935, 1936/1937
w województwie poleskim

obwód	1933/1934		1934/1935		1936/1937	
	komplety	uczestnicy	komplety	uczestnicy	komplety	uczestnicy
brzeski	62	1610	75	1136	79	1246
drohicki	48	1100	84	1249	73	1091
koszyrski	35	735	37	768	93	1728
kobryński	49	900	50	815	55	723
kosowski	17	285	55	917	89	1282
łuniniecki	80	1600	99	1703	78	1303
piński	116	2550	174	2780	155	2664
prużański	32	860	26	438	71	1004

i						
stoliński	82	1640	91	1932	89	1493
woj. poleskie	521	11.280	691	11.739	782	12.534

Źródło: Dziennik Urzędowy Kuratorium Okręgu Szkolnego Brzeskiego [DzUKOSB] za 1937 r., s. 472.

Powyższe zestawienie (Tabela 2.) pozwala nam prześledzić rozwój kursów dokształcających i ich stan liczbowy w województwie poleskim w latach 1933/1934 – 1936/1937. W roku 1933/1934 w 521 zorganizowanych kursach pobierało naukę około 11.300 słuchaczy. W ciągu roku liczba kursów zwiększyła się do 691 (czyli o 170 kursów). W tym samym okresie liczba słuchaczy wzrosła jedynie o 459. Znaczne powiększanie się liczby kursów przy jednoczesnym niewielkim wzroście słuchaczy świadczy o rozwoju bazy dydaktycznej i jednoczesnym spadku zainteresowania słuchaczy kursami (spadek liczby analfabetów). W roku 1936/1937 liczba kursów wrosła do 782 (o 91), zaś liczba uczestników do 12.534 (o około 800 słuchaczy). Powyższe dane ukazują tendencję do ciągłego wzrostu liczby kursów przy niewielkim wzroście liczby słuchaczy. Zwalczanie analfabetyzmu wśród dorosłych przynosiło wyraźne rezultaty. Nawet jeżeli skala zjawiska nie zmniejszała się, to środki przeznaczone na walkę z analfabetyzmem był coraz większe.

Wzrastające napięcie międzynarodowe nakazywało władzom wojskowym czynić starania o podniesienie stanu wykształcenia młodzieży wstępującej do wojska. Pojawienie się na polu walki żołnierzy nie potrafiących czytać i pisać mogło przynieść ze sobą opłakane skutki. Zdawano sobie z tego sprawę i postanowiono poddać procesowi edukacyjnemu jak największą liczbę przedpoborowych. W roku 1934 Ministerstwo WRiOP zainicjowało akcję nauczania elementarnego wśród młodzieży mającej rozpocząć służbę wojskową. Zamierzano zmniejszyć liczbę analfabetów wśród młodzieży powołanej do odbycia służby wojskowej oraz odciążyć prowadzone przez wojsko kursy dokształcania przymusowego. Czynniki wojskowe doszły do przekonania, że przejęcie inicjatywy edukacyjnej przedpoborowych przez czynnych nauczycieli i nadzór władz szkolnych przyniesie lepsze rezultaty od żołnierskich szkół początkowych [4, s. 41-51].

Pierwsze kursy dla przedpoborowych analfabetów zorganizowano na terenie Okręgu Szkolnego Brzeskiego [OSB] jeszcze w roku szkolnym 1933/1934. Na tym terenie znajdowała się największa liczba analfabetów w kraju. Uzyskane wyniki spotkały się z życzliwym przyjęciem Dowództwa Okręgu Korpusu [DOK] nr IX w Brześciu, które udzieliło całej akcji wsparcia i pomocy. Inicjatywa organizowania kursów dla przedpoborowych została rozszerzona na wschodnie okręgi szkolne (lwowski, lubelski, wileński, wołyński). Już roku szkolnym 1936/1937 we wschodnich województwach Rzeczypospolitej kilka tysięcy nauczycieli zorganizowało 4.000 kursów dla przedpoborowych, z których skorzystało około 44 tys. słuchaczy. Centralne władze wojskowe uznały, że akcję należy rozwinąć na cały kraj [2, s. 472; 1, k. 13].

Początkowo nauczyciele szkół powszechnych pracowali na kursach dla przedpoborowych społecznie, bez żadnego wynagrodzenia. Władze kuratorskie w Brześciu postulowały w Ministerstwie WRiOP, by za *pracę na kursach dla przedpoborowych prowadzoną w wieczorowej porze, po żmudnej pracy nad działwą szkolną w ciągu dnia, która wymagała planowego niemal wysiłku* wypłacano nauczycielom należne wynagrodzenie.

Niewielkie kwoty nauczyciele w OSB otrzymali dopiero w roku szkolnym 1936/1937. Stawka była bardzo niska, ale pomimo to stanowiła znaczne obciążenie dla władz szkolnych. Nauczyciel prowadzący zajęcia otrzymywał 50 groszy za jedną godzinę zajęć. Budżetowi KOSB pomocy finansowej udzieliło Ministerstwo Spraw Wewnętrznych [MSW] asygnując ze swego budżetu 30 tys. zł. Wynagrodzenie dla nauczycieli z innych okręgów szkolnych było wypłacane od roku 1937/1938 [1, k. 13].

Z prawnego punktu widzenia kursy dla przedpoborowych nie były obowiązkowe. Wpływało to niekorzystnie na frekwencje kursantów. Władze państwowe uciekały się do wywierania wpływu na młodzież. Wywierając naciski administracyjne i stosując techniki manipulacyjne dość skutecznie przymuszano młodych mężczyzn do uczestnictwa w kursach dla przedpoborowych [8, s. 115].

Program nauczania został opracowany przy współpracy Ministerstwa WRiOP, Instytutu Oświaty dla Dorosłych oraz Wojskowego Instytutu Naukowo-Oświatowego. Obejmował on takie przedmioty jak: język polski, podstawy arytmetyki i wychowanie obywatelskie. Najistotniejszym zadaniem, któremu poświęcano najwięcej czasu i energii była nauka czytania, pisania i rachowania. Kurs obejmował przeciętnie 70 godzin nauki i trwał zazwyczaj dwa lata. Jeżeli nauka odbywała się dwa razy w tygodniu, kurs trwał dwa okresy jesienno-zimowe. Oprócz edukacji elementarnej na kursach rozbudzano w przedpoborowych zainteresowania społeczno-obywatelskie, zagadnienia związane z obronnością kraju. Kształtowano też postawy patriotyczno-żołnierskie przygotowując młodzież męską do przyszłej roli żołnierza [4, s. 96-97]. Na łamach prasy poleskiej postulowano, by edukacja młodzieży przedpoborowej uległa znacznemu rozszerzeniu poza ramy podstawowego kształcenia analfabetów. „Głos ziemi kobryńskiej” z 16 stycznia 1939 r. donosił: *Dzisiaj sztuka wojskowa również dostosowała się do najnowszych zdobyczy wiedzy i techniki, dlatego też wymaga od żołnierza wielu skomplikowanych umiejętności i wiadomości* [9, s. 1].

Tabela 3.

**Kursy wieczorowe kształcące dla przedpoborowych analfabetów i półanalfabetów w województwie poleskim w latach 1933/1934 – 1936/1937
(liczba kursantów, nauczycieli i przepracowanych przez nich godzin)**

Rok	Przedpoborow i	Nauczyciele	Godziny pracy
1933/1934	2.256	689	46.436
1934/1935	3.501	777	50.535
1935/1936	2.565	603	31.259
1936/1937	4.317	905	50.353
1937/1938	7.235	1.532	88.004

Źródło: DzUKOSB za rok 1937, s. 472; *Polski stan posiadania na Polesiu*, Brześć 1939, s. 41.

Powyższe zestawienie (Tabela 3.) przedstawia wzrost liczby przedpoborowych oraz nauczających ich nauczycieli na kursach dla analfabetów i półanalfabetów w województwie poleskim. W roku rozpoczęcia całego przedsięwzięcia na zorganizowanych

kursach kształcało się około 2.260 przedpoborowych. Pracujący na kursach nauczyciele (około 690) przepracowali z przedpoborowymi prawie 46.500 godzin. W ciągu roku liczba przedpoborowych wzrosła do około 3.500 (1245 przedpoborowych). Liczba nauczycieli podniosła się o około 90 i wynosiła prawie 780 (przepracowali na kursach ponad 50.500 godzin). W roku szkolnym 1935/1936 akcja kształcenia przedpoborowych na kursach uległa nieznacznemu ograniczeniu w stosunku do roku wcześniejszego. W roku 1936/1937 widzimy już znaczny wzrost liczby kursantów i szkolących ich nauczycieli przy jednoczesnym spadku liczba godzin przepracowanych w tym roku w stosunku do danych z roku 1934/1935. Duży skok ilościowy nastąpił w przeciągu roku 1936/1937 - 1937/1938. Liczba przedpoborowych powiększyła się o ponad 2900 i wzrosła do 7.235. Liczba nauczycieli zajmujących się tą formą pracy pozaszkolnej wzrosła do ponad 1.500. Liczba godzin przyznana na kształcenie wzrosła o prawie 38.000.

Tabela 4.

**Stan akcji likwidacji analfabetyzmu i półanalfabetyzmu wśród poborowych
i przedpoborowych w województwie poleskim
w roku szkolnym 1937/1938 (stan z 15 grudnia 1937 r.)**

Obwód	Liczba szkół	Liczba kursów	Liczba kompletów							Liczba uczestników	Roczniki 1916, 1917, 1918	Liczba nauczycieli
			Ogółem	Program J.O.D.			Program KOSB					
				I stopień	II stopień	III stopień	I stopień	II stopień	III stopień			
brzeski	202	131	152	30	100	-	16	6	-	2.481	892	180
drohicki	101	65	77	18	51	8	-	-	-	1.131	540	94
koszyrski	103	98	122	57	57	8	-	-	-	2.471	888	179
kobryński	135	53	85	10	15	7	43	10	-	1.307	547	123
kosowski	91	69	79	9	25	-	38	6	1	1.260	646	118
łuniniecki	112	75	99	33	55	11	-	-	-	1.732	621	140
piński	183	184	229	92	103	24	6	1	2	4.151	1.171	272
prużański	125	121	157	78	66	11	1	-	-	2.499	821	197
stoliński	115	73	94	23	27	14	18	12	-	1.881	1.170	128
Woj. poleskie	1.054	869	1.094	350	499	83	122	35	3	18.913	7.296	1.431

Źródło: Państwowe Archiwum Obwodu Brzeskiego w Brześciu [PAOB], sygn. f. 59, o. 3, d. 1231, k. 1.

Z powyższych danych (Tabela 4.) wynika, że w roku 1937/1938 w województwie poleskim przeprowadzono 869 kursów, na które uczęszczało prawie 19 tys. kursantów. Zajęcia na kursach prowadziło łącznie około 1.430 nauczycieli. Liczba sformowanych kompletów wynosiła prawie 1.100. Większość utworzonych kompletów przeprowadzono według programu Instytutu Oświaty dla Dorosłych, aż 932. Kursów o programie kuratorskim było jedynie 160. Największą liczbę stanowiły kursy II stopnia – było ich 534 oraz kursy I stopnia – było ich 472. Kursów III stopnia zorganizowano tylko 86.

Literatura

1. Archiwum Akt Nowych [AAN], Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego [MWRiOP], sygn. 186, *Prace nauczycielstwa na kursach dla przedpoborowych*.
2. Dziennik Urzędowy Kuratorium Okręgu Szkolnego Brzeskiego [DzUKOSB] za 1937 r.
3. Gąsiorowski Z., *Szkoła na Polesiu na tle stanu i potrzeb szkolnictwa Rzeczypospolitej*, Brześć n/B. 1930.
4. Odziemkowski J., *Armia i społeczeństwo II Rzeczypospolitej*, Warszawa 1996.
5. *Okólnik Ministerstwa WRiOP w sprawie zakładania prywatnych kursów dla dorosłych z dnia 13 marca 1933 r.*, DzUMWRiOP 1933, nr 3, poz. 55.
6. Państwowe Archiwum Obwodu Brzeskiego w Brześciu [PAOB], sygn. f. 59, o. 3, d. 1231, *Stan akcji likwidacji analfabetyzmu i półanalfabetyzmu wśród poborowych i przedpoborowych w województwie poleskim w roku szkolnym 1937/1938 (stan z 15 grudnia 1937 r.)*.
7. *Polski stan posiadania na Polesiu*, Brześć 1939
8. Sutyła J., *Miejsce kształcenia dorosłych w systemie oświatowym II Rzeczypospolitej*, Ossolineum 1982.
9. *Znaczenie oświaty pozaszkolnej*, „Głos ziemi Kobrzyńskiej”, 16 stycznia 1939 r. (rok II nr 2).

ВРЕМЯ, ПОРОЖДЕННОЕ СОЦИУМОМ 21 ВЕКА, И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВО

В.Н.Сокольчик

Белорусский государственный медицинский университет, г.Минск, Беларусь

Философия сегодня продолжает оставаться социоцентрично ориентированной метасферой, в пространстве которой ведутся исследования по выявлению смыслов и ценностных характеристик современной цивилизации, важнейших онтологических оснований бытия социума 21 века. К стержневым конструктам, оформляющим бытие современной цивилизации, относится социальное время, атрибутивные параметры которого во многом создают образ реальности в сознании современного человека.

21 век принес в нашу жизнь многие изменения, касающиеся восприятия самого себя, социума и порождаемых им фантомов. Общество 21 века создало и совершенно новое время - время относительное и неравновесное, время, являющееся важнейшим товаром в обществе потребления, время изменчивое, которое мы вольны остановить, исправить, обогнать. Время нового общества подвластно социуму и его «прихотям»,

следовательно, оно не является независимым и объективным, постоянным и размеренным – оно неравновесно, нелинейно, нестабильно.

С точки зрения автора, именно время, сформированное современным социумом, породило и новые отношения между людьми – такие же временные и непостоянные, нестабильные и лишённые смысла, как и само время; породило новое общество – общество потребления, которое ускоряет время и не находит в нём точек опоры.

Ж. Бодрийар показывает восприятие времени в традиционном обществе через «зарезервированные» средства накопления важнейших материальных благ. Он пишет: «Созерцать груды долговременного продовольствия не значит ли видеть в изобилии время и наблюдать сбереженные действия?... Робинзон вдыхал присутствие будущего в аромате ящиков и корзин своей кладовой. Его сокровище освобождало праздность. От него исходила длительность, как исходит абсолютное тепло от некоторых металлов... Это внушала нам природа: она сделала так, что мы имели при себе кое-что для сопротивления непостоянству событий; жир на теле, память, которая держится наготове в наших душах, — все это модели зарезервированных средств, которым подражала наша индустрия»[1, с.97].

Если буквально транслировать слова Бодрийара на сегодняшний день, то становится ясно, почему современное общество не может сопротивляться непостоянству феноменов социума: нет больше «зарезервированных» в социуме констант сохранения времени. «Жир на теле» сегодня – признак неуспешности, старости, лени, отсутствия динамизма – и, следовательно, от него нужно избавляться; «запасы» бессмысленны, ибо общество потребления живет гонкой за новыми вещами; память – нечто очень личное и скрытое, она противоречит инновациям, на которых строится современное общество, при этом настоящее, конечно, зависит от прошлого, но не определяется им однозначно. Да и в целом сопротивление непостоянству абсолютно бесперспективно, ибо непостоянство – суть социума 21 века. Движение, инновации, динамика, перемены – ключевые понятия современного восприятия событий.

«Обвал» инноваций и «стабильность» непостоянства – главные черты современного общества, новые реалии которого требуют от индивида большой работы над распознаванием (или воссозданием) ценностных критериев социума, преподносимых как универсальные принципы бытия современного человека. Не чувствуя продвижения вперед, к идеалу, наш современник перестает быть уверенным в том, что он вообще хоть как то причастен к будущему, и это заставляет его думать, что собственные решения не имеют смысла, а ценности внеположены реальности и недостижимы в настоящем.

Размерность времени и его традиционно линейный характер разрушаются в современном обществе гонкой перемен и постоянными «зигзагами» времени (выраженными, например, в следующих фразах - «время, вперед!», «обогнать время», «обмануть время», «время – деньги», «убить время» и т.д.). Время современной цивилизации «сжимается», позволяя одним и тем же видам человеческой деятельности «вписываться» во все более скоротечный (сжатый) временной промежуток. Чем больше возрастает скорость изменений в обществе, тем больше изменяются возникающие перед человеком проблемы и короче жизнь найденных для них решений. Другими словами, многие сегодняшние решения относятся к проблемам, которые уже не

существуют в той форме, в которой они решались. В итоге у современного человека рождается чувство отставания от времени и, как следствие, личностная и социальная неуверенность, истощенность, не востребованность. Социальное давление текучки, престижа, статуса оказывает все более жесткое воздействие на личность, особенно в условиях постоянной неуверенности в настоящем и будущем вкупе с не востребованностью прошлого.

При видимом ускорении времени у человека 21 века развивается ощущение «нехватки» времени - все больше его нужно на отдых (восстановление сил) и компенсацию полученного ущерба (морального и материального), получение новых знаний (специальности), переезд от дома до работы и обратно, концентрацию усилий на преодоление стрессов и собственную мобилизацию, омоложение (современный социум предпочитает молодых, что заставляет индивидов прилагать колоссальные усилия для «обуздания» времени). В такой ситуации аутсайдерами времени становятся межличностные отношения (чем-то приходится жертвовать, если времени в сутках не хватает на реализацию социального существования), но при этом индивид все равно постоянно ощущает себя во временном цейтноте. Так порожденное обществом время в свою очередь порождает растущую дисгармонию взаимоотношений в социуме и социальную неуверенность личности.

Культ товарно-денежных отношений также отразился в конструктах социального времени – главном мериле бытия современной цивилизации. Право на время человек всегда воспринимал как естественное и неотчуждаемое – как воздух, вода, свобода, но даже это древнее право сегодняшняя цивилизация ставит под сомнение. Ж. Бодрийар, говоря о социальном статусе времени в современной цивилизации, пишет: «разделенное, абстрактное, прохронометрированное время становится, таким образом, гомогенным в системе меновой стоимости: оно возвращается здесь к тому же самому основанию, которое определяет любой другой объект. Будучи объектом временного подсчета, оно может и должно обмениваться на любой другой товар (в частности, на деньги). Впрочем, понятие времени-объекта можно перевернуть: как время является объектом, так и все произведенные объекты могут рассматриваться как кристаллизованное время, в которое включается не только время труда при подсчете их торговой стоимости, но также время досуга в той мере, в какой технические объекты «экономят» время для тех, кто ими пользуется и доставляет себе удовольствие в зависимости от этого» [1, с.107].

Итак, время в обществе потребления становится товаром, товаром редким и драгоценным, дорогим и не общедоступным. Особенно это явно для времени труда, которое уже куплено и оплачено; парадоксально, но оплачена даже возможность отсутствия или нехватки времени (например, для ответственного работника), что становится своего рода привилегией или товаром высокого потребительского качества.

Не менее важна товарность времени и для времени досуга – чтобы быть потребленным, оно также должно быть оплачено, куплено и, соответственно, отработано в полной мере. Досуг (отдых) – тоже привилегия, предмет роскоши, именно поэтому качество отдыха – это один из признаков статуса личности в современном обществе. Качество отдыха – один из показателей, который отражает уровень значимости и, следовательно, стоимости времени как товара в обществе потребления.

Еще одна черта социального времени современной цивилизации – иллюзия свободного распоряжения и управления временем. Темпоральность, сформированная социальным дискурсом 21 века, выстраивает новый функциональный подход к времени: глобально есть возможности ускорить время (повысить динамику процессов), «перевернуть время» (перевод часов), обогнать или затормозить время (перелететь на самолете через несколько часовых поясов), структурировать время и соответственно его подчинить (сезонная работа, учеба, долгосрочные планы и пр.). Впрочем, это глобальное управление временем вопреки внешней иллюзии не создает естественного ритма, подвластного человеку, а вводит в действие некий функционал, подчиняющий и разрушающий индивида.

Предполагая, что управляем временем самостоятельно, мы просто расстаемся с иллюзией объективного космологического времени и целиком вовлекаемся в технологию существования реального социального времени.

Таким образом, социальное время действует в метасетях современного общества, подчиняя и подминая под себя людей, цели и ценности. По мнению М. Кастельса, «часовое время, количественная характеристика и ценность которого определяются для каждого процесса по-разному, в зависимости от его положения в сети, по-прежнему сохраняет свою действенность только в отношении второстепенных функций и конкретных локалий. Конец истории, нашедшей свое воплощение в бесконечном обороте компьютеризированных финансовых потоков и в завершающихся в мгновение ока "хирургических" войнах, подминает под себя биологическое время нищеты и механическое время труда на производстве»[2, с.76].

Сохраняя иллюзию управления и манипулирования временем, мы становимся его заложниками, не имеющими права на передышку, на постоянство, на прошлое и будущее. Социальное время цивилизации 21 века «пожирает» индивидов, превращающихся в не утилизируемые «отходы времени». Не человек сегодня «убивает время» – оно, безликое и могущественное порождение социума, диктует правила жизни, в реальности управляя обществами и индивидами.

Еще одна характеристика социального времени 21 века – виртуальность. К.Ю.Галкин в своем размышлении о виртуальном времени пишет о преимуществах его в аспекте восприятия социума: «реальное время – все старит, снимает покров иллюзорности (так необходимый современной цивилизации – прим. автора), виртуальное время – напротив, создает иллюзию всесильности над вечностью и энтропией, обольщая человека надеждой на бессмертие»[3]. Виртуальное время характеризуется «неуниверсальностью» (специфичностью), т.е. своего рода индивидуальностью; дискретностью – адекватным сочетанием линейного и циклического понимания хода времени; обратимостью как возможностью исправить ошибки и переиграть сложившееся; беспредельностью как победой над конечностью и, значит, ограниченностью человека и цивилизации в целом; неравномерностью хода, что позволяет социуму вписываться в неразмеренный, убыстряющийся ритм постиндустриального общества. Особенную позитивную окраску виртуально трактуемому времени придает кажущаяся несерьезность, легкость и «вседоступность» (вседозволенность) нового социального времени 21 века. С точки зрения автора, виртуальность как черта социального времени постиндустриальной цивилизации

порождает ценности неукорененных и ускоренно-облегченных (которые точно отражает сленговое выражение «не заморачиваться») отношений в социуме.

В 21 веке человечество вышло на такой уровень знаний и социальной организации, который дает нам возможность жить в преимущественно общественном мире – новом бытии, новом информационном веке, новой культуре и как следствие, в новом времени, которое может рассматриваться как метаязык социума. Но признав власть социума, мы еще не готовы назвать ее тотальной, распоряжающейся не только нашим поведением, но и нашим временем. Идея объективного «надмирового» (космологического) справедливого времени еще господствует в нашей цивилизации, однако все более рельефной, фактически осязаемой становится идея осознания связи времени и социального существования, что требует изучения социального конструкта времени как такового и влияния времени, порожденного социумом, на личность.

Литература:

1. Бодрийяр, Ж. Общество потребления/ Бодрийяр Ж. – Москва, 2006.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура/ Кастельс М. – М., 2000.
3. Галкин К.Ю. Размышление о виртуальном времени [электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=105427#1>- Дата доступа: 05.03.2013.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Т.Г. СОЛОВЕЙ

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Проблематика политических партий и партийных систем традиционно занимает важное место в политической теории. Политические партии являются неотъемлемым элементом политической системы общества и играют заметную роль в политическом процессе. Представляя интересы различных социальных групп и слоев общества, партии стремятся к их реализации посредством завоевания и осуществления государственной власти. В демократическом обществе политические партии выступают в роли посредника между гражданским обществом и государством, являются главным связующим звеном между властью и гражданами.

Партии современного типа сложились в XIX в. и с тех пор претерпели существенную эволюцию: от элитных кадровых партий к массовым, затем – к универсальным и, наконец, картельным партиям. Выделенные типы раскрывают разные этапы партийного развития стран Запада. В XIX – нач. XX в. партии создавались на ярко выраженной социально-классовой основе. Социальный состав партий и их электората был по преимуществу классово однородным. Существовала корреляция между социальным положением различных групп населения и характером их партийного голосования. Однако после второй мировой войны партии стали утрачивать свою прежнюю социальную идентичность. Усиливается неустойчивость и неопределенность социальной базы партий, снижается уровень партийной идентификации граждан. Многие избиратели меняют свою партийную приверженность от выборов к выборам, поддерживают кандидатов разных партий на выборах различного уровня.

Реакцией на это стало появление в 60-х гг. XX в. концепции «универсальной», «общенародной» партии (О. Киркхеймер), или «партии притяжения» (Р.-Ж. Шварценберг), «партии для всех», «партии избирателей» (Ж.Шарло). Возникновение универсальных партий бросило вызов идее социального представительства. Данные партии ориентированы на максимальную мобилизацию электората, независимо от социальной, этнической принадлежности и идеологических предпочтений. Универсальная партия стремится избежать отождествления себя с интересами какого-либо одного класса или слоя и предстает как выразитель общего интереса. Для такой партии уже не столько важно массовое членство, сколько массовость избирателей. Партия все меньше агрегирует интересы конкретных социальных групп, заботясь преимущественно лишь о получении необходимого числа голосов на выборах.

Размытость социальной базы универсальных партий в значительной степени определяет аморфность их идейно-политического облика. Очевидны такие тенденции идеологического развития универсальных партий, как постепенная деидеологизация, усиление прагматизма в действиях, сближение позиций партий в направлении центра. Это не означает, что идеология как система коллективных ценностей полностью утрачивает свою значимость. Однако она все более становится символом партии, мало влияющим на ее повседневную деятельность.

Стремясь привлечь на свою сторону как можно большее число избирателей, универсальные партии постепенно ослабили электоральные связи со своими традиционными приверженцами, что привело к сокращению интеграционного потенциала партий и как результат, снижению эффективности проводимой ими политики.

Последняя четверть XX столетия ознаменовалась значительным спадом общественного влияния политических партий. В странах Запада сокращается численность политических партий, в их рядах растет удельный вес лиц старшего возраста. Усиливается автономия избирателей по отношению к партиям, снижается уровень партийной идентификации граждан. Существенная эрозия партийного голосования протекает на фоне падения интереса общества к выборам, партиям и политическому процессу в целом.

В связи с этим многие исследователи заявили о кризисе партии как политического института, потере ею своей роли и влияния в обществе и даже о «конце партий» (Дж. Барбер, Д. Бродер, Ж. Сорван-Шрейбер и др.). Однако эти утверждения не получили широкой поддержки в научной литературе. Хотя влияние партий действительно уменьшилось, их «не следует хоронить преждевременно», считает американский политолог С. Элдерсвелд. Партии по-прежнему играют ключевую роль в функционировании политической системы (Н. Полби). Э. Бьюэлл пишет, что американские партии переживают упадок в одних отношениях, но расцвет в других. Видоизменение роли партий вряд ли может служить достоверным поводом для заключения об их закате как политического института. Устарели не сами партии, а скорее традиционные представления о них, об их функциональном и организационном назначении. Партии не отмирают, а претерпевают существенную трансформацию, которая отражает эволюцию современного демократического процесса.

Нынешний этап общественного развития характеризуется значительным обновлением, реформированием политических партий. Изменение партий происходит под воздействием таких мировых реальностей, как развертывание компьютерной революции, обострение глобальных проблем современности, социальная модернизация общества, усиление воздействия СМИ на общественное мнение и культуру. Развитию и трансформации политических партий способствовали массовые социальные движения 60-80-х годов XX в. – экологическое, антивоенное, альтернативные движения и гражданские инициативы. Наиболее активные участники этих движений объединились в партии «новой волны», в частности, партии «зеленых». Партии данного типа выступают под лозунгами расширения гражданских прав, самоуправления и политического участия граждан, борьбы за мир, защиты окружающей среды. Эти партии отличаются от традиционных более гибкой организационной структурой, открытостью и гласностью внутрипартийной жизни, жестким контролем снизу за деятельностью руководства, частой ротацией партийных кадров. Партии новой волны строятся на базе постматериальных ценностей, широко используют нетрадиционные способы политического влияния, прежде всего различные методы ненасильственных действий.

Сегодня исследователи говорят о формировании нового поколения политических партий – так называемых «постмодернистских» партий. Эти партии описываются как картельные партии (термин предложен Ричардом Катцем и Питером Мэйром в 1995 г.),

медиа-партии, партии-кливажи, электорально-профессиональные и т.п. Процесс развития постмодернистских партий идет в направлении укрепления их непосредственной связи с государством, а также усиления связей между партиями. Для данных партий характерны ослабление социально-классовой и идеологической идентичности, подвижность партийных структур, ослабление партийной дисциплины, но усиление консенсусного начала в их деятельности.

Стремление выжить заставляет партии объединяться в картель на политическом рынке и договариваться между собой о разделе и использовании государственных ресурсов. «Развитие картельных партий зависит от сговора и сотрудничества между мнимыми конкурентами и от договоренностей, требующих согласия и кооперации всех или почти всех важных участников, - пишут Р.Катц и П.Мэйр. - С возникновением картельных партий конкуренция... становится ограниченной и управляемой. Партии все еще продолжают конкурировать, но при этом вместе со своими конкурентами они заинтересованы в коллективном выживании. В некоторых случаях стимул к конкуренции заменяется позитивным стимулом не конкурировать» [1, С.38].

Новый стиль электоральной конкуренции приводит к изменениям в ресурсной базе партий, характере партийной работы, проводимой избирательной кампании. Новые партии все меньше внимания уделяют собственным каналам коммуникации, стремясь к получению доступа к непартийным информационным сетям. Избирательные кампании картельных партий становятся исключительно капиталоемкими, профессиональными и централизованными.

Картельная партия становится механизмом распределения государственных постов и субсидий между профессиональными группами политиков. Картельные партии озабочены не новыми идеологическими или политическими курсами, а доступом к государственным ресурсам. Происходит этатизация партий, сращивание их с государством через доступ к публичным постам, значительно возросшее государственное финансирование и проникновение в государственные СМИ.

Тем самым, партии, возникшие как институт гражданского общества и служившие посредником между ним и государством, становятся частью государства, у которого они черпают ресурсы для собственного выживания, и действуют как его агенты [2, с.321].

Внутренняя организация картельной партии характеризуется не иерархией, а «стратархией»: местные лидеры и высшая партийная элита действуют относительно автономно друг от друга; местное партийное руководство свободно в проведении нужной ему политики, высшее руководство партии профессионализируется и теряет непосредственную связь с рядовыми членами. Атомистическая концепция партийного членства основывается на возможности прямого контакта избирателя с лидерами, минуя местные организации.

Отмечается лишь начальная стадия формирования постмодернистских партий, но их признаки явно просматриваются в партийных системах Италии, Австрии, Дании, Швеции, Финляндии, где сильны традиции межпартийной кооперации и компромиссов, сочетающиеся с государственной поддержкой партий.

Современные тенденции партийного развития западных стран отражают трансформацию партий в условиях перехода к постиндустриальному обществу. Партии адаптируются к изменениям политической среды, модифицируя свою структуру и поведенческие модели. Особенно важным является изменение содержания и

соотношения партийных функций, переход некоторых функций партий к СМИ и другим политическим институтам. Партии все меньше способны выполнять функции артикуляции, агрегирования интересов и выдвижения их на политическую повестку дня, а также функции коммуникатора и посредника между обществом и государством. Партии во многом уступают СМИ свои позиции в области политической социализации, пропаганды, политической интеграции и мобилизации граждан. Ограничивает роль политических партий и интенсивное развитие корпоративизма. Организованные группы интересов, профсоюзы и корпорации, потребительские союзы приобретают все большее значение в процессе посредничества между обществом и государством. В подготовке и принятии социально-экономических решений они нередко оказываются более эффективными, нежели инструменты традиционной партийной политики. Этому способствует широкое распространение во всех развитых странах органов функционального представительства, берущих на себя задачу согласования интересов в отдельных сферах.

Однако политические партии по-прежнему сохраняют важную роль в рекрутировании политической элиты и формировании политических лидеров. В условиях представительной демократии партии регулируют и стимулируют электоральный процесс и деятельность выборных органов. Они выполняют работу по отбору и выдвижению кадров, предлагают кандидатов, структурируют выбор избирателей, разрабатывают альтернативные программы развития страны и координируют деятельность государственных лиц, представляющих ту или иную партию.

В современном обществе функциональные и организационные характеристики партий претерпели существенные изменения, но это не дает оснований говорить об уходе партий с политической сцены. Дискуссия об упадке партий вызвана изменением функций и структуры партий, а не существованием партии как таковой. Несмотря на некоторое видоизменение партий и партийных систем, партийное правление остается доминирующей институциональной формой современной демократии. Партии и сегодня продолжают играть ключевую роль в политическом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кац, Р. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий / Р. Кац, П. Мэйр // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире: сб. научн. тр. / РАН, ИНИОН; ред. и сост. А.И. Кулик, Е.Ю. Мелешкина. – М., 2006. – С. 27-44.
2. Сморгун, Л.В. Современная сравнительная политология / Л.В. Сморгун. – М.: РОССПЭН, 2002. – 472 с.

ЖИВОЕ СЛОВО ИНТЕЛЛЕКТА

Й. Сребалюс

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Вильнюс, Литва

Интеллект [лат. *Intellectus* - способность, смысл] – способность субъекта культуры познать смысл коммуникации живого слова. Живое слово интеллекта во-первых, это

инструмент собеседования. Собеседование связывает слова и открывает новые смысловые грани коммуникации. Живая беседа как коммуникация слов-понятий позволяет передать собеседнику визуальную ясность и чувственную прозрачность интеллектуального творчества. Словами-понятиями создана коммуникация, которая определяет структуру отечества. В отечестве интеллектуальная разность членов семьи, производства, институций государства превращается в функциональное равноправие. Воспроизводство интеллекта происходит в процессе творчества объектов интеллектуальной собственности.

Цель данной статьи определить системную функцию живого слова интеллекта. Живое слово – это фундаментальная интенция сотрудничества на основе творческого отношения интеллекта к отечеству. Системная функция живого слова – открыть субъекту культуры опыт технической памяти, отражающей предпосылки творчества новых объектов интеллектуальной собственности. Известный японский предприниматель и философ в книге „Философия жизни“ писал: „Только следуя опытом технической памяти я приобрел способность открыть новые материалы как объекты интеллектуальной собственности“ [1, с. 28.]. Интеллектуальная собственность – это продукт технической памяти. Творчество интеллекта - это долгий путь человека к обновлению структурного порядка в системы отечества. Отечество способствует человеку выбрать цель интеллектуального творчества. Творческий путь к цели – это источник радости и счастья человека как равноправного члена семьи, структур производства и государства.

Актуальность исследования смысла живого языка отражается в ее функциях. Деловое собеседование это качественная коммуникация о диалектике визуальных представлений и эмоций, художественных произведений и творческой энергии приводит к стабильности творческого роста интеллекта. Творчество интеллекта проявляется в объектах интеллектуальной собственности. Сейм Литовской Республики решением N. XI – 1277 в 2011 году утвердил новый Статут Вильнюсского технического университета им Гедиминаса. Статут указывает на актуальную задачу: „формировать долгосрочную политику роста интеллектуальной собственности Университета и постоянно ее осуществлять.“ [2, с.1.]. Решение Сейма Литвы N. XI – 1277.

Интеллектуальная собственность университета - законом признана обязанность профессорам и студентам развивать творчество интеллектуальной собственности: изобретения, проекты товарных знаков, дизайн, а так же произведения, которых защищает авторское право.

Объект исследования функций живого слова интеллекта определяется объективными предпосылками воспроизводства интеллектуальной собственности. Живое слово интеллекта отражает предпосылки, формирующие способности интеллекта.

Предпосылками творческих сил интеллекта является: 1. техническая память, 2. харизма, 3. отечество интеллекта, 4. культура диалога. Структуру предпосылок человек познает в отечестве, в непосредственной духовной, экономической и политической среде. Опыт технической памяти на основе инженерного творчества интеллекта позволяет управлять информационной энтропией отечества и стабилизировать синергетический рост творческой энергии интеллекта. Функция технической памяти состоит в том, что неинформационным способом –живым словом передать и усвоить диалектический способ решения проблем нравственного прогресса цивилизации.

Согласно Аристотелю, нравственность человека является основой творческого развития политической системы, то есть, отношений отечества [3. с. 51]. Техническая память в отечестве создает функциональное равновесие, несмотря на разность интеллектов в семье, на предприятии, в государственной деятельности.

Познать функцию технической памяти, значит познать объективные предпосылки нравственных истин интеллектуального творчества. Проблемой познания функций технической памяти является живой язык интеллекта. Живой язык интеллекта открывает человеку диалектику прошлого и чувственного отношения к будущему отечества проектами интеллектуальной собственности. Смысл познания технической памяти отражает Ортега и Гассет. „Если хочешь быть техником, недостаточно быть техником. В то время, когда техники заняты решением технических проблем, история может убрать землю им из-под ног. Необходимо выйти из своего круга, оценить вид на жизнь, который всегда является всеобщим.

Техническая память предоставляет человеку только одно направление – направление на истину. Направление творчества на истину определяется всеобщими законами структурного порядка вселенной. Законы термодинамики определяют стабильность отношений в системе человек – отечество.

Понятие истины отражает опыт управления развитием творческой энергии интеллекта. Понятием истины отражается единство динамических законов в духовных, экономических и политических процессах отечества. Истина является силой структурного порядка. Истиной обосновано образование новых структур. Истина отражает динамику законов структурного порядка в технической памяти народа. Познать визуальность технической памяти, значит познать истину как существенную модель структурного воспроизводства отечества.[4, с. 224]. Диалектика объективных предпосылок становления интеллекта превращается отношениями истины для достижения субъективных целей творчества [5, с. 192].

Истину как подарок харизмы человек получает тогда, когда живым словом приобретает культуру технической памяти народа. Истина харизмы управляет скоростью энтропии и нацеливается на функциональное равновесие несмотря на разницу интеллекта в отечестве. Харизма определяет обязанность субъекта крепить интеллектуальную собственность. Человек как харизматическая личность является субъектом порядка, способным противиться беспорядку. Структурный порядок имеет будущее в проектах живой жизни. Интеллект работает над проектами поскольку имеет цель и смысл воспроизводства истинного отечества. Силу культуры отечества гарантирует и равновесие функций интеллекта.

Истина харизмы это во-первых, профессиональность, как организована сила, позитивная энергия отечества, которая определяет воспроизводство информации на основе технической памяти. Истина харизмы требует быть элементом в структуре с человеком, который сообща разрабатывает проект будущей жизни в отечестве.

Жизнь взаимности это результат слабости технической культуры в непосредственной духовной, экономической и политической среде человека. Он не способен осознать смысл технической памяти, не способен моделировать будущее отечества на основе интеллектуальной собственности, объектов инженерного творчества в прошлом. Культуру отечества отражает способность граждан управлять тенденцией абсолютного роста энтропии технической памяти в семье, на производстве, в институтах

государства. Причиной неспособности граждан моделировать жизнь в будущем является отсутствие продуктивного диалога между гражданами и политиками. Политики принимают решения наперекор логически обоснованной цели деятельности интеллекта.

Отсутствие способностей принимать решения на основе технической памяти свидетельствует об отсутствии у политиков инструментов логического мышления. Такими инструментами логического мышления является коммуникация живого языка, отражающего смысл диалектики творческих сил интеллекта. Вот почему Литва на сегодня имеет долг, составляющий более 39 процентов от производства общего продукта. Долг государства в денежной форме вырос до 51 миллиард лит.[6, с.1.]

Заключение. Потребность народа жить на благо отечеству отражает интерес интеллекта к нормам культуры совместного труда. Живой язык региона, обычаи и традиции, инфраструктура родной земли превращается в фундаментальную интенцию направить творчество интеллектуальной собственности на воспроизводство системных функций интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Imori Kazuo. Gyvenimo filosofija, Versus Aureus, 2006. p.28.
2. Lietuvos Seimas. Nutarimas 2011. p. 1.
3. Jonas Paulius II. Atmintis ir tapatybė.- Vilnius. Katalikų pasaulis. 2005, p.51.
4. Raičinskis K. Ieškojimai ir atradimai. –Kaunas-Alytus. Austėja. 1993. p.224.
5. Maceina A. Kultūra kaip žmogiškoji kūryba. R. t. 1, Vilnius, Mintis, 1991, p.192.
6. VE.lt 2013.04.13

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: ТРЕВОЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В.И. СТАРИКОВ

Институт парламентаризма и предпринимательства, г. Минск, Беларусь

Теоретико-методологическое рассмотрение существующих точек зрения ученых разных стран на феномен глобализации подводит нас к мысли, что в настоящее время возникла определенная познавательная ситуация, когда не полная ясность, расплывчатость самого понятия глобализации становятся серьезным препятствием на пути осмысления и практического разрешения фундаментальных вопросов современного человеческого бытия. Это проблема не терминологии и дефиниций, а самоопределения человечеством своего местоположения и состояния в историческом пространстве и времени. Поэтому суть процесса глобализации, по нашему мнению, нельзя сводить к устранению традиционных перегородок и водоразделов между государствами, народами, культурами и цивилизациями, равно как и к появлению наднациональных институтов, организаций и органов управления. Мы считаем, что это – начало и одновременно предвестник гигантского сдвига и разлома, которые предполагают изменение русла развития самой человеческой истории, ибо феномен глобализации затрагивает не отдельные, а все стороны бытия человека и общества.

Так, глобальный кризис является закономерным этапом в развитии мировой системы. Он обусловлен сменой экономических, социальных, политических и духовных императивов человечества, произошедшей на рубеже тысячелетий. Мировой

финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. явился ступенью глобального кризиса XX–XXI вв. Но глобальный экономический кризис – это не только цифры и сводки экономической статистики, это и кризис гуманитарный, мировоззренческий, наглядно демонстрирующий в конечном итоге проблему отсутствия единой синтетической глобалистической концепции. Создание и развитие такой концепции может рассматриваться как ключевая стратегическая задача и основа научной концепции всего современного научного сообщества. Мы убеждены, что в основе новой системы мироустройства должны лежать прежде всего нравственные принципы: гуманизм, социальная ответственность, общечеловеческая солидарность. Без соблюдения этих принципов человечество не сможет навести порядок в своем глобальном доме и выстроить новую устойчивую систему взаимоотношений между странами и народами Земли.

Несмотря на то, что культурное измерение глобализации обычно определяется как процесс гомогенизации мировой культуры, оно включает и встречную тенденцию дифференциации и плюрализации культур. Формирование мировой культуры как гомогенного образования приводит к релятивизации культурных представлений и расшатыванию этноцентрического абсолютизма.

Глобализация резко понижает уровень нравственного развития общества. Глобальное общество, как оно вырисовывается сегодня, есть общество торжествующего прагматизма, апологетики профессионализма и способности побеждать в бесконечной гонке как высших добродетелей. Может случиться так, что очередная попытка глобализации человечества будет осуществлена представителями финансовой элиты. Они, по утверждению некоторых российских ученых (Т.В. Муранивский и др.), как подлинные граждане мира, лишены каких-либо национальных и культурных предрассудков, перевернут ритм жизни и радикально изменят отношение человека к культуре, науке, семье, родине, миру. Если это произойдет, то финансисты возвысятся над миром как надгосударственная и наднациональная элита, превратившись в мировое правительство. Используя новейшие информационные технологии, они превратят человеческое общество в единое финансово-экономическое пространство, в котором в товар превратится даже сам человек, а о его достоинствах будут судить только по одному критерию – количеству денег. Лидером здесь, как подчеркивал в свое время Зб. Бжезинский, будут США, обоснование гегемонизма которых он объяснял стремительным экономическим ростом страны в XX веке, который, в свою очередь, стал следствием благоприятных условий, в которых оказалась культура США. Важнейшие составляющие этого процесса – все большее доминирование в мировом масштабе английского языка, глобализация пищевой модели (широкое распространение по миру ресторанов Макдоналдс со стандартным набором блюд и напитков), массовый туризм, унификация музыкальной культуры, культурная экспансия Голливуда (три четверти фильмов, показываемых в мире с видеокассет или в кинотеатрах, – американские), – становясь товаром, приобретают общемировую значимость. В результате, в сознании людей причудливым образом переплетаются пласты различных культур. А это приводит к тому, что другие государства в общемировом культурном потоке играют весьма ограниченную роль. Границами культурного обмена становятся рубежи электронного и геофизического пространства, а центрами культуры – не столицы государств, а точки, откуда передается и где принимается культурная информация. Поэтому нет никакого сомнения в том, что

глобализация способствует стремительному углублению культурного неравенства между странами и народами.

Глобализация углубила различие и в темпах культурного развития стран, принадлежащих к кругу лидеров и кругу аутсайдеров. Если ранее их показатели, предположим, уровня человеческого потенциала, постепенно сближались, что рождало определенный оптимизм у тех, кто принадлежал к «третьему миру», то теперь надежда на то, что страны-аутсайдеры в обозримой исторической перспективе смогут сблизиться со странами-лидерами практически угасла. Расхождение в темпах их культурного развития становится с каждым годом все явственнее, порождая практически неразрешимые противоречия, провоцируя рост национализма, шовинизма и ксенофобии, создавая предпосылки для возникновения радикального экстремизма, в основе которого, как показывает практика, зачастую лежит чувство оскорбленного национального достоинства, представление о былом величии и ведущей роли в культурном развитии, утраченной в результате культурной экспансии, осуществляемой длительное время странами, принадлежащими к другой цивилизационной системе.

В то же время глобализация явно способствует ускорению процесса «социодинамики культуры» (А. Моль). Под ее воздействием резко возрастают темпы производства, распространения и потребления культурных ценностей. Время цикла обращения культуры резко сокращается, что приводит к увеличению объема информации, получаемой индивидом, к расширению его кругозора, повышению интеллектуального уровня.

Благодаря новым информационным технологиям человек глобального общества получил возможность познакомиться с целой совокупностью артефактов, которые были недоступны людям индустриального и постиндустриального общества в силу отсутствия у значительной их части возможности совершать экскурсионные поездки в различные страны, путешествовать по миру, пользоваться услугами, предоставляемыми знаменитыми хранилищами культурных ценностей, где сосредоточена значительная часть мирового культурного наследия. Виртуальные музеи, виртуальные библиотеки, виртуальные картинные галереи, виртуальные концертные залы, существующие в «мировой информационной паутине» дают возможность познакомиться со всем тем, что было создано гением того или иного художника, архитектора, композитора, независимо от того, где находятся те или иные шедевры: в Петербурге, Минске, Лондоне, Брюсселе или Вашингтоне. Для миллионов людей стали доступны хранилища крупнейших библиотек мира, в том числе библиотек Конгресса США, Британского музея, Российской государственной библиотеки и многих других библиотек, фондами которых на протяжении столетий пользовался узкий круг лиц, занимающихся законотворчеством, преподавательской и научно-исследовательской деятельностью.

Глобализация узаконила существование некоего культурного стандарта, в соответствии с которым человек информационного общества должен владеть несколькими иностранными языками, уметь пользоваться персональным компьютером, осуществлять процесс коммуникации с представителями иных культурных миров, понимать тенденции развития современного искусства, литературы, философии, науки т. д.

Глобализация усилила интенсивность культурных обменов, резко расширила круг тех, кто совершает бесконечный процесс перехода из одного культурного мира в другой.

По сути, она сделала прозрачными границы для талантов, практически сняла ограничения на перемещение из страны в страну выдающихся исполнителей, дирижеров, художников, режиссеров, многие из которых ныне проводят за рубежом значительно больше времени, чем у себя на родине. Результаты творчества гениев в условиях глобализации перестают быть достоянием той или иной нации, а становятся достоянием всего человечества. Сегодня никого уже не удивляет, если на сцене Большого или Мариинского театра осуществляется постановка спектакля французским или американским балетмейстером, если на Красной площади поют величайшие теноры мира, а Д. Хворостовский исполняет сольные партии в спектаклях «Ла Скала» или «Метрополитен опера», если С. С. Аверинцев читает лекции в Цюрихе, а Ю. Хабермас в Москве и т. д. Не будет преувеличением утверждать, что глобализация способствует культурной универсализации, сходной по своим характеристикам с универсализацией античного времени, когда Зенон и Архимед, Протагор и Софокл, Гомер и Пракситель воспринимались не как эллины, а тем более граждане Афин, Микен или Спарты, а как носители ценностей, значимых в границах ойкумены – всего цивилизованного мира.

Глобализация создает предпосылки для выхода культуры за пределы общинно-племенных и локально-территориальных образований. Благодаря новым информационным технологиям идеи, символы, знания и умения, накопленные тем или иным этносом и т. д., получают широкое распространение в других культурных мирах, способствуя формированию у представителей иных наций и народов более точного представления о том, что собой представляет та или иная культура, какое место она занимает среди множества национальных и этнических культур.

Поэтому открытие феномена глобализации приносит существенные коррективы в цели и содержание образования, установки просветительной деятельности. По существу, речь идет о предстоящей революции в социализации индивида, о принципиальном изменении сознания людей, всестороннем, целостном понимании природной и социальной действительности. Устойчивое развитие современного общества диктует необходимость развития у людей глобального сознания, глобального способа мышления, ориентированных на адекватное восприятие реальности во всех ее противоречиях, на понимание единства природных, социальных, экономических, технологических и иных связей в целостном мире.

Совершенно логично, что гуманитарные аспекты глобального кризиса теперь всесторонне рассматриваются на многих научных конференциях различных стран мира. И это справедливо, ибо современная наука должна не устраняться от глобальных гуманитарных вызовов современности, бесстрашно констатируя негативные, а зачастую и деградационные процессы эволюции человека, но смело брать на себя ответственность за их преодоление. Экономика знаний должна базироваться не только на непрерывном образовании, но и на непрерывном воспитании человека – личности и гражданина. Ни одна сила, кроме ученых и педагогов всего мира, объединенных осознанием глобальных проблем, не выполнит эту задачу.

Глобализация оказывает свое влияние на мировоззрение людей. Это прослеживается в следующих аспектах: нарастание открытости мировоззренческих структур, их плюрализма, толерантности, пластичности (нередко избыточно); усиление эклектического характера отдельных мировоззренческих структур; ослабление роли убеждений в структуре мировоззрения, растущий разрыв знаний и убеждений, что

приводит к релятивизму, конформизму, прагматизму, апатии; кризис смысложизненных ориентаций людей, подрывающий устойчивость и укорененность их бытия; коэволюция разорванных ранее отдельных форм мировоззрения – научного и вненаучного, материалистического и идеалистического, атеистического и религиозного. Это все показывает признаки деструкции и отрицания старой мировоззренческой парадигмы. Ибо, как показал глобальный кризис, миропорядок будущего в его оптимальном состоянии должен быть основан на непрерывном диалоге различных международных институтов с учетом мнений всех членов глобального сообщества. Глобальный кризис – это кризис не столько социальных, экономических и политических отношений на планете, сколько кризис самого Человека. XXI в. должен стать веком гуманитарных технологий, направленных на гармоничное развитие как самого человека, так и его взаимоотношений с обществом и природой в целях сохранения уникального объекта Вселенной – планеты Земля.

В современной полемике вокруг глобализации активно заявляет о себе идея несовместимости культур и цивилизаций, вплоть до вывода о неотвратимости и их столкновения, по сути войны между ними. Акцент делается на различиях, а не единстве (тождестве) человеческого бытия и общежития. Можно по-разному относиться к известному тезису С. Хантингтона, поставившему проблему глобализации именно так, остро полемично и драматично. И надо признать, что современный мир, раздираемый многими острейшими противоречиями и конфликтами, дает для такого предположения достаточно веские основания. Глобализация, как она протекает в настоящее время, действительно бросает вызов не только судьбе национальных экономик и суверенитету государств, но и будущности локальных и региональных культур и образов жизни. Если оценивать ее сегодняшние практические результаты трезво и реалистично, она не только объединяет, но и разъединяет наш многоликий мир, разрешая одни и порождая другие, не менее сложные и взрывоопасные, проблемы.

Поэтому, чтобы снять остроту проблему, устранить тревожные тенденции, нужно вести международный диалог. Когда речь идет о диалоге и взаимопонимании людей разных религий, конфессий, национальных традиций, культур, научных школ, то общим, объединяющим их основанием, самой площадкой диалога может быть только рациональный дискурс, основанный на доказательном знании, благоразумии и сдержанности.

МИРОВЫЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI

ВЕКА КАК СЛЕДСТВИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.А. СТЕПАНОВИЧ

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест,

Беларусь

Глобализация – одна из основных причин международного экономического кризиса конца XX – начала XXI века, который затронул большинство стран. Вполне реален и новый этап этого кризиса.

Символ мирового либерализма – глобализация – разрекламирован перед развивающимися государствами, чтобы они раскрывали свои рынки. Но негативные последствия глобализации оказались такими далёкими от ожиданий этих стран, что здравый рассудок привёл их к выводу о необходимости поставить преграду этому процессу с целью охраны национальных интересов от действий глобализаторов. Таким образом, глобализация становится наибольшей угрозой для человечества, поскольку приводит и уже привела к международным конфликтам, в которых используется терроризм. Мы являемся реальными свидетелями этих конфликтов в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Обратим внимание на один из факторов глобализации – роль доллара и финансовой системы США в современном мире. Одна из причин современного мирового экономического кризиса, который по общему признанию возник в США и приобрёл масштабы глобального мирового кризиса, – это роль американского доллара как мировой валюты. Хотя в 1971 г. президент США Р.Никсон объявил об отмене золотого обеспечения доллара, доллар всё же сохранил до нашего времени роль мировой валюты, а отвязка его от золотого обеспечения позволяла США всё чаще включать печатный станок. Таким образом, ещё одно негативное последствие глобализма – возможность печатать бумажные доллары, которые не обеспечены золотым запасом и экономическими показателями, что привело в наше время к глобальному финансово-экономическому кризису, который поразил не только США, но и большинство государств мира.

Все мировые кризисы за последние годы и в большинстве случаев локальные войны начинаются и растут «из одного места», и это место – Соединённые Штаты Америки. Такая концепция принадлежит российскому экономисту, писателю и публицисту Н.Старикову. События последнего времени – массовые выступления населения – охватили очень многие страны, а начались опять-таки в США: по всей стране простые американцы выходили на улицы, протестуя против поддержки властями банков и корпораций в ущерб простым гражданам. Вспомним, что летом 2011 года практически на грани дефолта оказались именно США, так же, как сейчас Греция и Кипр, и приближаются к такому состоянию Испания, Италия, Венгрия. [1, с. 6]. События на Кипре очень ярко демонстрируют не только экономическую политику ЕС, но и антироссийскую направленность экспроприации части банковских вкладов на Кипре.

Вполне правомерно предположить, что именно для того, чтобы не обанкротиться, США провоцируют всё новые и новые военные конфликты, экономические и финансовые потрясения. Основа процветания США – всемирный спрос на доллары, который нуждается в постоянной искусственной и чаще всего не правовой поддержке.

Последние годы многие государства и их население, длительное время привязанные к валюте США, привыкшие всё покупать за доллары и в них копить сбережения, постепенно начали избавляться от доллара. Китай, Германия, в последние годы Россия, пытаются проводить независимую финансовую политику. Эти страны являются основными держателями американских долговых облигаций, так называемых «трежерис». Китай по этому показателю занимает первое место; весьма близко к нему стоит Япония, на третье место вышла, как ни странно, Великобритания.

Финансово-экономический кризис сейчас – это уже не следствие классической теории развития экономики и не следствие ошибок брокеров, или злоупотреблений

банковских чиновников, или эгоистической политики, проводимой банкирами. Кризис ныне – это оружие, с помощью которого американская (и не только) финансовая элита решает свои проблемы. В основе их политики – стремление любым способом увеличить спрос на свои долговые облигации. США – это не гарант финансовой стабильности, а разрушитель этой стабильности: финансовая политика США ведёт к нестабильности всего мира. Действия США довольно просты: необходимо расшатать еврозону, понизить с помощью контролируемых финансовых институтов рейтинги финансовой системы стран Европейского сообщества: Греции, Испании, Италии, а теперь очередь уже почти дошла до Франции, а впереди, возможно, и Германия. Это приводит к снижению курса единой для ЕС валюты – евро. Что делать держателям евро? Есть два пути для этого: первый – купить что-нибудь на рынке и второй – обменять евро на доллары. Но это только теоретически возможные два варианта. На самом деле реален лишь один вариант – второй, так как почти все ресурсы в мире продаются за доллары. Поэтому при снижении курса евро возрастает курс доллара. Простые граждане из-за этого часто находятся в недоумении: почему говорят об элементах кризиса в экономике США, а курс доллара растёт? Может, получив доллары, нужно обменять их на нефть? Но чаще всего именно в это время цены на неё растут, поэтому покупать её не совсем выгодно. Решение на поверхности – проще всего купить долговые бумаги США. Борьба между двумя основными фракциями в Конгрессе США по поводу очередных увеличений уровня госдолга США носит чаще всего иллюзорный характер.

Смысл дестабилизации мировой экономики и политики США прагматичен. США всегда на первый план выдвигали этот принцип: истинно то, что выгодно, что приносит успех США. После бомбардировок Ливии в бумаги США потекли деньги этой страны; раскачали в 2011 году финансовую систему Европы – опять увеличили спрос на свои бумаги. Иначе говоря, чтобы США было хорошо, всем должно стать плохо. Таким образом, возможный новый кризис, о котором сейчас почти все говорят, опять будет «родом» из США. Будет ли новый кризис, или проявится новая волна старого кризиса зависит сейчас от совместных действий Европы и стран БРИКС.

Весьма сложную политику ведут США и в арабском мире, и в странах Северной Африки. После событий в Ираке, Ливии, их действия были направлены против Ирана, сейчас – против Сирии и других стран; а причины этого вмешательства США объясняют, обвиняя эти страны в потенциальном терроризме и прочих грехах. События в этих странах парадоксальны: у власти практически повсеместно находились или находятся светские режимы, часто проамерикански настроенные. США содействуют отстранению их от власти любым способом, отлично зная, что на смену этим светским лидерам придут исламские фундаменталисты. США сознательно осуществляют такую политику, носящую провокационный военный характер. Эти факты одной направленности: большая война в регионе поможет США «перезагрузить» свою финансовую систему.

Считаем необходимым обратить внимание ещё на один аспект проблемы: кризисное состояние Европейского Союза. Напомним, что вообще говоря, возникновение европейского сообщества – это в определённой мере результат противостояния и защиты от глобалистской политики США в послевоенной Европе, т.е. это объединение значительной части (27 стран) европейских государств – следствие антиглобализма. Современный финансовый кризис ЕС – это самый большой кризис с момента создания этого сообщества, а если иметь в виду последствия его для других

стран, то можно предполагать его перерастание в мировой кризис. Польский политолог Г.Костерва-Забрас по этому поводу и, говоря о возможных последствиях кризиса, отмечает в газете «Факт», что если решение о выходе из Унии примет одна страна, то другие, особенно богатые, могут начать выходить из неё вслед за ней. В статье «Европа вянет на глазах» автор обращает внимание на произошедшую около года назад ссору (многократно воспроизводившуюся на экранах ТВ) между бывшим Президентом Франции Саркози и Премьер-министром Великобритании Кэмероном. Первый предложил второму «помолчать» в ответ на рекомендацию второго о том, чтобы решение относительно судьбы евро принимали не только государства этой зоны, но все 27 государств ЕС. Такая позиция Кэмерона объясняется внутривнутриполитической обстановкой в Великобритании: 49% населения этой страны, по результатам социологических опросов, выступают за выход Великобритании из состава ЕС, а 40% выступают за то, чтобы страна оставалась в составе ЕС. Кэмерон является сторонником сохранения места Великобритании в ЕС, но хочет использовать внутреннюю ситуацию в стране, чтобы добиться от Брюсселя уступок.

Финансовый кризис в ЕС, который касается не только Греции, но и Испании, Португалии, Италии, Венгрии, Ирландии, Кипра, порождает дискуссии относительно сохранения сферы евро. Эксперты вполне определенно высказываются за такой вариант разрешения кризиса, когда слабые в финансовом отношении государства-члены ЕС должны выйти из этой сферы, а остаться в ней должны только финансово более сильные государства. Остальные имели бы общий банк, общую монетарную политику и общую валюту. Другая позиция прямо противоположна первой: из сферы евро должны выйти самые сильные государства. Евро как валюта останется только для более слабых государств. Выход из сферы евро, например, Германии, был бы сигналом к ослаблению этой валюты, то есть повлек бы девальвацию евро на мировом рынке. Сильные государства, такие как Франция, Голландия и другие приняли бы новую единую валюту. Евро, как валюта слабых европейских государств, был бы девальвирован, что повлекло бы увеличение экспорта, снижение импорта, сбалансирование торговли, а следовательно, такое решение способствовало бы выходу этих государств из кризиса. Эти два сценария означают частичный демонтаж сферы евро, однако, одновременно это был бы сценарий огромного потрясения для объединенной Европы.

Есть и третий сценарий: держаться и предпринимать всё возможное, чтобы сохранить сферу евро, но на этот сценарий ведущие политики ЕС вряд ли осмелятся, так как такой сценарий противоречит основополагающим принципам конституционного устройства ЕС. Речь идет о строительстве сильной центральной власти в ЕС, по примеру федерального устройства США. Среди новых политических институтов, мог бы быть, например, Президент ЕС, избираемый на всеобщих выборах всеми гражданами ЕС. Такая идея никогда даже не обсуждалась на уровне принятия решения в ЕС. Это повлекло бы необходимость создания единой судебной системы, единого Конституционного суда, возможности чиновников ЕС вмешиваться в бюджетно-финансовую политику стран-членов ЕС, вплоть до применения к ним санкций. Однако даже существующие политические институты ЕС в значительной степени носят декоративный характер. Так, всё меньше избирателей участвует в выборах в Европейский парламент, а его голос и решения практически не слышимы населением. ЕС – это слишком дифференцированное объединение, чтобы реализовать этот третий

сценарий. Ученые политологи, правоведы, экономисты давно уже пришли к выводу, что хозяйственная интеграция невозможна без интеграции политической. Роберт Мундель ещё в 1999 г. предостерегал, что не может быть общей валюты, сильной, долгосрочной на территории, которая не имеет единого хозяйства, состоит из стран с различным уровнем развития производства, как, например, Греции и Голландии, что эта попытка завершится поражением. Чтобы общая валюта могла существовать, необходимо единство хозяйственной, производственной деятельности, сильная центральная власть, способная осуществлять интервенции финансовых средств туда, где в результате интеграции ощущается их недостаток и где введение общей валюты порождает кризис. В Европейском Союзе такие условия в настоящее время не наличествуют. И выход здесь, по мнению нобелевского лауреата, один: или такая сильная центральная власть будет создана, или сфера евро будет всё более трещать по швам.

Рассмотрим влияние глобализма и глобализации на практику межгосударственных отношений.

Известно, что международное право исключает неправомерное нарушение одними государствами суверенных прав других государств. Однако практика глобализации игнорирует нормы международного права, регулирующие межгосударственные отношения, включая взаимоотношения на уровне взаимодействия цивилизаций. В этой практике используются такие положения внешнеполитической доктрины США как «теория расширяющихся границ США», политика двойных стандартов при оценке международных отношений и принятии решений о вмешательстве США на стороне тех сил, которые, пользуясь субъективными и односторонними оценками США, признают соответствующими так называемым демократиям западного образца. Об этом свидетельствуют многочисленные факты экономического, политического и даже военного вмешательства США в суверенные права стран и народов в последние годы. Примером двойных стандартов к оценке весьма похожих процессов могут служить события в Косово, Абхазии, Южной Осетии, цветные революции в Украине, Грузии, Киргизии; агрессия США против народов Югославии, которая привела к распаду этого федеративного государства на Балканах; военная интервенция США в Ираке под благовидным предлогом борьбы с режимом, обладающим оружием массового поражения, которое, кстати, так и не удалось обнаружить; события в Ливии 2011 года, нынешняя ситуация в Сирии.

И всё же, в последние 2-3 года международная жизнь складывается так, что, пожалуй, уже никто не сомневается, что эпоха абсолютного доминирования Америки подошла к концу. Фатальный итог президентства Дж. Буша-младшего, ослабление хозяйственной мощи США, неудачи в Ираке, Афганистане, весьма заметный спад доверия к США не только со стороны конкурентов и противников, но и среди некоторых союзников - всё это способствовало тому, что современную ситуацию можно охарактеризовать практически как «постамериканскую». США должны перестроить свою внешнюю политику, отказаться от роли ментора, который присвоил себе право судить об уровне демократии в других странах и навязывать всем свои стандарты демократии. Конечно, в настоящее время у США ещё нет достойного конкурента, способного достичь преимущества в области хозяйственной или военной. Однако мир закономерно перейдёт от однополярного устройства к многополярному, поэтому, надо полагать, что заканчивается и эра «дипломатического империализма» США.

Литература

4. Цепляев, В. Война всё спишет! Борясь за доллар, США готовы раскачать весь мир. Беседа с Н. Стариковым, экономистом, писателем и публицистом. / В. Цепляев // Аргументы и факты в Беларуси. – 2011. – 8 авг. – С. 6.

УДАЧНЫЙ ПРИМЕР ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИЗМА

М.В. СТРЕЛЕЦ

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Актуальность темы любого исследования по историческим наукам связана с наличием схожих проблемных комплексов в современном мире. В данной ситуации научное сообщество призвано выполнять социальный заказ на поиск жизнеспособных инструментариев для снятия подобных комплексов.

Избрав в своей монографии в качестве предмета исследования рабочую и аграрную политику в трёх британских доминионах Канаде, Австралии, Новой Зеландии последней трети XIX – начале XX в., профессор Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь) Семёнова Людмила Николаевна обратилась к теме, актуальность которой не вызывает сомнения. С автором монографии можно согласиться в том, что «необходимость данного исследования обусловлена повышенным интересом к проблематике социального государства, потребностью в знаниях о всех возможных формах и методах социальной политики с целью выработки конкретно-исторических моделей социального государства, их сохранения, оптимизации и дальнейшего развития» [1, с. 12].

Предмет исследования книги достаточно объёмен. Учёный берёт «в качестве предмета данного исследования... два ведущих направления социального реформизма, неизбежных для стран с динамично развивающейся аграрно-индустриальной экономикой: рабочую и аграрную политику в трех британских доминионах Канаде, Австралии, Новой Зеландии на протяжении более чем 50-летнего исторического периода последней трети XIX – начала XX вв. В рабочей политике главной предметной областью исследования стала сфера регулирования трудовых отношений, юридически оформляемая трудовым арбитражным законодательством. В аграрной политике главной предметной областью исследования стала сфера отношений собственности, владения, распоряжения, пользования землей, закрепляемая соответствующим аграрным законодательством» [1, с. 13-14]. Разумеется, из содержания предмета исследования вытекала необходимость фундаментальной подготовки автора в ряде областей (история, политология, социология, экономика, право). Профессор продемонстрировала именно такую подготовку.

Заслуживает самой высокой оценки то обстоятельство, что учёный формулирует цель и задачи исследования с учётом реального положения в историографии настоящей проблемы, стремясь максимально глубоко освоить новые проблемные поля. Ознакомление с полным текстом книги свидетельствует о том, что это стремление было

доведено до логического конца, что по существу освоено принципиально новое направление в постсоветской историографии.

Главная научная заслуга профессора заключается в выявлении содержания политики социального реформизма и сравнительной реконструкции её рабочей и аграрной составляющих в трёх британских доминионах Канаде, Австралии, Новой Зеландии в последней трети XIX – начале XX в.

Впервые в исторической науке выяснены сущность, роль, значение государственного сектора в экономике доминионов и его соотношение с социальной деятельностью государства. Людмила Николаевна Семёнова убедительно доказала, что «государственный сектор стал надёжным экономическим основанием для социальных реформ в доминионах» [1, с. 387].

Проведено пионерское рассмотрение эволюции классовых и трудовых отношений в Австралии под влиянием местного и федерального трудового арбитражного законодательства. В рамках этого рассмотрения особую ценность представляет всестороннее прослеживание роли Генри Хиггинса в формулировании доктрины минимальной заработной платы, наполнении её реальным содержанием в австралийских условиях. Приведенные в монографии факты свидетельствуют о том, что «создаваемая (в конце XIX – начале XX в. – М.С.) ... система трудового арбитража, которой и посвятил свою жизнь Генри Хиггинс, становилась важнейшим государственным механизмом не только для урегулирования трудовых конфликтов, но и для более широких целей, способствуя улучшению трудовых отношений, эффективной организации производства, развитию трёхстороннего сотрудничества государства, бизнеса, профсоюзов, экономической и социальной демократии» [1, с. 219].

Представлено системное исследование арбитражного закона Новой Зеландии и его воздействия на социальный климат и коллективно-договорные отношения в стране и за рубежом. Не будет преувеличением сказать, что Людмила Николаевна Семёнова открыла для постсоветского читателя имя автора закона Уильяма Пембера Ривса. Она справедливо отмечает, что «в Новой Зеландии впервые в мире была принята... общенациональная государственная система трудового арбитража (1894)» [1, с. 221], что этот «пример прежде всего иллюстрирует... первенство Новой Зеландии в мире в качестве «социально-политической лаборатории» [1, с. 221].

Сформулировано оригинальное видение провинциальных и федеральных арбитражных законов Канады и их воздействия на трудовые отношения, профсоюзную активность, рабочее движение, политику правящих кругов. По-новому трактуется роль многолетнего главы исполнительной власти У.Л. Макензи Кинга в разработке и принятии соответствующих нормативно-правовых актов. В работе показано, что этот деятель продемонстрировал в данном вопросе «мудрую профессиональную интуицию» [1, с. 261]. Судя по тексту книги, его вполне можно считать образцом взвешенных решений при проявлении истинного демократизма, высокой политической культуры. У.Л. Макензи Кинг «много и мучительно размышлял, читал, склоняясь лишь к определённой точке зрения, которая со временем может измениться, а не к готовым рецептам на века» [1, с. 261]. Учёный также совершенно справедливо отмечает, что в процессе обсуждения указанных законов «канадские тред-юнионисты ... долго колебались между своей верой в государство и позицией АФТ, больше надеявшейся на собственные силы» [1, с. 263].

Выявлено и исследовано магистральное направление аграрной политики Канады, связанное с фермерской колонизацией Запада. Факты, содержащиеся в соответствующей главе монографии, дают основание для вывода о том, что «в целом в начале XX в. заселение «последнего, лучшего Запада» состоялось» [1, с. 327], что «его фермерская колонизация ... привела к динамичному росту аграрного предпринимательства, ставшего важной частью успешно развивающейся аграрно-индустриальной экономики» [1, с. 330].

Исчерпывающе освещена реализация земельного законодательства австралийских колоний, направленного на перераспределение земли. Л.Н. Семёнова верно определила исходный пункт в исследовании данного вопроса: «И австралийские власти, и рядовые колонисты понимали, что при всей неосвоенности континента, в силу его природных особенностей, свободной земли для сельского хозяйства, так как в США и Канаде, у них нет» [1, с. 330]. Учёный чётко уловила логику их мышления: «Никаким переселением на запад решить свой земельный вопрос они не смогут. Единственное средство – решать его другими, более радикальными средствами, меняя ту практику, которая уже сложилась» [1, с. 330]. Она показывает, что «среди известных радикальных моделей, например, национализации земли, введения прогрессивных налогов на латифундии, в Австралии, в конечном счёте, была реализована весьма умеренная модель, основанная на перераспределении земли» [1, с. 330], что «этому способствовали огромные масштабы земельных владений, сосредоточенных у скваттеров и используемых в основном в виде пастбищ, то есть практически необрабатываемых» [1, с. 330-331].

Раскрыта сущность аграрной политики правительства экспериментаторов Новой Зеландии. При этом весьма удачно проведено её сравнение с аналогичным направлением внутренней политики правящих кругов Австралии. Автор отмечает, что «в Новой Зеландии была апробирована более радикальная по сравнению с селекцией модель решения аграрного вопроса – ограничение крупного землевладения» [1, с. 394]. Очень высокая степень научной новизны прослеживается при анализе базового закона этой модели – закона 1892 года. Профессор показывает, что «в соответствии с законом была произведена классификация земельных угодий, были установлены нормы приобретения сельскохозяйственных угодий в собственность и пользование и определены механизмы отчуждения землевладений, превышающих установленные размеры» [1, с. 394]. Проведено пионерское исследование деятельности «особого суда по вопросам отчуждения землевладений, который должен был решать все конфликтные ситуации, возникшие в этой сфере» [1, с. 394]. Автор правильно подмечает, что «он функционировал по образцу и подобию трудового арбитража» [1, с. 394]. В монографии убедительно доказано, что указанный «закон стимулировал развитие мелкого землевладения» [1, с. 394].

Рецензент полностью согласен с автором в том, что «в русскоязычной историографии представленное исследование является первым» [1, с. 12].

Перечисленные позиции дают все основания считать, эта книга является законченной работой, решающей крупную научную проблему.

Вместе с тем было бы неправильным утверждать, что в книге Л.Н. Семёновой полностью исчерпаны все сюжетные линии, связанные с предметом

исследования, что ознакомление с её содержательной частью не даёт оснований для каких-либо замечаний. Основные недочёты по настоящему труду таковы.

Во-первых, нет специального разбора логической структуры понятия «социальный реформизм», не показано его соотношение со следующими понятиями: «социал-реформизм», «социал-демократический реформизм», «буржуазный реформизм».

Во-вторых, обязательно следовало указать, что в то время, которое совпадает с хронологическими рамками исследования, в политическом лексиконе отсутствовало понятие «социальное государство». Понятие «социальное государство» было впервые употреблено в Основном законе Федеративной Республики Германия, принятом в 1949 году.

В-третьих, работе не хватает детального сравнения социальных реалий Канады, Австралии, Новая Зеландии, с одной стороны, и остальных британских доминионов (Южно-Африканский Союз, Ирландия, Ньюфаундленд) – с другой.

В-четвёртых, учёный упоминает Российское общество изучения Канады (РОИК). Однако в книге нет ни одной ссылки на издаваемые РОИК «Канадский ежегодник», «Вестник РОИК».

В-пятых, ряд сюжетов, относящихся к предмету исследования, в той или иной степени нашёл отражение в вышедшем в 1990 году под редакцией В.П. Олтаржевского в издательстве Иркутского государственного университета сборнике «Проблемы истории Австралии и Океании». Судя по содержанию работы, учёный из Минска не учитывала этот сборник в исследовательском процессе.

Конечно, недочёты можно найти в любой научной работе и, как видим, настоящая книга не является исключением. Справедливости ради следует отметить, что наличие указанных недочётов никак не влияет на вывод рецензента о весьма значительной степени новизны результатов, полученных в монографии.

Весьма высокая степень обоснованности выводов, сформулированных в книге, предопределена, прежде всего, опорой на обширную источниковую базу. Автор работы использовала конституции доминионов, законодательные акты, принимаемые правительствами доминионов в рамках политики социального реформизма, официальные отчёты о парламентских дебатах, материалы королевских комиссий, публикации органов исполнительной власти, материалы статистики, профсоюзные издания, сочинения, воспоминания, дневники деятелей международного рабочего движения. Рецензент выявил немало источников, впервые вводимых в научный оборот. Многие ранее известные научному сообществу источники получили принципиально новую трактовку со стороны Л.Н. Семёновой.

Из 433 использованных источников – 250, то есть 57,7 % на английском языке. Переводы с английского языка на русский выполнены на высоком уровне. Этот момент источниковой базы чрезвычайно важен для той части русскоязычного научного сообщества, которая не владеет этим языком и одновременно испытывает потребность в прочных знаниях о социальном реформизме в Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Такое превалирование англоязычных источников ещё более усиливает мнение рецензента насчёт достоверности выводов учёного из Минска.

Обширный источниковый базис использовался в органической увязке с принципами объективности, историзма, системности, ценностного подхода, со

следующими методами: неоинституционализм, структурно-функциональный анализ, сравнительный метод.

Значимость настоящего труда прослеживается по многим позициям.

Во-первых, автор чётко обозначила важные проблемы, над которыми ещё предстоит работать научному сообществу.

Во-вторых, на базе данной книги вполне можно разработать одноименный спецкурс для студентов исторических факультетов высших учебных заведений, обновить содержание части лекций, читаемых профессорско-преподавательским корпусом для этой категории студентов; организовать подготовку ими докладов, рефератов и сообщений для семинарских занятий.

В-третьих, ряд выводов и оценок, содержащихся в книге, даёт основание для внесения корректив в разделы учебных пособий по новой истории, посвящённые британским доминионам.

В-четвёртых, работа Л.Н. Семёновой по самым высоким меркам подходит для нужд самообразования для лиц, вовлечённых в политику по совершенствованию современных норм трудового и аграрного права, социальных стандартов уровня жизни.

В-пятых, книга, несомненно, способствует обогащению представлений о социальных лидерах индустриальной цивилизации, без адекватного понимания которых не может обойтись ни один исследователь социальных процессов в новое время.

В-шестых, настоящий труд обязательно заинтересует практических работников, задействованных на канадском, австралийском, новозеландском направлениях внешней политики своих стран.

1. Семенова, Л. Социальный реформизм в британских доминионах на рубеже XIX - XX вв. (Канада, Австралия, Новая Зеландия) / Л. Семенова. - LAP Lambert Academic Publishing, 2012. - 419 с.

ГЛОБАЛИЗИРОВАННЫЙ МИР: ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ СТОЛКНОВЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

А.И.СЫТНИК

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

В современном философском и общественном дискурсе, одним из наиболее устоявшихся является тезис о том, что развитие национальных обществ будет проходить под знаком мультикультурализма.

Мультикультурализм, который формируется под влиянием глобальных информационно-коммуникационных потоков, миграционных процессов, возрастания численности населения планеты, модернизации экономики, усиления роли транснациональных компаний, выступает не столько одной из возможных альтернатив, сколько реальностью.

В условиях глобализации нормой жизни является взаимодействие разных цивилизаций, эклектичное соединение разных стилей и вкусов. Это может, с одной стороны, расширить культурные горизонты национального общества, усилить его дееспособность, а с другой – подорвать его жизненные силы, обусловить моральный упадок и деградацию.

Дальнейшая глобализация современного мира всё более обостряет проблему сохранения культурной специфики отдельных этнических сообществ, перспектив с национально-культурной идентичностью.

Противоречивость универсальных глобальных ценностей и требований на местах сохранить свою самобытность становится содержанием и определяет направление социальных изменений в современном глобализированном мире. Это противоречие можно определить как столкновение идентичностей. Столкновение «давостской культуры» (международная бизнес-культура), культуры «мак-мира» с культурами национальных, локальных сообществ ведёт к возникновению разных дискурсов, подходов к трактованию национальной идентичности, изменений социального ландшафта современного мира. Глобализация вовсе не выступает только показателем интеграции и гармонии. Выявляются также признаки отличий, дискриминаций. Мир, сжатый к пределам одной экономической, финансовой, торговой, электронной системы, никогда не был таким разделённым в зависимости от силы, влияния, ресурсов.

Глобализация встаёт как сила, которая кроме всего другого содействует сохранению и развитию местных отличий и разнообразия, то есть, возрастанию локальной гетерогенизации.

В этой ситуации правомерно вести разговор о появлении иной глобальной тенденции, которая по существу дела состоит в том, чтобы регионы, государства, нации стремились возродить или повернуть собственную историю, идентичность и традиции. Локальный ответ на глобальный вызов может приобретать разные формы: сопротивление и отрицание – это, конечно, не единственно возможные варианты.

В глобализированном мире, каждый ищет свою идентичность, находя или не находя при этом общего языка с другими людьми. Следует отметить, что возможности осмысления «своего» и «чужого» в культуре связаны с характером культур, которые составляют национальный культурный мир. Собственно, национальная самодостаточность культуры есть основание идентичности. Именно в культуре концентрируется национальная энергия, не реализованная в практических сферах исторической деятельности.

Новый виток культурной дифференциации, присущий современной эпохе, является природной реакцией на угрозу «выравнивания» в период интенсивных межкультурных, межцивилизационных контактов. Он также связан и с необходимостью нового определения идентичности человека и национальной общности в глобализированном мире. Чем глубже становятся межкультурные контакты, тем разнообразнее переживает человек за свою идентичность.

В свою очередь, чувство идентичности может быть причиной, которая даёт импульс новым культурным отличиям. Вклад разных культур в мировую цивилизацию определяется их творческим потенциалом взаимного диалога. Принятие новых форм – это момент саморазвития, поэтому даже традиционные культуры не свободны от заимствований, поскольку процессы глобализации создают качественно новую ситуацию, в которой развиваются культуры.

Рассматривая особенности национально-культурной идентификации в условиях глобализации, следует, прежде всего, признать, что в конце XX века произошло ряд количественных и качественных изменений касательно непосредственности и динамики

культурных взаимодействий и коммуникаций, определяющими элементами которых есть:

1. В XX веке зафиксирована волна принципиально новых технических открытий в отраслях коммуникации, транспортирования, которые обусловили создание новых действующих глобальных инфраструктур. Эти изменения открыли путь к мощной серии каналов связи, которые беспрепятственно преодолевают государственные границы, повышают уровень коммуникаций.

2. Современная культурная глобализация отличается от предыдущих форм высшей интенсивностью практик, большими масштабами и скоростью распространения культур и культурного обмена. Такое возрастание плотности информации соединяется с появлением иностранных знаков, символов и артефактов в пределах национальных экономик и культур.

3. Новые коммуникационные технологии используются не только в предпринимательстве и коммерческих связях, но и в производстве, передаче и восприятии массовой культуры.

4. Изменяется стратификация культурной глобализации. Часто западные ценности подаются как «природные», «универсальные», «общечеловеческие».

Тенденцией современной культурной глобализации выступает определённое культурно-ментальное «усреднение», нивелирование национальных, языковых, религиозных и других индивидуальных особенностей – создание космополитического индивида. Следует отметить, что доминирующей сферой такого индивида выступает информационный простор.

Современные процессы глобализации и дифференциации культуры происходят одновременно. Глобализация, как бы проводит проверку на твёрдость те культуры, которые пренебрегают новыми технологиями и научным прогрессом или отбрасывают их. Именно для таких культур национальное государство служит единственно приемлемой формой выживания.

Следует отметить, что попытки сопротивления отдельных национальных культур проникновению глобальной культуры не могут изменить интеграционный вектор политики и создать условия для адаптации науки к изменению внешних условий.

Существует несколько теорий, которые описывают процесс межкультурного взаимодействия в условиях глобализации. Одна из них – теория столкновения цивилизаций С.Хантингтона, согласно которой глобализация не имеет следствием культурную гомогенизацию, не способствует взаимопониманию культур, а наоборот, может привести из-за неадекватного поведения к столкновению цивилизаций.

Другой концепцией межкультурного взаимодействия выступает теория гибридизации Я.Питерса. Эта теория характеризует межкультурное взаимодействие в понятиях, близкой к садовой деятельности: пересадка, привитие и т.д. Эти мягкие формы соединения черт разных культур создают новые типы идентичности.

Третья концепция – теория макдонализации Дж.Ритцера, который сумел увидеть в ресторане Макдональдс не просто форму «быстрого питания», а упрощённую систему рациональности, которая отвечает уровню адаптации и способствует примитивной рационализации этого уровня. По мнению Дж.Ритцера, глобализации проще поддаётся то, что отвечает упрощённым формам рациональности, прежде всего символический, а не предметный или субстанциональный аспекты.

Таким образом, в сфере культурной идентичности рассматриваются три возможных варианта развития идентичности: мягкое взаимодействие и изменение, столкновение, отрыв от традиционной идентичности при помощи схем упрощений рациональности.

Культурное разнообразие мира – необходимое условие нормального функционирования современной цивилизации. Поэтому попытки унификации культур, которые встречаются из-за упрощённого подхода в понимании процесса глобализации, как и противопоставление Востока и Запада на цивилизованной основе не должны считаться продуктивными, поскольку такие интерпретации выходят из ошибочного тезиса – наличие в мире единственной истинной культурной традиции, что отвечает императивам глобализированного мира. Данная установка оставляет вне внимания тот основополагающий факт, что разнообразие и диалог культур – источник развития народов, тогда как попытка диктата или унификации всегда приводила к обострению напряжённости в мире на почве межцивилизационных, межэтнических, межрелигиозных противоречий.

Парадоксом современной цивилизации стал тот факт, что локальные отличия количеством стали более чёткими, чем ранее. Понятно, что в процессе глобализации действуют две взаимодополняемые тенденции. Первая – это формирование универсальных черт способа жизни людей, которые живут в разных странах (одежда, кухня, спорт, массовая культура и т.д.), и другая – одновременно с неизбежной цивилизацией происходит возрастание «культурного национализма»: чем более мы становимся подобными, тем более подчёркиваем своё отличие.

Человечество сегодня находится в такой ситуации, когда разные цивилизации должны научиться жить вместе в глобализированном мире, взаимно обогащаясь. Отсутствие диалога может привести к непониманию, конфликтам, столкновениям. Мировой порядок, построенный на диалоге, есть наиболее действенным способом предупреждения столкновения культур, цивилизаций.

Диалог возможен только между теми, кто может преодолеть узкий горизонт своей идентичности, подняться над ней, войти тем самым в более широкую коммуникационную систему отношений.

В этом контексте особое значение приобретают универсальные ценности, ориентиры, которые принимают все культуры и религии мира (толерантность, мир, гуманизм и т.д.). Универсальные ценности, которые признаются всеми культурами, религиями мира, могут стать основой глобального диалога. В этом смысле можно говорить об универсальной цивилизации диалога, которая должна существовать на основе признания разнообразия мира и соединять всё человечество.

Конечно, это очень сложно. Более того, реальность показывает, что современный мир наполнен множеством социальных катаклизмов. Но всё зависит непосредственно от людей, народов. Выбор идентичностей не должен привести к их «столкновению», а к признанию культурного разнообразия глобального мира, где люди, нации должны чувствовать себя частью не только своих локальных обществ, но и всего человечества. Форма взаимодействия глобального и локального – скорее сосуществование, нежели столкновение. Учёт этого фактора крайне важен для понимания современных мировых порядков.

Современный мир через разнообразие направлен к единству. Сравнивая принципиально разные мировоззренческо-ценностные ориентации и способы мышления на Востоке и Западе, учёные утверждают: есть все основания констатировать, что путь к их взаимопониманию и «синтезу» хотя и тяжёлый, но далеко не безнадёжный. Благодаря новой духовно-ценностной парадигме мировой цивилизации и должна фактически реализоваться сущность истории и предназначения человечества, а для каждой из этих традиций процесс взаимодействия обеспечит и их самореализация как коллективного планетарного субъекта.

«Идея большого синтеза» ни в коей мере не снимает проблемы поиска национальной идентичности, как и наоборот. Плодом «большого синтеза» может стать новый образ мира и человека в современной глобализированной культуре. От ответов на эти вопросы зависит полнота процессов трансляции духовных ценностей, определение институциональной роли культуры в становлении идентичностей и человека в современной глобализированной культуре.

ТРИЕДИНСТВО И ФЕНОМЕН САМОУПРАВЛЕНИЯ

А.С.Харитонов

Российский государственный социальный университет, г.Москва, Россия

Человек – управленец, решает сам, когда есть выбор, что потреблять, что производить, как вести себя с другими людьми. Если он делает ошибки в управлении, ему плохо, он гибнет, уходит в Небытие. То же можно сказать об обществе, как социальном организме. При ошибочном социальном управлении народ вымирает, государство гибнет. Проблема управления ещё эллинами связана с необратимым взаимодействием Бытия и Небытия, рождением и смертью объектов природы, с познанием закономерностей становления организации Бытия. Различные подходы к решению этой проблемы можно найти в трудах Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля.

Проблема управления поднята заново в тектологии /А. Богданов/, кибернетике /Н. Винер/ и теории систем /Л. фон Берталанфи/. Однако она осталась до сих пор без системообразующего фактора /П.К. Анохин/ или неразрешенной. Причина этого автору видится в том, что традиционное естествознание основано на законах движения материальных точек (классических, квантовых или релятивистских частиц) или атомах Демокрита. В этом случае материя (вещество) отделяется мысленно от причины её существования и изменения, так как атомы Демокрита - вечны. В качестве такой причины обязательно предполагается существование внешней «силы», которая задает величину, направленность движения и тип взаимодействия объектам материи. Такое упрощение привело к противоречиям с опытом описания сложных систем, состоящих из активных и смертных динамических элементов, так как не учитывает взаимодействие Бытия и Небытия.

Проблема Бытия и Небытия состоит не в том, есть они или нет, а в том, как они взаимодействуют между собой. У Демокрита Бытие - это материя и её атомы, а Небытие – это пустое пространство, вакуум, в котором движутся атомы. А у Платона целостность природы задается взаимодействием Бытия и Небытия, где все видимые объекты природы смертны и атомов, как вечных наименьших частиц с постоянными свойствами, существовать не может. Это совсем другое видение взаимодействия Бытия и Небытия. Соответственно взаимодействие Бытия и Небытия предполагает акты творения Бытия из Небытия и обратно и их включение или исключение из процесса становления организации Бытия – феномен самоуправления природы. Первый случай (атомы Демокрита и пустоты) хорошо изучен в современной науке, это гамильтоновы системы, состоящие из материальных точек, для которых выполняются теорема Лиувилля, эргодическая гипотеза и постулаты Больцмана-Гиббса. А второй случай, когда система состоит из активных и смертных динамических элементов, оказался до сих пор не исследованным, так как для него нужен иной аппарат математики, учитывающий иначе меру Небытия и взаимодействие с ним.

Автор предложил определить Небытие по-новому, как некоторое множество вероятностных событий, которые равны нулю или очень малы, так что можно учитывать взаимодействие Бытия и Небытия как результат изменения набора вероятностей разрешенных и запрещенных событий.

Автор ввел новые функции: меры хаоса и порядка, за счет которых впервые определена целостность природы по Платону. Целостность природы можно представить в виде суммы множеств реализуемых и нереализуемых состояний:

$$1 - \sum_{i=1}^n f_i \log f_i + \sum_{i=1}^n f_i \log (Kf_i) = H+G, (1)$$

где 1 (единица) - отражает целостность системы, K – пространство событий, f_i - вероятность событий, i - последовательность событий, H – мера хаоса - описывает неопределенность состояния системы, G – мера порядка - описывает определенность состояния системы.

Мера хаоса H характеризует область реализованных состояний или Бытие, а мера порядка G – область запрещенных состояний или Небытие. Небытие в отличие от Бытия не имеет качественных различий.

При постулате Больцмана о равновероятности микросостояний или микроканонического распределения Гиббса, справедливых только для законов механики Ньютона, мера хаоса равна максимально допустимому значению, а мера порядка равна нулю. Другими словами, эти постулаты Больцмана-Гиббса и законы механики Ньютона исключили из рассмотрения необратимое взаимодействие Бытия и Небытия и позволили использовать определение энтропии, равной только мере хаоса.

Принцип сохранения «энергии» определен как инвариант взаимодействия Бытия и Небытия в трёх пространствах событий:

$$H(p,q,l) = G(p,q,l), (2)$$

где (p,q,l) - три разных пространства событий p - импульсы корлинавы параметры структура.

Для любой фиксированной организации можно подобрать такое значение аргументов K, f_i , i , при которых меры хаоса и порядка будут равны.

Это равенство служит новым инвариантом для описания организации сложных систем. Новый инвариант природы соответствует целостности природы, как баланс взаимодействия Бытия и Небытия, китайскому символу Инь-Ян или равновесию процессов рассеяния и концентрации энергии в круговороте природы.

«Закон вызова и ответа» в истории развития общества /Л.С. Васильев/ состоит из двух частей: генерации актов творения Бытия из Небытия и обратно, и механизма отбора актов творения в становлении организаций Бытия.

Приращение мер хаоса удовлетворяет уравнению симметрии в трёх пространствах событий:

$$H(q) + H(p) + H(l) = 0. (3)$$

Уравнение симметрии (3) описывает акты изменения организации, не нарушающие исходного инварианта. Это уравнение удовлетворяет рекуррентному уравнению:

$$A_{n+1} = A_n + A_{n-1} (4)$$

Для любых начальных значений $A_1 \geq 0$ и $A_2 > 0$ уравнение рекурсии (4) приводит за счет повторения актов творения при $n \rightarrow \infty$ к золотому сечению ϕ :

$$A_n / A_{n+1} \rightarrow \phi = 0,618 \dots$$

или к «золотой пропорции».

Возможной причиной таких возмущений актов творения могут служить резонансные взаимодействия структур, которые учитываются за счет введения l -структурного пространства событий.

Акты творения исследовались в кибернетике, как неотъемлемое свойство поиска и адаптации только живой природы /С.Н. Грищенко/. Автор это свойство распространяет на все целостные организации природы.

Механизм отбора актов творения в становлении организаций Бытия автор определил как феномен самоуправления организации природы. Акты творения, которые не приводят к гармонии (трёхсущностному равновесию), уходят в Небытие. Акты творения, которые выстраиваются в гармоничные организации, выживают, формируют становление организаций Бытия.

При этом выжившие организации находятся в гармонии внутри себя, со своим окружением и с целым, и своим существованием задают программу становления Бытия путем гармонизации возникающих организаций с существующей организацией круговорота природы.

Феномен самоуправления отождествлен автором с Логосом /Гераклит/, с Предустановленной гармонией/ Г. Лейбниц/, где отклонение от гармонии (трёхсущностного равновесия) порождает внутреннюю «силу» - свободную энергию образования системы, которая (энергия) изменяет негармоничную организацию целостной системы с целью поиска гармоничного равновесия.

Уход в Небытие есть детерминированный механизм причинно-следственной связи явлений в природе. А построение гармонии относится к стохастическому механизму причинно-следственной связи явлений в природе. При этом изменение организации всегда происходит дискретно.

Гармония отношений может достигаться разными способами, как в живой, так и в косной организации.

Живая организация достигает гармонии отношений (трёхсущностного равновесия) за счет изменения своего структурного многообразия и в случае развития - за счет его увеличения и совершенствования своей системы самоуправления, а косная - за счет сохранения своего структурного многообразия и упрощения системы самоуправления. Чередование этих механизмов в достижении гармонии привело к росту структурного многообразия организаций Бытия.

Дальнейшие исследования привели к модели развития организаций по тройной золотой спирали Гёте. Эта модель позволяет отличать процесс роста от процесса развития и постоянно совершенствовать систему самоуправления.

ВЫВОДЫ

1 Материя и вещество существуют только в процессе изменения, в первую очередь, как взаимодействие Бытия и Небытия, через акты творения Бытия из Небытия и феномен самоуправления - отбор этих актов в становлении организаций Бытия. При этом атомы Демокрита или материальные точки есть идеализированная модель, удобная для описания движения пассивных тел под действием внешних сил, когда взаимодействием Бытия и Небытия в результате осреднения можно пренебречь. Объективная категория «материя» должна включать в себя две противоположные категории движения «вызов и ответ»: акты творения и их отбор в становлении организаций Бытия. Материя (вещество) вне необратимого взаимодействия Бытия и Небытия существовать не может.

2 Феномен самоуправления осуществляется через естественный отбор актов творения в гармоничные организации становления Бытия.

3 Акты творения Бытия из Небытия и обратно происходят в результате внутренних резонансных взаимодействий всевозможных структур в изолированной или целостной организации системы и изменяются в результате изменения организации круговорота природы.

4 Живая и косная организации достигают гармонии отношений противоположными способами: живая - за счет роста своего структурного многообразия и совершенствования своей системы самоуправления, а неживая организация, наоборот - за счет роста однородности структурного состава и упрощения своей системы самоуправления. Дополняя друг друга в организации круговорота природы до гармонического равновесия, они порождают своим чередованием структурное многообразие природы.

5 Учёт открытости реальной системы приводит к риску её гибели, как негармоничной части в каких-то обстоятельствах, с одной стороны, а с другой, к возможности ускоренного и неограниченного развития в благоприятных условиях.

6 В открытых системах могут выживать только организации за счет постоянного совершенствования своей системы самоуправления.

7 Разработаны основы нового математического аппарата, учитывающего необратимое взаимодействие Бытия и Небытия, акты творения Бытия из Небытия и обратно и феномен самоуправления - отбора этих актов в становлении организаций Бытия.

8 Стратегическая цель социального самоуправления - стремиться к гармонии отношений внутри общества и общества с окружающей средой путем повышения уровня

культуры всех граждан - задана объективными законами выживания организаций в круговороте природы.

1 Харитонов А.С. Структурное описание сложных систем //Прикладная физика 2007, №1, С.5-10.

2 Азроянц Э.А, Харитонов А.С., Шелепин Л.А. "Немарковские процессы как новая парадигма", //Вопросы философии, 1999, №7, С. 94-104.

3 Харитонов А.С. Эволюция природы, человека и общества к тройственной гармонии. Вестник УМО вузов России. 2010, №1. С.172-188.

4 Харитонов А.С., Шелепин Л.А. «Равновесные распределения в теории немарковских процессов». Краткие сообщения по физике. 1996, № 7,8, С.79-83.

5 Харитонов А.С., Шмидт В.В. «Практикующая философия: к обоснованию телеологического подхода» Духовные традиции народов. М., Лаборатория ВАРИП РПУ №3 ,2012. С. 15-38.

ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ

Ю.Г.Черняк

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

На протяжении последних десятилетий проблема устойчивого развития общества всё чаще трактуется в категориях риска и неопределенности. Подобное смещение внимания исследователей к рискологической тематике во многом связано с осознанием влияния неблагоприятных последствий от используемых технологий и реализуемых моделей поведения на функционирование социальных систем. Действительно, наблюдаемое сегодня обострение существующих социальных противоречий, возникновение новых форм социальных практик, рискогенных по своей сути, и неподдающихся контролю со стороны социальных институтов, требует определения структуры актуального рискованного пространства, его субъектов и критериев отнесения той или иной формы поведения к рискованной деятельности.

Социальные риски являются атрибутом социальной жизни, представляют собой возможность наступления неблагоприятного и неконтролируемого события или процесса, возникающего в результате деятельности социального субъекта, распространяющегося в социальном пространстве и влияющего как на него самого, так и на другие социальные объекты, затрудняя тем самым их функционирование и развитие. Риски детерминируются активностью человека, а результаты рискованной деятельности распространяются в социальной сфере. В результате этого, расширение рискованного пространства оказывает непосредственное влияние на будущее развитие общества.

Подвергая анализу социальные риски, следует иметь в виду, что их производство связано с активностью социальных субъектов и может осуществляться как на индивидуальном уровне, так и на уровне всего общества. Само же существование социальных рисков можно представить как циклический процесс, в рамках которого выделяются такие стадии как деятельность социального субъекта, возникновение ситуации в которой проявляется риск, распространение последствий рискованной деятельности в социальном пространстве, возникновение новых неблагоприятных ситуаций и контекста риска.

Создаваемые обществом пределы безопасности не позволяют полностью избавиться от состояния неопределенности. Они плохо поддаются прогнозированию и калькуляции. Поскольку свойством социальных систем является производство рисков и последующая трансляция последствий рискованной деятельности, постольку рискозависимость и опасность становятся нормами для функционирующих в них социальных субъектов. Следствием такой ситуации является «накопление» неблагоприятных явлений и событий, которые затрудняют общественное развитие и обостряют состояние неопределенности. Основная причина этого заключается в том, что социальные системы обладают ограниченным запасом прочности и устойчивости, не позволяющим им аккумулировать в себе последствия рискованной деятельности без изменения принципов своей организации и функционирования [2.]. Очевидно, что выход за рамки возможностей противостояния и адаптации к рискам может привести к самым непоправимым результатам, что, по сути, является импульсом для появления новых социальных рисков и соответствующих им последствий.

Одной из тех социальных групп, которая непосредственно вовлечено в рисковое пространство, испытывает его воздействие, является молодежь. Именно молодое поколение в большей мере испытывает на себе влияние последствий трансформации, а значит и в большем объеме включено в процесс производства рисков, распределения и потребления последствий рискованных действий. Существующие риски, с которыми сталкиваются представители данной социальной группы, детерминированы возникающими в обществе противоречиями. Наличие таких противоречий определяет изменение социальных качеств молодого поколения, что выражается в неравных стартовых позициях на этапе взросления, неопределенности жизненного пути, неравных возможностях в самореализации и т.п.

Молодежь, являясь достаточно большой социально-демографической группой, занимает важное место в развитии общества. Будучи включенной в непосредственное производство рисков и потребление результатов рискованной деятельности, она, благодаря своему воспроизводственному потенциалу, способствует трансляции и накоплению неблагоприятных последствий и явлений, появлению новых форм поведения, которые могут считаться рискованными. Исходя из этого, принципиально важным при рассмотрении участия молодежи в процессах производства рисков и их потребления является вопрос не только о причинах, но и возможных последствиях влияния социальных рисков как на эту социальную группу, так и на все общество в целом.

Одним из факторов попадания молодежи в рисковое пространство может быть назван процесс обучения и получения профессиональных знаний и навыков. Рассматривая последствия этой группы рисков следует указать на то, что процесс получения образования, подготовки специалиста не всегда может быть прогнозируемым как для самих молодых людей, так и для социальной системы. Дело в том, что возможные последствия образовательных рисков, проявляясь в будущем, неизбежно влекут за собой увеличение затрат на их минимизацию и социальную поддержку тех людей, которые, собственно, попали в зону риска. Речь идет не только о качестве приобретаемых знаний и навыков, их способности помочь в преодолении неопределенности и последующих неблагоприятных событий, но и о затратах на обучение, подготовку необходимого для удовлетворения потребностей государства и

общества специалистов, о качестве профессионально-производственной адаптации молодых людей и т.д.

В условиях трансформации общества значение образования как неперемного фактора качественного развития социальной системы актуализируется, поскольку отсутствие профессии или недостаточный уровень квалификации молодежи приводит к существенным издержкам экономического и социального характера. Ценность образования для молодежи традиционно подтверждается результатами социологических исследований. В установках молодежи образование является необходимой основой для будущей успешной жизни, трудовой деятельности, материального благополучия. Однако студенты, как профессионально-технических учебных заведений, так и ВУЗов, выбирая «модную» специальность, часто получают профессии, которые впоследствии могут оказаться заведомо неконкурентоспособными на современном рынке труда по причине большого количества уже подготовленных кадров. В результате этого молодые люди вынуждены работать не по специальности, зарабатывать трудом, не требующим квалификации либо вообще не могут трудоустроиться. Таким образом, еще на стадии выбора профессии молодые люди сталкиваются с риском востребованности будущей специальности, что на уровне всей социальной системы может выражаться в увеличении затрат на переподготовку молодых специалистов.

Возрастание индивидуальных запросов и потребностей приводит к сверхзанятости в молодежной группе. Это выражается в том, что пополнение рынка труда в значительной степени происходит за счет учащейся молодежи (различного рода подработки, совместительство, сезонная занятость). Действительно, в студенческой среде получило довольно широкое распространение совмещение учебы и работы. Кроме этого, многие студенты белорусских вузов, выезжают в целях заработка на сезонные работы в США, Канаду, Великобританию и т.д. Очевидно, что последствия подобной ситуации могут негативно сказываться на процессе учебы и качестве приобретаемых знаний, являясь катализатором возникновения разнообразных ситуаций риска в будущем (например, трудности, связанные с поиском работы, с низкой профессиональной подготовкой и т.д.).

Еще одним фактором, характеризующим попадание молодежи в рисковое пространство, является платное обучение. В данном случае происходит конфликт интересов не только отдельных личностей, но и целых социальных групп, выражающийся в неравенстве возможностей для самореализации молодежи в сфере образования. Даже в случае преодоления неблагоприятных условий и факторов риска (использование кредита на получение образования, приобретение аналогичного образования в менее престижных учебных заведениях и т.п.) ситуация неопределенности продолжает обостряться на стадии выхода молодого человека на рынок труда. Это проявляется в ограничении возможностей для трудоустройства молодежи, не имеющей профессии, а также выпускников высших и средних специальных заведений. Так, например, почти каждое объявление о приеме на работу включает в себя обязательные требования: возраст 25-30 лет и 3-5 лет стажа работы по специальности.

Особое место в системе образования занимают также и такие социальные риски, которые связаны с подготовкой специалистов, ориентированной на развитие некоторых

уникальных способностей. Речь идет о подготовке профессиональных спортсменов, музыкантов, художников и т.д. Очевидно, что ожидания и требования, предъявляемые к молодым людям в данном случае, являются достаточно высокими. Однако не каждый из них может достичь успеха в своей сфере. Учитывая тот факт, что подготовка таких специалистов, как правило, является узкопрофильной, в случае неуспеха молодые люди исключаются из данной системы и, в конечном итоге, по причине отсутствия «универсальных» знаний, позволяющих противостоять неопределенности, сталкиваются с трудностями в адаптации к новым для них социальным условиям.

Молодежь является не просто субъектом воспроизводства и трансляции материальных богатств и духовного наследия общества, но и создателем новых, более прогрессивных знаний и общественных отношений. Молодые люди, по сравнению с другими социальными группами общества, имеют не только наибольшую социальную и профессиональную, но в целом и жизненную перспективу. В силу своих особенностей она способна быстрее других социальных групп овладевать новыми знаниями, необходимыми в условиях трансформации и увеличивающимися потенциал развития социальной системы. Однако такая способность молодежи в условиях системной трансформации может быть существенно снижена. Одной из причин этого является то, что в процессе своего становления представители молодого поколения сталкиваются с отсутствием достаточного уровня знаний, профессиональных навыков, того социального опыта, который имеет старшее поколение.

Рассматривая образование как социальный институт, основной функцией которого является передача необходимых знаний и навыков как для дальнейшего развития общества, так и самого человека, следует учитывать тот факт, что выбирая соответствующую специальность и профиль обучения молодой человек предопределяет свой статус в рисковом пространстве. Другими словами, мы можем говорить о своеобразной биографической ловушке, попадание в которую может служить источником новых ситуаций неопределенности.

Одним из критериев попадания молодежи в рисковое пространство является степень осознания риска, который характеризуется уровнем знаний о риске, отношением к опасности, используемыми стратегиями по преодолению неблагоприятных последствий [1]. Действительно, обладание определенной совокупностью социально-статусных черт, знаний, навыков и умений позволяет индивиду с большей эффективностью противостоять негативным последствиям и адаптироваться к некоторым видам риска или же, наоборот, делает социального субъекта более подверженным к воздействию негативных последствий. В этой связи система образования должна рассматриваться как средство минимизации социальных рисков и состояния неопределенности.

Молодежь сегодня не только реализует в своем поведении различные формы риска и, следовательно, рискует, но и участвует в процессе «распространения» и «потребления» рисковых последствий, возникающих в результате деятельности как самой молодежи, так и других социальных групп. Исходя из этого, изучение социальных рисков в молодежной среде с целью их минимизации позволяет выйти на решение проблем безопасности и устойчивого общественного развития общества, адаптации молодого поколения, снижения уровня производства рисков, добиться более равномерного их перераспределения и, в конечном счете, преодоления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черняк Ю.Г. Социальные риски молодежи / Ю.Г. Черняк. – Минск: Право и экономика. 2009. - 160 с.
2. Яницкий, О.Н. Социология риска. / О.Н. Яницкий. – М.: LVS, 2003. – 192 с

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАФФИТИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Чернякевич И.С., Быков Е.С.

УО «Гродненский государственный медицинский университет», Гродно, Беларусь

Граффити — это изображения, рисунки или надписи, выцарапанные, написанные или нарисованные краской или чернилами на стенах и других поверхностях. Сегодня к граффити относят любой вид уличного раскрашивания стен, на которых можно найти все: от простых написанных слов до изысканных рисунков [23].

Граффити в современном понимании начинает развиваться с конца 70-х гг. XX века. Их появление традиционно связывают с деятельностью уличных художников Нью-Йорка и Филадельфии, таких как Taki, Julio, Cat и Cornbread, которые рисовали свои имена на стенах зданий или в станциях метро вокруг Манхэттена. Уже с начала 1980-х гг. такие надписи начали появляться в почти каждом европейском городе. Очень быстро деятельность граффитистов приобретает атрибуты движения. В 1980-е в Амстердаме и Антверпене состоялись первые выставки граффити-мастеров [1].

История белорусского граффити началась со второй половины 1990-х годов. В это время движение испытывало серьёзные трудности, связанные как с нехваткой информации и материалов, так и с негативным отношением властей к этому виду деятельности [1].

В самом начале эта культура была представлена деятельностью небольших групп, занимавшихся главным образом тем, что носит название нелегального граффити. Видимо поэтому в массовом сознании коренится представление о граффити исключительно как о вандализме [2]. К слову, нелегальное граффити у нас и сегодня носит массовый характер. Так, в 2010 году в Минске было разрисовано более 4500 домов. Сумма ущерба, который понесли жилищные хозяйства, устраняя надписи, — более 83 млн. рублей [9]. Между тем, большинство европейских уличных художников давно отошли от подобных практик, направив свой потенциал в сферу свободного искусства [2]. Поскольку истинные шедевры на гаражах и заброшенных стройках — лишь 10%, а остальные 90% — хулиганские вензеля черным маркером [11].

Однако, в настоящее время граффити-движение и в нашей стране претерпело значительные изменения. Постепенно приобретая черты особого стиля, оно занимает определённую нишу в культурной жизни. Появляются признанные граффити-художники, организуются граффити-фестивали, намечается тенденция к профессионализации части движения, а также некоторая коммерциализация.

Уже в 1999 году в Минске был открыт Граффити паб-клуб, расположенный по адресу: пер. Калинина, 16 [28]. Дизайн клуба выполнен настенными рисунками и надписями в стиле граффити.

С конца нулевых годов начинают активно организовываться граффити-фестивали. Так, 20 июля 2009 в честь праздника «Дня молодежи» в Минске в столичном парке имени Челюскинцев был организован фестиваль граффити [7], а 25 августа — 20 сентября 2009 года минский Дворец Искусств проводил фестиваль «BigBox Show», в рамках которого внутренний дворик дворца превратился в выставочный зал под открытым небом, где центральное место заняло граффити и стрит-арт [3]. В апреле 2009 года в Гродно на стадионе электротехнического колледжа №7 [22] и на гомельском стадионе «Луч» прошли международные фестивали граффити «Montana Spring Jam» [6]. В сентябре 2010 года в Минске прошел третий граффити-фест «Just Writing My Name», в котором приняли участие не только команды из Беларуси, но также из России и Украины [25].

1 ноября 2011 года в Минске состоялся I Республиканский фестиваль граффити «Стенография» [29], а с 24 по 28 апреля 2012 при поддержке Программы малых грантов посольства США в Беларуси в Минске прошел фестиваль молодежных экспериментальных арт-проектов «Fun House», где среди 12 направлений отдельное место было отведено граффити [15]. Осенью 2012 года состоялся «Graffiti Jam» в Минске. В рамках мероприятия ряд работ, прошедших отбор, в качестве дизайна были нанесены на стены бизнес-центра «Волна» г. Минска [12]. 6 октября того же года в Витебске прошел граффити-фестиваль «Гравитация-2012». Свое мастерство продемонстрировали 12 художников-райтеров из разных городов Беларуси [31]. 9 сентября в рамках открытия Дворца творчества в Коложском парке г. Гродно прошёл фестиваль уличного искусства "Город радуги". В рамках мероприятия были представлены работы в технике граффити, аэрографии и 3D-рисунков на асфальте [16]. 29 сентября 2012 года в Центральном Парке им. Горького состоялся первый в Минске стрит-арт фестиваль 3D-рисунков "Вокруг света за 8 часов", где девять команд рисовали достопримечательности Лондона, Парижа, Нью-Йорка и других городов мира [8]. В первые выходные марта 2013 в минском клубе "RE:PUBLIC" состоялась ежегодная церемония "Street Awards", в которой помимо битбоксинга, битмейкинга, скейтбординга и прочих направлений, также отметили и граффити. [12].

В последнее время фестивали граффити проводятся не только в крупных городах, но и районных центрах, а также на базе отдельных учреждений [4, 20, 24].

Большинство из перечисленных фестивалей организовано энтузиастами граффити-движения. Однако, организатором заявленного «Festival Street Art and Graffiti» (пройдёт с мая по июнь 2013 года в Минске) является Белорусский музей современного искусства [26]. Этот факт можно расценивать как официальное признание граффити как художественного явления со стороны профессионалов. Как заявляет искусствовед Елена Романович, к граффити приобщаются студенты Белорусской академии искусств. Как правило, это старшекурсники, но встречаются и студенты 2-3 курсов [11].

Подобным признанием является и организация художественных выставок работ мастеров граффити. Так, 27 марта – 10 апреля 2010 года в художественной галерее Университета культуры в Минске прошла выставка под названием «BY.DE». Основной целью её была демонстрация столичной публике художественного потенциала

белорусского граффити [5]. 12 сентября 2010 мастера граффити из Беларуси, России и Украины украсили ограждение Ботанического сада в Минске [10].

В наших городах стали появляться художественные граффити, расцениваемые не как хулиганские выходки и порча имущества, а как способ привнесения разнообразия в городскую среду. В мае 2012, после подведения итогов бобруйской городской выставки-конкурса эскизов в области граффити «Город, в котором я живу», обладатели первого и второго мест получили легальную возможность нарисовать свои граффити, после одобрения эскиза, в детском городке парка культуры и отдыха [18]. В августе 2012 года в Октябрьском районе Гомеля прошла молодежная акция субкультур "Беларусь, вперед!", в рамках акции в деревне Красная Слобода был расписан забор протяженностью около 200 метров в стиле граффити [19]. 9 августа 2012 возле ресторана "Журавинка" на Московском проспекте в Витебске художники из творческой студии Duedro нарисовали 3D-граффити летающий куб [21].

В декабре 2012 в Минске выделили стены для любителей граффити в Октябрьском, Центральном, Фрунзенском и Ленинском районах. Есть подобные места и в других крупных городах Беларуси.

Постепенно граффити завоёвывает себе признание как прикладной стиль, используемый в дизайне. В июле 2011 года в Барановичах появился первый в Беларуси фасад в стиле граффити. Его выполнила команда райтеров «Super Heroes» [30]. Уже сегодня можно заказать граффити в Минске и Минской области. Как утверждает сайт организации, предлагающей дизайнерские услуги в стиле граффити, государственные ведомства заказывают настенную живопись, чтобы оживить фасады зданий, стены внутри арок в многоэтажных зданиях, изгородь вокруг заводов или строящихся сооружений, а фирмы используют услуги мастеров граффити для декорации стен, как снаружи, так и внутри зданий, а также как средства наружной рекламы. Частные лица любят заказывать настенную живопись при ремонте квартиры, на фасадах своих коттеджей, на стенах хозяйственных сооружений, на асфальте во дворе, внутри квартир поверх окраски или обоев для оформления домашнего интерьера [13].

Показательно и наличие профессионального сайта <http://graffiti.it-ground.net/>, на котором особое внимание уделяется белорусскому граффити. Тут как профессионалы, так и начинающие райтеры могут получить информацию о предстоящих фестивалях, прочитать интервью мастеров стиля, а также посмотреть фото- и видеобзоры прошедших мероприятий, посвященных граффити [12].

Также есть сайт-музей, посвященный тематике граффити. На нем представлены фотографии рисунков, трафаретов. Создатель сайта Леша Мельников утверждает, что «глобальная сверхидея <сайта> состоит как раз в изменении отношения людей к граффити» [14]. В дальнейших планах у создателя сайта открыть небольшой выставочный зал. На сайте среди представленных граффити есть и работы наших соотечественников.

Активисты движения делают также попытки издавать журнал, который бы не просто отражал состояние белорусского граффити сегодня, но, создав информационное поле, обозначил бы всю серьезность этого движения. 10 апреля 2012 Группа энтузиастов выпустила журнал-альбом «Signal» о белорусском стрит-арте. По случаю презентации журнала ребята провели закрытый мини-фестиваль с мастер-классами. Создатели журнала хотят показать уровень развития стрит-арта в Беларуси, его красоту

и аутентичность, доказать, что стрит-арт можно назвать искусством. Они утверждают, что журнал – это своеобразный эксперимент. Важно увидеть, нужен ли он обществу и смогут ли его заметить на высоком уровне. Пока журнал является неофициальным с лимитированным пробным тиражом в 299 экземпляров. Выпущен на средства организаторов и в свободной продаже был по цене 60 тыс. бел. руб. [17].

Наши соотечественники добились определённых успехов и на международном уровне. К примеру, Стас Рабунский и Кирилл Куликов из Витебска в июне 2012 года приняли участие в первом международном фестивале 3D-рисунков «Краски Петербурга», где завоевали второе место [8].

Основатель первой белорусской граффити-команды True Stilo (существует с 2001 года) также известный как Liquid, Monk, Temos, Ners, участвовал в граффити-фестивалях в Германии, Франции, Польше, странах СНГ и др. В настоящее время работает над проектом «Standart» в Москве. Его работы представлены в «Montana Colors Gallery» (Барселона, Испания). Также он разрабатывает уникальные дизайнерские наклейки для iPhone [27].

Не смотря на это, белорусские граффити-активисты, такие как STAR, Smith, LETS, IORК считают, что сцена в Беларуси все еще в стадии формирования, все ещё чувствуется дефицит качественной краски, специализированных журналов. Все ещё ведущую роль в распространении даже профессиональной информации играет интернет. Кроме того, эти мастера отмечают, что в настоящее время они меньше занимаются граффити, так как для них это скорее хобби, нежели источник постоянного заработка. Иногда выпадают случаи заказа дизайнов фасада, но эти случаи единичны. Однако, как отмечает тот же Smith, говоря о молодых активистах, “сегодня есть очень много людей, которые поднимают планку в граффити настолько высоко, что она кажется буквально недостижимой. Это впечатляет и вдохновляет!” [12].

Таким образом, более чем за двадцать лет своего существования в нашей стране граффити-культура претерпела ряд значительных изменений. Из по-существу нелегальной и полуполигальной деятельности, негативно воспринимаемой как местными властями, так и общественностью, она оформилась в полноценное художественное движение, получившее признание профессионалов, пробиваясь, пусть и с трудом, на пока ещё слабо развитый у нас рынок дизайнерских услуг. Несомненно, продолжает существовать и нелегальное граффити, большей частью как одно из проявлений подростковой субкультуры. Дальнейшие исследования этого феномена позволят проследить пути развития этого относительно нового явления в белорусской культуре, оценить перспективы и возможности граффити-движения.

Источники и литература:

- 1) Ganz, N. Graffiti world. Street art from five continents / Ganz, N. – New York, 2004. – 376p.
- 2) Ponosov, I. Objects2 / Ponosov, I. – Москва, 2006. – 108p
- 3) <http://another.by/blogs/art/233/> [режим доступа 22.10.2011г., 12.58]
- 4) <http://another.by/gallery/6-11-10-gomel-graffiti-action/> [режим доступа 01.01.2013г., 10.23]].
- 5) <http://beljournalist.info/vystavka-belorusskih-hudozhnikov-graffiti-by-de> [режим
- 6) <http://bratinfo.by/forum/index.php?showtopic=5087> [режим доступа 10.09.2011г., 20.18]
- 7) <http://caitik.ru/262-festival-v-minske.html> [режим доступа 02.03.2013г., 18.47]
- 8) <http://www.ctv.by/vitebskaya-molodezh-prodyryavila-asfalt> [режим доступа 10.11.2012г., 15.42]

- 9) <http://www.ctv.by/граффити-в-минске-где-заканчивается-вандализм-и-начинается-искусство> [режим доступа 30.01.2011г., 22.13]
- 10) <http://www.ctv.by/новости/новости-минска-и-минской-области/мастера-граффити-из-беларуси-россии-и-украины-выбирали> [режим доступа 01.01.2013г., 12.10]
- 11) <http://www.ctv.by/новости/современное-искусство-картины-send-art-пескография-граффити-роспись-по-телу-рисунки-на> [режим доступа 30.01.2013г., 18.42]
- 12) <http://graffiti.it-ground.net/> [режим доступа: 23.03.2013г., 19:57]
- 13) <http://graffiti-minsk.by/> [режим доступа: 10.04.2013г., 18:52]
- 14) <http://graffitimuseum.org/graffiti/> [режим доступа: 10.04.2013г., 14:28]
- 15) <http://news.tut.by/culture/268603.html> [режим доступа 15.02.2013г., 17.35]
- 16) <http://news.tut.by/culture/309227.html> [режим доступа 10.11.2012г., 10.22]
- 17) <http://news.tut.by/kaleidoscope/283744.html> [режим доступа 18.01.2013г., 14.47]
- 18) <http://news.tut.by/kaleidoscope/288526.html> [режим доступа 14.02.2013г., 16.33]
- 19) <http://news.tut.by/kaleidoscope/303145.html> [режим доступа 12.03.2013г., 17.22]
- 20) <http://news.tut.by/kaleidoscope/304439.html> [режим доступа 17.11.2012г., 14.32]
- 21) <http://news.vitebsk.cc/2012/08/09/letayuschiy-kub-vozle-restorana/> [режим доступа 12.12.2012г., 14.51]
- 22) <http://pozerov.net/photosession/1475-montana-spring-jam-v-grodno.html> [режим доступа 27.12.2010г., 16.32]
- 23) <ru.wikipedia.org/wiki/Граффити> [режим доступа 27.12.2010г., 19.23]
- 24) <http://tur-by.by/belarus/baza-otdyxa-azernyya-rostani-belarus/provoditsya-konkurs-graffiti> [режим доступа 21.01.2013г., 12.41]
- 25) <http://urbanroots.ru/archives/743> [режим доступа 18.01.2013г., 12.55]].
- 26) <http://vk.com/hornestau> [режим доступа: 17.01.2013г., 11:05]
- 27) http://vk.com/topic-40927558_27003353 [режим доступа: 12.04.2013г., 19:20]
- 28) <http://www.graffiti.relax.by/> [режим доступа 22.02.2012г., 17.46]
- 29) <http://www.kv.by/print/content/fotoreportazh-s-1-go-respublikanskogo-festivalya-graffiti-stenograffiya> [режим доступа 21.01.2013г., 12.20]
- 30) <http://www.nashkraj.by/index.php/2009-11-20-19-13-353463/1525-2011-07-22-07-14-46.html> [режим доступа 02.03.2013г., 12.47]
- 31) <http://www.vitbichi.by/?p=20212> [режим доступа: 04.01.2013г., 15:18]

НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ ПЕРСОНАЛА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Чех Е.В.

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Руководители всегда сознавали, что в современном управлении все большее значение приобретают мотивационные аспекты. Мотивация персонала является основным средством обеспечения оптимального использования ресурсов, мобилизации имеющегося кадрового потенциала. Основная цель процесса мотивации - это получение максимальной отдачи от использования имеющихся трудовых ресурсов, что позволяет повысить общую результативность и прибыльность деятельности предприятия.

Особенностью управления персоналом при трансформации общества, переходе к социально ориентированной экономике, является возрастающая роль личности

работника. Соответственно и меняется соотношение мотивов и потребностей, на которые может опереться система мотивирования.

По мнению специалистов по кадрам, результативность предприятий и организаций, удовлетворенность клиентов, удержание кадров и удовлетворенность сотрудников тесно взаимосвязаны. Высокая удовлетворенность работой помогает предприятиям добиваться успехов в любом бизнесе.

Чтобы выстроить эффективную систему мотивации, необходимо проанализировать мотивы и установки людей, занятых на предприятии, оценить уровень их удовлетворенности своим трудом, степень приверженности своему коллективу и выполняемой работе.

Одним из главных факторов стабильности и эффективности бизнеса является наличие на предприятии или в организации сбалансированной системы мотивации персонала.

Система нематериальной мотивации тесно увязывается с материальным стимулированием, дополняя друг друга. Поэтому такой вид мотивации, как нематериальное стимулирование, хорош только в качестве дополнения к достойному материальному вознаграждению за труд. Можно сказать, что материальные стимулы привлекают работников в компанию, а нематериальные – удерживают в ней.

Нематериальная мотивация – это правильно подобранные, и своевременно применяемые стимулы в работе персонала, которые имеют не материальную, а исключительно социально–психологическую основу.

В сложные кризисные периоды не каждый руководитель готов и технически способен выдавать материальные бонусы. Поэтому именно сейчас становятся актуальны методы нематериальной мотивации персонала, которые просты и эффективны одновременно.

Среди средств, которые могут применяться для воздействия на нематериальную мотивацию работников, можно выделить следующие:

- моральное стимулирование;
- организация работ;
- стимулирование свободным временем;
- постановка целей;
- информирование.

Моральное стимулирование

Деньги, несомненно, являются мощным стимулом к труду. Однако следует иметь в виду, что люди сильно различаются по своему отношению к деньгам, по восприимчивости к этому виду стимулов. Кроме того, самой большой проблемой в отношении денежных поощрений является то, что денежная мотивация довольно быстро угасает: человек быстро привыкает к новому, более высокому уровню оплаты. Тот уровень оплаты, который еще вчера мотивировал его на высокую рабочую отдачу, очень скоро становится привычным и теряет побудительную силу.

Люди работают лучше всего, когда они руководствуются собственной мотивацией. Человек, разделяющий цели и ценности своего предприятия, способен сам устанавливать для себя задачи, находить пути их решения и контролировать себя.

Поэтому влиять надо не на самого работника как такового, а на его реальные цели и жизненные ценности, чтобы через них воздействовать на поведение работника.

Эффективность и качество работы во многом зависят от морально-психологического климата в коллективе, от настроения сотрудников, от их заряженности на хорошую работу.

От руководителя требуется создать условия для проявления индивидуальности и самостоятельности в работе. Руководитель ни в коем случае не должен себе позволять мелочной опеки сотрудников. Это угнетает и вызывает чувство недоверия у подчиненных. Руководитель должен спрашивать с сотрудника за конечный результат его работы, а не вмешиваться без повода в процесс ее выполнения.

Необходимо поручить людям такое дело, выполнение которого вызовет у них чувство профессионального и личного удовлетворения, потребует мобилизации всего рабочего потенциала, всего объема имеющихся у него знаний и навыков.

Когда сотрудники хорошо справляются со своими заданиями, можно передать им часть обязанностей руководителя. Возможно, даже поручить работу над каким-либо новым проектом. Интересные задания не позволят работникам погрязнуть в рутине, а также помогут им в развитии профессиональных навыков. От этого выиграют как сотрудники, так и предприятие в целом.

Руководитель должен проявлять знаки внимания к сотрудникам, лично благодарить их за хорошую работу. Часто бывает полезно особо отметить индивидуальный вклад работника, а не всей группы или отдела.

Каждый человек хочет, чтобы его высоко оценивали. Один из самых легких и эффективных способов поощрения без денежных затрат – публичное выражение признательности. Форма может быть самой разной: от объявления благодарности на собрании коллектива до посылки поздравительных писем по электронной почте.

Кроме того, формами морального стимулирования могут служить предоставление отдельного кабинета для работы, возможность повышения в должности даже без изменения заработной платы, приглашение вместе с семьей на обед в ресторан или на загородный пикник.

Особенно надо сказать о том, что руководитель должен реагировать на заслуги работника сразу, чтобы он видел, что поощрение немедленно следует за его трудовым отличием.

Организация работ

Мотивирующие воздействия на работника оказывают не только традиционные средства стимулирования (денежные и моральные), но и характеристики выполняемой работы. Настрой на работу, заинтересованность в конечных результатах, готовность работать с высокой отдачей, т.е. основные проявления рабочего поведения, отражающие высокий уровень трудовой мотивации, в значительной степени зависят от характеристик и содержания выполняемой работы.

Обратимся к истории, она часто дает нам подсказки, помогает найти ориентиры для работы в современных условиях.

В тридцатых годах прошлого столетия приходит новое течение в организации труда, названное «Школой человеческих отношений». Начало ему было положено

группой сотрудников Гарвардского университета, которые под руководством профессора Элтона Мэйо организовали эксперимент на заводе фирмы «Уэстерн Электрик» близ Чикаго. Объектом исследования стала бригада из пяти работниц, занятая сборкой телефонных реле. Эксперимент продолжался почти пять лет. За эти годы в бригаде 13 раз меняли составляющие организации труда: режим труда, организацию питания, оплату труда и т.д.

Но все это время работницам внушалась мысль, что их труд имеет важное значение для общества и для науки.

И когда при очередном двенадцатом изменении условий организации труда были отменены все установленные ранее для работниц льготы и усовершенствования, исследователи обнаружили, что производительность труда не только не снизилась, но продолжала расти. На основании результатов исследования был сделан важный вывод: моральные и психологические факторы играют решающую роль в мотивации труда; для работника важна его уверенность в значимости своего труда, и это существенно влияет на эффективность его труда.

Стимулирование свободным временем

Другой способ, позволяющий руководителю поощрить сотрудников, – предоставление свободного времени. В современном деловом мире свободное от работы время – невероятная ценность. Конечно, во время отгулов и дополнительных выходных работник не будет приносить прибыль компании, зато он вернется полным сил и бодрости для дальнейшей эффективной работы.

Все работники ценят свободный график работы. Конечно же, есть профессии, которые требуют жесткого графика и места расположения работы. Но в то же время другие должности (например, программист, технолог, финансовый аналитик) не так сильно привязаны к часам и установленному рабочему месту. Предоставляя подчиненным возможность проявить гибкость в определении их собственного рабочего времени и рабочего места, руководитель может очень сильно стимулировать их. В организациях, где предоставление такого уровня гибкости невозможно, можно наделить работников полномочиями принятия ежедневных решений о том, как они должны выполнять свою работу.

Постановка целей

Идея о том, что мотивация работников может быть усилена через постановку целей их работы, является важной частью философии управления в современных организациях. Мотивация работников зависит от характеристик целей, поставленных перед ними.

Рекомендуется проводить пятиминутки - утренний разбор заданий и уточнений о состоянии дел напомнит сотруднику о том, что он - звено в этом сложном механизме, и заставит его ответственно подходить к своим обязанностям.

Информирование

Информирование является важнейшим элементом управления мотивацией персонала. Потребность в том, чтобы быть информированным, преодолеть состояние неопределенности, неясности в отношении наиболее значимых вопросов, является одной из базовых.

Низкий уровень информированности работников организации ведет к ряду проблем, которые сами по себе способны негативно повлиять на их мотивацию.

Рассказ о функционировании компании, о планах на будущее и текущем положении дел поможет коллективу не только ощутить свою ценность, но и в дальнейшем принимать более обоснованные и верные решения.

Стенды с информацией о предприятии, его миссии, стратегических целях, планах на ближайший месяц, квартал; информация о передовиках производства; поздравления с днем рождения; размещение городской газеты на стендах у проходной поднимут настроение у всех сотрудников, снизят напряженность в коллективе, повысят доверие к организации и принимаемым решениям.

Литература:

1. Владимирова, Л.П. Экономика труда / Л.П. Владимирова. – М.: Издательский дом «Дашков и К^о», 2000. – 220 с.
2. Заряженность на хорошую работу. Нематериальное стимулирование персонала предприятий малого предпринимательства / Е. Хавричева // Кадровик. Кадровый менеджмент. – 2007. – №5.
3. Нематериальная мотивация: практические приемы руководства // Агентство бизнес информации. Школа бизнеса [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.abireg.ru/sb/print/n_964.html – Дата доступа: 09.04.2013.
4. Простые мотивы или когда труд у нас песней зовется? Нематериальные виды мотивации персонала / Н. Вашукевич // Финансовый директор. – 2012. – №2.

МЕНТАЛИТЕТ СТУДЕНЧЕСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИУМА

И.А. ШЕБАНОВА

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Бытие определяет сознание – утверждал всем известный классик марксизма. Можно не соглашаться с этим утверждением полностью, так как в нем нивелирована духовная составляющая, но нельзя не заметить, что с изменением бытийных, а в настоящее время особенно технических условий каждое предыдущее поколение отмечает новые черты нового поколения. Какие черты современности доминируют во влиянии на изменения в менталитете молодежи трудно определить однозначно и полностью, но можно перечислить наиболее существенные факторы: всеильная глобализация пространства, тотальная информатизация социальных сфер, постмодернизм культуры.

Как эти социальные условия проявляются в молодежном мировоззрении и поведении?

Студенты нынешнего образца – это люди, не знавшие войны (речь в статье идет о белорусской молодежи) и не желающие слышать постоянного напоминания о тех

исторических событиях. Это молодежь, которая вообще редко увлекается прошлым и показывает очень слабые знания как всемирной, так и отечественной истории. В прошлом остались олимпиады и викторины на знание героических имен и дат. Названия улиц не вызывают никаких исторических ассоциаций ни с именем, ни с эпохой. Не является престижным прослыть знатоком в такой области.

Старшее поколение может уверенно констатировать у современной молодежи явное отсутствие готовности выполнять общественную работу, что было свойственно поколению, выросшему в советский период, где мировоззрение преобладало коллективистское и бескорыстный труд на благо общества был возведен в общественную ценность. Субботник, как порождение советского строя, потерял свое идеологическое обоснование, и в настоящее время сложным представляется мотивирование такого труда даже у родителей нынешних студентов. Бескорыстный труд, безвозмездная помощь нуждающемуся как нравственная ценность сохраняется в тех обществах, которые сформированы на христианских идеалах, а это далеко не весь современный социум.

Постиндустриальное общество – это мир высоких технологий. Может быть, современные студенты стали больше интересоваться математикой, естественными науками, и потому гуманитарные дисциплины отошли на второй план? Данные исследовательских социологических центров показывают (да мы и сами, преподаватели гуманитарных дисциплин, можем свидетельствовать), что данное поколение в большинстве своем проявляет крайнее равнодушие к учебе и не выказывает особого интереса ни к математике, ни к естественным, ни к гуманитарным наукам.

Мы работаем с молодежью, которая выросла в условиях достатка. Личное мнение и потребительский интерес теперь гораздо сильнее влияют на формирование ценностной системы и практику повседневных решений, чем ценности традиционные – наука и религия. Ни наука, ни религия не выдерживают противоборства в потребительском мире, напичканном рекламой, возможностями развлечений, гедонистическими ценностями.

Постмодернистское мышление все чаще призывает к отказу от старого философского мышления, использующего традиционные категории (внутреннее – внешнее, истина-ложь, мужское – женское, прекрасное – безобразное и т.д.). То, что подается с экранов телевизора, компьютера, льется в наушниках действительно не несет такого критерия различия. Нельзя отрицать, что сформировалась некая новая виртуальная реальность, гиперреальность, которая сейчас реальнее самой реальности, поскольку мы живем и действуем в ней. Этому постмодернистскому миру внутренне присуща мозаичность и эклектичность, что формирует мировоззрение без целостности.

Какие еще характерные черты современности мы встречаем у наших студентов?

- Плата за обучение трактуется студентами как плата за получение без особых усилий и учебы зачетов, экзаменов, диплома. Если в мире нет абсолютных ценностей, то все подлежит торгу. Потребительское отношение к жизни, немедленное удовлетворение желаний, выгодные сделки, склонность торговаться – черты, которые в массе своей незнакомы были предыдущему поколению.

- Ориентация на развлечения, а не на упорный и кропотливый труд для получения знаний. Установка последних времен: обучение должно быть увлекательным и доставлять удовольствие. Ушло в прошлое конспектирование первоисточников,

написание лекций и даже чтение научной литературы. Можно ли тут говорить о получении серьезных знаний и приобретении навыков труда ученого...

- Не отличается молодежь корректностью поведения и учтивостью. Современная молодежь приходит с крепко сформированной потребителем обществом установкой на удовлетворение намерений и с несдержанностью речи и поведения. Кумирами становятся герои боевиков, не страдающие от излишней обузданности страстей и от разборчивости в средствах. Потакание желанием и несдержанность приводят к жизненной близорукости, к крайне низким навыкам критического мышления и способностью надолго планировать свою жизнь.

- Социологи и психологи отмечают несомненную черту молодежи - удивительную приспособляемость на базе прагматизма. С детства происходит усвоение самых разных стилей жизни и поведения, которые транслируют родители, воспитатели, учителя, СМИ, герои мультфильмов и боевиков и т.д. Все впитанное позволяет быстро и прагматично ориентироваться, не задерживаясь на моральных аспектах традиционной идеологии.

- Несмотря на постоянно понижаемый уровень грамотности, отсутствие навыка критического мышления и логики, молодежи априори свойственна высокая самооценка. С детства родители убеждали своих детей в уникальности их способностей. Безнаказанность дома, настаивание только на своих правах, без определения обязанностей формирует неких «божков». С некоторых пор стало считаться непедagogичным со стороны учителей выражать сомнения в уникальности и одаренности всех. Философия постмодернизма не хочет классификаций на «лучших» и «худших» и призы должны достаться всем. Искусственное завышение оценок подарило нам сплошь «вундеркиндов».

- «Вундеркинды», на интересах которых долгое время были сфокусированы семья и школа, сформировали свои личные цели, а скорее мечты, сосредоточены на собственных интересах и знают, чего хотят для себя.

- Отмечается часто скептическое отношение к преподаваемым дисциплинам и самим преподавателям. Вызвано это и падением доверия к институтам власти, СМИ, церкви, авторитетам и традиционным источникам знаний. Возникают законные вопросы: почему новое поколение должно доверять высшему образованию, если все остальные институты оказались недостойны доверия. Еще одним фактором, не играющим на авторитет вуза, является порой сильное техническое отставание от возможностей и запросов некоторых студентов, техническая некомпетентность в новых технологиях преподавателей.

- Психологи, социологи, педагоги отмечают интеллектуальное равнодушие молодежи, явную или напускную скуку, и требуется усилие, чтобы расшевелить и увлечь таких эмоционально зажатых людей.

На базе вышесказанного и практического преподавательского опыта можно сказать, что чем более широкий выбор предоставлен студенту в выборе как преподаваемых тем, так и жизненных программ, тем выше его заинтересованность. Информационное общество предоставляет невиданные ранее возможности получения информации и дает широчайшие возможности проявления творчества. Когда студент сам проявляет инициативу, можно побудить его к творчеству, критическому анализу и

практическому мышлению, за что в результате и будут получены ожидаемые высокие оценки.

Можно воспользоваться способностями молодежи к приспособляемости, не рассчитывать на энтузиазм к зубрежке и предоставить по возможности иметь свое мнение в рамках курса и свою свободу выбора для обсуждения, благо Интернет всегда с ними с широчайшими информационными базами.

Стоит признать, что каждое поколение — это отдельная культурная единица. Обличительная риторика негативных проявлений в окружающем мире строит непреодолимую стену между взрослым-обличителем и молодыми свидетелями происходящих процессов в социуме. Декларирование нравственных норм и классических учений не вызывает интеллектуального и эмоционального отклика у поколения, выросшего на постмодернистских установках.

Открытое и беспристрастное, а порой эмоциональное, обсуждение различных взглядов, отражающих весь спектр существующих мировоззрений — инокультурных, мистических, религиозных, неpolitкорректных и т.д., — является увлекательным стимулом к познанию, способствует открытому анализу, формированию критических оценок, выработке собственной индивидуальности и идентичности у представителей молодого поколения.

СВЕТСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е.В. Шкурова

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Основным приоритетом государственной системы образования Республики Беларусь является непрерывное повышение его качества и совершенствование воспитательных методик, направленное на всестороннее воспитание молодежи, содействие ее духовному, нравственному росту, создание условий для свободного и эффективного участия молодежи в культурной жизни общества. В этой связи в современном обществе актуальным становится вопрос о роли религии как фактора его интеграции и консолидации, а также о значении смыслообразующей функции религии, о ее роли в духовном, нравственном развитии общества. Все чаще высказывается мнение о целесообразности взаимодействия конфессиональных и светских институтов не только по вопросам духовно-нравственного воспитания, но и в сфере образования в целом.

При общей положительной оценке роли знаний о конфессиях для повышения нравственного уровня развития молодежи возникает вопрос о содержательном аспекте знакомства с религиозной культурой. В большинстве современных государств конституционно закреплено право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к

религии, равенство религий перед законом. Реализация этого права требует соблюдения принципа светскости при взаимодействии государственных и конфессиональных институтов в образовательном процессе.

Для решения данных задач целесообразно включение в школьную программу курса, который позволит дать учащимся сведения о религиях. Эта идея основывается на предположении о том, что взаимодействие светских и религиозных институтов в образовательной сфере может стать важным средством оптимизации образовательного процесса. При этом оценка перспектив введения такого курса в школьную программу требует как определения места и роли знаний о религии (религиях) в системе государственного образования, так и выявления степени готовности учреждений образования к преподаванию соответствующего курса. Более того включение религиоведческих дисциплин в школьную программу ставит задачу систематического мониторинга результатов этого процесса и реакций учащихся.

Вместе с тем, несмотря на актуальность указанной проблемы, исследования в данной области немногочисленны. И в этом смысле при определении содержательных аспектов включения религиозных компонентов в образовательный процесс полезным представляется изучение зарубежного опыта взаимодействия конфессиональных и светских структур в системе образования.

В Европе масштабной программой по изучению роли религии в образовательном процессе является научно-исследовательский проект REDCo (Религия в образовании. Вклад в диалог или фактор конфликта в трансформирующемся европейском обществе). Проект связан с проведением исследований учащихся в возрасте 14-16 лет в восьми странах (Германии, Англии, Франции, Нидерландах, Норвегии, Эстонии, России, Испании) по вопросам, связанным с социальным измерением религии и включением ее в образовательную систему.

Опыт внедрения религиозного компонента в образовательные программы имеет Сербия, в которой религиозное просвещение было введено в 2001 г. в качестве факультативного курса для учеников начальной и средней школы. Учащимся было предоставлено право выбрать один из двух курсов (религиозным просвещением и гражданским воспитанием) или отказаться от их изучения. В 2002-2003 гг. религиозное просвещение и гражданское воспитание получили статус обязательных курсов по выбору: школьники должны были выбрать один из двух. А в 2004-2005 гг. изучение этих предметов начало осуществляться на протяжении всего срока обучения.

В 2009 году по инициативе лидеров традиционных российских конфессий начался эксперимент по введению в школьную программу курса «Основы религиозных культур и светской этики» в Российской Федерации, который включил шесть модулей: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур, основы светской этики. Апробация проводится в последней четверти четвертого класса и в первой четверти пятого класса общеобразовательной школы.

Можно судить, что наиболее значимой проблемой при решении вопроса о введении религиоведческих дисциплин в школьную программу становится вопрос воспитания религиозной терпимости и толерантности.

Исследование мнения европейских школьников в рамках проекта REDCo продемонстрировало относительно высокую степень принятия религиозного

многообразия при распространенности преимущественно трех типов отношения к религии: школьники, для которых религия имеет важное значение в жизни, те, для которых религия не важна, и группа неопределившихся. Тем не менее, хотя в целом школьники стремятся к мирному сосуществованию в условиях религиозного многообразия, ориентированы на избегание религиозных конфликтов, отдельные учащиеся чувствуют себя уязвимыми в связи со своей религиозной принадлежностью. В этой связи вопрос религиозной терпимости на сегодняшний день актуален для европейских государств и включение религиозного компонента в образовательный процесс призвано способствовать повышению уровня религиозной толерантности [1].

С рядом проблем столкнулось введение религиозного просвещения в Сербии, которое в значительной мере подверглось критике за направленность на продвижение религиозных убеждений конкретной конфессии. Целью занятий стало ознакомление учащихся с духовными ценностями конкретной религии, формирование теистического мировоззрения, развитие «своей» религиозной идентичности. Подготовку учебной литературы и программ осуществляли религиозные общины. Исследование учебников курсов различной религиозной тематики показало, что учебники для изучения православия носят явный конфессиональный и катехизированный характер, учебники для изучения католицизма включают большее разнообразие текстов и ориентированы на различные конфессиональные группы, учебники по изучению ислама имеют цель обучить детей правилам религиозного поведения и отличать мусульман от представителей других религиозных общин [2]. Кроме того, особо актуальным для Сербской системы образования стал вопрос о выборе преподавателей курсов религиоведческой тематики и включения в их число лидеров религиозных общин, профессиональных педагогов, а в случае недостатка учителей – других лиц, имеющих соответствующую подготовку.

Для решения проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи в Российской Федерации введены курсы по изучению «Основ религиозной культуры» и «Основ светской этики». С целью оценки эффективности введения курса, а также его организационно-содержательных компонентов по заказу Общественной палаты Российской Федерации «Агентством социальных технологий «Политех» в 2010 году были проведены телефонный опрос родителей учащихся и опрос экспертов. Следует отметить, что большая часть родителей (80 %) позитивно отнеслись к изучению религиозных культур в рамках школьной программы. Около трети родителей отметили положительное влияние курса на духовно-нравственное воспитание детей, которые стали добрее, терпимее, воспитаннее, образованнее, общительнее, менее агрессивными и т.д. Родители также опровергли мнение о том, что изучение различных религиозных культур приведет к разобщению детей, принадлежащих к разным конфессиям. По мнению родителей, изучение курса не только не влияет на общность школьников, но и позволяет им лучше понять друг друга. Тем не менее, каждый третий из опрошенных родителей подчеркнул, что интерес школьников к религии возрос после изучения курса, касающегося соответствующей религиозной культуры. Исключение составил курс «Основы светской этики». На основании этого авторы исследования сделали вывод, что изучение курса оказывает на школьников миссионерское воздействие, причем зачастую даже вопреки желанию родителей [3, с. 6-19].

Как и в предыдущих случаях, введение курсов религиоведческой тематики в школьную программу столкнулось с рядом кадровых и методических проблем. Отдельные вопросы связаны с организацией (модульность) занятий и продолжительностью курса. Однако главной проблемой стал вопрос кадрового наполнения образовательного процесса, связанный с принятием решения о привлечении к преподаванию либо представителей религиозных организаций, либо подготовки светских педагогов. Кроме того достаточно резкой критике со стороны экспертов подверглись учебные пособия по изучению основ религиозных культур за выраженную миссионерскую направленность и наличие в них ошибок и неточностей.

Актуальным вопросом о взаимодействии светских и религиозных институтов в образовательном процессе стал и для Республики Беларусь. Причем для вовлечения в образовательный процесс всех субъектов необходимо учитывать и степень заинтересованности учащихся в получении религиоведческих знаний. С целью выявления особенностей включения религиозных компонентов в систему образования в 2011 году в г. Минске было проведено социологическое исследование степени заинтересованности учащихся старших классов и родителей во введении в школьную программу курса о религии. Как школьники, так и их родители демонстрируют достаточно высокий уровень осведомленности о религиях (преимущественно традиционных) и весьма высоко оценивают значение религии в социальной жизни. При этом, хотя около половины школьников проявляют интерес к изучению курсов о религиях, большинство из них ориентируются на пассивную стратегию поведения в случае введения таких курсов в школьную программу: большая часть старшеклассников считает, что принятие однозначного решения относительно перспектив изучения курса возможно, только после посещения нескольких занятий. В этом их поддерживают родители, демонстрируя готовность предоставить право выбора относительно изучения курса своему ребенку. А вот в оценке содержательного наполнения курса мнения учеников и родителей несколько различаются. Интерес старшеклассников к изучению курса детерминирован ориентацией либо на развлекательный его характер, либо на сравнительный. В основном школьники заинтересовались бы необычными фактами из истории религий, социальными аспектами функционирования религии в обществе и характером их влияния на образ жизни людей, изучением сути и истории различных религий в сравнении друг с другом. Родители в свою очередь акцентируют внимание на содержательных аспектах курса и разнообразии получаемых детьми сведений. Преимущественно родители считают целесообразным строить курс на основе сведений об истории различных религий, о содержании различных религий, о социальных функциях религии, рекомендуя изучение в рамках факультативного курса того, как влияют религии на образ жизни людей [4, с. 20-68].

Оценка отечественного и зарубежного опыта внедрения образовательных курсов о религиях в педагогическую практику свидетельствует о весьма значительной роли религиозного знания в формировании духовно-нравственных ценностей, морально-этическом воспитании молодежи в духе религиозной толерантности и веротерпимости, преодолении конфессиональной напряженности. Это в свою очередь актуализирует вопрос о получении молодежью многоплановой и многоаспектной информации о различных религиозных системах.

В особенности значимой при реализации государственной конфессиональной политики в любом государстве является необходимость учитывать национальный контекст, поскольку внедрение в образовательные программы религиозно-научных курсов предполагает, в первую очередь, создание условий для мирного сосуществования представителей различных конфессий. Сегодня эта необходимость ставит задачу нивелирования влияния религиозных стереотипов, налаживания межкультурного взаимодействия религиозных групп, как между собой, так и с нерелигиозными организациями, а также воспитания учащихся в контексте представлений о поликонфессиональности современного общества.

Повышению религиозной толерантности также способствует увеличение религиозного разнообразия, предоставляющего учащимся возможность изучать и обсуждать различные религии. Есть основание полагать, что на сегодняшний момент наиболее эффективным способом взаимодействия государственных и конфессиональных институтов в образовательном процессе будет введение курса, оптимально соответствующего принципам светскости образования и поликонфессиональности культуры Беларуси, ориентированного на религиозное многообразие с предоставлением сведений о сути и истории различных религий (в том числе необычных фактов из истории религий и фактов влияния религий на жизнь человека) и направленного на изучение религиозных и светских мировоззрений, включение религиозных вопросов в общекультурный контекст образования.

Принцип равенства религий перед законом предполагает не только необходимость соблюдения прав всех учащихся независимо от принадлежности к определенной конфессии, но право выбора на получение знаний религиозного характера либо отказ от них. Практика других государств, а также собственные установки старшеклассников и родителей белорусских школьников позволяют сделать вывод о том, что включение в школьную программу курса о религиях в качестве обязательного вряд ли произведет положительный эффект.

Кроме того, следует учитывать, что включение религиозного компонента в систему образования требует обеспечения подготовки компетентных специалистов, которые смогут осуществлять вовлечение учащихся в процесс обучения, независимо от религиозной позиции, организовывать их взаимодействие и бесконфликтно решать спорные религиозные вопросы.

Список литературы

1. Religion in Education: Contribution to Dialogue. Policy Recommendation of the REDCo Research Project [Electronic resource]. – Access Mode: <http://www.redco.uni-hamburg.de/web/3480/3481/index.html>. – Date of access: 5.08.2011.
2. Kuburic, Z. Religious Education: the Case of Serbia / Z. Kuburic, M.Vukomanovic // Sociologija. – 2005. – Volume: 47. Issue: 3. – Start page: 229. The same in: Academic Journals Database [Electronic resource]. – Access Mode: http://www.journaldatabase.org/articles/religious_education_case_serbia.html. – Date of access: 3.08.2011.
3. Отношение родителей к преподаванию в средних учебных заведениях курса «Основы религиозных культур и светской этики». – М.: Агентство социальных технологий «Политех», 2010. – 44 с.
4. Отношение старшеклассников и родителей школьников г. Минска к перспективе изучения факультативного курса о религии / религиях: Отчет о результатах социологического исследования / Е.В.Шкурова, С.Г.Карасева, А.А.Белов. – Минск: «Четыре четверти», 2011. – 92 с.

ПОНИМАНИЕ ЛОГИКОМ СПЕЦИФИКИ ФЕНОМЕНА МОЛЧАНИЯ В ПРАВОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

ЩЕРБИНА Е.Ю.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

Общение в современном обществе является важнейшей функцией, оно пронизывает все сферы человеческой деятельности. Информация, которая получается, перерабатывается, передается в процессе коммуникации, может быть эффективной, благодаря соответствующим образом организованной аргументации. В этой связи представляются актуальными исследования, в которых акцентируется внимание на различных стратегиях аргументации. Наряду с наиболее общими, универсальными принципами и правилами, из которых складывается стратегия аргументации, существует множество разновидностей полемических ситуаций, в каждой из которых используются свои специфические приемы, составляющие тактику аргументации, в том числе и такой ее разновидности как юридическая аргументация. Последняя может быть представлена как диалог-убеждение.

В этой связи можно говорить о применении молчания как аргумента в правовой аргументации, а также, в этом контексте, рассмотрения указанного феномена как способа совершения обмана.

Целью данной статьи является рассмотрение роли феномена молчания в правовой аргументации.

Поскольку в последнее время теория аргументации возрождается как методология убеждения, большое внимание в научных исследованиях уделяется анализу разных видов аргументов. Аргументы, которые используют в спорах разделяют на аргументы по существу вопроса (*ad rem*) и аргументы от человека (*ad hominem*). В некоторых ситуациях аргументы *ad hominem* могут отображать суть дела, а в других явно используются с целью дискредитации противника.

Одним из аргументов, которые могут выступать и как приемы манипулирования, и как аргументы по сути есть молчание. Эристика рассматривает акт молчания как один из невербальных приемов манипулирования в спорах. В правовой аргументации акт молчания может быть представлен и как прием манипулирования, и как аргумент по сути.

В современной научной литературе феномен молчания рассматривается в его разнообразных аспектах. Молчание относят к одному из видов языковой деятельности, а именно к недействию, или к конкретным формам поведения, а именно к недействию и к противодействию. По отношению к речи о молчании говорят «только на фоне коммуникации, то есть тогда, когда в принципе возможно языковое общение – реальное или виртуальное» [1. - С.109].

В научных исследованиях встречается много классификаций молчания, однако к этому времени недостаточно изученным остается такой его аспект, как возможность быть элементом сознательной стратегии и тактики поведения, что свойственно для многих, в том числе и правовых, контекстов.

Обращаясь к области правовой аргументации, хотелось бы отметить специфичность понимания и применения в ней акта молчания. Молчание здесь может

быть представлено и как прием манипулирования в споре, и как аргумент (речь идет об аргументах *ad rem*). Оно в таком понимании несет в себе мощный охранный потенциал, оберегая от разрушительных последствий неуместного или несвоевременно употребленного слова. Как прием манипулирования в споре молчания в правовой аргументации может быть как «молчанием сдержанности» (например, одной из сторон в процессе судебного спора), так и «молчанием мужества» (например, отказ от дачи показаний, чтобы не «подставить» кого-то другого).

Молчание как аргумент по сути дела в правовой аргументации выступает как запрещение на коммуникацию, определенное международными нормами. Право не давать показания или объяснение относительно себя – это, в первую очередь, право обвиняемого хранить молчание. Пятая поправка к Конституции США провозглашает, что никого нельзя заставить по любому уголовному делу свидетельствовать против самого себя. Право на молчание и его составная часть право не давать показания против самого себя - общепринятые международные нормы, являющиеся основанием понятия справедливой процедуры, о которой говорит статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

Право обвиняемого на молчание, право не свидетельствовать против себя, членов семьи или близких родственников установлены Конституцией Украины (статья 63), а, следовательно, и в нормах УПК Украины (статье 43, 43-1). Право хранить молчание тесно связано с презумпцией невиновности, то есть оно создает юридическое препятствие для отношения обвинительной власти к обвиняемому лицу как к лицу, которое виновно в совершении преступления (ведь принуждение обвиняемого к саморазоблачению выражает предубеждение обвинительных органов в виновности этого лица). В доказательном праве только в одном случае совпадают категории «привилегия от самообвинения» и «иммунитет свидетеля», а, именно, при отказе от свидетельств против самого себя.

В пользу мысли о том, что молчание в правовой аргументации может рассматриваться как аргумент по сути дела приведем данные, которые содержатся в гражданском кодексе Украины. В части третьей статьи 205 «Форма сделки. Способы волеизъявления» Гражданского кодекса Украины определено: «В случаях, установленных договором или законом, воля стороны к совершению сделки может выражаться ее молчанием» [2].

Таким образом, проблема интерпретации молчания как аргумента в правовой аргументации, с нашей точки зрения, должна основываться на его понимании и применении как приема манипулирования с одной стороны, и как аргумента по сути – с другой.

Молчание как коммуникативная стратегия в диалоге всегда имеет смысл, который актуализируется в конкретном контексте. Оно может иметь различные намерения. Рассмотрим молчание в связи с феноменом обмана в правовой аргументации.

Не затрагивая дискуссионность вопроса о содержании понятий лжи, вранья, обмана, неправды, а также анализа различий между категориями лжи в логике и лжи (вранья) в теории аргументации, будем исходить из того, что понимаем обман не как синоним лжи, а как ее разновидность. Категория «ложь» - более широкое понятие, чем обман. С юридической точки зрения она содержит в себе три обязательных признака: искажение истины, преднамеренность фальсификации, введение другого лица в

заблуждение. Ложь может использоваться без намерения склонить другое лицо к совершению определенного действия или воздержаться от него в интересах лжеца. Обязательное наличие такого намерения превращает ложь в обман. Не любая ложь является обманом, однако любой обман является ложью и необходимо содержит в себе все признаки лжи. Итак, с юридической точки зрения, обман - это такая ложь, которая обязательно направлена на склонение другого лица к совершению / не совершению действия, которое выгодно для лжеца.

Поскольку аргументативная ложь является диалогическим феноменом, то она имеет коммуникативно-когнитивную природу. Как пишет И.В. Хоменко, именно ложь как интеракция, которая сознательно (намеренно) направлена на формирование у собеседника искаженной картины мира, является предметом исследования в теории аргументации [З. - С. 114]. Речь идет о том, что в процессе общения каждый из участников коммуникации имеет собственное представление о предмете обсуждения, собственную картину мира. Когда у коммуникантов совпадают представления о предмете обсуждения, тогда можно говорить о наличии значительного рычага для успешного общения. Но коммуникантам надо учитывать и адекватность описания действительности, и адекватное ее понимание.

В правовой аргументации, которая является практическим воплощением исследований в теории аргументации, анализ лжи предполагает рассмотрение положений дел в картинах мира, которые сформированы у участников коммуникации. Здесь важно не только то, что из сознательного нарушения нормы адекватности одним из коммуникантов следует формирование искаженной картины мира у другого участника, но и то, что это побуждает последнего к совершению / не совершению конкретных действий в интересах первого. Под обманом в правовой аргументации будет пониматься интеракция, сознательно (умышленно) направленная на формирование у собеседника искаженной картины мира с целью побуждения последнего к совершению или не совершению конкретных действий в интересах обманщика.

В юридической аргументации можно выделить такие разновидности обмана в скрытом виде, как обман с использованием полуправды и молчаливый обман. В случае обмана с использованием полуправды речь идет об умышленном замалчивании субъектом аргументации части информации о каких-либо фактах или обстоятельствах, о которых сообщить адресату было необходимо, направленные на введение его (адресата) в заблуждение или на поддержку ошибки адресата с целью побудить его по собственной воле совершить или не совершить конкретные действия в интересах обманщика (субъекта).

Примером такого обмана может быть сознательное замалчивание части значимой информации при заключении соглашения одной из сторон, которая намерена получить из этого для себя выгоду, направленное на создание неправильного, ошибочного представления об истинном положении вещей другой стороной.

Молчаливый обман в юридической аргументации может быть определен как сознательное замалчивание (сокрытие) субъектом всей информации по поводу определенных фактов, обстоятельств, событий прошлого, настоящего или будущего времени с целью исказить картину мира адресата и побудить его по собственной воле совершить или не совершить конкретные действия в интересах субъекта.

Примером молчаливого обмана могут быть такие обманные действия одной из сторон при заключении сделки, которые выражаются в бездействии, а именно, в умышленном сокрытии фактов, знание которых может препятствовать заключению сделки. Отсутствие таких знаний об указанных фактах повлияло на волеизъявление другой стороны в процессе заключения сделки.

Анализируя виды обмана в правовой аргументации, попытаемся дать когнитивное описание молчаливого обмана и обмана с использованием полуправды, отталкиваясь от когнитивных схем разновидностей аргументативной лжи, представленных И.В. Хоменко [Там же. – С. 118].

Будем исходить из того, что компоненты обмана в юридической аргументации, как интеракции, такие же, как и компоненты лжи, как интеракции. Ими являются: речевое действие, когнитивное состояние субъекта, когнитивное состояние адресата, аргументативная цель субъекта.

Когнитивно-пропозициональный подход не исключает возможности формализации «молчаливых интеракций». С формальной точки зрения, разницы между «разговорной» и «молчаливой» интеракцией нет.

Если умолчание (полное сокрытие) информации обозначить когнитивным оператором НЕ СООБЩАЕТ, тогда, исходя именно из указанных компонентов лжи как интеракции, когнитивная схема молчаливой лжи может иметь следующий вид:

Не сообщает (x, y, A) \square Знает (x, A) \square Не знает (y, A) \square Имеет намерение $(x, \text{Думал } (y, \sim A))$.

В случае молчаливого обмана в юридической аргументации введение в заблуждение конкретного лица побуждает его осуществить действие (бездействие) в интересах обманщика. Именно эта характеристика обмана при рассмотрении его как интеракции, должна учитываться при формулировании аргументативной цели субъекта и ее выражении. Это касается всех видов обмана в юридической аргументации. Скрытый обман не является исключением.

Разновидности скрытого обмана в правовой аргументации, рассмотренные в этой статье, а именно, обман с использованием полуправды и молчаливый обман, могут быть представлены в такой таблице:

Составляющие когнитивного описания	Обман с использованием полуправды	Молчаливый обман
Речевое действие	Сообщает (x, y, Γ)	Не сообщает (x, y, A)
Когнитивное состояние субъекта	Знает $(x, \text{Следует } (\Gamma, B))$	Знает (x, A)
Когнитивное состояние адресата	Не знает $(y, \text{Следует } (\Gamma, B))$	Не знает (y, A)
Аргументативная цель субъекта	Имеет намерение $(x, \text{Думал } (y, \text{Следует } (\Gamma, C))) \square$ (Совершил $(y) \square$ Не совершил $(y))$	Имеет намерение $(x, \text{Думал } (y, \sim A) \square$ (Совершил $(y) \square$ Не совершил $(y))$

В случае молчаливого обмана и молчаливой лжи в юридической аргументации смысл «не сообщает» не совпадает с содержанием «не говорит». В рассматриваемом аспекте «не сообщает» означает воздержание от сообщения. Речь идет о понимании

воздержания как образа поведения. Это то, за что агент может быть ответственным [4. - С. 258]. «Не сообщение» в таком случае означает неделание того, что ожидается или должно быть сделано в соответствии с долгом.

Таким образом, исследование феномена молчания в правовой аргументации позволило прийти к таким выводам.

1. В правовой аргументации интерпретация молчания как аргумента в правовой аргументации должна основываться на его понимании и применении как приема манипулирования с одной стороны, и как аргумента по сути – с другой.

2. Гражданин может молчать из-за незнания истинной информации, однако он может замалчивать собственную вину или вину членов семьи, близких родственников, то есть лгать путем молчания. В таком случае, молчание как разновидность лжи в правовой аргументации, выполняя аргументативную функцию, выступает способом защиты личных интересов граждан. Хотя такое молчание и является умышленным, оно в правовой аргументации не считается обманом, исходя из действующих норм международного права, Украина здесь не является исключением.

3. В правовой аргументации молчание как разновидность обмана в скрытом виде может быть обманом с помощью полуправды и обманом с помощью полного замалчивания истинной информации, т.е. молчаливым обманом. В связи с этим, в правовой аргументации молчание, с одной стороны, как разновидность обмана может выступать способом совершения правонарушения, с другой – молчание как разновидность лжи и как доказательство невиновности может выступать способом защиты прав граждан.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий / Ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рязцева. – М.: Наука, 1994. – С. 106–117.
2. Цивільний кодекс України: Документ 435-15, чинний, поточна редакція — Редакція від 19.01.2013, підстава 5495-17 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.
3. Хоменко И.В. Ложь как аргументативный феномен // Модели рассуждений – 3: когнитивный подход: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – С.110 – 119.
4. Фригт Г.Х. фон Логико-философские исследования: Избр. тр.: Пер с англ./Общ. ред. Г.И. Рузавина и В.И. Смирнова. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.

КАТЕДЕР-СОЦИАЛИСТЫ И «СОЮЗ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

Д.Д. ЭЙДУКЕНЕ

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса,

Литва

Уже в первые годы Германской империи (начало девятого десятилетия XIX в.) значительная группа профессоров и преподавателей университетов, чувствуя, что «чисто политические вопросы уходят на второй план», а «вопросы материального благополучия и социальной справедливости становятся особенно актуальными» [3, с. 22,

24], а забастовки рабочих и растущее рабочее движение помогает «призраку марксизма» приобрести реальные контуры, поднимают вопрос о решении социального (или рабочего) вопроса. Это представителям академических кругов Германии казалось очень актуальным государственным делом, потому что «от того, как в ближайшем будущем будут складываться социальные отношения, зависят перспективы только что созданной Германской империи [7, с. 91]. По их мнению, эту проблему не могут решить ни манчестеры, ни социалисты. Только государство, будучи непартийной силой, посредством перманентных реформ может решить социальный вопрос; только оно, стоя над эгоистичными интересами классов, выпуская законы и, руководствуясь справедливостью, может защитить экономически слабых и способствовать их подъему низших классов. Упомянутым преподавателям-экономистам первые годы Германской империи казались особенно благоприятными для провозглашения социальной реформы. С одной стороны, поразительные успехи прусского оружия, ему свойственным образом решать национальный вопрос, в глазах современников высоко подняло авторитет и значимость государства. Сила государства им казалось, неисчерпаема: если властям за такой короткий срок получилось создать такое мощное государство, то почему же ему не вмешаться в борьбу общественных классов и не предложить им мирного сосуществования?

У преподавателей-экономистов был и другой мотив: они выражали взгляды молодой национальной буржуазии. Это подтверждает то обстоятельство, что вывод о значимости решения социального вопроса не столько на основе научного познания, а интуитивно, под давлением исторических факторов, почувствовав и осознав огромную опасность для существования буржуазного строя.

Так была создана новая историческая школа в политической экономии. Их противники, по инициативе либерала-экономиста профессора Франца Орренгеймера, дали им прозвище «катедер-социалисты», потому что они свои идеи распространяли исключительно из университетских кафедр. Хотя «катедер-социалисты» были далеки от социализма, их прозвище к ним «прилипло» и стало очень популярно.

В 6 октября 1871 г. в Эйзенахе состоялся первый конгресс катедер-социалистов. Участвовать в нем приглашались лица, не зависимо от партийного и материального положения, т.е. все, кто понимают значимость решения социальных проблем. Конгресс решил основать «Союз социальной политики» (нем. *Der Verein für Socialpolitik*)*. 31 мая 1873 г. она стала *de facto*. Цель Союза была чисто практическая: формировать общественное мнение, оказывать влияние на законодательные органы, формируя

* Примечательно, что в 1936 г. деятельность «Союза» прикрыли нацисты, но она была возобновлена спустя 12 лет. «Союз действует и настоящее время. Членами общества являются около 3200 экономистов и 48 институциональных объектов. Общество проводит ежегодные конгрессы.

новую социальную политику государства и указывая пути для ближайшей социальной реформы.

У колыбели «Союза» стояли профессора Густав фон Шмоллер (Gustav von Schmoller, 1838-1917), Альберт Шеффле (Albert Schäffle, 1831-1903), Адольф Вагнер (Adolph Wagner, 1835-1917), Луио Brentано (Lujo Brentano, 1844-1931) и др. Основатели Союза неоднократно обращались к представителям науки и политики с предложением внепартийного обсуждения назревших проблем. Представители катедер–социализма не хотели сделать государственную власть простым свидетелем растущей классовой борьбы. Их желание состояло в том, чтобы иметь «сильную государственную власть, стоящую выше эгоистических классовых интересов, которая вела бы управление по началам справедливости (mit gerechter Hand), защищая слабых, поднимая низшие классы» [6, с. 9].

Позднее членами «Союза» стали известные представители разных политических партий, уважаемые даже идейными противниками руководители рабочего движения, адвокаты, журналисты, чиновники, предприниматели, словом все те, которые понимали суть социальной проблемы. Таким образом, катедер–социализм вышел за пределами университета.

Один из основателей «Союза социальной политики» Г.Шмоллер заявлял, что нельзя в социальной реформе акцентировать внимание только на экономической стороне исторического процесса, что экономические реформы сводятся к более равномерному распределению благ, к поднятию благосостояния рабочего класса. Но все усилия окажутся безуспешными, если не обратить внимания на моральную сторону дела, если не стремиться поднять в рабочем человека, – указывал он [7, с. 330].

Идеалом катедер–социалистов объявлялось вовлечение «все большей части народа к участию во всех высших благах культуры, образования и благосостояния» [6, с. 12]. Осуществление этого идеала возлагалось как на государство, так и на все общество. Этот идеал считался истинной демократической задачей своего времени.

Шмоллер также подчеркивал, что в решении социального вопроса необходимо социальное рабочее законодательство. Он поддерживал мысль Лассалля о всеобщем избирательном праве, считая его «необходимым коррективом против преобладающего влияния имущих на государственную жизнь» [7, с. 341]. Но Шмоллер заявлял, что политической реформой не исчерпывается социальная проблема, и что «устранить грядущие социальные бедствия можно лишь одним способом: заставив монархическую власть и бюрократию <...> взять на себя инициативу великого социального законодательства» [7, с. 342]. Заслугой Шмоллера является то, что он в понимании решения социального вопроса внес два момента: права и нравственности.

Взгляды Шмоллера разделял и Вагнер. Он резко критиковал злоупотребления акционерных обществ и требовал существенных изменений в законодательстве. Вагнер высказал пожелание изъять из владения акционерных компаний целый ряд областей, где взамен их должны быть учреждены «общественные предприятия», преследующие интересы не отдельных групп, а всего населения. Такова, прежде всего, область путей сообщения, где подобающую роль должно играть государство. Затем идет кредитное и страховое дело, освещение, орошение и пр., где должны преследоваться не цели наживы, а общественная польза [1, с. 208-209]. Вагнер обращал внимание на то, что «чистый» социализм слишком пренебрежительно относится к индивидуальным началам, не понимает важного элементарного экономического мотива – стремления к выгоде. Но он признает принципиальное значение и необходимость индивидуализма в интересах целого, т.е. общества. Поэтому он считал, что главная задача заключается в том, чтобы «найти правильную среднюю позицию между индивидуализмом и социализмом» [12, с. 42]. Далее, он говорит, что, «если в экономическом индивидуализме страдает равенство, то в социализме – свобода», и что «социально–правовая, социально–экономическая точка зрения должна примирить оба начала – индивидуальный и социальный» [12, с. 24].

Шеффле, как и другие представители катедер–социализма, считал необходимым государственное вмешательство в социальную сферу. Но в его концепции звучат и новые мотивы в решении этого вопроса. Шеффле утверждал, что «социализм, без сомнения, явление хозяйственного порядка; он – народнохозяйственное явление, которое выросло на развалинах мелкобуржуазной системы производства и промышленности». Исходя из этого, он пришел к выводу о том, что «цель социалистического движения <...> – это коренное преобразование существующей системы народного хозяйства» [5, с. 2]. Для него замена частного способа производства коллективным является «квинтэссенцией социалистической программы», «альфа и омега социализма» [5, с. 13]. Шеффле представлял эту замену как процесс осуществления перманентных реформ народного хозяйства, который проводит в жизнь государство, в качестве регулятора как внепартийная общественная сила.

На основе проанализированных взглядов можно сделать вывод о том, что катедер–социалисты внесли значительный вклад в развитие идеи социальной справедливости в Германии в ее либерально–реформистском варианте. Причину их теоретического поиска можно выразить словами одного из представителей катедер–социализма Рудольфа Майера: «В общественной жизни произошла большая перемена: на сцену выступило четвертое сословие, громко заявляющее о своих правах. Из передней оно желает войти в салон. Если мы отворим ему двери и протянем руку, оно войдет скромно и чинно и сядет возле нас, если же мы захлопнем дверь у него перед носом, то оно выбросит нас в окно и завладеет всем домом» [4, с. 2].

Исходя из чистого рационализма, представители катедер–социализма искали средства для оптимальных отношений между трудом и капиталом, отводя в решении этого вопроса основную роль государству. Ценность взглядов представителей этой буржуазно–реформистской концепции в том, что они ратовали за создание нормальных условий жизни для всех членов общества, «предоставить возможность каждому занять соответствующую социальную позицию» [1, с. 202].

Мнению «Союза» стали прислушиваться, а по поводу социального вопроса возник целый поток литературы. Катедер-социалисты надеялись быть услышанными канцлером Отто фон Бисмарком, авторитет которого после объединения страны был непререкаемый во всех слоях общества. Так что Катедер-социалисты по одному экземпляру своих книг по социальной проблематике отсылали лично канцлеру. Профессор Шмоллер даже написал в своей статье об очень значимом заявлении Бисмарка, сделанном им в 1875 г., хотя и в форме шутки, что вообще он - катедер-социалист, но для этого ему все еще не хватает времени [8, с. 42].

Но история этим не ограничивается. В 17 ноября 1881 г. по инициативе Бисмарка и под его непосредственным руководством была создана программа государственных социальных реформ. С 1881 по 1884 г. была сформирована правовая система охраны труда. В эти годы были приняты законы: Закон о медицинском страховании (1883); Закон о страховании рабочих от болезней и несчастных случаев (1884); Законопроект о пенсионном обеспечении пожилых рабочих и опеке над инвалидами (1889). Последний закон обсуждался в рейхстаге с 1881 по 1889 г. В силу закон вступил 1 января 1891 г.

Эти законы, по предложению правительства обсуждали рейхстаги трех созывов. Только благодаря большому упорству канцлера проекты законов стали *de jure*. В свои политические игры он втянул монарха, да и активизация рабочего движения в мышление противников пессимистов социальной программы вносили свои поправки. Об этом был вынужден признать сам Бисмарк, закоренелый ненавистник социал-демократии: «Если бы не было социал-демократии, и масса людей ее не боялась бы, то скромных побед, которых мы достигли в сфере социальных реформ, их не было <...> [10, с.24-27]. Канцлер желал обезоружить социал-демократов социальными реформами, а социал-демократы «государственный социализм» Бисмарка называли «реакционным» [9].

Противники канцлера объясняли, что принятые социальные законы – «капля в море», что «гора родила мышь». Но не смотря на это, надо признать, что это были первые законы по социальному страхованию в Европе. Со временем в других странах мира они продвинулись дальше, и немецкая социальная программа на их фоне выглядело достаточно скромно, но для своего времени она была прогрессивной и выгодно выделяла Германию из остальных стран мира. Важно то, что немецкое общество сумело найти консенсус и сделало практическое начало для создания социального государства, которое сумело приблизить к себе человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернацкий М.В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. Спб., 1911.
2. Conrad Else. Der Verein für Sozialpolitik und seine Wirksamkeit auf dem Gebiet der gewerblichen Arbeitsfrage. Jena, 1906.
3. Dietzel, Karl. Die Volkswirtschaft und ihr Verhältnis zu Gesellschaft und Staat. Frank. am M.: Verlag J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1864.
4. Meyer, Rudolf. Was heisst konservativ sein? Reform oder Restauration. Berlin, 1873.
5. Schäffle A. Die Quintessenz des Sozialismus. 7 Auflage, Gotha, 1879.
6. Schmoller Gustav. Zur Sozial-und Gewerbepolitik der Gegenwart, Leipzig, 1890.
7. Schmoller, Gustav. Die soziale Frage und der preußische Staat. - Preußische Jahrbucher, Leipzig, 1874, B.33.
8. Schmoller, Gustav. Über die „Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck“, Duncker & Humblot, Berlin 2010.
9. Der Socialdemokrat. 1881. IX. 15.
10. Stenographische Berichte, 6 L. P. I Session 1884-1885, in [http://www02.us.archive.org/stream/zeitschriftfrdi94unkngoog/zeitschriftfrdi94unkngoog_djvu.txf]. Просмотр: 15 января 2010 г.
11. Verhandlungen des Verein für Sozialpolitik – 1873 Leipzig: , Verlag von Duncker d: Humblot, 1874.
12. A. Wagner. Lehr- und Handbuch der pol. Ök., Grundlegung. III. Aufl. 1892.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Я.Б. ЯРОШ

*Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки,
г.Луцк, Украина*

Глубокие трансформационные сдвиги в Украине обострили необходимость обновления содержания и характера взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций в процессе реализации государственной молодежной политики. В ходе рыночных преобразований в Украине, государственная молодежная политика реагирует на все погрешности, кризисные явления, характерные для становления демократической политической системы.

Осуществляя государственную молодежную политику, власть может способствовать или мешать созданию политических, социально-экономических, организационных, правовых условий для деятельности общественных организаций. Переход к эффективным моделям привлечения общественных организаций к социальному управлению, построенных на современных научных принципах, становится для Украины едва ли не главной предпосылкой активизации и успешного осуществления социально-экономических и политических трансформаций.

Основываясь на мировом и отечественном опыте, рассмотрим основные необходимые элементы для реализации действенной государственной молодежной политики. На наш взгляд, технология реализации государственной молодежной политики должна состоять из трех основных блоков: объективных условий, стратегии и тактики.

В основе эффективной деятельности лежит знание объективных условий, в которых она осуществляется. Поэтому для достижения поставленных целей (а такими, является создание необходимых условий для полноценной самореализации и развития молодежи), важно знать точную информацию о состоянии социальной структуры страны или области, в рамках которых осуществляется деятельность. Для этого нужно обладать информацией о том: какие молодежные группы проживающих на территории страны или области; какой процент составляет каждая молодежная группа по отношению ко всей численности населения, какие потребности, интересы, чаяния в каждой молодежной группы; в каких отношениях они находятся относительно друг друга (взаимопонимании или недоверия), а также в органы государственной и местной власти. Необходимо владеть информацией относительно молодежных национальных групп, если территория многонациональная.

Важной составляющей объективных условий реализации государственной молодежной политики является реальный расклад влияния движений, общественно-политических объединений, молодежных организаций. Владение этой информацией дает возможность найти субъектов реализации государственной молодежной политики. Не менее важное значение имеют знания о наиболее острых проблемах в стране или регионе. То есть необходима своеобразная инвентаризация проблем, которые наиболее больно затрагивают интересы молодежи. Поэтому возникает необходимость определения приоритетов и проведения ранжирования этих проблем. Для результативной реализации молодежной политики существенное значение имеет не только точное знание молодежных проблем в государстве или регионе, но и то, как отражаются эти проблемы в сознании молодежи. Поэтому нужно учитывать деятельность средств массовой информации, которые являются наиболее влиятельными на определенной территории, поскольку они во многом формируют сознание граждан, их отношение к тем или иным проблемам, действий органов власти и общественных организаций. Знание объективных условий дает возможность эффективно осуществлять государственную молодежную политику с привлечением общественных организаций к ее реализации.

Глубокое понимание объективных условий, при которых осуществляется государственная молодежная политика, дает возможность разрабатывать ее стратегию, как наиболее важный и сложный элемент. Стратегия разрабатывается, как правило, в виде программы субъектов политики (властных структур, общественных организаций, молодежных лидеров) и должна отражать специфику деятельности этих субъектов.

При трансформации общества реализация государственной молодежной политики осуществляется при активном структурировании общественных организаций, в которых формируются различные, даже противоположные интересы и потребности, в том числе, и политические страсти. Поэтому разработку программы целесообразно начинать с поиска и формирования экстраординарной цели, которая, во-первых, является наиболее важной для страны, и во-вторых, которая была бы привлекательна для всех молодежных групп. По нашему мнению, вряд ли самостоятельно государство, без активного привлечения молодежных организаций сможет достичь цели.

В условиях современной Украины не всегда реализуются различные постановления, указы и решения властных структур. Причин много, но одной из основных является то, что различные молодежные группы не видят в них отражение

своих интересов и ожиданий и не вызывают у них желание приложить свои силы к их выполнению. С другой стороны, центральные и местные государственные структуры не владеют искусством мобилизации молодежных групп. В трансформационных политических процессах, без поддержки молодежи реализация государственной молодежной политики является проблематичной.

При разработке государственных и региональных программ по молодежи, важно учитывать исторические, национальные, религиозные, психологические и другие особенности и традиции, уровень индивидуального и общественного сознания молодежных групп конкретного региона. В силу различных объективных и субъективных причин молодежный менталитет западных и восточных областей имеет значительные отличия. Не учитывать, более того, не базироваться на этих особенностях - значит сразу обречь стратегию реализации государственной молодежной политики на поражение.

Важной частью технологии реализации государственной молодежной политики является тактика как совокупность средств и методов достижения локальных, временных результатов. От выбора тактических приемов, продуманности их применения во многом зависит реализация стратегической линии. Пока стратегии развития украинского общества в нынешней политической элиты Украины нет, но потребность в ней не только существует, но и растет. На государственном уровне следует определиться со стратегическими принципами государственной молодежной политики учитывая ее специфический характер, призванный обеспечить процесс политической социализации молодежи и становления личности гражданина новой Украины. На современном этапе крайне важно определить модель государственной работы с молодежными субкультурами, создать макроэкономические предпосылки материального обеспечения молодежи, формировать составляющие политики роста доходов, стимулировать профессиональную и территориальную мобильность молодежи.

Е. Бородин считает, что положительную роль в реализации государственной молодежной политики сыграло введение в 2002 году порядка проведения конкурса программ, разработанных общественными организациями, относительно детей, молодежи, женщин и семьи [1, с.24].

Для участия в конкурсе проектов, молодежная организация должна подать необходимые документы: заявление на участие в конкурсе, составленную по форме, утвержденной министерством, копию свидетельства о регистрации, устава (положения) общественной организации, заверенных нотариально; копию решения органа государственной налоговой службы о включении общественной организации в реестр неприбыльных организаций и учреждений, копию финансового отчета об использовании средств за предыдущий год, описание проекта программы и смету расходов для его реализации по формам, утвержденным профильным министерством (оригинал и пять копий) решение руководящего органа общественной организации об утверждении проекта программы, скрепленное печатью организации (оригинал и пять копий) письма-подтверждения других общественных организаций, участвующих в конкурсе как соисполнители (оригинал и пять копий). Конкурсное предложение готовится украинским языком [2]. Определение четких критериев для участия в конкурсе способствовало, по нашему мнению, институциональному развитию общественных организаций как составляющей гражданского общества в современной Украине.

По нашему мнению, общественным организациям следует усилить усилия по информированию широкой общественности молодежи о реализации своих программ и об организаторах этих мероприятий. Это позволит увеличить количество участников самих программ, а в перспективе – численность общественных организаций.

В сотрудничестве власти и общественных организаций существовало ряд трудностей, которые возникали при подготовке и реализации программ, а именно: недостаточное и несвоевременное финансирование, проблемы с изменениями в нормативно-правовых актах, что затрудняло подготовку материалов по темам программ; пассивность других общественных организаций в сотрудничестве. На основании проведенной внешней оценки и анализа мероприятий, которые реализовывались общественными организациями за счет средств государственного бюджета, экспертами были даны рекомендации: формулировать достижимыми цели и задачи программы, заложив в ней критерии оценки; увеличивать количество молодежи – участников программ; привлекать к реализации программ большее количество общественных организаций и органов государственной власти (в том числе и для объединения ресурсов); проводить широкие информационные кампании по ознакомлению общественности с программами организаций и результатам их деятельности, соответствие плана реализации программы его цели.

Мы считаем, что главной целью проведения мониторинга программ, которые реализуются общественными организациями за счет средств государственного бюджета, является исследование соответствия программы с практическими мерами по ее реализации.

Анализируя данные социологических исследований, отмечаем, что общественные организации хотя и имеют достаточно низкий уровень доверия, все же выигрывают в этом отношении у органов власти. Это говорит о том, что гражданское общество в Украине воспринимается более привлекательно, чем государственные институты и, не только исходя из чистых показателей - 37,1% суммарной доверия к общественным организациям по сравнению с 21,7% доверия к органам власти, но также и исходя из значительно ниже уровня полной недоверия 15,8% до общественных организаций по сравнению с 31,2% к власти [3].

В демократических обществах ни одна важная общественная проблема не может быть решена без участия общественных организаций. Общественные организации обращают внимание на проблемы общества и именно общественные организации заставляют власть их решать или хотя бы занять какую-то позицию. Позиция общественных организаций состоит в том, что они говорят о проблемах, о которых все остальные молчат. По нашему мнению, существование общественных организаций – это не что иное, как следствие недоработок государства в плоскости удовлетворения общественных потребностей молодежи. Только деятельность государственных институтов в решении общественных проблем недостаточно, или их услуги обходятся слишком дорого. Преимущество общественных организаций состоит в том, что они делают это дешевле и значительно лучше при помощи волонтеров. Молодой человек выполняет работу лучше и заменяет «безынициативного» чиновника, а дешевле потому, что общественные организации лишены бюрократической структуры и используют труд добровольцев. Кроме того, общественные организации лучше знают местные потребности, удовлетворяя их через привлечение активных местных граждан к их

решению. Характерной чертой молодежных организаций является то, что в процессе привлечения людей к общественной работе решающим фактором является согласованность индивидуальных настроений и потребностей потенциальных членов с системой ценностей организации. Сложно представить себе, что в молодежной спортивной организации работает кто-то, кого не волнует спортивная проблематика. Но в то же время активист молодежной спортивной организации может с нежеланием участвовать в политических акциях в поддержку того или иного кандидата, если эти действия не согласуются с его личным взглядом.

Организация должна обеспечить людям, работающим в ней, индивидуальный путь развития. Их целью является ощущение осуществления конкретных поступков и самореализации в работе для других. Волонтеру, который вызывается для работы в организации и имеет стабильное материальное положение, но является одиноким человеком и ищет в общественной работе чувство принадлежности к группе, нужно, прежде всего, успокоить его потребности. Например, посредством подключения его к различным типам совместной деятельности, приглашения на встречи группы и т.д. Но это только начало, следующим шагом должно быть создание условий для успокоения его потребностей через работу в организации [4, с.7]. Совершенно очевидно, что для каждого человека чрезвычайно важно, чем он занимается во время работы, а также, в каких условиях он работает. Большинство волонтеров, участвуя в работе организации, ценят чувство общности с другими людьми, то, что сама работа является разнообразной и приносит пользу обществу. Задания для активистов нужно планировать так, чтобы работа сама по себе приносила удовольствие. Важно постоянно развивать и поддерживать организацию как функционирующую группу.

С. Ласоцик, отмечает интересную вещь: «когда анализируешь американский опыт работы с кадрами в общественных организациях, то замечаешь такой процесс: молодые выпускники юридических, экономических или управленческих школ попадают на работу именно в общественные организации (я имею в виду оплачиваемый персонал). Здесь они приобретают опыт и профессиональное шлифование, а затем переходят в сферу бизнеса или публичного администрирования, чтобы под конец карьеры, часто уже на пенсии, вернуться к общественным организациям, но уже на должности председателей правления или президентов. В этот период они пользуются своим опытом и связями, платя, таким образом, разновидность общественного долга» [5, с.9].

Весомым недостатком ряда национальных программ в сфере государственной молодежной политики является их декларативный характер, иногда – непоследовательность в их реализации, зависимость от политической конъюнктуры, бюрократизма, а также отсутствие, в ряде случаев, отдельного целевого финансирования на осуществление соответствующих программ, что, кроме всего прочего, делает невозможным надлежащий контроль над их выполнением.

Анализируя государственную молодежную политику, в определении ее целей, приоритетов и задач на перспективу необходимо смещение количественных акцентов (мероприятий, программ) на качественные составляющие (результат). Ведь реализация государственной молодежной политики Украины существенно отличается от ее реализации в развитых странах не только и не столько количественными параметрами, сколько качественными характеристиками.

Специфика взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций в процессе реализации государственной молодежной политики может быть разной. Она в значительной степени зависит от взаимного видения и выполнения общественными организациями и государственными учреждениями своих ролей в обеспечении прав и потребностей общества. По нашему мнению, партнерская модель взаимодействия власти и общественных организаций не в полной мере отвечает современным потребностям украинской молодежи.

Список литературы

1. Бородин Е. Государственная молодежная политика в Украине: процесс формирования и развития (1991 - 2004 гг): Автореф. дис. на соискание наук. степени доктора истор. наук: спец. 07.00.01 - история Украины. - Д., 2007. - 36 с.
2. Постановление Кабинета Министров Украины N 1062 от 25.07.2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kmu.gov.ua/sport/control/uk/publish/article?art>
3. Грабовская С. Состояние гражданского общества в Украине: межрегиональный срез и Львовщина. - М.: ГПД, 2007. - 96 с.
4. Земба М. Элементы персонального управления в неправительственных организациях. - М.: Общество Льва, 1998. - С. 3-21.
5. Ласоцик С. Несколько замечаний о роли неправительственных организаций в демократическом государстве. - М.: Общество Льва - 1999. - 11 с.

НАНОНАУКА И ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

Я.С. ЯСКЕВИЧ

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

Особую актуальность сегодня приобретает создание на национальном уровне корпоративной структуры, отвечающей за развитие важнейшего фактора VI технологического уклада – нанотехнологий, формирование национального инновационного пространства на основе системного подхода, использование в качестве теоретической прогрессивной структурной трансформации экономики страны парадигмы долгосрочного технико-экономического развития [1, 9].

В XXI столетии резко возрастает интерес к нанонауке и нанотехнологиям, направленным на решение самых разнообразных проблем в промышленной, военной, медицинской и других сферах, определяющих футурологические проекты развития современного человечества. Вместе с тем происходящая «нанотехнологическая революция» возмещает собой не только радикальное изменение наших представлений о мире, открытие находящихся между квантовой механикой и макромиром новых явлений, но и требует социально-гуманитарной и этической оценки последствий и рисков от внедрения и использования нанотехнологий, вмешательства в тончайшие природные наноструктуры, подобные нейронным процессам головного мозга, проникновения наночастиц в клеточные мембраны, легкие, бронхи, попадания их в человеческий организм. Нанонаука, нанотехнологии, внося новое измерение и понимание современного мира, обуславливают своего рода социальный заказ на разработку особой междисциплинарной области исследования – наноэтики, направленной на

осмысление дискуссионных проблем, порождаемых новейшими достижениями нанонауки и нанотехнологиями, поиском и обоснованием морально-этических принципов и регулятивов nanoисследований, оценкой социальных последствий практического внедрения и использования нанотехнологий [2, 144].

Нанонаука (nanoscience: nanos - с греческого «карлик», «гном»; science - с английского «наука», «система знаний») - новая отрасль науки и производства, изучающая физические, физико-химические, биологические, фармакологические, токсикологические свойства наночастиц размером до 100 нм, возможность их синтеза с помощью современных нанотехнологий и применения в различных отраслях народного хозяйства, медицины, фармации. Нанонауки включают такие различные направления, как нанотехнологии, наноэлектроника, нанофизика, нанохимия, нанобиотехнологии, наномедицина, нанофармакология, нанофармация и др.

Тенденции развития нанонауки отражены в перечне приоритетных направлений фундаментальных и прикладных научных исследований Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы, утвержденном Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19.04.2010 № 585.

Экономический эффект и вместе с тем влияние нанотехнологий на основные социальные сферы представляется фантастическим. Как наукоемкая отрасль производства, нанотехнологии требуют малого количества затрат энергии, материалов, производственных и складских помещений. По отношению к объемным материалам того же химического состава наноматериалы демонстрируют многие кардинально отличные свойства, что обусловлено эффектами многократного увеличения доли поверхности нанозерен и нанокластеров (до сотен квадратных метров на грамм). С этими закономерностями связаны новые свойства многих конструкционных и неорганических материалов. Нанотехника – машины, механизмы, приборы, устройства, созданные с использованием новых свойств и функциональных возможностей систем при переходе к наномасштабам обладают ранее недостижимыми массогабаритными и энергетическими показателями, технико-экономическими параметрами и функциональными возможностями. Как утверждают эксперты, нанотехнологии стали важным направлением технологического развития лидирующих держав XXI века [3, 6]. В качестве приоритетных национальных задач эти принципиально новые технологии создают мощный импульс для развития других отраслей промышленности по пути существенного увеличения характеристик и миниатюризации изделий. В *военно-промышленном комплексе* на базе нанотехнологий создаются наноустройства в системах управления военной техникой, нанопокрывтия для военной техники, и вместе с тем нанотехнологии дают возможность для создания мощных миниатюрных взрывных устройств, разрушения макроустройств с наноуровня и т.п., что еще раз напоминает о необходимости этической экспертизы при использовании нанотехнологий. В *информационной сфере* нанотехнологии, олицетворяя синтез V (информационного) и VI (нанотехнологий) укладов экономики, направлены на создание нанокомпьютеров, квантовых компьютеров, информационных сетевых структур, наноустройств для хранения информации, наносистемного моделирования искусственного интеллекта и роботов, нейроэлектрических интерфейсов и устройств, позволяющих соединить компьютеры с нервной системой. С точки зрения *экологической безопасности* нанотехнологии могут использоваться для контроля над состоянием окружающей среды, при формировании «безотходного» общества в случае

отказа от производств, связанных с большим объемом отходов, их замене на так называемые «зеленые» технологии; рационализации производственных процессов, позволяющих выпускать более легкие и мелкие изделия, что позволяет снизить расходы материалов и энергии. В сфере потребления, как социально-значимой области постиндустриального общества, воплощение нанотехнологий уже проявило себя по отношению к потребителю через продукты питания, бытовой техники, текстильной продукции, косметику, строительные материалы, бытовую химию, товары для спорта и т.д. И здесь остро встает вопрос о синергетическом «проигрывании» и построении возможных сценариев и последствий использования товаров на основе нанотехнологий, этического и гуманитарного регулирования этим процессом.

Не случайно сегодня чрезвычайно актуальной проблемой является *разработка механизмов взаимосвязи и взаимоадаптации природных и создающихся человеком искусственных наносистем в биомедицине и генетике, обоснование гуманистических стратегий их безопасного использования.* Лежащий в основе современного производства специфический, отраслевой характер современных технологий является одной из причин противоречий, возникающих между антропогенной техносферой и природной средой. Между тем отраслевые технологии представляют собой модели тех или иных отдельно взятых природных процессов, воспроизведенных в искусственных условиях с целью получения определенных продуктов. При этом важно иметь в виду, что *отраслевые технологии избирательно воспроизводят только те компоненты природных процессов, которые непосредственно необходимы для получения соответствующих продуктов.* Другие же составляющие, которые обеспечивают взаимодействие природных явлений и техносферы, гармоничность и сбалансированность природной и искусственно созданной систем, в целом игнорируются. В результате *техногенные механизмы приводят к нарушению экологического равновесия и оказывают разрушительное воздействие на природную среду.* Беспрецедентное развитие современного производства усиливает это воздействие, а характер возникающих последствий приобретает угрожающие масштабы. Это свидетельствует о необходимости создания *новой, гармонизированной с природной средой техносферы, воспроизведения объектов и явлений живой природы в объектах техники и технологических процессов.* Такая задача может быть решена на базе кооперации экономики, политики, методологий nano-, био-, информационных технологий с подходами и методами когнитивных наук и технологий, что открывает возможности адекватного воспроизведения систем и процессов живой природы, формирования *инновационной техносферы как органической части природы.*

Все более актуальной проблемой сегодня становится организация гуманитарной экспертизы в области разработки инновационных проектов, оценки последствий использования нанотехнологий [2, 144]. Здесь важен принцип опережающего реагирования или принцип предосторожности, предусматривающий при гуманитарной экспертизе стремиться выработать взвешенную оценку воздействия разного рода инноваций (промышленных, сельскохозяйственных, социальных нанотехнологий) на окружающую среду, человека, его физиологическую, эмоциональную, психологическую и духовно-нравственную конституцию. Задача гуманитарной экспертизы – выявление и оценка как позитивных эффектов новых технологий, так и возможных негативных последствий их применения.

Таким образом, усилия ученых в области нанонауки должны быть обращены не только на изучение экономического эффекта от использования нанотехнологий, разработку инновационных технологий получения наноматериалов, углубленное изучение физических, физико-химических, квантово-химических, физиологических, биохимических, фармакотоксических, молекулярных свойств и механизмов действия новых наноматериалов и нанопрепаратов, но и на изучение их возможного побочного влияния на организм и окружающую среду, необходимость этической экспертизы проводимых междисциплинарных исследований и использования нанотехнологий, чтобы не потерять контроль над последствиями своей деятельности.

Список цитированных источников

1. Шимов В.Н. Направления структурной трансформации промышленного комплекса страны в контексте мировых тенденций//Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – Минск: БГЭУ, 2010.– с.3-10.

2. Яскевич Я.С. Политический риск и психология власти. Минск: Право и экономика, 2011.– 298 с.

3. Концепция развития и освоения нанотехнологий и наноматериалов в Республике Беларусь. Проект. [Электронный ресурс]. Код доступа: http://www.bsuir.by/m/12_100229_1_68697.pdf. Дата доступа: 6.09.2012

